

Институт истории Академии наук Татарстана
Казанский государственный университет
Казанский Совет народных депутатов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАЗАНЬ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

**Материалы Международной научной конференции
Казань, 1-3 июня 1999 года**

Казань — 2000

ББК
С

Редколлегия: **К.Ш.Исхаков, Р.С.Хакимов, М.А.Усманов,**
Ф.Ш.Хузин (ответственный редактор),
Р.Р.Хайрутдинов (ответственный за выпуск)

**С Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы
Международной научной конференции. Казань, 1-3 июня 1999 года.**
/ Редколлегия: Ф.Ш.Хузин и др. — Казань: Изд-во “Мастер-Лайн”, 2000.
— 294 с.

ISBN

© Институт истории АНТ, 2000
© Казанский Совет народных депутатов, 2000

ВЫСТУПЛЕНИЕ МЭРА ГОРОДА КАЗАНИ КАМИЛЯ ИСХАКОВА НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые дамы и господа,
участники и гости конференции!

Рад приветствовать вас от имени Казанского Совета народных депутатов, администрации города и поблагодарить вас за то, что вы приняли наше приглашение и приехали в наш древний город на столь знаменательное для Казани событие — Международную научную конференцию “Средневековая Казань: возникновение и развитие”.

Судьба нашего города сложилась так, что ранняя история Казани — города, стоящего на месте слияния рек Волги и Казанки, на Великом Волжском пути — всегда вызывала огромный интерес среди ученых и одновременно противоречивые суждения по поводу времени его возникновения. Причиной тому — драматичная история Казани, неоднократно завоеванной, страдавшей от многочисленных пожаров и народных волнений, в результате которых погибали древние архивы с их бесценными историческими документами, разрушались памятники материальной и духовной культуры народа.

С сожалением приходится констатировать, что практически весь дорусский период истории нашего города является белым пятном, и такие фундаментальные вопросы, как время основания города, вехи его ранней истории изучены до сих пор недостаточно.

Любопытно, что Городская Дума поднимала этот вопрос еще 100 лет тому назад, в 1894 году, и писала прошение ученым Казанского университета о степени обоснованности празднования 500-летия г.Казани. Поводом для этого послужила появившаяся в одной из местных газет (в “Волжском вестнике”) заметка, где содержалось утверждение о том, что “в 1394 году ... основан был город Казань на нынешнем месте его”.

Городской голова сделал запрос в Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете о подтверждении справедливости этого сообщения путем проверки его историческими данными. В ответ господином председателем упомянутого Общества было сообщено следующее: “В исторических источниках нет указания на время возникновения поселения на месте, занимаемом современною нам Казанью, и поэтому выяснить момент основания Казани нет возможности; несомненно лишь одно, что Казань в настоящее время имеет уже значительно более 500 лет”. И постановлено: “Ввиду невыясненности вопроса о

времени основания Казани ходатайства о разрешении празднования юбилея не возбуждать”. Вот такое мудрое решение приняли тогда ученые города и городские власти.

К этому вопросу вновь вернулись лишь спустя более 80 лет. В ноябре 1976 года Татарский областной комитет КПСС обратился с письмом в Центральный Комитет КПСС с ходатайством о разрешении проведения в июне 1977 года праздничного мероприятия, посвященного 800-летию города Казани. Обращение основывалось на утверждении ряда казанских ученых под руководством известного археолога, профессора Альфреда Хасановича Халикова.

Но и в этот раз мнение о возрасте Казани, основанное в первую очередь на литературном произведении под названием “Казанская история” времен Ивана Грозного, не нашло поддержки в широких научных кругах. Центральный Комитет КПСС, сославшись на заключение Академии наук СССР, проинформировал Татарский обком партии, что “дата основания г.Казани пока точно не определена и ... в связи с этим полагали бы целесообразным в настоящее время данный вопрос не рассматривать”.

Одновременно татарским ученым было высказано ряд рекомендаций и пожеланий. Наиболее ярко это было озвучено академиком Б.А.Рыбаковым, тогдашним директором Института археологии АН СССР, который посоветовал не опираться на исторические вымыслы времен Ивана Грозного, а пойти по другому пути. “В отдельных случаях, когда отсутствуют достоверные письменные источники, — писал он в своем заключении, — допустимо определять дату основания города по результатам археологических раскоп. Для этой цели необходимо прежде всего вскрыть укрепления города и определить дату их постройки. Тщательно изучить культурный слой города и связать его с городскими укреплениями”.

Изменились времена, изменился сам подход к проблеме.

Может быть, для нас даже хорошо, что предыдущие попытки выяснить действительный возраст Казани оказались несостоятельными. Основательный научный спор, многолетние дискуссии, высказанные справедливые замечания послужили тому, что сегодня ученые нашего города, в первую очередь археологи, пришли к этой итоговой конференции, накопив обширный доказательный материал. И выяснили, к нашему, а главное к своему удивлению, что история Казани насчитывает не 500 и даже не 800 лет, что корни булгарского поселения на месте современной Казани теряются в тысячелетней глубине истории.

Нами с помощью казанских ученых из Института истории Академии наук Татарстана и Казанского государственного университета при самом активном участии специалистов многих зарубежных стран были развернуты широкомасштабные работы по поиску материалов по истории города и всего Поволжья.

Большая и плодотворная работа при помощи присутствующих здесь немецких ученых проведена в Германии, Италии и Ватикане. В результате уточ-

нялись имена христианских миссионеров, работавших на нашей земле, маршруты торговых путей средневековья, немаловажным пунктом которых был город Казань.

Исследования стеклянных бус из раскопов Казанского Кремля, выполненные присутствующим здесь представителем Швеции профессором Юханом Каллмером, способствовали установлению времени возникновения древнего поселения на месте современной Казани.

Особую признательность хочу выразить чешским ученым, особенно доктору Ярмиле Хасковой из Национального музея Чехии и профессору Йиржи Сламе из Карлова университета, которые, к сожалению, не смогли приехать на этот форум. Проведенные ими и их коллегами исследования древнечешской монеты прояснили ряд принципиальных моментов не только ранней истории Казани, но и дополнили сведения по истории денежного обращения Чехии, торговых и культурных связей Центральной Европы со Средним Поволжьем.

Здесь присутствуют ученые Венгрии, наши давние друзья и коллеги, внесшие не меньший вклад в заполнение “белых пятен” истории нашего города и региона. Их сотрудничество с казанскими исследователями — историковедцами и археологами — позволило приоткрыть многие тайны нашей общей истории.

Мы признательны ученым Египта, благодаря которым выявлены новые материалы по средневековой истории Татарстана и татарского народа, а также уточнено происхождение саманидского дирхема X века, обнаруженного в ходе раскопок в Казанском Кремле. Эта работа проведена присутствующими здесь профессорами Каирского университета “Айн Шамс” Мохаммадом Гамаледдином и Аделем Совеламом.

Отдельная благодарность исследователям и гостям из Турции, чья кропотливая исследовательская деятельность, искренняя и бескорыстная помощь работавшим в Турции татарстанским ученым привели к выявлению в библиотеках и архивах городов Турции новых письменных памятников, относящихся к домонгольской истории Среднего Поволжья. Наличие этих памятников, по мнению специалистов, является еще одним аргументом, указывающим на богатую городскую культуру Среднего Поволжья того времени. Результаты работ в Турции и Египте обрели и реальное содержание в виде недавно опубликованных каталогов рукописей и многотомного издания “Энциклопедии Ислама”, которую позвольте преподнести в дар Научной библиотеке КГУ.

Значительный вклад в изучение истории нашего региона в связи с историей своих стран внесли ученые Азербайджана, Украины и Узбекистана, которые, судя по программе настоящей конференции, приехали к нам с интересными докладами, содержащими новые сведения по истории Казани, торговых и культурных связей татарского народа с различными регионами Восточной Европы, Средней Азии и Кавказа.

Отдельно следует отметить вклад российских исследователей в изучение средневековой истории Казани. Наши археологи очень часто обращались за консультациями к своим коллегам из Института археологии и Института востоковедения РАН, Московского государственного университета и Российского исторического музея. Плодотворным оказалось сотрудничество с профессорами Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым, Валентином Васильевичем Седовым, Ростиславом Борисовичем Рыбаковым, Дмитрием Дмитриевичем Васильевым, Аллой Сергеевной Мельниковой и многими другими. Сердечная благодарность министру культуры Российской Федерации Владимиру Константиновичу Егорову, ранее находящемуся на должности директора Государственной библиотеки. Под его непосредственным руководством большой коллектив крупнейшей российской библиотеки несколько лет тому назад начал подборку материалов по истории Казани и продолжает эту работу по сей день.

Отдельная благодарность и наша признательность профессорам из Санкт-Петербурга — тюркологу Сергею Григорьевичу Кляшторному, арабисту Анасу Бакиевичу Халидову, археологам Анатолию Николаевичу Кирпичникову и Евгению Николаевичу Носову, чье постоянное участие в проводимых в Казани научных конференциях, симпозиумах и рабочих совещаниях позволило выработать методику и методологию исследований, возможные пути решения многих научных проблем, связанных с определением даты основания нашего города.

Во главе всей проводимой работы находятся уважаемые ученые с мировым именем и высочайшие профессионалы: президент Академии наук Татарстана Мансур Хасанович Хасанов, академик Миркасыйм Абдулахатович Усманов, директор Института истории Рафаиль Сибгатович Хакимов, наш известный, особенно теперь в Чехии и Венгрии, археолог Фаяз Шарипович Хузин. Именно под их научным руководством и опекой осуществлялась и осуществляется вся научно-исследовательская работа, как в республике, так и за ее пределами — ближнем и весьма дальнем зарубежье.

Многие материалы и полученные на основе их изучения выводы ученых лягут в основу учебников по истории Казани и родного края, научно-популярной литературы, документальных фильмов. Ценнейшие документы, обнаруженные и привезенные в Казань нашими исследователями, будут переданы в музеи, архивы и библиотеки.

Мы, городские власти, не вправе давать оценку научным исследованиям. Это дело историков, а не чиновников. Но сегодня мы обращаемся к вам — консилиуму наиболее именитых российских и зарубежных ученых — с просьбой от имени всех жителей нашего прекрасного города, от имени граждан Республики Татарстан выслушать все аргументы наших ученых и дать нам квалифицированное заключение о возрасте Казани.

Разрешите пожелать участникам конференции плодотворной работы. Желаю всем здоровья и хорошего пребывания в нашем городе.

Вадим Массон
Санкт-Петербург

УРБАНИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ

Наиболее общая характеристика города определяет его как место концентрации населения, производственного, культурного и интеллектуального потенциала. Количественные параметры пределов концентрации различны для различной природно-хозяйственной ситуации. Например, для Ближнего Востока с его большой плотностью населения, обеспечиваемой системой высокопродуктивного поливного земледелия, исследователи оценивают эти параметры в 5000 человек, тогда как для других зон они гораздо менее значительны. По существу не эти, во многом внешние, показатели наиболее существенны для определения значимости населенных пунктов, а специфика выполняемых ими функций. Во многом базовой для города и генетически наиболее ранней является функция центра сельскохозяйственной округа, по отношению к которой город выполняет регулятивные функции. К числу других функций центров городского типа относятся торговая, ремесленная, военно-административная, функция идеологического лидерства. Набор функций может быть различен, что определяет возможности типологии поселений городского типа. В обществах различного типа функция центра сельскохозяйственной округа часто отступает на второй план и мы порой имеем дело с торговыми или военно-административными центрами. Морфологическими признаками городов являются скупленная застройка и высотная архитектура. Монументальные престижные здания, будь то храмы, дворцы или, в эпоху постиндустриального общества, небоскребы для офисов ведущих компаний символизируют не только большие возможности городских центров по концентрации организованного труда, но и их лидерство в окружающем социальном пространстве.

Обычно значительное внимание уделяется количественным параметрам урбанизации, будь то размеры поселений городских центров или количество городов по отношению к основной массе поселений. Вместе с тем урбанизацию можно рассматривать и как определенный культурный процесс. При этом следует иметь в виду, что изучение урбанизации как культурного процесса в значительной мере лежит в информационном поле археологической науки.

Формирование и развитие городов вызвало к жизни целый комплекс культурных, социальных и психологических изменений, которые в целом и определяют саму урбанизацию.

Важнейшим проявлением процесса урбанизации стали градостроительная деятельность, положившая начало, в отличие от архаических обществ, собственно архитектуре, утверждение стереотипов нового образа жизни и изменение сонно- психологического контекста. Возникнув как концентрация пассионарности (Н.Гумилев), город стимулирует различные виды активности, в том числе предпринимательскую деятельность. Складывается особый психологический тип предпринимателя, особенно характерный для западных цивилизаций, происходит актуализация ценностных ориентаций этого типа личности. Резкое усиление получили тенденции к стандартизации культуры и процессы культурной интеграции. Это способствовало аккумуляции и культурной ассимиляции в тех случаях (а они особенно многочисленны), когда города развивались как полиэтнические центры. В общей форме можно говорить о двух основных фазах урбанизации для эпохи до формирования постиндустриального общества. На первой фазе налицо накопление в крупных центрах культурного и экономического потенциала. Во второй фазе происходит приобщение к городской культуре сельского населения — так называемая “культурная ассимиляция”.

Для средневекового Поволжья особое значение имело формирование в домонгольскую эпоху Булгарского государства, ставшего в Восточной Европе вторым мощным центром урбанизационных процессов после Древней Руси. Исследователи отмечают в материальной культуре Волжской Булгарии два основных компонента: булгарско-салтовский, связанный с районами Северного Кавказа, Подонья и Нижнего Поволжья, и прикамско-приуральский. Для урбанизации особое значение играли процессы, протекавшие в рамках этого второго компонента и сложившиеся здесь традиции и установившиеся тенденции.

В этом отношении можно говорить о *первом предурбанизационном периоде*, относящемся, по крайней мере, к I-VII векам нашей эры. Истоки формирования земледельческо-скотоводческой экономики, как необходимой основы любого дальнейшего культурного и производственного прогресса, уходят в эпоху палеометалла, в пору бытования культурных комплексов абашевского и срубного типа и других близкородственных образований, в частности, приказанской культуры, выделению которой во многом способствовали усилия А.Х.Халикова. Важные процессы, ведущие общество по пути урбанизации, протекали в пору существования в VIII-III веках до нашей эры ананьинской культуры. На сложную военно-политическую ситуацию этого времени указывают захоронения отдельных черепов, распространение кенотафов и особенно большое внимание к укреплению населенных центров. Располагаясь на высоких мысах, они обычно имеют с напольной стороны ров и палисад, четко представляя функцию убежища. Намечается даже определенная система расселения, когда рядом с такими усиленными оборонительными сооружениями центрами располагаются рядовые селища. Важнейшим исходным пластом раннебулгарской урбанизации можно счи-

тать именьковскую культуру V-VII веков нашей эры. Центры, сосредоточенные в зоне черноземных почв, активно развивали пахотное земледелие и высокопродуктивное скотоводство, что создавало надежную основу экономического развития. Концентрация населения в крупных центрах с отчетливо выраженными функциями убежищ достигает значительных масштабов. Налицо предпосылки к активному развитию торговой функции в местном обществе. Довольно многочисленны находки сасанидских монет V-VII веков в именьковском контексте. Сасанидская весовая система легла в основу местных латунных слитков.

Все это создало надежную базу для расцвета урбанизации во *втором периоде*, в пору домонгольской Волжской Булгарии. Даже внешние количественные параметры урбанизации для этого периода весьма впечатляющи. Основные центры Волжской Булгарии Биляр-Великий город, Сувар, Булгар сосредотачивали в своих пределах значительное население. Прimitивные палисады сменила фундаментальная фортификация, стены из дубовых бревен дополнительно усиливались башнями. Известны многие десятки городищ булгарского времени. Некоторые из них имели в пределах укрепленного обвода монументальную резиденцию, и ремесленные мастерские явно развивались по урбанистическому пути. Возможно, некоторые из них именовались городками — “шахрак”, если использовать терминологию анонимного автора географического сочинения “Худуд ал-алем”. Исследователям Татарстана предстоит еще важная работа по уточнению типологии памятников этого времени и изучению систем расселения.

Превосходно представлена ремесленная функция этих городских центров. Становление городского образа жизни сопровождалось ростом благосостояния и потребностей потребительского спроса, которые стимулировали развитие соответствующих производств, концентрирующихся в городских центрах. Это были и керамическое производство, и кузнечное производство, и ювелирное дело. Получает развитие местное стеклоделие. Его не без основания именуют элитным производством, учитывая круг состоятельных потребителей этой дорогостоящей продукции.

Мощным стимулом развития урбанизации стала международная торговля, список товаров которой приводят многие письменные источники. Многочисленные находки частей весов и самих гирек свидетельствуют, что товарно-денежные отношения проникают и в сферу внутреннего товарооборота. Поток серебряной монеты восточного чекана, судя по всему, обеспечивал и такую функцию денег, как средство платежа. Появляются местные подражания куфическим диргемам. Два города, Сувар и Булгар, чеканят собственную монету, что, помимо обеспечения торговых потребностей, было важной прерогативой политической значимости и самоутверждения булгарской государственности. С развитием городского образа жизни связаны и мероприятия по городскому благоустройству. Улицы, имевшие в ширину до 4 и более метров, имели бревенчатые мостовые, керамические

трубы обеспечивали водоснабжение и дренажную систему. Устраиваются специальные городские бани.

В связи с процессом урбанизации второго, волжско-булгарского, периода необходимо отметить еще два обстоятельства.

Первое — это развитие городов, как полиэтнических структур — явление, вполне обычное для городских центров открытых обществ. Активное развитие торговли и ремесленной функции стимулировало привлечение инициативных иноземных торговцев и искусных ремесленников. Функции политических центров могли вести к тому, что властные структуры формировали воинские контингенты из наемников подобно тому, как это мы видим в государстве Саманидов в лице тюркских гулямов-преторианцев. В отсутствии паспортного режима могли действовать и другие факторы. Не были в этом отношении исключением и булгарские города. Здесь имелись и кварталы славянских ремесленников, и, судя по наличию армянской церкви, армянская диаспора.

Второе обстоятельство связано с распространением ислама. Вполне вероятно, что его стимулировало стремление Волжской Булгарии идеологически противостоять Хазарскому каганату, доминировавшему политически в это время в данном регионе. Возможно, правы исследователи, видящие в этом значительную роль Саманидов, поощрявших миссионерскую деятельность на своих северных рубежах. Но как бы то ни было, городской образ жизни теперь развивался в условиях ориентации массовой идеологии на исламские приоритеты. В этих условиях традиционные восточные торговые связи и популярность восточных эталонов материальной культуры, включая керамику с зеленой и полихромной поливой, сливаются теперь в единый поток. Как и на Руси, монументальная архитектура в значительной мере становится культовой. Безусловно, все это сказалось и на менталитете городского населения, и на процессах культурной интеграции.

Общим эталоном урбанизации следовали и менее значительные центры. Таким центром в Предкамье становится Казань, где археологами выявлен бесспорный культурный комплекс домонгольского времени. Расположение первоначального центра на крутом мысу как бы продолжает древнюю традицию локализации укрепленных пунктов, а наличие бревенчатой мостовой подчеркивает стремление следовать канонам благоустроенного городского быта.

Наконец, *третий период* в развитии поволжской урбанизации можно именовать золотоордынским. На рубеже двух периодов лежит жесточайший монгольский погром, коль скоро в военную доктрину Чингиз-хана и его наследников входила “стратегия устрашения”. Вместе с тем, полного уничтожения оседлого населения и урбанистических традиций не происходит, и Булгар даже на короткое время становится столичным центром Золотой Орды. Однако затем на Волге были возведены новые городские центры, в полной мере отразившие космополитический размах культурной ин-

теграции, патронируемой новой правящей элитой. Мусульманские эталоны дополняются прямым привнесением культурных стандартов и эталонов, часто мало модифицированных из областей Средней Азии, в первую очередь, Хорезма, входившего долгое время в одну политическую систему. Достаточно ярко представлено и значение городов как полиэтнических структур. Все это в полной мере проявляется в городских центрах Волжской Булгарии. Монументальная архитектура исламского круга в виде мечетей и мавзолеев корреспондирует с каменными надгробными плитами. Растет и благоустройство городских центров, главные артерии которых теперь покрывают каменные мостовые. Считается, что в Булгаре в XIII-XIV веках имелось около 50 тысяч жителей. Процветали различные ремесла, в первую очередь, гончарное, металлургическое и ювелирное.

Вместе с тем, при общности процессов урбанизации как явления, изучаемого культурологией, показательно и различие сугубо традиционных городских центров и новоделов, вознесенных на вершину славы волей золотоордынских владык. Изменение политической ситуации и военные события приводят к тому, что после разгрома Тимура нижневолжские центры Золотой Орды запустевают и забрасываются. Совершенно прав Г.А.Федоров-Давыдов, который писал, что при этом проявилась их искусственность, историческая непрочность и бесперспективность. Иное дело городские центры Предкамья, Северного и Южного Предволжья, где истоки процессов урбанизации имели давние и прочные традиции, уходящие вглубь веков. Развитие здесь успешно продолжается. Политические судьбы выносят на первое место в Предкамье Казань, которая становится центром Казанского ханства — одного из наследников политической системы Золотой Орды.

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ

До недавнего времени ранние этапы истории города Казани оставались недостаточно изученными в силу скудости исторических источников. Известно, что в письменных источниках Казань впервые упоминается лишь со второй половины XIV в. Достоверность сведений “Казанской истории” — художественно-публицистического сочинения неизвестного автора второй половины XVI в., некоторые списки которого содержат дату основания города во второй половине XII в. (1172 или 1177 гг.) — не доказана, и большинство ученых вполне обоснованно считает некорректным оперировать приведенными в нем сведениями при обосновании возраста Казани. Однако, в последние годы исследование проблем ранней Казани продвинулось заметно вперед благодаря планомерным и целенаправленным археологическим раскопкам, проводимым сотрудниками Института истории Академии наук Татарстана и Казанского государственного университета на средства Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника “Казанский Кремль” и Администрации города.

Основные раскопы экспедиции были сосредоточены в северной половине Кремля, где еще в 1970-х годах работами А.Х.Халикова, Л.С.Шавохина и А.Г.Мухамадиева, были выявлены древнейшие напластования культурного слоя, давшие небольшой вещевой материал домонгольского времени. В 1994-1998 гг. здесь нами было заложено 12 раскопов общей площадью более 3000 кв.м. (см. рис.1). В результате накоплен значительный фонд археологических источников, который дает нам основание вновь поставить на повестку дня проблему возникновения города, на более солидной источниковой базе подойти к решению вопроса о возрасте Казани.

Стоит ли лишний раз напоминать всю сложность решения данной проблемы? Понятно, что первым и главнейшим условием археологического доказательства времени возникновения любого средневекового города (или поселения) является выделение в общих напластованиях культурного слоя древнейшего горизонта (слоя) и правильная его датировка. Однако, этого недостаточно, необходимо выполнить следующее обязательное условие — выявить оборонительные укрепления, синхронные древнему поселению. В условиях Казанского Кремля достижение намеченных целей чрезвычайно осложняется тем, что его территория в течение ряда столетий, вплоть до современности, являлась очень плотно застроенной частью города. С давних времен шло тут оживленное строительство: возводились крепостные

стены и башни, административные и культовые здания, жилые дома и хозяйственные постройки. При этом, естественно, поздние сооружения нарушали более ранние, болгарские слои местами полностью уничтожались, вещи многократно перемешивались. Это обстоятельство сильно затрудняло работу археологов. Тем не менее, ранние слои города были выявлены, обнаружены в них соответствующие находки и сооружения, в том числе и оборонительного характера. И тут перед исследователями возникла другая проблема — проблема определения социального статуса первоначального поселения, хронологического соотношения выявленных оборонительных сооружений с культурным слоем, поиска следов ремесленной и торговой деятельности населения и др. В процессе своих исследований мы постарались найти подходы к решению всех этих проблем. Ниже я постараюсь изложить основные выводы, к которым мы пришли в результате анализа новых археологических материалов из ранних напластований Казанского Кремля. За более подробными сведениями заинтересованный читатель может обратиться к недавно увидевшим свет книгам, в которых опубликованы наши материалы [1; 2].

В последние годы нами была подтверждена и уточнена стратиграфическая шкала культурного слоя, созданная еще в 1970-х годах А.Х.Халиковым. Согласно этой шкале, культурные отложения Кремля, имеющие мощность от 3 до 8 и более метров на разных участках, делится на 5 разновременных слоев, нижний из которых, V, самый ранний, накоплен в домонгольское время. По составу грунта — это гумусированная серая супесь с мелкими углистыми вкраплениями, подстилающаяся погребенной почвой в виде подзола. В основании слоя прослеживается тонкая углистая прослойка, оставшаяся от выжигания растительности в самый начальный период освоения булгарами территории современного Кремлевского холма. Мощность слоя небольшая — от 5 до 20, местами до 25 см вне объектов. Относительно слабо насыщен находками и сооружениями. По содержанию он близок к раннему, VI слою Болгарского городища.

Небольшая мощность V слоя требует своего объяснения. Очевидно, что в это время раннее поселение на высоком, естественно укрепленном мысу между Казанкой и Булаком, выполнял лишь роль военно-оборонительного пункта, своеобразного убежища для основного населения, проживающего в пригороде или посаде, следы которого также были выявлены нашей экспедицией в восточной, низменной части Кремля, за пределами древних укреплений. Скажу вдобавок, что Казанский Кремль с небольшой мощностью ранних отложений — не единственный памятник такого рода в болгарской археологии. Городища Кирмень, Кашан, известные по русским летописям и татарским преданиям как цветущие города, подвергавшиеся неоднократно нападениям ушкунников, и некоторые другие, также имеют незначительный культурный слой. По-видимому, характером поселения обусловлено и небольшое количество сооружений из V слоя — всего около двух

десятков хозяйственных построек и ям, несколько жилищ (следует всегда иметь в виду, конечно, сильную нарушенность слоев).

Переходя к вопросу о времени отложения древнейшего слоя этого памятника, хочу заметить, что домонгольский возраст его практически ни у кого из исследователей сомнений не вызывает. Находки этого времени отмечали в своих работах все археологи, работавшие в разные годы на территории Кремля: Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков, Л.С.Шавохин, А.Г.Мухамадиев. Некоторые из таких находок — образцы гончарной посуды, шиферные пряслица, железные наконечники стрел, стеклянный браслет киевского производства и пр. — были опубликованы еще А.Х.Халиковым [3]. Раскопки 1990-х годов значительно дополнили список датирующих предметов. Наиболее выразительные из них также опубликованы в упоминавшихся мною выше сборниках. Кроме того, сегодня вашему вниманию будут предложены доклады Т.А.Хлебниковой об архаичной лепной и гончарной керамике, Й.Каллмера и С.И.Валиуллиной о ранних бусах из V слоя Кремля. Поэтому я ограничусь лишь перечислением тех находок, которые легли в основу наших хронологических построений. Это достаточно представительная серия глиняной посуды домонгольского времени, в особенности группа лепной керамики салтово-маяцких истоков, бытовавшей преимущественно в X в. и вышедшей из употребления к началу XI в.; два бронзовых браслета с утолщенными концами и циркульным орнаментом на поверхности; грушевидная подвеска-бубенчик с рельефным орнаментом; бронзовая пряжка с овальной рамкой и слегка расширяющимся книзу подпрямоугольным щитком, имеющим фигурный конец; бронзовая же с позолотой накладка на ремень конской сбруи, т.н. венгерского типа (об аналогиях см. ниже статью И.Фодора); более десятка стеклянных и каменных бус, железных наконечников стрел, шиферные пряслица и т.д.

Нумизматические находки представлены арабским дирхемом первой четверти X в. (см. об этом ниже статью А.Совелама) и древнечешским денарием князя Вацлава, пражской чеканки 929/930 гг. (по определению Я.Хасковой).

Большинство из перечисленных находок хронологически относятся к IX-X вв., самая поздняя их дата — конец X - начало XI вв.

Недавно у нас появилось несколько дат, полученных методами естественных наук.

Термолюминисцентный анализ фрагментов керамики, проведенный профессором Й.Ридерером в Ратген-лаборатории Государственного музея Берлина (Rathgen-Forschungslabor, Staatliche Museen zu Berlin), показал следующие результаты: фрагмент лепной керамики салтово-маяцкого типа из V слоя (раскоп II, участок С/12, гл. 280 см), перекрывающего подошву земляного вала, имеет дату 951 ± 155 гг.; фрагмент венчика гончарного красноглиняного сосуда из того же раскопа (уч. Ж-3/15, гл. 240 см) — 888 ± 125 гг.; еще один фрагмент гончарного сосуда из V слоя раскопа III (уч. Б/

2, гл.260 см) — 1021 ± 145 гг.; последний образец в виде гончарной керамики из смешанно вскрытого IV-V слоев (раскоп XIII, уч. В/3, гл. 210 см) — 1261 ± 102 гг.

Не менее интересны первые результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из древнейшего слоя Кремля, полученные в лаборатории Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Образец № 1 (Ле-5564), взятый из древнейшего слоя, перекрытого строительным мусором каменной стены (раскоп XX, участок Б/4, гл. 180 см), дает дату 1145 ± 25 BP (лет тому назад); образец № 2 (Ле-5565) из аналогичного слоя (раскоп XVIII, участок А/8, гл. 125 см) датирован 1010 ± 25 BP (лет тому назад). Приведенные даты в целом не противоречат археологическим, хотя в ряде случаев показывают более древний возраст V слоя.

Археологические даты разновременных слоев стратиграфической шкалы Кремля подтверждаются также спорово-пыльцевым анализом почвы, произведенным сотрудниками кафедры ботаники Казанского государственного университета под руководством доцента В.Т.Шаландиной (см. об этом ниже статью К.В.Николаевой и Г.И.Кашаповой).

На основании приведенных выше дат время возникновения булгарского поселения на Кремлевском холме нами определяется в пределах конца X-начала XI вв. Для более ранней датировки материалов недостаточно.

Вновь вернемся к нашим находкам из древнего слоя и проанализируем их с точки зрения характеристики социального облика Казанского поселения в домонгольское время. Керамический комплекс свидетельствует о разноэтничном составе населения: преобладает булгарская керамика, в относительно небольшом количестве присутствует керамика (XVI группа по классификации Т.А.Хлебниковой) и некоторые типы украшений поволжских финнов, а также керамика угорского населения Приуралья (V, VII, VIII, XVII группы) и древнерусская. Обращает на себя внимание полное отсутствие среди находок из раннего слоя вещей, связанных с сельским хозяйством, что может свидетельствовать о неаграрном характере поселения. Достаточно представительны предметы вооружения: более трех десятков (с учетом находок 1999 г.) наконечников стрел, колчаный крючок и пр. Значительная часть предметов, относящихся к категории привозных, указывает на торговую деятельность населения [см. более подробно: 4].

На последний момент хочется обратить особое внимание. Как известно, еще в IX в. Волжская Булгария превращается в крупнейший центр международной торговли. Историки средневековья, как отечественные, так и зарубежные, единодушны в оценке важной роли, которую играл Великий Волжский или Балтийско-Волжский путь в истории народов Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Волжский путь справедливо рассматривается как непрерывно действующая на протяжении столетий трансъевропейская магистраль, по которой с Востока поступали в большом количестве серебро и другие товары. Об этом свидетельствует возникновение

вдоль этого пути торгово-ремесленных поселений, нередко с довольно сложным этническим составом населения (в них, в частности, четко представлен скандинавский этнический компонент). Эти поселения представляли собой в первую очередь ярмарочные места, места для торговли с местным населением, пункты, обслуживавшие купцов, а также контролировавшие и охранявшие опасные участки торговой магистрали.

Следует подчеркнуть, что ранние торговые пункты возникали не только на северо-восточноевропейском участке Балтийско-Волжского пути, но и южнее — на Средней Волге. Один из таких крупнейших пунктов располагался в районе Булгара. По справедливому мнению В.Л.Янина, поддержанному позднее другими исследователями, “на всем протяжении восточной торговли с конца VIII в. до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар” [5, с.105]. Он имел непосредственные контакты со Средней Азией и арабским миром. Сюда тянулись и сухопутные, караванные пути, рассматриваемые рядом исследователей как северное ответвление Великого Шелкового пути. Практически в Булгаре завершался путь скандинавских и севернорусских торговцев, ездивших за восточными товарами, хотя некоторые из них, как сообщают письменные источники, достигали Каспия и даже Багдада [6, с.81].

Булгар был не единственным крупным торговым пунктом на Средней Волге. В течение ряда лет казанские археологи (см., например, труды Е.П.Казанова, в том числе его статью в настоящем сборнике) изучают ряд памятников на Волге и Каме, которые возникли, по всей вероятности, в IX-X вв. и в скором времени превратились в развитые торгово-ремесленные поселения. Торговые фактории располагались также в Марийском Поволжье, средневековые памятники которого буквально изобилуют вещами болгарского и восточного происхождения, в том числе и монетами.

В числе ранних торгово-ремесленных поселений болгар на Волге была и Казань, возникшая на пересечении Великого Волжского и Северного пушного путей. Как свидетельствуют археологические материалы, освоение этого региона булгарами происходило в X-XI вв. Отсюда по реке Казанке, а также по Вятке и Каме булгары проникают и в более отдаленные районы, населенные финно-уграми. По заключению пермского археолога А.М.Белавина, “уже к XI столетию практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки...) становится частью территории Волжской Булгарии, ее своеобразной угро-финской периферией” [7, с.163]. Здесь, в Верхнем Прикамье, насчитывается около 200 памятников, в которых встречаются многочисленные вещи из Булгарии, в том числе и монеты болгарской чеканки и ранняя керамика салтово-маяцкого облика. На землях, принадлежащих предкам коми-пермяков, булгары основывали не только торговые фактории, но и настоящие города — опорные пункты сбора налогов с местного населения и контроля над торговцами на Северном пушном пути. Среди них выделяется огромный Рождественский комплекс археологичес-

ких памятников на р. Обве, включающий в себя болгарское городище с прилегающим посадом и мусульманский могильник [8].

Из всего вышесказанного вытекает важный вывод: древнюю Казань следует рассматривать не как изолированное поселение в рассматриваемом регионе, а в системе торгово-ремесленных поселений, возникших и функционировавших на Волге и Каме в X-XI вв.

По наблюдениям археологов, средневековые города как на Руси, так и в Европе в целом, возникают не на пустых, необжитых местах — им предшествуют обычно более древние поселения. Местоположение ранней Казани представляет собой высокий мыс на левом берегу Казанки. Благодаря чрезвычайным удобствам, о которых не раз писали и средневековые авторы, этот мыс и прилегающие к нему территории были обитаемы с глубокой древности. При археологических раскопках Кремля обнаружены следы поселений каменного века, эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья, свидетельствующие о почти непрерывной заселенности территории будущего города начиная с V-VI тыс. до н.э. Оказавшись в X в. в районе устья Казанки, болгары достойно оценили выгодное географическое положение местности и основали здесь поселение, которому было суждено в дальнейшем стать крупным экономическим, политическим и культурным центром обширного Поволжско-Приуральского региона.

Как показали новые археологические раскопки, северная половина Кремлевского холма площадью около 4-5 га, где выявлены древнейшие напластования болгарского поселения, была укреплена еще в XI в. Изучению первоначальной фортификации этого поселения уделялось особое внимание, ибо, как отмечалось выше, при отсутствии достоверных письменных источников дату основания города можно установить лишь путем вскрытия его ранних укреплений и хронологического соотнесения их с прилегающим культурным слоем. Первоначальные укрепления города в виде “остатков стены, сложенной в системе панцирной кладки из грубо отесанных белокаменных блоков на известково-глинистом растворе” были выявлены еще А.Х.Халиковым в 1978 г. По наблюдениям этого исследователя, каменная стена возводилась на выровненной поверхности земляного вала, насыпанного непосредственно на погребенную почву [3, с.98 и сл.]. В целях определения времени возведения вала важно отметить некоторые находки, обнаруженные в слое, перекрывающем подолу вала с наружной стороны. Это, помимо типичной домонгольской керамики, железный наконечник стрелы типа 83 по классификации А.Ф.Медведева, очень характерный для XI в. [3, рис. 6, 7; 9, с.81], обломок стеклянного браслета и костяного гребня, сердоликовая бипирамидальная бусина и пр. Основываясь на них, А.Х.Халиков датировал и земляной вал и каменную стену на нем второй половиной XII в., считая их синхронными.

Остатки земляного вала, защищавшего первоначальное поселение с южной стороны, были дополнительно изучены нами в раскопе II 1995-1997

гг. и в раскопе XX 1998 г. Наши выводы относительно времени возведения этих укреплений не совсем совпадают с выводами А.Х.Халикова. Суглинистая насыпь вала шириной основания около 12-14 м действительно покоится на погребенной почве, в верхней части которой прослежена тонкая углистая прослойка, оставшаяся от выжигания растительности. Насыпь вала стерильна. Как и в 1978 г., с южной стороны подошвы вала удалось зафиксировать *перекрывающий* насыпь небольшой слой, содержание которого заслуживает внимания. Напомню сначала дату, полученную термолюминисцентным анализом фрагмента керамики из этого слоя — 951 ± 155 лет. Среди находок, кроме обломков гончарной керамики, были образцы архаичной керамики салтово-маяцкого типа, кусочки необработанного янтаря, бусина из горного хрусталя с неровными, едва намечающимися гранями и лазуритовая подвеска. Такие находки встречаются, в основном, в слоях болгарских поселений первой половины домонгольского периода. Основываясь на них и учитывая стратиграфические данные, время возведения насыпи вала можно определить X-XI вв. Эти укрепления, скорее всего, строились на рубеже X-XI столетий.

Следы *предполагаемых* древнейших укреплений по восточному краю Кремлевского холма выявлены раскопом XVIII 1998 г. в виде линии столбовых ямок диаметром 15-20 и глубиной 20-40 см, оставшихся, по-видимому, от деревянного частокола или тына. Стратиграфически данный объект восходит к основанию V слоя и поэтому может быть синхронизирован с вышеописанными земляными валами. К сожалению, их остатки прослежены нами на относительно небольшом участке раскопа и поэтому потребуются еще дополнительные исследования для выяснения функционального назначения этих столбовых ямок.

Фортификация города предмонгольского времени, т.е. второй половины XII- первой трети XIII вв., имела уже совершенно другой вид. На месте прежних дерево-земляных укреплений появляются мощные каменные стены шириной основания около 1,8-2 м, сложенные из необработанного известняка “всухую” или же с применением глинисто-известнякового раствора. Остатки этих укреплений изучались нами в 1995-1999 гг. раскопами V (А.Г.Мухамадиев), X (А.Г.Ситдилов), XV (А.Г.Мухамадиев), XVIII (Ф.Ш.Хузин), XIX (Р.Ф.Шарифуллин), XX (А.Г.Ситдилов). Большое количество раскопов по трассе каменной стены объясняется сложностями, возникавшими при изучении стратиграфической связи объекта с прилегающим культурным слоем, выявлении его строительного горизонта, возможных следов перестроек и ремонтов, а также необходимостью накопления возможно большего количества датированных находок. В решении некоторых принципиальных вопросов, связанных, в первую очередь, с установлением времени строительства плохо сохранившейся сейчас первоначальной стены, активное участие принимали проф. А.Н.Кирпичников (ИИМК РАН, СПб.) и проф. В.В.Седов (ИА РАН), посетившие наши раскопки.

Более подробные сведения о некоторых предварительных результатах исследований этих укреплений читатель может получить из статьи А.Г.Ситдикова, помещенной в данном сборнике. Здесь хочу лишь акцентировать внимание на очень важное наблюдение, сделанное нами на раскопах V и X при фиксации стратиграфии культурного слоя: строительный горизонт белокаменной стены четко прослеживается в виде мелкого известнякового щебня в домонгольском слое. Стена возведена на ровной площадке, без котлована (снята только погребенная почва), или же на сnivelированной поверхности более раннего вала. Разрушенные монголо-татарами в XIII в., эти укрепления, однако, были восстановлены во второй половине XIV в. и продолжали функционировать, претерпев ряд реконструкций в период Казанского ханства.

В свете последних открытий древняя Казань представляется нам в виде небольшой, но достаточно сильной укрепленной крепости в северной периферии Булгарского государства, призванной охранять один из важнейших в стратегическом отношении участков Волжского торгового пути. Здесь располагался, очевидно, небольшой военный гарнизон, а более многочисленное торгово-ремесленное население проживало за пределами крепостных стен, ближе к Казанке. Рекогносцировочные раскопки 1999 г., проведенные здесь П.Н.Старостиным и С.И.Валиуллиной, выявили следы раннего посада-пригорода. Представляют интерес, в частности, материалы, связанные с металлургией железа и металлообработкой.

Итак, накопленный в результате многолетних исследований археологический материал дает нам прочное основание утверждать, что истоки современной Казани связаны с первоначальным булгарским поселением, возникшим на рубеже X-XI столетий и ставшим в последующие периоды своей истории одним из значительных центров средневековой булгаро-татарской цивилизации.

1. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X- начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1998-1998 гг.)// Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.

2. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань и проблемы ее возникновения (в свете археологических исследований 1994-1998 гг.)// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999.

3. Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани// Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.

4. Хузин Ф.Ш. К вопросу о возникновении Казани как одного из центров международной торговли на Средней Волге (конец X- начало XIII вв.)// Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб., 2000.

5. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

6. Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XI веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999.

7. Белавин А.М.Камский торговый путь из Болгара в "страну Вису и Чулман"// Там же.

8. Крыласова Н.Б., Белавин А.М. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль)// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск, 2000.

9. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострелы. САИ. Вып. EI — 36. М., 1966.

1 — место находки архитектурных деталей (ханского времени) в 60-х годах XIX в.; 2 — клад монет 1861 г.; 3 — клад монет 1878 г.; 4 — обломок надгробного камня, найденный в 1935 г.; 5 — шурфы 1928-1929 гг. за Благовещенским собором; 6 — шурфы 1928 г. в саду Президентского дворца; 7 — шурфы 1929 г. у башни Сююмбеки; 8 — шурф 1929 г. у Дворцовой церкви; 9 — шурф 1928 г. у церкви Киприана и Устины; 10 — раскоп 1935 г.; 11 — траншея 1947 г.; 12 — траншея 1948 г.; 13 — наблюдения у Спасской башни; 14 — траншея 1925 г.; 15 — траншея 1948 г.; 16 — раскоп 1 1953 г.; 17 — раскоп 3 1953 г.; 18 — раскоп 1 1954 г.; 19 — шурф 1 1970 г.; 20 — шурф 2 1970 г.; 21 — раскоп 1 1971 г.; 22 — раскоп 2 1971 г.; 23 — раскоп 3 1971 г.; 24 — ?? г.; 25 — раскоп 1 1972 г.; 26 — раскоп 2 1972 г.; 27 — раскоп 3 1972 г.; 28 — раскоп 1 1973 г.; 29 — раскоп 1 1974 г.; 30 — раскоп 2 1974 г.; 31 — шурф 1 1974 г.; 32 — шурф 2 1974 г.; 33 — шурф 3 1974 г.; 34 — шурф 4 1974 г.; 35 — раскоп 1 1975 г.; 36 — шурф 1 1975 г.; 37 — шурф 2 1975 г.; 38 — шурф 3 1975 г.; 39 — шурф 4 1975 г.; 40 — раскоп 1 1976 г.; 41 — раскоп 2 1976 г.; 42 — шурф 1 1976 г.; 43 — шурф 2 1976 г.; 44 — шурф 3 1976 г.; 45 — шурф 4 1976 г.; 46 — раскоп 1 1977 г.; 47 — раскоп 2 1977 г.; 48 — раскоп 3 1977 г.; 49 — раскоп 4 1977 г.; 50 — раскоп 5 1977 г.; 51 — шурф 1 1977 г.; 52 — шурф 1 1977 г.; 53 — раскоп 1 1978 г.; 54 — раскоп 2 1978 г.; 55 — раскоп 3 1978-1979 гг.; 56 — шурф 1 1978 г.; 57 — шурф 2 1978 г.; 58 — шурф 3 1978 г.; 59 — котлован под кафе 1976 г.; 60 — шурф 1, 2 1993 г.; 61 — раскоп I 1993-94 гг.; 62 — раскоп II 1994-1997 гг.; 63 — раскоп III 1995 г.; 64 — раскоп IV 1995-1996 г.; 65 — раскоп V 1995 г.; 66 — траншея 1996 г.; 67 — раскоп VI 1996 г.; 68 — раскоп VII 1996 г.; 69 — раскоп VIII 1995 г.; 70 — раскоп IX 1997 г.; 71 — раскоп X 1997 г.; 72 — раскоп XI 1997 г.; 73 — шурфы 1995 г. в казармах Юнкерского училища; 74 — наблюдения 1995 г. в котловане фундамента столовой; 75 — раскоп XII 1997 г.; 76 — раскоп XIII 1997-1998 гг.; 77 — раскоп XIV 1997 г.; 78 — раскоп XV 1997-1998 гг.; 79 — раскоп XVI 1998 г.; 80 — раскоп XVII 1998 г.; 81 — раскоп XVIIA 1998 г.; 82 — раскоп XVIII 1998 г.; 83 — раскоп XIX 1998 г.; 84 — раскоп XX 1998-1999 гг.; 85 — раскоп XXI 1998 г.; 86 — раскоп XXII 1998 г.; 87 — наблюдения на водопроводной траншее 1998 г.; 88 — раскоп XIV 1999 г.; 89 — раскоп XXX 1999 г.; 90 — раскоп XXXI 1999 г.; 91 — наблюдения на водопроводной траншее 1999 г.

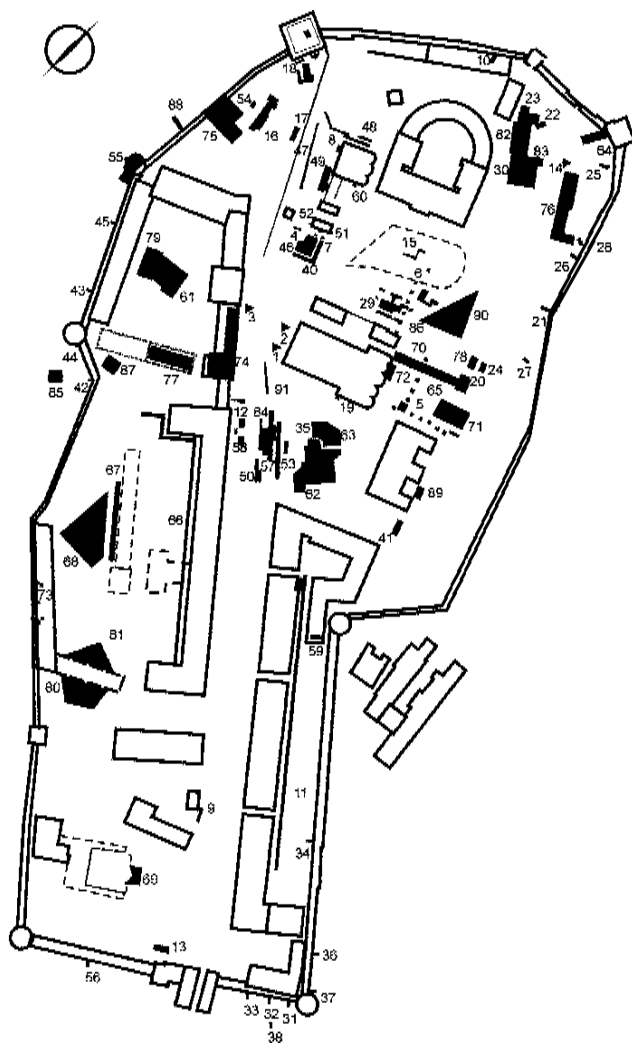

Рис. 1. План Казанского Кремля с обозначением раскопов, шурфов, мест наблюдений и случайных находок.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ

Возникновение и становление Казани как поселения городского типа происходило на общеисторическом фоне происхождения средневековых городов в Западной и Восточной Европе на рубеже I-II тысячелетий нашей эры. Урбанизация раннесредневековой Восточной Европы X-XII вв. в целом проходила в принципиально сходных условиях. Это наглядно видно при сопоставлении раннеболгарских с древнерусскими городами того времени [1; 2].

Проникновение болгарских племен на Среднюю Волгу в VIII-IX вв. и сложение динамично развивающегося государства Волжская Болгария в X — XI вв. приводят к усилению их роли на обширной территории от Верхнего Поволжья до Урала и возникновению большого количества укрепленных и неукрепленных поселений. Ранние болгары, проникая в Среднее Поволжье, несли с собой многовековую городскую традицию с развитым фортификационным строительством, уходящую корнями в эпоху хуннов, Тюркских и Хазарского каганатов [3; 4; 5].

Уже к середине X в. в Волжской Болгарии складываются такие городские центры как Болгар, Биляр, Сувар и др. Помимо центральных земель в Закамье, шел активный процесс освоения болгарами и северных Предкамских районов, где возникают ранние городские центры Алабуга, Керман, Кашан, Чаллы и др. Усилившаяся власть эмиров Волжской Болгарии позволяла обеспечивать контроль и защиту проходящих через территорию страны торговых путей, безопасность которых была одним из главнейших условий развития и могущества Булгарского государства. Активизация торговой деятельности булгар способствовала и ускоряла строительство своеобразных городов-крепостей на главных водных артериях.

Средневековый город — это сложное социокультурное явление, имеющее в научной литературе многие, иногда противоречивые характеристики и критерии выделения его от других типов поселений. В числе прочих, зачастую и основных признаков, определяющих городской статус населенного пункта, в большинстве случаев называют наличие укреплений. Вопрос о характере древнейших укреплений Казани возник в первые же годы наших исследований.

Сархеологической точки зрения Кремлевский холм представляет собой многослойный памятник, ранние культурные отложения которого начали формироваться в болгарскую эпоху. В ходе исследований, проведенных

А.Х.Халиковым в 1970-ые годы, была создана пятислойная стратиграфическая шкала: I слой — XX-XIX вв.; II слой — вторая половина XVI-XVIII вв.; III слой — вторая половина XV — первая половина XVI в.; IV слой — со второй трети XIII-первая половина XV в.; V — слой XII- первая треть XIII в. [6, с.15]. В последние годы данная шкала была апробирована нами на большом объеме наблюдений и признана достаточно реально отражающей особенности формирования слоев на определенных этапах развития поселения на Кремлевском холме. Современные исследования уточнили лишь нижнюю дату домонгольского слоя Казани, определив, что он начал формироваться не позднее рубежа X-XI вв. [7].

Освоение Кремлевского холма болгарами происходило с северной мысовой оконечности и низменных районов у подножья холма, находящихся ближе к воде. С этим периодом археологически соотносится нижний горизонт V слоя Кремля. Находки из этого горизонта представлены фрагментами лепной керамики салтово-маяцкого типа, монетами, металлическими, каменными, стеклянными предметами украшения и быта, датируемыми X-XI вв. Вещевой материал свидетельствует, в основном, о торговом характере поселения. Так, встречаются привозные вещи из Средней Азии, Западной Европы, Южной Руси, а также изделия самих болгарских мастеров и местного населения. Присутствует значительный комплекс предметов вооружения, представленный преимущественно наконечниками стрел.

Следы оборонительных укреплений этого времени были выявлены еще предшествующими исследователями в 1970-ые годы. Еще тогда их возведение правильно увязывалось с основанием города и отмечалось, что отложения, связанные с древнейшим поселением, начинают формироваться после возведения крепостных укреплений [18]. С учетом их результатов и опираясь одновременно на археологические исследования последних лет, удалось довольно полно представить размеры защищенной части города, располагавшейся в северной оконечности современного Кремля (около 5 га), определить характер древнейших укреплений и их последующее развитие.

Большой и чрезвычайно интересный материал для характеристики древнейших укреплений города был получен раскопом XX (исследователь А.Г.Ситдилов, площадь 210 кв. м), который располагался в 20 м к западу от раскопов II, III, на газоне вдоль проезда Шейнкмана между зданиями Министрства здравоохранения и Благовещенским собором [9; 10] (см. выше статью Хузина Ф.Ш., рис.1, № 84). В данном раскопе, помимо древнейших укреплений и прилегающей к ним территории, были изучены остатки каменных ворот и вымощенного камнем проезда с несколькими ремонтными ярусами (рис. 1).

V слой и связанные с ним объекты сохранились относительно хорошо. Его мощность составляет 20-25 см на глубине 170-180 см (рис.2; 3). На участке, где выявлена уличная мостовая, ведущая к проездным воротам, данный слой представлен двумя горизонтами. Нижний горизонт по краям

мостовой покоится на материковом подзоле с углистой прослойкой. В проезжей части подзол переработан до материка. Мощность этого древнейшего горизонта V слоя не превышает 10 см. Он состоит из коричневой плотной супеси по краям мостовой и из серой очень плотной супеси с прожилками древесного тлена толщиной до 1 см — в проезжей части. Формирование этой прослойки связано с периодом возведения вала и началом функционирования проезда шириной около 6 м. Нижний горизонт примыкает к восточному торцу насыпи вала и перекрыт каменной конструкцией западного пилона ворот. Два яруса деревянных мостовых этого горизонта были из коры лиственных деревьев. В завершении верхнего яруса прослежена углистая прослойка толщиной в 2-3 см. Следует отметить, что на ряде участков над углями у насыпи вала она перекрыта прослойкой материкового суглинка, представляющего собой осыпь вала с включениями известняковых камней (строительный горизонт каменных конструкций). Радиоуглеродный анализ образца угля, взятого из прослойки, перекрытой насыпью вала, дал дату 1145 ± 25 лет тому назад (лаборатория ИИМК, СПб., образец № 2 (Ле-5565)). При тщательной зачистке этого горизонта был обнаружен обломок бусины из глухого бирюзового стекла с черным реснитчатым глазком (рис.5, 2), обломок дровяного браслета, датируемые X-началом XI в. [7, рис.7, 7], и неопределенные железные предметы.

Верхний горизонт слоя мощностью от 7 до 10 см, расположенный над углем вне мостовой, состоит из серой плотной супеси с включениями крупных известняковых камней, суглинка и золы. Содержание в прослойке камней и суглинка отражает, как было отмечено выше, строительный горизонт каменных ворот. В пределах мостовой шириной около 5 м этот горизонт ограничен с запада каменным западным пилоном проездных ворот (сооружение № 12б). В проезжей части слой состоит из серой плотной супеси с включениями плоских известняковых камней, костей животных и прожилок древесного тлена, ила. Известковые плоские камни среднего и мелкого размера, обтертые с верхней стороны, лежат в горизонтальном положении и на некоторых участках довольно плотно подогнаны друг к другу. В слое находится небольшое количество мелких фрагментов красноглиняной гончарной болгарской керамики с сильно затертой поверхностью, а также большое количество мелких сапожных гвоздей и конских подков. Это, несомненно, остатки каменного мощения и грунта, отложившегося над ним в период его функционирования. Мостовая вплотную примыкает к каменной кладке западного пилона ворот. Она была выложена сразу после его возведения. Необходимо отметить, что верхние напластования, сформировавшиеся над каменной мостовой домонгольского времени, относятся, возможно, к раннему золотоордынскому слою, но такое разграничение осложняется их сильной переработанностью.

Остановимся на краткой характеристике древнейших объектов, к числу которых относится *сооружение 12 Б* — западный пилон проездных ворот,

разрушенный сооружением 12 А третьего слоя (рис.1; 4). Он был выявлен в виде остатков прямоугольной каменной конструкции, вытянутой по линии ЮЮЗ, с расширением в южной части, с небольшим округлым контрфорсом (радиус 1,5 м) с южной стороны у края рва. Размеры пилона: длина — 10 м, ширина в северной части 92 см, а в южной — 150 см, сохранившаяся высота около 40 см, т.е. в 2-3 ряда кладки. В растворе кладки была найдена бусина из темного глухого стекла с выпуклыми белыми глазками (рис.5, 5), датируемая VIII-X вв. [20, с.158-159], а также обломок костяной остроги (ананьинского времени ?).

Конструкция была сложена из разномерных известняковых камней, скрепленных глинистым раствором (рис.4). С проезжей восточной стороны шириной в один ряд была регулярная горизонтальная кладка из относительно крупных известняковых камней, отесанных с внешней стороны. Она покоилась на двух прослойках предшествующего деревянного мощения (нижний горизонт V слоя) и примыкала в проезде к краю насыпи вала западной стороной. Во внутренней части кладки использовались известняковые неотесанные камни различных размеров. Эта часть пилона покоилась на частично срезанной насыпи вала высотой 40 см от уровня погребенной почвы. На ряде участков под кладкой фиксируются угли, что, возможно, связано со следами разрушения более ранней конструкции проезда, существовавшей до возведения каменных укреплений. Остатки деревянных укреплений выявить не удалось, но их следы фиксировались в раскопе А.Х.Халикова 1978 г. [8, с.109-110].

Стратиграфически с периодом функционирования проезда соотносятся два горизонта каменного мощения (рис. 3). Нижние прослойки грунта, отложившиеся над каменной мостовой, перекрывает кладку на 10 см, что позволяет говорить о длительном процессе их накопления. Невыразительность находок (сильно обтертые фрагменты стенок красноглиняной керамики, коррозированные железные предметы и др.) не дала возможности четко датировать ее. Но в прослойках, связанных с этим горизонтом вне мостовой, удалось найти фрагменты болгарской красноглиняной гончарной домонгольской керамики, синюю прозрачную бусину, датируемые в комплексе XII — началом XIII в. Формирование прослойки, предположительно, относится к завершению домонгольского и началу золотоордынского периода (конец XII — первая половина XIII в.). Более точную датировку может дать продолжение исследований этого района.

Второй горизонт каменного мощения толщиной в 10 см связан стратиграфически с IV слоем. Его завершение соотносится с прекращением функционирования проезда. Он перекрыт прослойкой разрушения сооружения № 126, которое частично переработано мостовой III слоя.

Таким образом, время существования этой конструкции можно определить концом XII — первой половиной XV вв. Аналогичные результаты были получены в раскопе 1 1978 г. А.Х.Халикова, где были выявлены остатки

восточного пилона ворот [8, с.95-97]. С учетом его результатов ширина проезда ворот составляет около 5 м.

Наиболее ранними городскими укреплениями, выявленными археологически, является *земляной вал* (рис. 2). Его остатки впервые были выявлены А.Х.Халиковым в раскопе I 1978 года [8, с.92-96] и Ф.Ш.Хузиным в раскопе II 1995-1997 гг. [11]. По описанию А.Х.Халикова, вал шириной основания до 12 м и высотой до 2 м ближе к напольной стороне был “насыпан непосредственно на погребенную почву, в верхней части которой обычны углистые включения, очевидно, оставшиеся от выжигания росшего здесь перед основанием города леса” [8, с.96]. В насыпи вала прослеживались следы дощатых клеток в виде “тонких полос древесного тлена, очерчивающих квадрат примерно 3 x 3 м”. На этом же уровне отмечены скопления мелкого известнякового щебня, представляющие собой, по мнению исследователя, строительный горизонт каменной стены, которая была выложена на выровненную поверхность насыпи вала на уровне 50-70 см от его основания. Завершение строительства каменных укреплений зафиксировано опять же в виде щебенистой линзы в верхней части насыпи вала и за ее пределами. После того как стена была поставлена, “наращивание вала продолжалось еще на высоту 1 м. По напольному склону вала тянулась каменная наброска — своеобразная крепида, имевшая толщину каменной кладки до 20 см при ширине 180-200 см” [8, с.96]. По наблюдениям А.Х.Халикова, внутренний край вала со стороны города был укреплен против оползней деревянной крепидой в виде горизонтальных плах и ряда вертикальных бревен частокола. Время функционирования укреплений исследователь определил в пределах последней четверти XII-XV вв.

Эти наблюдения были уточнены при наших раскопках. Так, на уровне 5 штыка вне каменных конструкций было зафиксирована насыпь из желтого материкового суглинка, представляющая собой сохранившуюся часть вала (рис.2). В изученной части ширина основания вала составляла 12 м при сохранившейся высоте насыпи 90 см. Было установлено, что вал действительно был насыпан непосредственно на погребенную почву грунтом, взятым из расположенного рядом Тезицкого оврага. Из этого оврага была первоначально переброшена погребенная почва и подзол, а затем красный материковый суглинок и в завершение — желтый супесчаный грунт. По характеру расположения слоев в разрезе вала можно утверждать, что его возведение осуществлялось именно со стороны Тезицкого оврага (рва), так что последний, скорее всего, имеет на этом участке большей частью искусственное происхождение. На расстоянии 7 м от проезда в центре тела вала фиксируются два “ядра”, состоящие из последовательно перекрывающих друг друга пластов погребенной почвы, подзола и красного суглинка. Ширина “ядер” в основании составляет около 5 м, а высота 55-65 см. Между ними фиксируются остатки деревянных столбовых свай без определенной конструкционной связи между собой (рис.2).

По северному краю вала фиксируются остатки деревянных конструкций, подпирающие насыпь вала от расползания (рис.2 – уч. Г/З). С этой стороны вал был насыпан крутым почти отвесным склоном. Нами были прослежены два ремонтных горизонта аналогичных подпорных конструкций в этом слое. Первый горизонт фиксируется в виде обугленных деревянных конструкций; над ними отмечена прослойка желтой супеси (осыпь вала). Аналогичные клетки подпорных конструкций упоминались А.Х.Халиковым при описании раскопа 1978 г. [8, с.96]. Кстати, угли, взятые А.Х.Халиковым из слоя с деревянными конструкциями, по результатам радиоуглеродного анализа, датировались второй половиной XII в. [6, с.16]. В осыпи вала и под ним над углями фиксировалось скопление известнякового щебня, оставшегося, возможно, во время возведения каменных укреплений проезда.

Ров. Другим объектом укреплений древнейшей Казани является ров, вытянутый вдоль наружной стороны вала. Он впервые был выявлен частично в ходе раскопок Л.С.Шавохина в 1977 г. [12; 8, с.92-93]. В последующих исследованиях 1978 г. А.Х.Халикову удалось вскрыть ров шириной в верхней части 14 м [8, с.99].

В раскопе XX 1998-1999 гг. удалось вскрыть северную сторону рва в ширину 7 м [9]. В изученной части глубина его достигла 3,7 м от дневного уровня. Его откос в раскопе имел определенную специфику, связанную с наличием проезда. На участках вне проезда склон рва был почти отвесным с уступом на глубине 175 см (ширина уступа 80 см). Вниз от уступа шел крутой откос высотой 115 см, после которого ров полого понижался ко дну еще на 75 см. В северной части напротив проезда ров был расширен на 250 см путем выемки грунта до уровня первого уступа. Вертикальные стенки рва в расширенной части были выложены на всю высоту известняковыми камнями (рис.1; 4). Эта каменная конструкция (сооружение 12Г) имела Г-образную форму (190 x 157 см). Кладка постройки по характеру была аналогична той, что использовалась при строительстве каменных пилонов ворот. Разновеликие камни в ней были сложены с сохранением относительно горизонтальных рядов на высоту 190 см шириной в два ряда (50 см) в перевязке с глинистым раствором при незначительных включениях извести. Эта конструкция, скорее всего, является остатками предмостных конструкций проезда, а возможно и опорой подъемного моста. Время ее функционирования синхронно существованию ранних каменных укреплений в этом районе — конец XII-XV вв.

В отложениях V слоя в заполнении рва выделяется три горизонта (рис.3). Нижний фиксируется вне проезда по склону рва и имеет толщину от 20 до 50 см. На линии проезда этот горизонт в северной части срезан в период строительства каменных опор моста. Он состоит из желтой супеси с включениями угля и суглинка осыпи вала и вполне сопоставим с нижним горизонтом домонгольского слоя городища. Материалы из него представлены фрагментами керамики лепных сосудов салтово-маяцкого типа и костями

животных. Средний горизонт представляет собой строительный горизонт каменных конструкций проезда. Мощность этого горизонта 10 см в основании каменной стенки опор моста. Он сужается в линзу в южной части рва и состоит из желтой супеси, содержащей большое количество известнякового щебня, представляет собой строительный горизонт каменной конструкции. Верхний горизонт толщиной до 20 см в южной части состоит из серой плотной супеси с включениями древесного тлена и досок. В нем удалось найти несколько фрагментов красноглиняной гончарной домонгольской керамики, наконечник стрелы и кости животных.

Необходимо остановиться на описании двух столбовых ям на склоне рва. *Яма № 1* диаметром 25 см и глубиной 20 см располагалась между рвом и южным краем каменного округлого контрфорса пилон ворот. Заполнение состояло из красного суглинки с включениями подзола и углей. *Яма № 2* диаметром 100 см была выявлена на 210 см южнее ямы № 1 на уровне 340 от современной поверхности и углублена на 120 см в откос рва. Заполнение ее состояло из желтой супеси (осыпи вала) с включением большого количества древесной трухи. Эти ямки находились на линии, параллельной проезду ворот относительно восточного фасада каменного пилон. Нам не удалось четко проследить конструктивных связей между этими столбами. Стратиграфически дневной уровень ям увязывается с верхним горизонтом домонгольского слоя. Однако их размещение на параллельной линии относительно проезда, наличие древесной трухи в верхнем горизонте слоя, а также значительные размеры столбовых ям позволяют предположить, что они являются остатками вертикальных несущих опор, возможно, моста через ров.

Со слоем в раскопе связаны также *сооружение 9 и 10*, представляющие собой остатки небольших хозяйственных ям и функционировавших до возведения каменных ворот.

В результате этих исследований удалось выявить остатки древнейших укреплений и проследить и последующую реконструкцию до их уничтожения в середине XV в., и было еще раз подтверждено, что формирование культурных напластований на Кремлевском холме начинается возведением валов и датируется рубежом X-XI вв. Важно при этом сказать, что аналогичная картина по южной напольной стороне городища наблюдалась и в раскопе II, заложенного в 1994 г. в сквере между Благовещенским собором и зданием Министерства здравоохранения РТ [11, с.131; 13, с.86-87] (см. выше статью Хузина Ф.Ш., рис.1, № 84).

Характеристику древнейших укреплений болгарского поселения на территории современного Кремля дополняют сведения, полученные из раскопов, заложенных по восточному склону холма [10; 13]. Упоминания о застройке этой части Кремля до завоевания края русскими отсутствуют. Первое достоверное описание исследуемого района можно найти в Писцовой книге 1565-1568 гг., где говорится о Благовещенском соборе и Архиерей-

ском дворе [14, с.8-10; 15, с.41-66; 16, с.26-44]. Остатки какой-то каменной стены фиксируются по восточному склону Кремлевского холма на чертежах конца XVII в. Она, судя по картографическим материалам, разрушена в период между 1748 и 1751 гг. На планах второй половины XVIII в. по краю холма обозначены кирпичные и деревянные постройки архиерейского двора. Время их разрушения по чертежам можно определить началом XIX в. Эта часть архиерейского двора за Благовещенским собором впоследствии не застраивалась.

Территория сквера, расположенного к востоку от Благовещенского собора, интенсивно изучалась еще в предшествующие годы (см. выше статью Хузина Ф.Ш., рис.1, № 5; 19; 65). В 1928 г. и в 1929 г. здесь было заложена серия шурфов под руководством Н.Ф.Калинина [17]. Исследования возобновились в начале 1970-х годов Л.С.Шавохиным. В ходе этих работ на большом участке за зданием Министерства экономики была зафиксирована верхняя часть каменной стены. Л.С.Шавохин датировал время функционирования ее Казанским ханством и считал оградой ханского двора [18, с.126-127].

После значительного перерыва исследования в этом районе были возобновлены в 1995 г. А.Г.Мухамадиевым [13]. Им был заложен раскоп V площадью 80 кв. м в северо-восточной части сада. Основным объектом исследований были остатки каменной стены, сохранившейся на высоту в среднем 220 см, шириной 250 см. А.Г.Мухамадиев считает, что вся стена в сохранившемся виде была построена в домонгольское время [13, с.34]. Однако, верхняя часть кладки, осуществленной с использованием известкового раствора с включением кирпичной крошки, производит явно позднее впечатление. К домонгольскому времени относится только нижняя, незначительная часть стены, сложенная из крупных необработанных камней, скрепленных при помощи глинистого раствора или вовсе без него, т. е. “всухую”, что наблюдалось и в других раскопах (см. ниже). К такому выводу пришла специальная комиссия в составе археологов Ф.Ш.Хузина, Р.Ф.Шарифуллина, Т.А.Хлебниковой, П.Н.Старостина, историков архитектуры С.С.Айдарова и Н.Х.Халитова после тщательного изучения стратиграфии и техники кладки стены.

Продолжение каменной стены по восточному склону Кремлевского холма было выявлено в 1997-1998 гг. раскопом X (см. выше статью Хузина Ф.Ш., рис.1, № 71, общая площадь 222 кв. м), расположенным в 10 м южнее раскопа V [10].

V слой в раскопе сохранился относительно неплохо. Его мощность составляет 15-20 см. На некоторых участках в нем удалось выделить два горизонта, нижний из которых толщиной в 5-10 см представляет собой коричневую плотную супесь с тонкой углистой прослойкой в основании (рис.6). На участках А-Д/-1, 0, 1, 2, 5 верхний горизонт слоя достигает до 10 см толщины и состоит из коричневой плотной супеси с включениями прослоек суглинки, известняковых камней и известкового раствора. В восточной

части раскопа (уч. А-Е/5-8) он содержит коричневую плотную супесь с включениями известкового раствора и древесного тлена, связанного со строительством каменной стены, и поэтому его следует рассматривать как строительный горизонт каменной стены. Вещевой материал из слоя небольшой и состоит из находок, которые довольно хорошо иллюстрируют домонгольский период. В нем найдены фрагменты болгарской и лепной кочевнической керамики домонгольского времени и кости животных. Интересной находкой в раскопе является бронзовый кельт VIII-VII вв. до н. э., обнаруженный на уровне погребенной почвы.

К V слою стратиграфически восходят дневные уровни 8 сооружений, 24 столбовых ямок и трех канавок (пролежней?).

Каменная стена была расчищена на протяжении 12 м, что позволило более детально изучить особенности ее строительной техники.

Остатки каменной кладки были выявлены на уровне 160 см от современной поверхности земли. Ширина стены составила 250 см. В высоту она сохранилась с западной стороны у южной стенки раскопа на 270 см от основания, у северной — 200 см (максимальная сохранившаяся высота в центре — 320 см). Стена была с небольшим наклоном (45-50 см) в сторону склона холма. Котлован ее углублен в материк в среднем на 66 см с западной стороны и на 54 см с восточной. В результате подбоя под основание стены удалось зафиксировать следы деревянных свай-коротышей диаметром 10 см, заглубленных в материк на 70 см. Они располагались на расстоянии 20-30 см друг от друга.

В кладке стены просматривалось четыре строительных периода. Кладка позднего (четвертого) горизонта из крупномерного кирпича, скрепленного известковым раствором (в полевой документации она была обозначена как сооружение № 15 II слоя) шла поверх каменной стены. Сооружение № 15 сохранилось на высоту 164 см при ширине 66 см. Такая же кладка наблюдалась в раскопе V 1995 г. Следы ее разрушения были зафиксированы с восточной и западной стороны стены (ямы выборки стройматериалов сооружения №№ 25, 37 II слоя). Время ее существования стратиграфически и по историческим источникам определяется серединой XVIII — началом XIX в.

На фасаде каменной стены на уровне 110 см от сохранившейся поверхности по всей длине стены с обеих ее сторон фиксировался шов толщиной до 15 см в виде гумусированной прослойки. Над ним была кладка высотой 110-120 см, относящаяся стратиграфически к третьему строительному периоду. Она выложена из плохо отесанных известняковых камней, скрепленных известковым раствором с включениями кирпичной крошки. Строительную яму глубиной 80 см от дневного уровня, прорезающий углистую прослойку в завершении III слоя, удалось выявить в профиле южной стенки раскопа.

Ниже уровня этого шва в кладке стены фиксировалось еще два горизонта ее строительства, отличающихся друг от друга характером кладки. Время их строительства относится уже к булгаро-татарскому времени.

Стена второго строительного периода под швом шла регулярной горизонтальной кладкой из неотесанных известняковых камней, скрепленных известковым раствором. На некоторых участках она разрушила нижележащую кладку до материка. Сохранившаяся высота кладки колеблется в пределах 30-90 см. Стратиграфически строительство этой стены соотносится с прослойкой известкового раствора и известняковых камней на границе IV- III слоев.

В некоторых участках под ней на высоту до 60 см сохранилась сухая регулярная горизонтальная кладка из неотесанных известняковых камней. Она покоится на материке, уплотненном сваями-коротышами. В профиле северной стенки удалось выявить следы ее котлована, с дневным уровнем которого соотносилась щебенистая прослойка известняковых камней с включениями небольшого количества известкового раствора, подстилаемого выбросом материкового суглинка из котлована фундамента стены (рис.6). Этот выброс перекрывал нижний горизонт V слоя, а на не сильно потревоженных площадях над ним выделялась небольшая прослойка верхнего горизонта V слоя.

Таким образом, результаты раскопок позволяют говорить о достаточно длительном периоде функционирования стены со значительными перестройками. Не оправдалось предположение о более значительной сохранности ее древней части. Время существования изучаемой стены со всеми ее последующими реконструкциями на основании полученных материалов можно датировать концом XII-XVIII вв.

Сведения о расположении стены и раннем периоде ее существования на восточном склоне были получены раскопами XVIII и XIX в 1998-1999 гг., выполненными Ф.Ш.Хузиным и Р.Ф.Шарифуллиным в северо-восточной части Кремля у края холма. В обоих раскопах на большом участке удалось выявить остатки кладки древнейших укреплений (рис.7; 8). В отличие от раскопов V и X, здесь стратиграфически очень четко был зафиксирован строительный горизонт стены и последующие его разрушения и перестройки. При этом было определено, что более поздняя стена, фиксируемая на этих участках на чертежах, начиная с XVII в., в северной части Кремля имела другое направление и шла западнее к Северной башне, тогда как более ранняя, повторяя контуры рельефа, опускалась ближе к Воскресенской башне. Разная техника кладки (с известковым раствором и без него), по мнению Ф.Ш.Хузина и проф. А.Н.Кирпичникова, указывает на возможные следы перестроек и ремонтов, что особенно хорошо видно в кладке стены на участке раскопа X (см. выше). Схожая техника кладки характерна и Старой Ладоге — наиболее ранней каменной древнерусской крепости [19, с.23-42].

В результате исследований каменных укреплений с восточной и южной стороны древнего города было установлено, что они возведены в домонгольский период во второй половине XII в. на месте более ранних фортификационных сооружений, строительство которых связано с возникновени-

ем поселения на Кремлевском холме в конце X — начале XI вв. Это находит подтверждение в стратиграфическом анализе с учетом хронологии археологических находок и в дате радиоуглеродного анализа (см. раскопы XVIII, XX). Важно также отметить, что эти каменные укрепления сохраняли свое значение длительное время, а на некоторых участках с перестройками продолжали функционировать до середины XVIII в.

Исходя из имеющихся материалов в развитии фортификационных сооружений древней Казани, можно наметить несколько периодов. I период (X — первая половина XII вв.) в целом знаменует процесс сложения города. Определяются его границы, осваивается укрепленная территория поселения, создаются предпосылки внутренней планировки. Основной сферой деятельностью населения города для этого периода является местная и международная торговля, а также осуществление защиты западных границ Волжской Болгарии. Раннеболгарский город в начале XI — первой половине XII вв. на Кремлевском холме в соответствии с условиями его возникновения представлял собой военно-торговое поселение. Он являлся оплотом северо-западных границ Волжской Болгарии на пути агрессии со стороны усиливавшихся северо-восточных русских княжеств.

Спустя некоторое время (II период), происходит реконструкция укреплений крепости. Это становится реальным не только в результате экономического роста мощи Волжской Болгарии, но и концентрации больших ресурсов в самом регионе и потребности его защиты. В XII — первой половине XIII вв. город заметно преобразился. Если в предшествующем этапе Казань выступала в качестве небольшого и единственного форпоста на северной окраине Волжской Болгарии, то в рассматриваемый период она начинает входить в региональную систему болгарских поселений Предкамья. Город на этом этапе усиливается в военном отношении, возникает ремесленный посад. Он представляет собой уникальный объект с точки зрения фортификационных сооружений. На сегодня это единственная известная домонгольская болгарская крепость в Волго-Камье с каменными укреплениями. Усиление города на этом этапе на важном торговом пути определило его дальнейшую судьбу в постепенном превращении его в золотоордынский период в значительный региональный центр с последующим провозглашением его столицей Казанского ханства.

1. Губайдуллин А.М. О классификации городищ Волжской Булгарии // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.

2. Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.

3. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1966. № 142.

4. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993.

5. Кызласов Л.Р. Города гуннов // ТА. 1988. № 2 (3).

6. История Казани. Книга 1. Казань, 1988.

7. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам раскопок 1994 – 1998 гг.)// Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.
8. Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани// Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.
9. Ситдинов А.Г. К вопросу об укреплениях домонгольской Казани (по материалам раскопа XX 1998-1999 гг.)// Этническая и государственная история булгарского народа. Казань, 1999.
10. Ситдинов А.Г. К вопросу о древнейших укреплениях Казани (по материалам раскопок X, XX 1997-98 гг.)// Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999.
11. Хузин Ф.Ш. Новые открытия Казанского Кремля (предварительное сообщение о раскопках 1997 года)// Tatarika, 1997/98. № 1.
12. Мухамдиев А.Г., Халиков А.Х., Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле// АО 1977 года. М., 1978.
13. Мухамдиев А.Г. Казань — город каменный// Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995.
14. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г.// Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. М.: Изд. АН СССР, 1932.
15. Комплекс кафедрального Благовещенского собора. Проект реставрации. Т. 1, книга 1// Архив Музея-заповедника “Казанский Кремль”. Оп. 1, ед. хр. 522.
16. Комплекс кафедрального Благовещенского собора. Проект реставрации. Т. 1, книга 2 // Архив Музея-заповедника “Казанский Кремль”. Оп. 1, ед. хр. 523.
17. Ситдинов А.Г. Н.Ф.Калинин – исследователь средневековой Казани// Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.
18. Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1988. На правах рукописи //НБ МГУ, 8158.
19. Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
20. Полубояринова М.Д. Стеклоделие Болгарского городища// Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

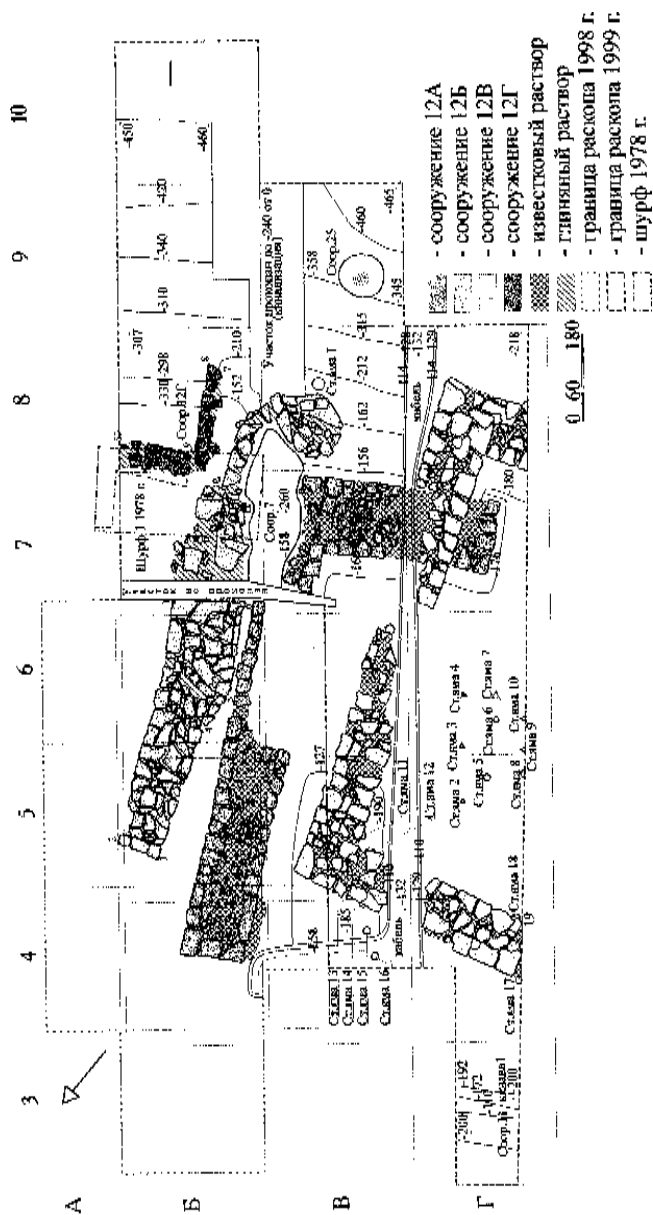

Рис. 1. Раскоп XX. Общий план.

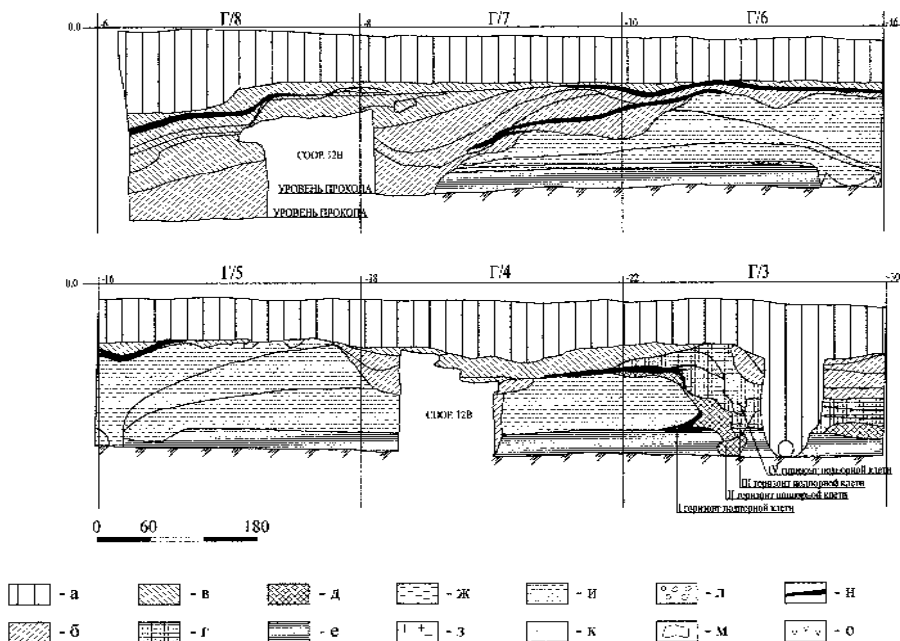

Рис. 2. Раскоп XX. Профиль западной стенки (уч. Г/3-8).

Условные обозначения: а — слой I (современный); б — слой II (рыхлая светло-серая супесь с включениями кирпичного и известнякового щебня); в — слой III (бурый пестроцвет с включениями глины и угля); г — слой IV (темно-серая супесь с включениями желтого суглинка и подзола); д — слой V (плотная серая подзолистая супесь с вкраплениями мелкого угля); е — погребенная почва и материк; ж — желтый суглинок; з — известь; и — насыпь вала (желтый плотный суглинок с прослойками светло-серой материковой супеси); к — глиняный раствор; л — известняковый и кирпичный щебень; м — известняковые камни; н — углистая прослойка; о — включения древесного угля.

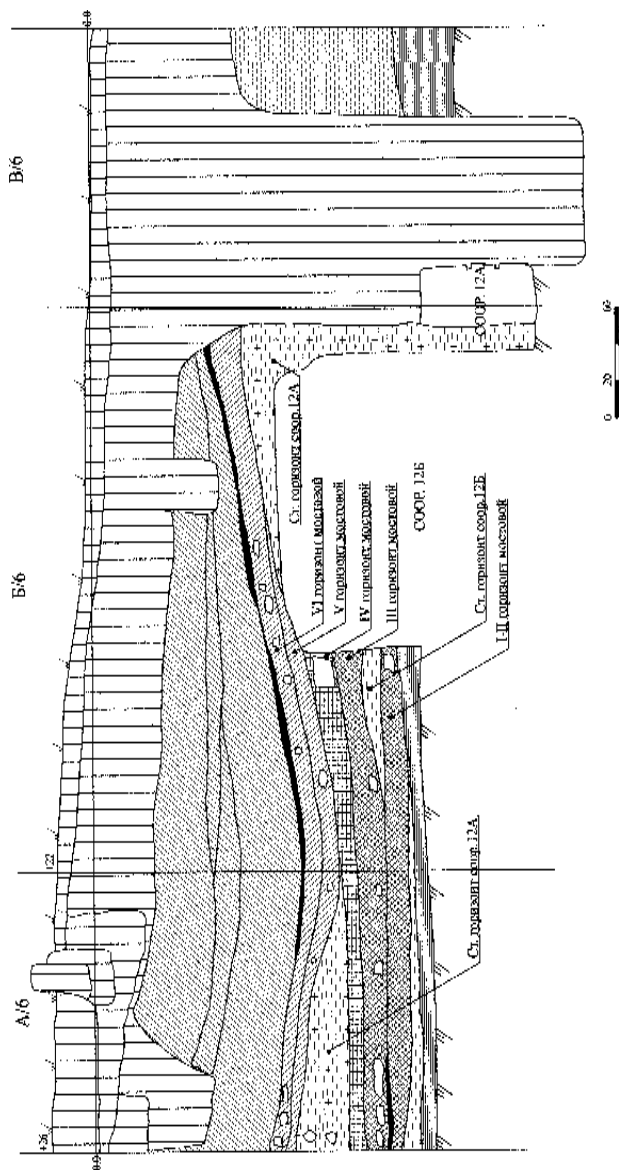
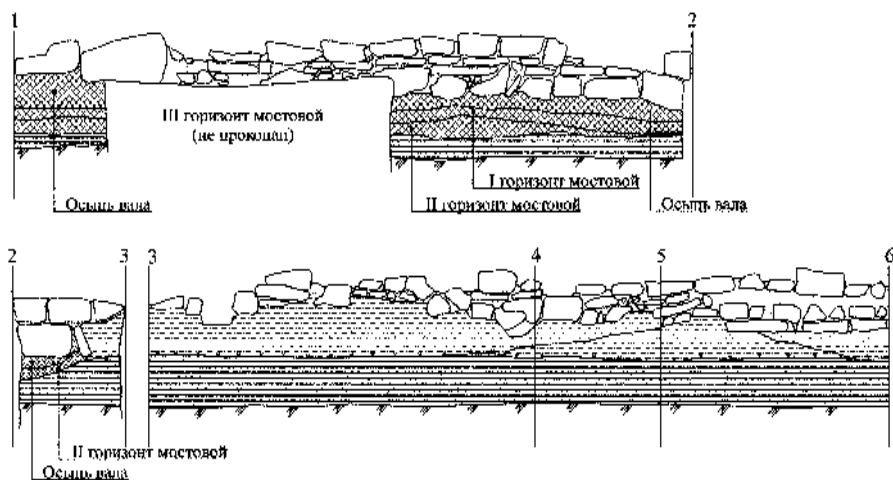

Рис. 3. Раскоп XX. Профиль восточной стенки (уч. Б/6-10).

Фасады сооружения 12Б по линиям 1-6.

Фасады сооружения 12Г по линиям 7-10.

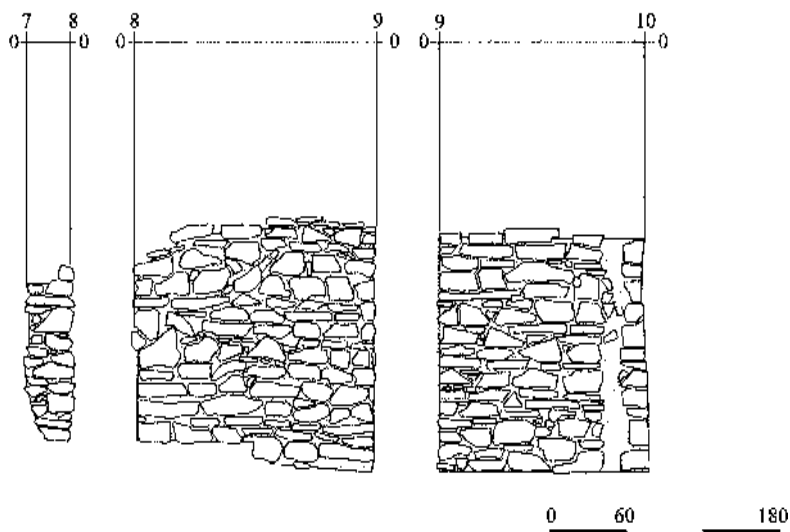

Рис. 4. Раскоп XX. Фасады каменных сооружений 12Б, 12Г.

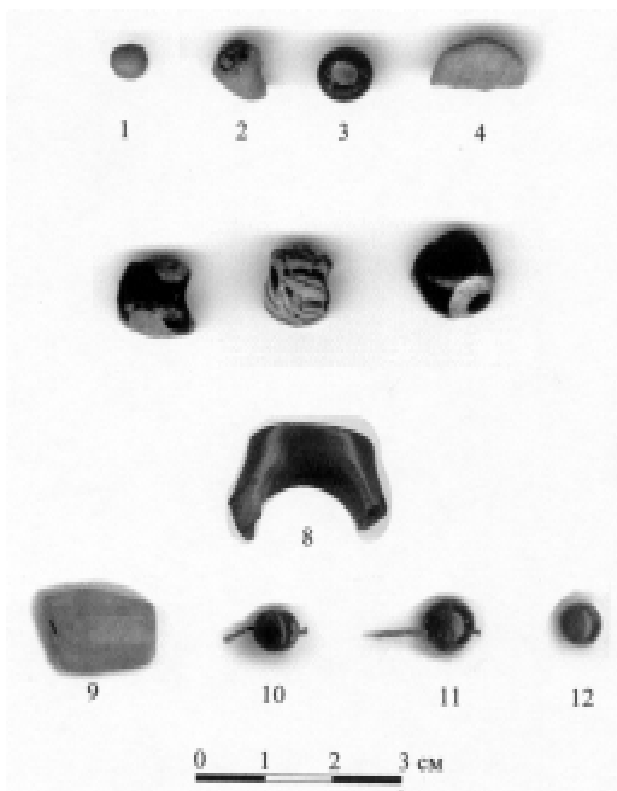

Рис. 5. Раскоп XX. Предметы украшения из стекла и камня.

1 — стеклянная бордовая бусина из IV слоя, уч. Б/10, шт. 18, К.К.99 — XX/782; 2 — голубая стеклянная бусина с выпуклыми реснитчатыми темными глазками из V слоя, уч. Б/8, шт. 9 (зачистка 1-2 горизонтов мостовой), К.К.99 — XX/199; 3 — темно-синяя стеклянная бусина из IV-V слоя, уч. Б/8, шт. 9 (зачистка прослойки мостовой 3 горизонта), К.К.99 — XX/199; 4 — стеклянная зеленая таблетковидная бусина из IV-V слоя уч. В/9, шт. 18 (осыпь вала), К.К.99 — XX/796; 5 — темная стеклянная бусина с белыми выпуклыми глазками из V слоя, зачистка осыпи вала под соор. № 12 Б, К.К.99 — XX/199; 6 — стеклянная темная бусина с зелеными волнистыми разводами из IV-V слоя, уч. В/9, шт. 18 (осыпь вала, К.К.99 — XX/796; 7 — темная бусина с зелеными глазками из III слоя, уч. В/9, шт. 10, К.К.99 — XX/192; 8 — сердоликовый перстень из III слоя, уч. Б/9, шт. 10, К.К.99 — XX/302; 9 — бусина из горного хрусталя из V слоя, уч. В/8-9, шт. 10-21 (разборка осыпи вала), К.К.99 — XX/849; 10 — сердоликовая бусина из III слоя, уч. Г/7, расчистка стен соор. 12 В, К.К.99 — XX/798; 11 — сердоликовая бусина бусина из III-IV слоя, уч. Б/8, шт. 9, К.К.99 — XX/127; 12 — стеклянная красная бусина из шурфа 1978 г. (I слоя), К.К.99 — XX/912.

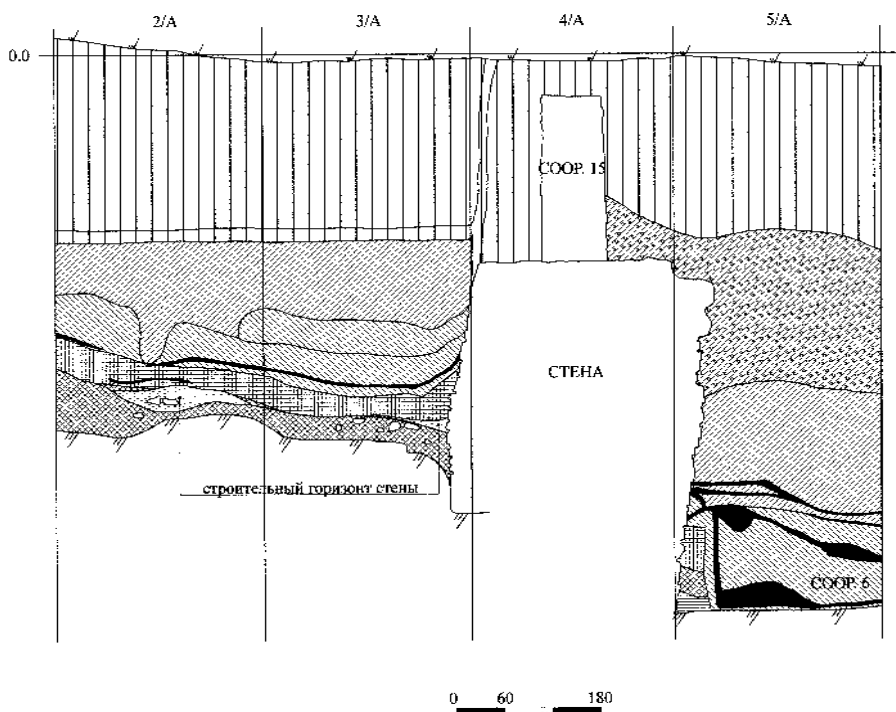

Рис. 6. Раскоп X. Профиль северной стенки.

Рис. 7. Раскоп XVIII. Кладка западного фасада каменной стены.

Рис. 8. Раскоп XVIII. Развал каменной стены на склоне холма.

КЕРАМИКА V СЛОЯ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

В основании культурных напластований северной половины Казанского Кремля, равной 7 га, на 42% площади (это около 3 га) прослежен культурный слой гумусированной серого цвета супеси очень мелкой структуры мощностью от 5 до 20, изредка до 25 см. Он пронумерован V-м по стратиграфической шкале Кремля. Судя по характеру и структуре грунта этого слоя, он образовался в результате жизнедеятельности на почве в виде подзола. Почти везде его подстилает 2-х сантиметровой толщины гаристая прослойка от сожжения растительности в начале заселения Кремлевского мыса болгарами.

Выделение V культурного слоя было сделано еще в 1970-е годы при раскопках А.Х.Халикова у башни Сююмбике и в сквере у Благовещенского собора. Но тогда было еще очень мало материала, чтобы аргументированно определить время его образования. Широкие археологические исследования 1990-х годов, а точнее последних пяти лет, позволяют это сделать, и керамический материал играет при этом немалую роль.

С 12 раскопов (I, II, III, V, IX, X, XI, XIII, XVIII, XIX, XX, XXII) получено 1106 фрагментов керамики, относящейся к культуре Волжской Болгарии. Это керамика как домонгольского, так и золотоордынского периода. 40 % ее (442 фрагмента) происходит из напластований поселения болгарского периода; 183 фрагмента найдено в смешанно вскрытых слоях болгарского времени и периода Казанского ханства; остальная в результате интенсивной хозяйственной деятельности переотложена в вышележащие слои. Так, в III слое стратиграфической шкалы Кремля, отложившемся за период Казанского ханства, болгарской керамики найдено 303 фрагмента. В смешанно вскрытых III-II слоях — 92 фрагмента. Даже в верхних I-II слоях ее оказалось 87 фрагментов.

Вскрытый изолированно от вышележащих напластований, V слой домонгольского периода дал 187 фрагментов болгарской керамики. Она-то и будет предметом исследований. Но ее смело можно дополнить образцами, происходящими явно из V слоя, но попавшими в результате перекопов в вышележащие слои.

Болгарская керамика в V слое на 80,3 % состоит из общеболгарской гончарной мелкопесочной, преимущественно лощеной керамики окислительного обжига, в основном красного и коричневого цвета, различных форм. 8,1 % в пятом слое составляет гончарная с примесями в глиняном тесте, а 9,2% — лепная, т.е. выделанная от руки с различными примесями в тесте.

Среди гончарной с примесями представлена, согласно классификации болгарской керамики, опубликованной в нашей монографии [см.: Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984], XIII группа “джукетау” (8 фрагментов), III группа с растительной и песочной примесью салтово-маяцких истоков (6 фрагментов) и песочная XVII группы (1 фрагмент), являющаяся развитием лепной угорской VIII группы (1 фрагмент).

Выделанная от руки, шамотного и шамотно-растительного грубого теста салтово-маяцкая керамика II и XI групп обнаружена в количестве 13 фрагментов. Но есть и прикамская с толченой раковинной в тесте керамика VII группы (4 фрагмента) и V группы (1 фрагмент).

Болгарскую керамику сопровождает керамика финского происхождения, определенная нами как поволжско-финская. Она лепная шамотно-известнякового теста. Ее в V слое найдено 10 фрагментов. Есть в V слое русская белоглиняная и песочно-дресвяная (всего 6 фрагментов).

Рассмотрим болгарскую керамику подробнее. Общеболгарская гончарная мелкопесочная лощеная керамика представлена практически всеми формами. Получено более 10 фрагментов цилиндрошейных горшков (рис.1) с рифленой горловиной, характерных для домонгольского времени. Есть горшки с блоковидной горловиной. Найдено несколько фрагментов кувшинов с подцилиндрической горловиной, припухлым венчиком и подшаровидным туловом (рис.2), также несущих черты домонгольского времени. Весьма выразительны для домонгольского времени, как по форме, так и по орнаментации некоторых из них каннелюрами и заштрихованными треугольниками, образцы кружек и кружкообразных сосудов (рис.3). Встречен обломок ручки в виде стилизованной головки лося. Такие ручки бытовали в первой половине домонгольского времени. Не менее выразительны чашечки (рис.4). Да и блюдообразные сосуды несут черты домонгольских форм и орнамента. Есть и образцы от триподов на ножках (рис.4, 8,9). Осталось указать на фрагменты корчаг (рис.5) домонгольского времени, представленных несколькими венчиками с более или менее утолщенным с желобком снаружи и скошенным во внутрь краем. Один образец имеет весьма массивный венчик, характерный для первой половины домонгольского периода, что вполне согласуется со стратиграфическими данными, т.к. он происходит из заполнения ямы, которая восходит к основанию культурного слоя. Второй подобный венчик оказался переотложенным во II слой (вторая половина XVI-XVIII вв.).

В гончарной с примесями керамике пятого слоя достаточно выразительна керамика группы “джукетау” (XIII по классификации болгарской керамики). Она обычна по составу теста, обжигу, форме и орнаменту.

Керамика III группы салтово-маяцких истоков, точнее, ее развитие у болгар в домонгольский период, хорошо узнается даже по фрагментам. Их всего 20, но кроме 6 из V слоя 14 фрагментов оказались переотложенными в вышележащие слои: 3 фрагмента обнаружены в смешанно вскрытых IV-V

слоях, 1 фр. — в IV-м, 6 фр. — в III-м, 3 фр. — в смешанно вскрытых II-III-м и 1 фр. — в I-II-м слоях. Возможность реконструировать форму дали 2 крупных фрагмента из V слоя (рис.6). Это горшки с блоковидной, достаточно широкой горловиной, закругленным краем венчика, расширяющимся в верхней части туловом. Они орнаментированы по плечу: один — пояском округлых пальчатых вдавлений, другой — пояском из углублений в виде “запятых”.

Выделанная от руки керамика с примесями в тесте гораздо более выразительна. Это, можно сказать, классические образцы керамики болгар салтово-маяцких и прикамско-приуральских истоков. Керамика II группы (рис.7) аналогична, по классификации С.А.Плетневой, кочевнической керамике салтово-маяцких памятников Хазарии. Она выделана из характерного шамотно-растительного теста и имеет форму широкогорлого горшка с блоковидной горловиной, утолщенным венчиком, оформленным пальчатыми защипами. В V слое ее оказалось 6 фрагментов, в IV-V — 8, а выше — еще 5. Так как она вся однотипна, то нет сомнения о ее связи с V слоем.

Те же культурные истоки в салтово-маяцких памятниках болгар лесостепной полосы Подонья и Северского Донца имеет другая группа лепной керамики грубого шамотного теста. По классификации керамики волжских болгар, это XI группа (рис.8). Ее форма — горшок с блоковидным горлом, диаметр которого чуть больше половины наибольшего диаметра тулова. Эта керамика характеризуется широким резным линейным и волнистым орнаментом. На всех горшках волнистый орнамент нанесен по плечу, а линейный покрывает тулово и имеет вид рифления. По скошенному краю венчика нанесены насечки. В V слое такая керамика найдена в количестве 7 образцов, в смешанно вскрытом IV-V — 6 образцов. Она найдена и выше, т.е. в IV, III, II-III слоях, где ее оказалось 12 фрагментов, переотложенных снизу.

Керамика прикамских и приуральских финно-угорских истоков немногочисленна. Прикамско-приуральская представлена 7 фрагментами с толченой раковиной в тесте (рис.9). Из них 4 найдены в V слое. По ним, а также по образцам из смешанно вскрытых домонгольского и золотоордынского напластований можно представить круглодонные горшки двух типов: 1) с подцилиндрической горловиной, орнаментированные веревочными отпечатками и с насечками или гребенчатым штампом по скошенному краю венчика (рис.9, 2-5), и 2) горшки с блоковидной горловиной, также с веревочным орнаментом по ней и с защипами по краю венчика (рис.9, 1). Первый относится к VII группе, а второй — к V по классификации керамики Волжской Болгарии. Образцы приуральских угорских истоков найдены в V слое и в смешанно вскрытых IV-V слоях. Это венчики горшка с подцилиндрической невысокой горловиной с резной линейно-волнистой и в виде разорванной волны орнаментацией песочного теста. Близок им по форме другой венчик из V слоя, который отличается лишь рисунком волнообразной орнаментации. Это образцы VIII (рис.9, 6,8) и XVII групп керамики (рис.9,7) по классификации ее у болгар.

Такова керамика, связанная с содержанием V слоя Кремля, составляющая керамический комплекс культуры самого раннего поселения в северной части Кремлевского мыса. В том, что она относится к домонгольскому времени, никаких сомнений нет. Но важно выяснить нижнюю дату этого поселения.

Определяя общевенгерскую керамику V слоя в целом домонгольским периодом, следует указать на ряд более ранних образцов и элементов в ней. Это высокоротые цилиндрические с рифленой горловиной горшки, некоторые формы чашек и блюдообразных сосудов, ручки в виде головок лошади, триподы, массивные формы венчиков корчаг. Они указывают на первую половину домонгольского времени. И керамика с примесями, гончарная, а особенно лепная, бесспорно, свидетельствует об этом же времени.

Лепная шамотно-растительная керамика II группы и шамотная XI группы аналогичны керамике ранних памятников Волжской Болгарии, таких как ранние поселения Болгара, Биляр, Кубасское селище, Больше-Тарханский могильник (погребение 224), Утяковское городище, Мало-Пальцинское селище, ранние слои Муромского городка, Косьяковское селище и многие другие. Аналогии и истоки этой керамики лежат в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья. Те и другие имеют дату от IX до начала XI в., но в основном X в.

Аналогии прикамской раковинной керамике V и VII групп из V слоя Кремля дают Танкеевский могильник, Остолоповское селище, Алексеевское городище, ранние слои Суvara, Муромского городища, Болгара, Биляра и другие поселения, датирующиеся X-XI вв. Памятники Прикамья, куда уходят ее истоки, также относятся к этому времени.

Таким образом, нижнюю дату V слоя на основании его керамического материала следует определять первой половиной домонгольского периода, а точнее, X веком и не позднее рубежа X-XI вв.

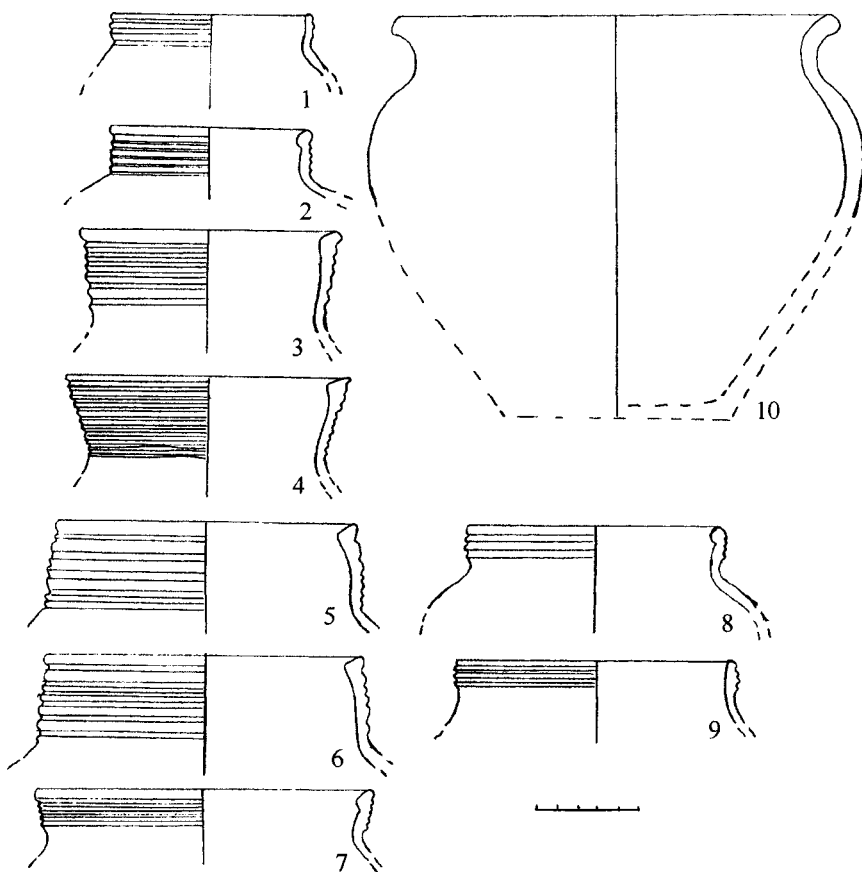

Рис. 1. Общеболгарская гончарная керамика. Горшковидные сосуды.

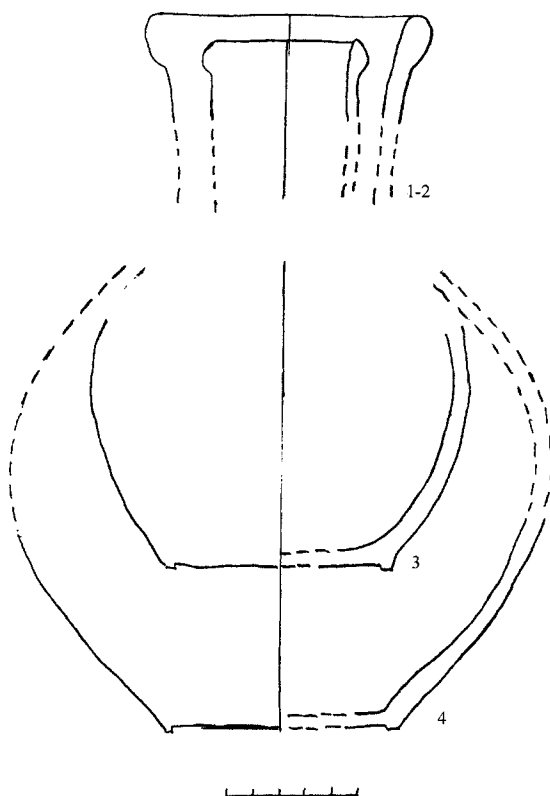

Рис. 2. Общеболгарская гончарная керамика. Кувшинообразные сосуды.

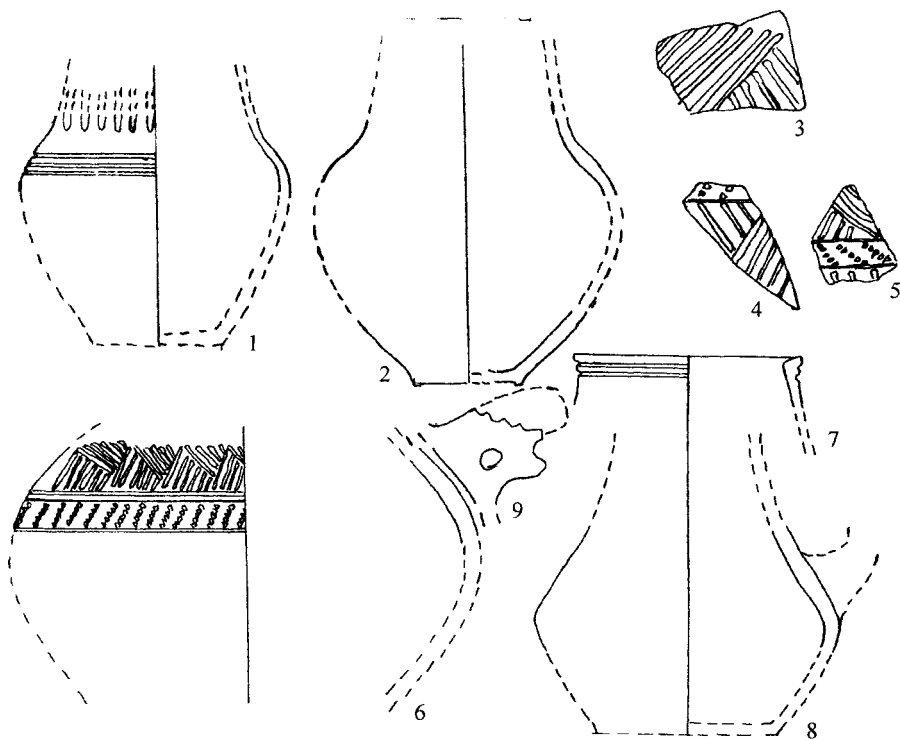

Рис. 3. Общеболгарская гончарная керамика.
Кружки и кружкообразные сосуды и их фрагменты.

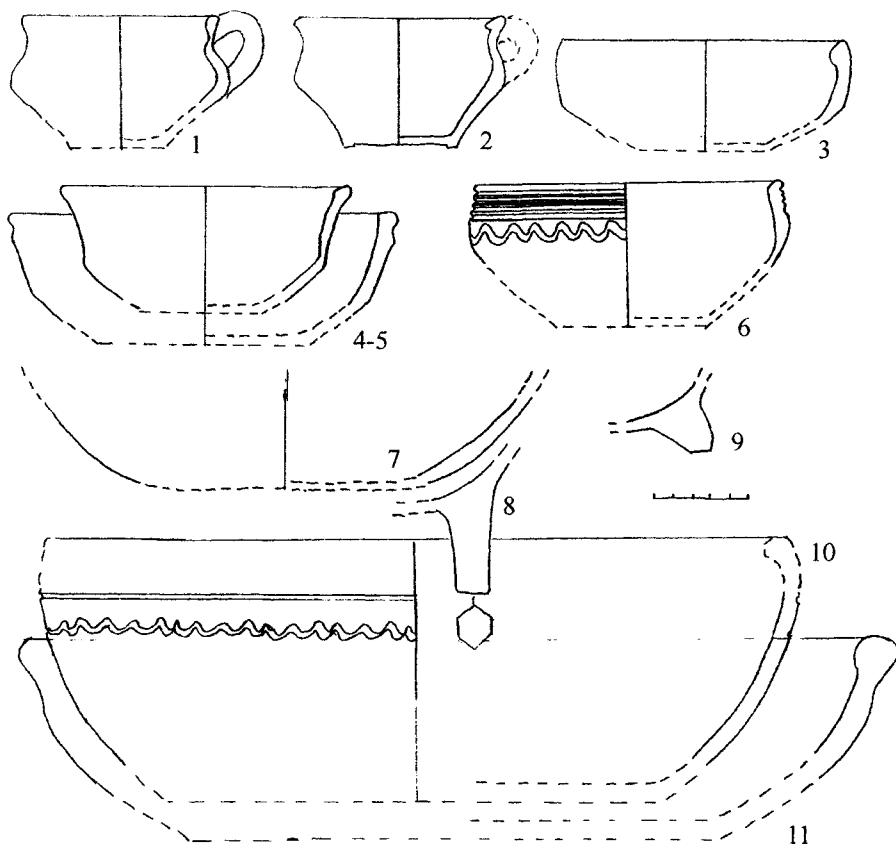

Рис. 4. Общеболгарская гончарная керамика. Чашевидные сосуды.

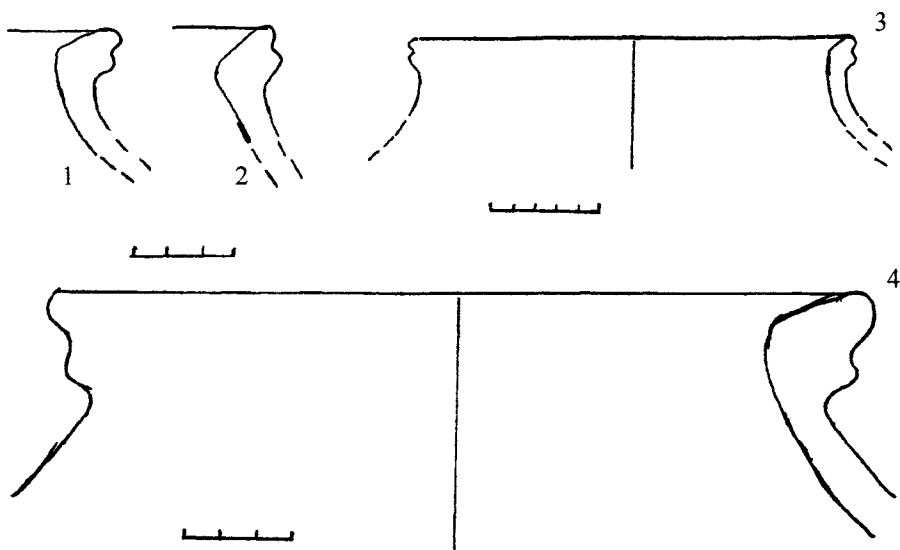

Рис. 5. Общеболгарская гончарная керамика. Фрагменты корчаг.

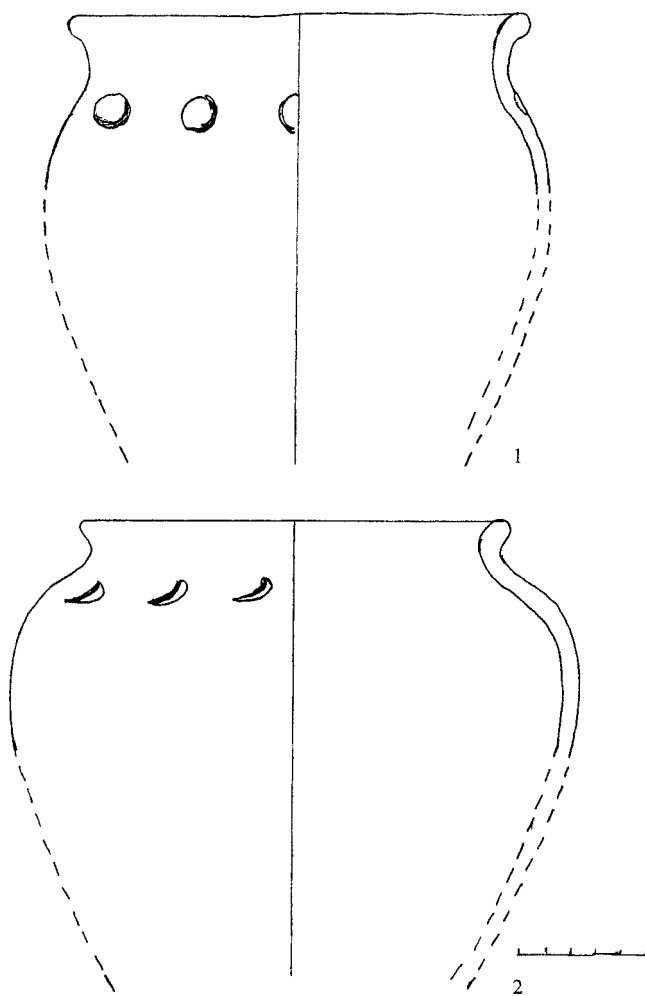

Рис. 6. III группа керамика салтово-маяцких истоков.

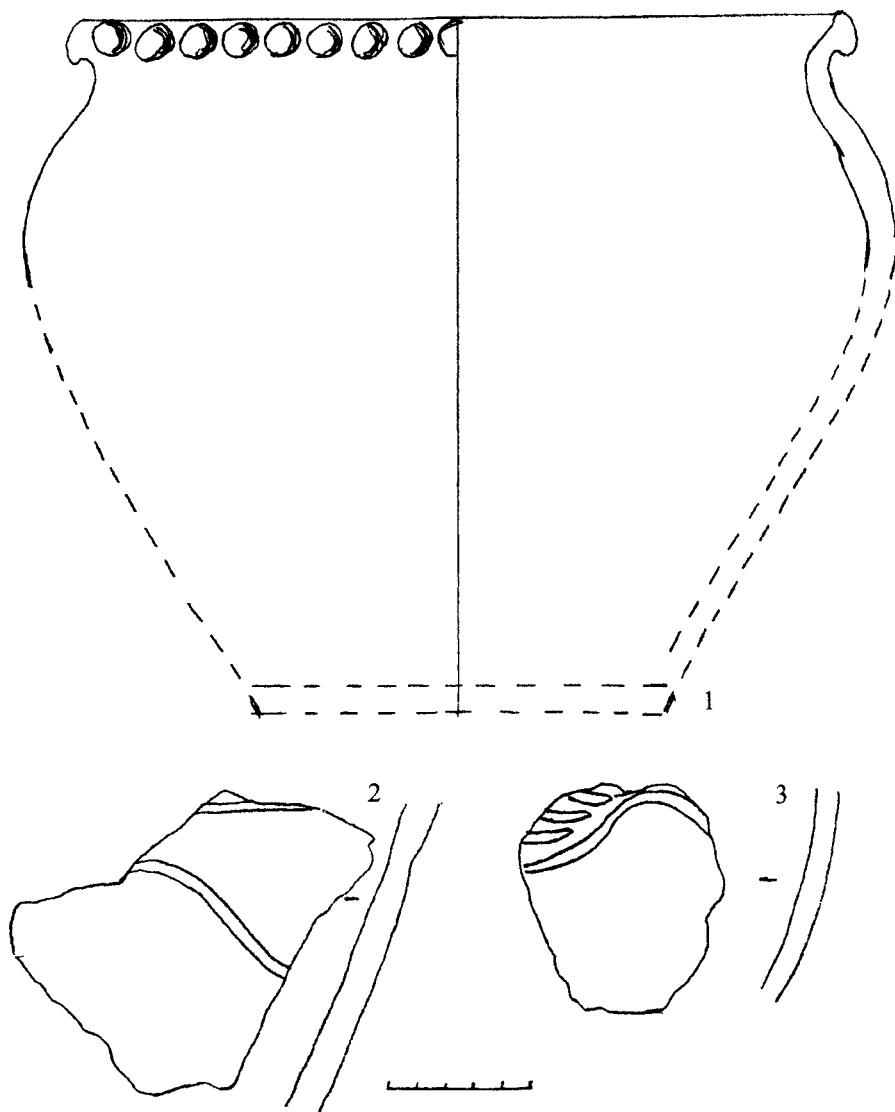

Рис. 7. II группа керамики салтово-маяцких истоков.

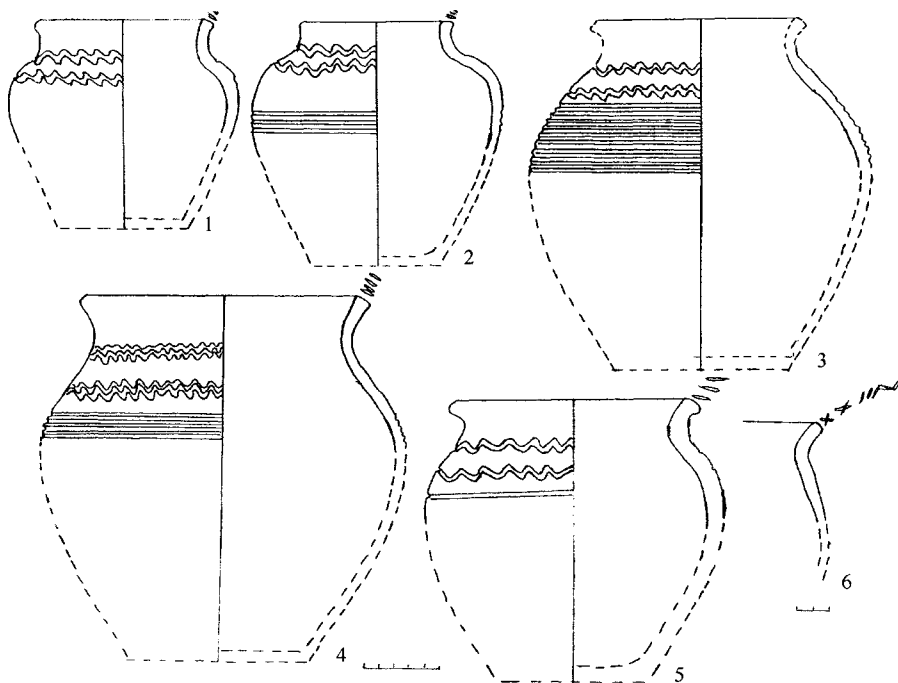

Рис. 8. XI группа керамики салтово-маяцких истоков.

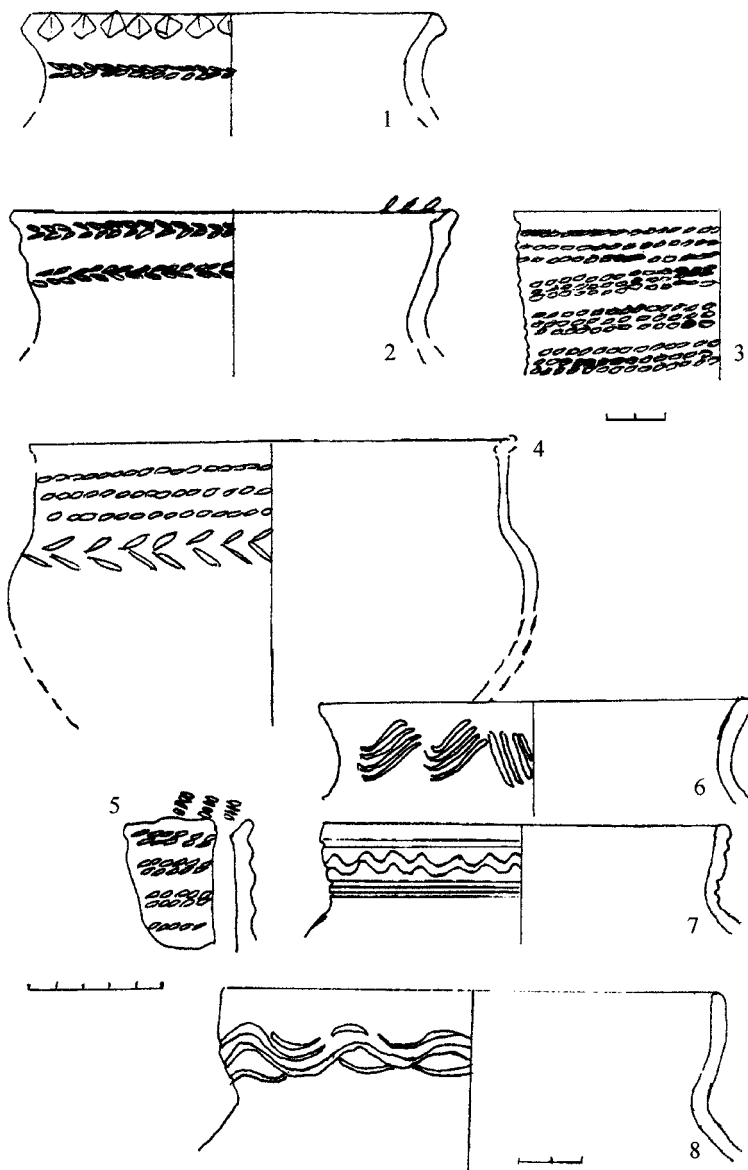

Рис. 9. Керамика прикамско-приуральских истоков.
1 — группа V; 2-5 — группа VII; 6, 8 — группа VIII; 7 — группа XVII.

Йохан Кальмер
Лунд, Швеция - Берлин, Германия

РАННИЕ БУСЫ ИЗ РАСКОПОК ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ

В раннесредневековых памятниках почти всей Европы, Западной и Южной Азии и некоторых регионов Африки в большом количестве обнаруживаются бусы из стекла и камня. Интересен тот факт, что значительная часть этих бус по техническим признакам, химическому составу, цвету и формам имеют близкое сходство. Очень трудно объяснить такое сходство, если не допускать существования довольно узкой территории производства этой продукции в восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Такой подход предоставляет нам почти уникальные возможности не только изучать важные торгово-исторические проблемы раннего средневековья, но и связать хронологические системы разных регионов.

Область распространения этих бус обширна и число артефактов огромно, работа по их более углубленному исследованию уже начата. Некоторые регионы изучены более подробно, тогда как другие обследованы только поверхностно. Как это часто бывает и с другими материалами, опаздывают качественные публикации бус. Довольно высокого уровня подобные исследования достигли в Карпатском бассейне, в Западной и Северной Германии, в Скандинавии и в некоторых районах Европейской России и Украины.

Для VIII и IX вв. я попробовал нарисовать картину распространения раннесредневековых бус в разных районах, характеризующихся некоторыми особенностями, часто локальными типами. Наряду с универсальными, широко распространенными типами бус, имеются и локальные типы, свидетельствующие о характерных особенностях местной продукции.

В последние годы мной разработан хронологический секвенс для североευропейского материала в пределах от тридцати до сорока лет. Для североευропейского материала характерно появление универсальных ("космополитических") типов около 60-70-х гг. VIII в., но они продолжали бытовать до XII в. Только короткий период IX в. показывает отсутствие этих типов. Подобные секвенсы разрабатываются для других регионов.

Недавно мне были переданы пятнадцать бус, обнаруженных в раннем (домонгольском) слое Казанского Кремля. Все они представлены на рисунке; сведения о местонахождении приведены в опубликованной статье Ф.Ш.Хузина (см. сборник "Археологическое изучение болгарских городов". Казань, 1999. С.28, рис.6). Мне кажется, что эти бусы составляют две разные в хронологическом отношении группы. Большинство их датируется XI

в., некоторые, может быть, бытовали немного раньше, в конце X в., а несколько бус относится к значительно более раннему периоду.

Старшая группа. Эта группа состоит из трех или четырех бус. Номера 1 и 2 на рисунке — обе сегментарные (многочастные), каждая составлена из четырех почти идентичных сегментов. Тянутая структура стекла чётко видна. Первая буса с неполным покрытием серебряной фольгой и с бесцветным поверхностным слоем стекла. Сегменты относительно маленькие (длина около 4 мм). Бусы этого типа выступают в большом количестве в конце VIII — начале IX в. в Северо-Западной и Северной Европе, а также в Восточной Европе. Тесные параллели обнаруживают в салтово-маяцкой культуре северо-восточного украинского варианта, с той же датировкой.

Вторая из вышеуказанных бус изготовлена из темно-синего стекла. Сегменты относительно более длинные и с характерной овальной формой. Эта форма довольно необычна, но даже малое количество находок таких бус, в том числе из одного погребения в могильнике Бирки (в средней Швеции), дает датировку, аналогичную первой бусине, то есть около 800 лет н.э. Число сегментов этих бус еще более убедительный аргумент в пользу ранней датировки, как это показали исследования З.Львовой и других специалистов. Сегментарные бусы с более чем двумя сегментами в конце IX и в X в. необычны, в то же время бусы от трех до восьми сегментов характерны для конца VIII — начала IX вв.

Бусина № 7 на рисунке принадлежит к группе *Kreisaugenperlen*, то есть округлоглазчатых бус. Бусы этой группы бытовали очень долгое время, но разные варианты имеют более узкий срок обращения. Этот тип с простыми синими и белыми “глазками” можно датировать так же, как и вышеописанные две бусины. Примеры и аналогии можем привести из памятников как Центральной Европы, так и Северной и Восточной Европы. Хронологическое положение этих трех бус, по моему мнению, однозначно и не вызывает сомнений, но четвертая и пятая бусины этой старшей группы, то есть № 12 и 13 на рисунке, могут быть отнесены к указанному же времени лишь с некоторой оговоркой. Впрочем, мои сомнения не так уж серьезны. Речь идет об округлых бусинках из сердолика. Шаровидная форма немного неправильна и диаметр небольшой — меньше сантиметра. Эти признаки могут свидетельствовать в пользу датировки их временем около 800 лет н.э. Именно округлые, а не призматические, бусы довольно плохого качества распространены в это время в Восточной и Северной Европе. В Северо-Западной и Центральной Европе они не известны. Распространение ранних округлых сердоликовых и некоторых других типов бус является сильным аргументом в пользу функционирования торговых связей через Восточную Европу, от Халифата и Византии до Балтийского бассейна. Все пять находок из Казанского Кремля являются продуктами полупромышленного изготовления стеклянных и каменных бус в Халифате и, может быть, в Индии.

Младшая группа. К этой группе мы относим две сегментарные (многочастные) бусины из желтого непрозрачного стекла. Одна бусина солитарная, т.е. состоящая только из одного сегмента, а другая двойная (см. рисунок, № 3,4). Желтые сегментарные бусы мы находим уже в VIII в., но их формы несколько другие и встречаются они довольно редко. Формы бус и число сегментов указывают на возможность их датировки серединой-второй половиной X — первой половиной XI вв. Подобные бусы являются массовым материалом в Северной и Восточной Европе. Сломанные бусы, как в данном случае, обнаружены в большом количестве на торговых пунктах того времени. Как исключение встречаются желтые бусы среди находок раннего XII в. в Северной Европе.

Буса, изображенная на рисунке под № 8, как и вышеупомянутая буса № 7 — округлоглазчатая, но принадлежит к другому типу. Голубые центры глазков значительно меньше, чем на вышеописанной старшей бусине. Глазки расположены диагональными рядами. Каждый глазок состоит из четырех слоев: изнутри голубое ядро, потом белый, коричневый и еще раз белый. В Северной Европе такие бусы мне известны в комплексах XI в. (особенно многочисленны они на острове Готланд и в Финляндии). Эта бусина, как и две желтые сегментарные, вероятно, является продукцией Среднего Востока.

Бусина № 14 на рисунке — это коричневая бусина с солнечными (реснитчатыми) глазками; подобные бусы встречаются среди находок XI в., но не в большом количестве.

Бусы № 9 и 10 — обе из темно-коричневого стекла, довольно большие и почти шаровидные бусы с грубой, белой декорацией. Эти бусы относительно тяжелые и вероятно являются бусами из оловянного стекла. Подобные темно-зеленые бусы из оловянного стекла мы встречаем как в Северной так и в Восточной Европе. Бусина № 6 — катушковидная с декорацией из белых и красных ниток. Малое число бус этого типа известно и в Северной, Европе, но в Восточной Европе их находят довольно часто.

Бусы №№ 6,9,10 и 14 являются, вероятно, продукцией византийских мастерских. Византийские бусы были широко распространены в значительной части Европы с конца IX до конца XI вв.

Остальные бусы не стеклянные: № 11 на рисунке — катушкообразная бусина из горного хрусталя. Это обыкновенный восточноевропейский тип. В Северной Европе они почти целиком отсутствуют. Там преобладают шаровидные и призматические формы. Аналогии казанской бусине происходят из погребений Танкеевского могильника.

Номер 5 — это геометрически шлифованная бусина из сердолика. Этот тип бус продолговатой формы с шестью или восемью гранями встречается в большом количестве со второй половины IX века. Округлые, так сказать, мягкие грани — характерный признак шлифованных бус из полудрагоценных камней, бытовавших в 60-70-х годах X века. Такая техника продукции

каменных бус может быть отмечана как очень интересное евроазиатское явление, намекающее, на наш взгляд, на существование только одного или всего лишь нескольких производственных центров. Более вероятно, что большинство бус из сердолика и горного хрусталя фактически поступали из Индии и, может быть, из Восточного Ирана.

Номер 15 на нашем рисунке — фрагмент крупной бусы или пряслица из янтаря. Это, скорее всего, балтийский янтарь, но нужно иметь в виду и другие источники этого материала. Очень вероятно, что янтарь поступал в Юго-Восточную Европу и на Средний Восток из Балтийского бассейна в результате торговых связей по Волжскому пути.

Итак, рассмотренные нами выше пятнадцать бус из Казанского Кремля относятся к двум различным группам. Четыре или пять бусин довольно ранние, их можно датировать временем около 800 лет н.э. Это период некрополей типа Большие Тарханы. Все они принадлежат к широко распространенным типам ближневосточной продукции. Остальные десять бус, может быть, за исключением янтарной, появились на 150 лет позднее, в период первичной урбанизации Волжской Болгарии. Эти бусы являются продукцией ближневосточных, индийских и византийских мастерских. Во второй половине X века начинается также производство бус в Волжской Булгарии.

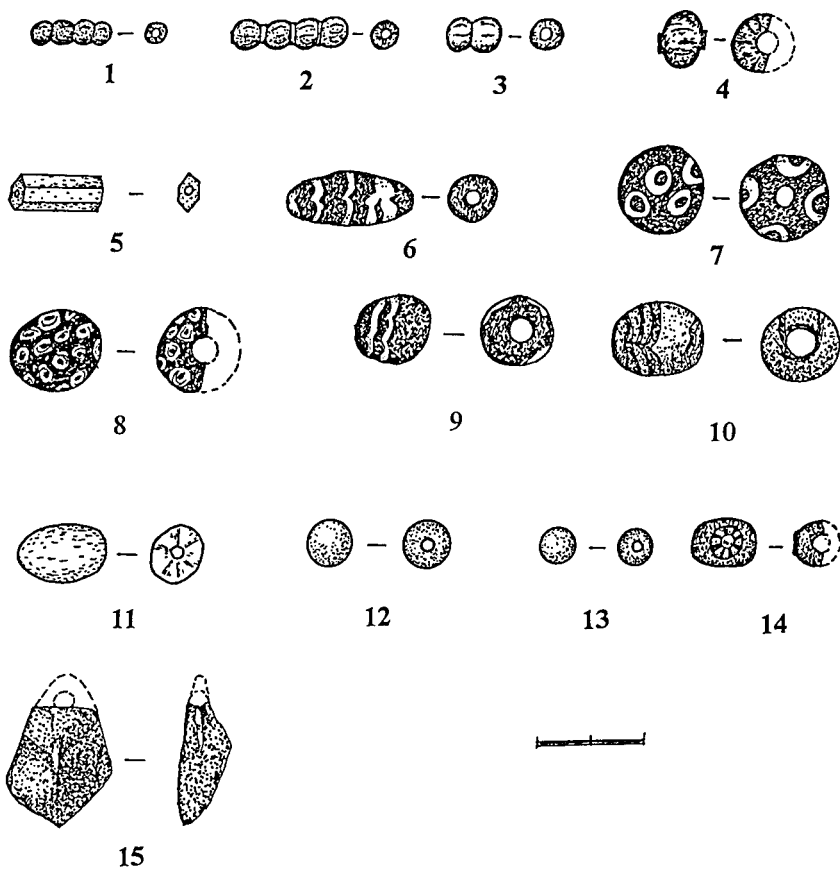

Рис. 1. Ранние украшения из древнейшего слоя Казанского Кремля.

Иштван Фодор
Будапешт

ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИЕ АНАЛОГИИ НАКЛАДКИ ИЗ РАСКОПОК КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

В 1998 г. при раскопках Казанского Кремля археологической экспедицией под руководством Ф.Ш.Хузина была найдена накладка от конской узды, имеющая довольно близкие аналогии из древневенгерских могильников X века.

Накладка была найдена на раскопе XIII при исследовании сооружения 13 (мастерской кожевенника) на глубине 320 см от современной поверхности в слое III, который датируется первой половиной XVI в., т.е. временем Казанского ханства. Данный предмет в этот слой попал, по сообщению автора раскопок, из нижнего, домонгольского слоя в результате перекопов.¹ Благодаря любезности автора раскопок я имел возможность познакомиться с находкой еще в августе 1998 года и 10 сентября на Международной научной конференции, проходившей в Казани, мною было сделано предварительное сообщение о датировке и аналогиях казанской накладки².

Накладка круглой формы отлита из низкопробного серебра, на поверхности можно проследить следы позолоты. На обратной стороне видны следы трех штифтов, при помощи которых она была прикреплена к кожаному ремню. Диаметр накладки 3 см. В середине имеется сильно выступающий полушарик, отсюда к краям идут четыре лепестка, расположенные симметрично. По краю имеется цепочкообразный бордюр, состоящий также из симметрично расположенных лепестков и мелких овальных кругов. Лепестки внутренней розетки и бордюра в середине углублены. В одном месте на накладке пробито небольшое отверстие, края которого тщательно сглажены³ (рис. 1).

Подобные накладки, украшенные розетками, широко распространены в Карпатской котловине в X в. Во многих случаях они найдены в погребениях *in situ* и благодаря этому бесспорно можно установить их первоначальную функцию: все они украшали уздечные ремни коня. Все без исключения найдены в богатых древневенгерских женских погребениях, сопровождаемых захоронением частей коня (головы и четырех ног) или конской упряжи (т.н. символические захоронения коня). Венгерскими исследователями предполагается, что в этих погребениях были захоронены жены аристократии и высокопоставленных дружинников.

Карта находок таких накладок, украшенных розетками, в последнее время составлена Л.Ревесом и учитывает находки до 1994 года.⁴ С этого времени найдены лишь единичные экземпляры, что не меняет общую картину

их распространения. Они распространены относительно равномерно, преимущественно в середине Карпатской котловины, главным образом, на территории современной Венгрии.

Из известных нам древневенгерских накладок с розетками ниже мы рассмотрим лишь те экземпляры, которые даже в деталях совпадают с казанской находкой, т. е. имеют по краю такой же цепочкообразный бордюр и лепестки в середине углублены. Все эти экземпляры литые, круглой формы, сделаны из серебра или бронзы и их поверхность позолочена. Крепились к уздечным ремням при помощи трех штифтов на обратной стороне. Накладки данного типа были найдены в следующих пунктах:

1. В д. Артанд, урочище Надьфаркашдомо (комитат Хаиду-Бихар, Восточная Венгрия, вблизи венгеро-румынской границы) в середине 1960-х годов К.Мештерхази открыл большую часть древневенгерского могильника X-XI вв., состоявшегося примерно из 200 погребений. В двух богатых женских погребениях (пп.6 и 207) была найдена конская сбруя, уздечные ремни которой были украшены накладками с розеткой. 14 накладок из погребения 6 идентичны с казанской: середина выпуклая, по краю расположен цепочкообразный бордюр; серединный полушарик и бордюр соединены четырехлепестковой розеткой. Накладка отлита из серебра, поверхность покрыта позолотой. Диаметр 3 см (рис. 3/1.) Женские погребения № 6 и 207 являются самыми ранними на могильнике и могут быть датированы первой половиной X в. Их более точная датировка затрудняется тем, что могильник еще не полностью опубликован⁵.

2. В г. Хевеш, на холме Капитанхедь (ком. Хевеш, Северная Венгрия) в 1936 году было разрушено богатое женское погребение с конем, где было найдено 13 уздечных накладок такого же типа. Все они отлиты из серебра, поверхность позолочена. На задней стороне расположено по три штифта для крепления (рис. 2/1-13). В погребении найдены еще: большой шаровидный бубенчик великоморавского типа, бронзовый браслет, обернутый тонкой золотой фольгой и на концах украшенный вставками полудрагоценного камня (граната), железное стремя. Бубенчик великоморавского типа явно является импортом и время его изготовления можно датировать IX в. Браслет архаичного типа также указывает на раннюю дату погребения, не выходящую за рамки первых десятилетий X в.⁶

3. В д. Дьемере (ком. Дьер-Шопрон-Мошон, Северо-Западная Венгрия) в начале века в разрушенном при посадке виноградника погребении было найдено 13 накладок, часть которых относится к данному типу. Они отлиты из серебра; диаметр 2,9-3 см (рис.3/2). Погребение женщины по инвентарю может быть датировано первой половиной X в.⁷

4. В начале XIX в. в д. Желизкишлак (ком. Шомодь, Юго-Западная Венгрия) при вспашке было разрушено древневенгерское погребение. Среди вещей, переданных в Венгерский Национальный музей, имеются и накладки от уздечки данного типа. Их диаметр 3 см (рис.3/3). Здесь же представ-

лены накладки для украшения конской сбруи с розеткой другого типа, а также стремя, близкое к салтовскому типу со слегка выпуклой подошвой и обломок железных удил с прямой псалией⁸. На основании последней находки — стремени архаичного типа комплекс вещей может быть датирован первой половиной X в.

5. В 1902 году в д. Синер (в наст. вр. Свинице, Юго-Восточная Словакия) при посадке виноградника в разрушенном погребении была найдена накладка данного типа: слегка овальной формы с диаметром 3 см и тремя длинными штифтами на обратной стороне. Отлита из низкопробного серебра (рис.3/4). Здесь же были найдены: уздечная накладка другого типа с розеткой, наконечник ремня (вероятно уздечного) из серебра, пластинчатый серебряный браслет и железные двухсоставные удила с прямыми железными псалиями⁹.

6. В начале XX века в окрестности г. Шарошпатак, в урочище Кишхомок (ком. Боршод-Абауй-Земплен, Северо-Восточная Венгрия) при земляных работах была найдена накладка данного типа, отлитая из низкопробного серебра с диаметром 3 см (рис.3/5)¹⁰. Находка может быть датирована по аналогии из другого богатого погребения вблизи г. Шарошпатак, где также были найдены накладки с розетками другого типа и саманидские диргемы начала X века. Датировка данной накладки, вероятно, не выходит за рамки первой половины X века¹¹.

7. В 1896 году Б.Пошта в д.Тортел (ком. Пешт, Средняя Венгрия) открыл остатки уже разрушенного богатого женского погребения с конем. При раскопках найден набор украшений конской сбруи. Накладки отлиты из серебра, их поверхность позолочена. Они различного размера. Большинство украшено розеткой. Среди них одна накладка с диаметром 2,6 см имеет идентичную с казанской форму и орнамент (рис.3/6). На одном из наконечников ремня из этого же набора изображен олень — тотемное животное древних венгров. Инвентарь погребения уверенно датируется первой половиной X в.¹²

8. В 1954, 1963-64 годах Я.Дь.Сабо к югу от г.Сарваш (ком.Бекеш, Юго-Восточная Венгрия) открыл могильник IX-X вв. Могильник, кроме нескольких разрушенных, содержал 49 погребений. В мужском погребении № 2 найдены железные оковки гроба, железный нож, обломки стремени, зуб лошади и одна накладка данного типа, отлитая из серебра с позолотой. Диаметр 2,6 см (рис.3/7). Погребение, по всей вероятности, датируется первой четвертью X в.¹³

9. В 1933 г. Г.Чаллань в с. Гадорш (ком. Бекеш, Юго-Восточная Венгрия) открыл четыре богатых погребения. В погребении № 2 был найден богатый набор украшения конской сбруи, среди них и две накладки данного типа. Они отлиты из серебра и позолочены. Диаметр 2.9 см (рис.3/8). Эти погребения датируются довольно уверенно первой половиной X в.¹⁴

10. Кроме указанных находок накладки данного типа имеются среди вещей неизвестного местонахождения. В собрании Венгерского Нацио-

нального музея хранятся две таких древневенгерских накладки (рис. 2/14-15). Вторая из них внизу имеет небольшую петлю для привешивания различных украшений (текстильных лент и пр.)¹⁵.

Таким образом, краткий обзор венгерских аналогий казанской накладки показывает, что они все довольно однотипные и их датировка практически не выходит за рамки первой половины X в.

Накладки от уздечки с розеткой в Восточной Европе встречаются весьма редко и нам известно всего 5 экземпляров (Киев, Боршевское городище, Волжская Болгария)¹⁶. Единственная точная аналогия казанской накладки найдена в погр. 476 Танкеевского могильника. Она отлита из бронзы и к ней припаяно ушко для подвешивания (рис.4/1). Е.П.Казаковым она датирована IX в.¹⁷ Оформление бордюра более крупных накладок конской сбруи из Балымерского кургана X в. также напоминает казанскую накладку, но не является точной ее аналогией (рис.4/ 2)¹⁸.

На основе вышесказанного наиболее вероятной датой казанской накладки является X в. Этой дате не противоречит и то обстоятельство, что она была использована вторично, вероятно, как женское украшение. Она, как указывалось, не датирует слой, в котором была найдена. Не исключено, по нашему мнению, что сюда она попала из разрушенного погребения. Не столь уж редки случаи, когда при возведении земляных валов, строительстве жилищ и хозяйственных сооружений, а также связанной с ними нивелировке площадок поселений разрушают древние погребения и часть их инвентаря попадает в более поздний культурный слой. (Такое могло случиться, кстати, и с древнечешской монетой, которая, судя по отверстию в ней, также была использована как украшение одежды или конской сбруи)¹⁹.

Трудно пока ответить на вопрос, как древневенгерская накладка оказалась на территории Волжской Болгарии. На основании единичных аналогичных предметов в Восточной Европе мы вряд ли можем предполагать ее местное производство. Не исключено, что она была привезена из Венгрии. О торгово-экономических и политических связях Волжской Болгарии с Венгрией сейчас мы можем судить теперь не только по известной хронике венгерского Анонима²⁰, но и по находкам болгарских монет на территории Венгрии²¹. Этому предположению противоречит только ранняя датировка упомянутой Танкеевской накладки.

1. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань и проблемы ее возникновения// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Казань, 1999. С.207-208, 225, рис.7/2; его же. Путь к первоначальной Казани// Казань. На стыке цивилизаций и тысячелетий. 1999, № 5-6. С.31.

2. См.: Материалы к круглому столу по теме "Средневековая Казань (возникновение и развитие). Казань, 1998. С.62.

3. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань...; его же. Путь к первоначальной Казани...

4. Révész L. Mit Beschlägen geschmückte Pferdegeschirre aus den landnahmezeitlichen Frauen- und Männergräbern// Acta Arch. Hung. 1994, 46. P.307-361.

5. Mesterházy K. Ein landnahmezeitlicher Sattel aus Ártánd// Acta Arch. Hung. 1980, 32. P.305; его же. Die Landnahme der Ungarn aus archäologischer Sicht// Ausgewählte Probleme der europäischen Landnahmen des Früh- und Hochmittelalters. Hrsgb. M.Müller-Wille — R.Schneider. Sigmaringen, 1994. P.29, Abb.11/2; его же. Ártánd-Nagyfarkasdomb // The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Ed. I.Fodor. Budapest, 1996. P.212-214, fig.4.
6. Pataky V. A hevesi honfoglaláskori női sírlelet. (Der Grabfund von Heves aus der Landnahmezeit)// Földt. 1939, 1-2. P.200-204, 207-208, Taf. 1/1-13; Révész L. Heves-Kapitányhegy// The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Ed. I.Fodor. Budapest, 1996. P.392-393, Fig. 1.
7. Szőke B. Adatok a Kisalföld IX. és X. Századi történetéhez (К истории Малой среднедунайской низменности в IX-X столетиях)// ArchÉrt. 1954, 81. P.128-129, XXV t; его же. A honfoglaló és kora Árpád-kori magyaság régészeti emlékei. Régészeti Tanulmányok, I. Budapest, 1962. P.17, I. T. 11.
8. Hampel J. Újabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiről. Budapest, 1907. P.151, 39. T.2.
9. Там же. C. 144-145, табл. 32/1; его же. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. II. Braunschweig, 1905. P.849-850. Bd. III. Taf. 502/1. (В этой последней работе местом нахождения указан ошибочно г. Шаторалюхей, находящийся недалеко от с. Синер).
10. Hampel J. Alterthümer... II. P. 660, Abb.3; его же. Újabb tanulmányok... P.136, Abb. 1.
11. Fodor I. Sárospatak-Baksahomok// The Ancient Hungarians... P.168-171.
12. Hampel J. Altherthümer... II. P.607-610. Bd. III, Taf. 409/5; Mesterházy K. Törtel-Demeter tanya// The Ancient Hungarians... P.356-357.
13. Makay J. — Szőke B.M. Szarvas, Káka, Kettőshalom dűlő// Magyarország Régészeti Topográfiája, 8. Békés megye régészeti topográfiája, IV/2. Szarvasi járás. Budapest, 1989. P.441-443, 57. T.1; Szflontai Cs. Megjegyzések az Alföld IX. századi történetéhez. (Заметки по истории Венгерской низменности в IX веке)// JAMÉ. 1992, 30-32. P.309-347, I. T.1.
14. Fettich N. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn// ArchHung. XXI. Budapest, 1937. Taf. XCIII/6-7; Bálint Cs. Súdungarn im 10. Jahrhundert. Budapest, 1991. P.37-51, Taf. VI/4.
15. Венгерский Национальный музей, отдел средневековья. Инв. № 61.71.A. и 90/1950.4.
16. Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника// Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С.163; Mesterházy K. Die Landnahme... P.29, Abb. 11/3, 5-6.
17. Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях... С.162-163, рис. 1/1; его же. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.121, табл. XX/6; Khalikova E.A. — Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka// Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Ed. I.Erdélyi. Studia Archaeologica, VI. Budapest, 1977. P.135, pl. XLI/10.
18. Pósta B. Archäologische Studien auf russischem Boden Budapest — Leipzig. 1905. S. 39-41, Abb. 13/1-2; Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X- начала XIII в. Казань, 1997. С.49, рис. 23/2-3.
19. Хаскова Я. Древнечешская монета из Казани// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Казань, 1999. С.227-234.

20. См.: Тарди Л. Ранние венгерские путешественники в Поволжье// Chuvash Studies. Ed. A.Róna-Tas. Budapest, 1982. P.237-238; Фодор И. Торговые связи Волжской Булгарии с Венгрией// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья в IX-XII веках. Казань, 1999. С.176-177.

21. Rispling G. Ungarische Beiträge zur islamischen Numismatik. Hamburger Beiträge zur Numismatik. 1982-1984, 36-38. S.130-133.

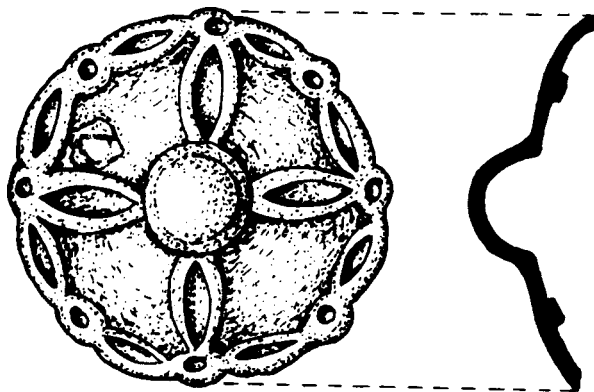

Рис. 1. Бронзовая накладка на конскую узду из Казанского Кремля.

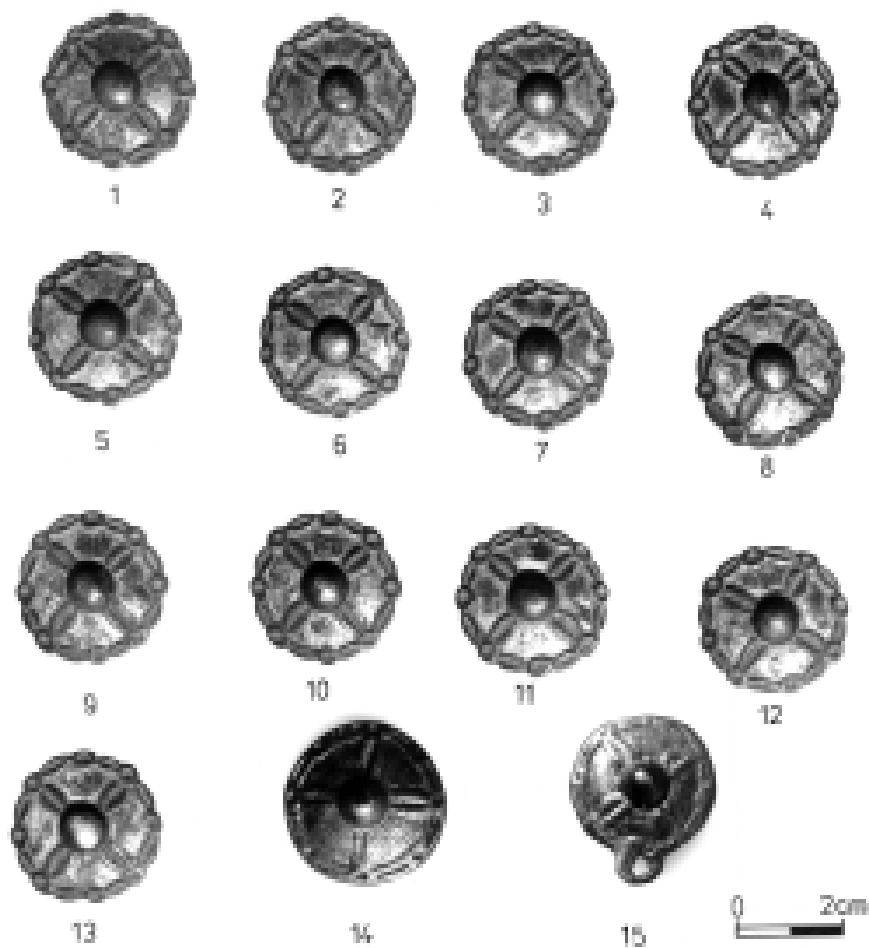

Рис. 2. Бронзовые накладки из Венгрии.

1-13 — из разрушенного женского погребения на холме Капитанхедь в г. Хевеш;
14-15 — из собрания Венгерского Национального музея.

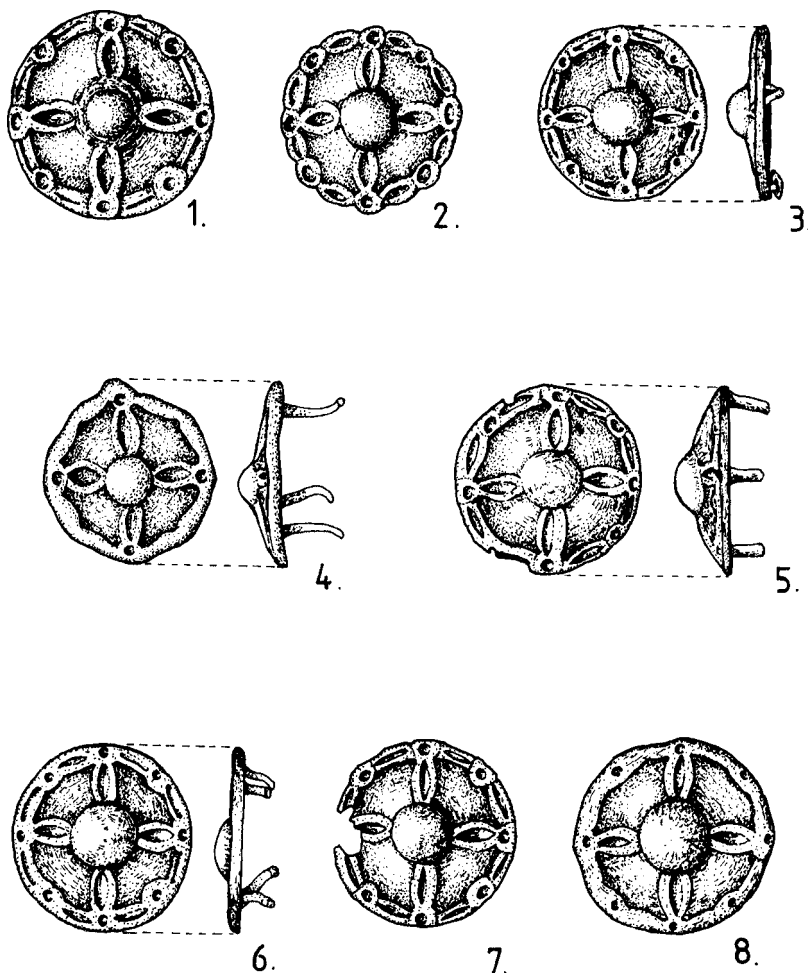

Рис. 3. Бронзовые накладки из Венгрии.

1 — из погр. 6 могильника в д. Артанд, урочище Надьфаркашдомо (комитат Хайду-Бихар); 2 — из разрушенного женского погребения в д. Дьемере, комитат Дьер-Шопрон-Мошон; 3 — из разрушенного погребения в д. Желизкишлак, комитат Шомодь; 4 — из разрушенного погребения в д. Синер (Свинице), Юго-Восточная Словакия; 5 — случайная находка при земляных работах в урочище Кишхомок, окрестности г. Шарошпатак (комитат Боршод-Абауй-Земплен); 6 — из разрушенного женского погребения в д. Тортел, комитат Пешт; 7 — из погр. 49 могильника в окрестности г. Сарваш (комитат Бенеш); 8 — из погр. 2 могильника в с. Гадорош (комитат Бекеш).

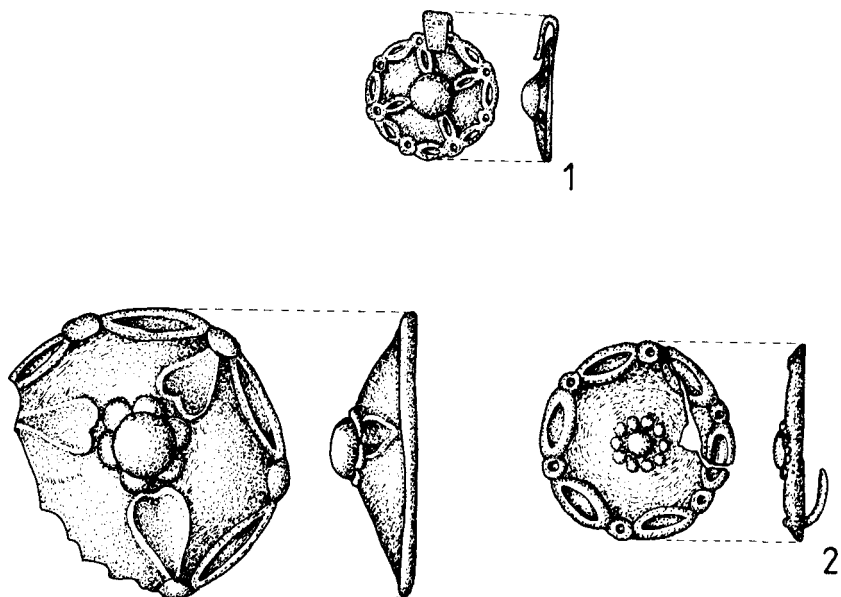

Рис. 4. Бронзовые накладки из России.

1 — из погр. 476 Танкеевского могильника; 2 — из Бальмерского кургана.

*Клавдия Николаева,
Гузель Кашапова
Казань*

СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОЙ АНАЛИЗ ОБРАЗЦОВ ИЗ РАСКОПОВ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ (к датировке культурного слоя средневекового города)

Спорово-пыльцевой анализ, в последние годы чаще называемый палинологическим методом, заключается в послойном изучении ископаемых пыльцы и спор по профилю отложений. Смены состава спорово-пыльцевых спектров дают представление об изменениях флоры и растительности за время формирования отложений, вскрытых исследуемым разрезом. По результатам спорово-пыльцевого анализа можно судить о климатических условиях прошлого.

В последние десятилетия палинологический метод с успехом используется в археологии.

На кафедре ботаники Казанского государственного университета В.Т.Шаландиной в течение предшествующих 10-15 лет проводилось палинологическое изучение образцов из раскопов на Билярском городище, а в последние годы и на территории Казанского Кремля.

В 1998-99 гг. исследовались образцы породы из трех раскопов: XIII, заложённого южнее Воскресенской башни у подножия склона Кремлевского холма (руководитель Ф.Ш.Хузин), разрез котлована у западной окраины т.н. Безымянной круглой башни и раскопа X, расположенного с восточной стороны Благовещенского собора (руководитель А.Г.Ситдинов).

Следует заметить, что образцы были в ряде случаев слабо наполнены пыльцой и спорами, а в ряде случаев оказались практически пустыми.

Интерпретация результатов анализа образцов, в которых пыльца и споры присутствовали, проводилась по следующим критериям:

1. Выявлялось процентное соотношение пыльцы деревьев и трав, что позволяло судить об общем характере растительного покрова (лес, лесостепь), степени облесенности и т.д.

2. По составу пыльцы деревьев делались выводы о типе лесных формаций: широколиственные, хвойные, березовые. Большое количество пыльцы широколиственных пород мы связывали с этапами потепления. Увеличение количества пыльцы темнохвойных пород и березы являлось отражением похолодания.

3. Присутствие большого количества пыльцы с усилением ксерофитизации.

4. Увеличение количества пыльцы липы, ели, мезофильного разнотравья является показателем возросшего увлажнения.

5. Для определения возраста древних слоев, что для археологов представляет особый интерес, использовались данные по хронологии климатических изменений в голоцене для территории бывшего СССР, приведенные в работах В.А.Климанова. Климатические изменения во времени были прослежены им на основании палинологических исследований озерно-болотных отложений с радиоуглеродным датированием.

Сравнивая наши данные с этапами потепления или похолодания, названными Климановым экстремумами, мы пытались определить или уточнить возраст слоев в пределах интервалов, указанных археологами.

Ниже будут приведены данные по отдельным слоям. Спорово-пыльцевой спектр из материкового слоя, вскрытого в раскопе XIII-97 показал невысокую облесенность территории, покрытой участками широколиственного леса, в основном из дуба и вяза. Значительные пространства занимали березняки, что, вероятно, было связано с похолоданием. Безлесные участки покрывали разноправно-злаковые сообщества. Возраст породы определен археологами до X в. Ближайший экстремум похолодания по Климанову имел место около 1200 лет назад. С учетом ошибки абсолютных дат ± 50 лет это было время около второй половины VIII- второй половины IX веков.

Для слоя V результаты получены по образцам из тех же раскопов.

Спорово-пыльцевой спектр образца из раскопа XIII-97 отражает очень слабую облесенность. Островки широколиственного леса из дуба, вяза и липы чередовались с открытым ландшафтом, занятым злаково-разнотравными формациями с большим участием полыни. Климат был теплым и сухим.

Археологическая датировка слоя — начало XI — первая четверть XIII в. Ближайший экстремум потепления наблюдался около 1000 лет назад. С учетом поправки на абсолютную датировку — это вторая половина X — первая половина XI века. Значительное обезлесение территории можно связать с пожарами, об этом свидетельствует присутствие пыльцы иванчая — растения, поселяющегося, как правило, на пустырях после пожаров и вырубок.

Спорово-пыльцевой спектр, образующийся из-под слоя V котлована круглой башни Кремля, отличается довольно высоким содержанием пыльцы деревьев, что свидетельствует о значительном распространении лесных формаций. Это были липняки с дубом и вязом. Часть территории покрывали березняки, что могло быть результатом похолодания. Археологическая датировка слоя — период до возникновения поселения. Ближайший экстремум похолодания имел место 1200 лет назад, т.е. возраст образца можно датировать второй половиной VIII-первой половиной IX века.

Палиноспектр образца из слоя V раскопа X 1998 г. в общих чертах сходен со спектром образца того же слоя V из раскопа XIII-97. Слабооблесенный ландшафт лесостепного типа. Небольшие участки дубрав с липой окружены разнотравно-злаковыми сообществами. Климат теплый и сухой. Датировку образцу даем в пределах второй половины X — первой половины XI века, когда наблюдался экстремум потепления.

Слой IV характеризуется спорово-пыльцевым спектром образца из раскопа X. Состав спектра характеризует также ландшафт лесостепного типа.

Древесный ярус составляли смешанные сосново-широколиственные формации. В пониженной части рельефа, возможно, присутствовали темнохвойные породы. Присутствие последних отражает условия более прохладного и влажного климата. Археологическая датировка соответствует первой четверти XIII-второй половине XV века. Ближайший экстремум похолодания отмечен 700 лет назад, т.е. это была вторая половина XIII-первая половина XIV века. Таким образом, образец из слоя IV раскопа X можно датировать этим интервалом.

Спорово-пыльцевой спектр слоя III раскопа XIII-97 также отражает ландшафт лесостепного типа. Наряду с лесами из широколиственных пород значительные пространства были заняты березняками, что могло быть следствием как похолодания, так и заселения березой участков, ранее занятых коренным лесом, но уничтоженным человеком для хозяйственных нужд. Если принять во внимание первое, т.е. похолодание, то наша датировка образца совпадает с археологической, т.к. небольшое похолодание имело место примерно 500 лет назад, т.е. это была вторая половина XV — первая половина XVI века.

Палиноспектр образца из слоя III раскопа X характеризует также слабую облесенность. Лесные формации были представлены смешанными сосново-широколиственными формациями, занимавшими возвышенные участки, и темнохвойными из ели и пихты, произрастающими в понижениях. Эти леса были частично заболочены. Климат был прохладным и влажным. Экстремум похолодания отмечался примерно 500 лет назад. Именно он, возможно, явился причиной экспансии темнохвойно-таежных лесов на эту территорию. Здесь мы также констатируем совпадение нашей датировки с археологической — вторая половина XV — первая половина XVI века.

Состав палиноспектра образца из раскопа XIII-98 аналогичен только что охарактеризованному. Поэтому возраст его определяем тем же интервалом.

Слой II охарактеризован палиноспектром образца из раскопа XIII-98. Максимально низкое содержание пыльцы деревьев отражает почти безлесный ландшафт. Злаково-разноправные сообщества господствовали на территории, окружавшей Кремлевский холм. Отдельные дубы и липы свидетельствуют о теплом климате. Археологическая оценка возраста слоя II — вторая половина XVI-XVIII в. Учитывая, что экстремум потепления на-

блюдался 300 лет назад, можно датировать возраст слоя II второй половиной XVII — первой половиной XVIII века. Обезлесение территории явилось результатом интенсивной хозяйственной деятельности человека в этот период.

Подводя итог оказанному, следует отметить, что палинологический метод определения возраста не является абсолютно надежным, т.к. при захоронении пыльцы могут иметь место многие факторы, искажающие результаты, на основании которых делается заключение о возрасте. Это и различная пыльцевая продуктивность растений, различная степень сохранности пыльцы у разных растений, перенос пыльцы на различные расстояния, особенности среды, в которую они попадают при захоронении и т.д.

Только комплексный подход к определению возраста слоев может дать надежные результаты, однако не учитывать результатов палинологических методов нельзя.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ КАЗАНИ

За последние полтора года в Казани прошла серия совещаний и конференций, посвященных средневековой истории и исторической географии Среднего Поволжья, проявлению места региона в истории Евразии и евразийской цивилизации. Так или иначе, все эти конференции оказались связаны одной проблемой, одной темой — определением времени, когда здесь, на Кремлевском холме, возник город, именуемый Казань.

Когда же возник этот город? Какова была та историческая, социальная, экономическая и этнокультурная ситуация, которая обусловила его возникновение? Какова была первоначально функциональная роль города в породившей его цивилизационной среде? Всегда ли город носил свое нынешнее название, всегда ли был известен под этим именем?

Напряженный и многолетний труд казанских археологов и историков, усилия их коллег из других городов и стран, суммированные ныне на столь представительной конференции, позволяют предложить достаточно определенные, хотя и не всегда полные ответы на поставленные вопросы. Останемся на некоторых из них.

Время подъема Волжской Булгарии, первого государства, сформировавшегося в Среднем Поволжье, приходится на X-XII вв. Непременным условием возникновения и расцвета этого государства было активное функционирование весьма разветвленного Волжско-Балтийского торгового пути, связывавшего страны мусульманской цивилизации с северной Европой. Вторым по счету, но не по значению условием был социальный и экономический скачок в пределах самого Волжско-Камского региона, неотделимый от сложения там в VII-VIII в. новой этнокультурной среды. На этом фоне в X в. здесь возникают крупнейшие торгово-ремесленные поселения. Археологами зафиксированы относящиеся к этой эпохе селища — Измерское, Семеновское, Малиновское и др. В устьях судоходных притоков Волги тогда же, главным образом во второй половине X в., строятся болгарские торговые городки, такие, например, как Криушское поселение близ устья р. Цивиль. Обычно в целях безопасности такие поселения строили на некотором отдалении от основного водного пути. Торговая активность поселений, основной инфраструктуры Волжско-Камской дистанции на транзитной трассе, зафиксирована сотнями серебряных монет X в., найденных там, причем преобладают саманидские дирхемы. В конце X — начале XI в. в северо-западной части Булгарского царства сформировалась своего рода структура, сеть торгово-ре-

месленных поселений и военных форпостов, контролирующих и использующих как ресурсы региона, так и трассы транзитных путей.

И совершенно неизбежно в сферу внимания и интересов создателей этих поселений попадает издавна, по крайней мере, с эпохи бронзы и раннего железного века, обжитое место — мыс в устье Казанки, в 7 км от Волги. Ни по своей типологии, ни по дате возникновения построенный здесь городок ничем не отличался от многочисленных собратьев. Обратимся к материалам, аргументирующим и развивающим изложенную точку зрения.

Все гипотезы о времени основания Казани базируются на использовании следующих указаний:

1) даты первого упоминания имени города в письменных исторических источниках;

2) этимологической интерпретации имени города;

3) археологических, эпиграфических и нумизматических материалов;

4) интерпретации произведений устного народного творчества или художественного вымысла, частично зафиксированных в древних письменных памятниках или собраниях фольклорных материалов.

5) оценок политических и социально-экономических процессов.

Два последние основания носят очевидно вспомогательный характер и не подлежат отдельному рассмотрению. Археологические материалы, в особенности добытые за последние годы, позволяют установить три неотложных факта:

а) часть находок в древнейшем V-ом слое, вскрытом на Кремлевском холме, ясно указывает, что городское поселение уже существовало здесь в последней четверти X — начале XI в. К датирующим материалам относятся саманидская и чешская монеты X в., лепная керамика салтово-маяцкого типа, некоторые типы бус и бронзовых браслетов, бронзовые накладки и пряжка. В то же время, все остальные находки из того же слоя, в том числе и массовая гончарная керамика, не противоречат указанной датировке.

б) наличие весьма различных по месту изготовления и функциям инвентаря, в особенности монетные находки, явно отражают торгово-посреднический характер поселения.

в) полное отсутствие в V-ом и более поздних слоях предметов, связанных с сельскохозяйственным производством, подтверждает несельский характер созданного на Кремлевском холме городка, общая площадь которого в начальный период существования была не менее 5 гектаров.

Важно заметить, что в суждениях о времени основания Казани решающее значение имеет то обстоятельство, что под этим названием известны:

а) городище “Иски Казань” в 45 километрах от современной Казани, в среднем течении р. Казанки;

б) средневековая Казань в устье р. Казанки.

Одна часть исследователей (последний по датам публикаций — В.Л.Егоров) решительно отвергает какую-либо историческую преемственность этих двух объектов.

Другие же, напротив, эту преемственность признают и обосновывают (последний по дате публикаций — Р.Г.Фахрутдинов).

Рассмотрим возможности использования с указанной целью каждого из предложенных оснований.

1. Древнейшие упоминания Казани в исторических источниках.

1. Русские летописи упоминают Казань под 1376 г. (единичные упоминания), 1382 г. (единичное упоминание) и в 90-х гг. XIV в. (многократные упоминания во многих летописях) в связи с набегами ушкуйников и походами русских князей. Эти упоминания были вполне правомерно подвергнуты критике еще С.М.Шпилевским (1877 г.) и многими последующими исследователями. Было доказано, что в одних случаях название **Казань** подменяло имя *Булгар* и было в XIV в. неологизмом. В других случаях оно заменяло схожее, но малоизвестное в послебулгарское время название города *Кашан* в низовьях Камы. Так, упоминание Казани Рогожским летописцем под 1391 г., где сообщается о разгроме ушкуйниками города Жукотина (Джукетау) и Казани, скорее относится, во втором случае, к Кашану. Впрочем, в новейших работах упоминание Казани под 1396 г. признается аутентичным, так как это событие упомянуто многими летописями (В.Л.Егоров).

2. Упоминание Казани под 1172 или 1177 г. в “Казанской истории”, русском литературном памятнике 60-х гг. XVI в. где основание города изложено в своего рода романах о Саине Болгарском или Саине Ордынском (то есть Бату-хане!), имеет очевидную фольклорную окраску, крайне противоречиво, не говоря уже о многочисленных интерполяциях, и потому не может быть принято за основание для исторических выводов.

3. Из упомянутых в летописях персонажей с возникновением Казани связывают, на основании общих оценок ситуации в годы “Великой замятни”, князя Хасана, летописного Асана или Осана. Он в короткий срок был правителем Булгара, вынужден был уступить Булгар ставленнику Мамай, Махмуд-султану (1370 г.), а в 1376-1377 гг. оборонял Булгар вместе с Махмудом против рати русских князей. Оба татарских князя потерпели неудачу, но за пять тысяч рублей откупились и спасли город. В.Л.Егоров предполагает, что Хасан в 1370 г. получил от Махмуд-султана в удел земли по реке Казанке и основал город, названный его именем. По гипотезе И.Г.Добродомова (1979 г.), имя Хасана было истолковано местным населением как Казан и закрепилось за городом, расположенным в устье реки Казанки. Это очень красивая гипотеза, которая, к сожалению, не подтверждается никакой объективной информацией и подверглась справедливой критике (С.Х.Алишев, 1995 г.).

4. В восточных источниках Казань впервые упомянута персидским историком Ахмадом б.Мухаммадом Гаффари (ум.1567 г.), писавшим при дворе шаха Тахмаспа. В повествовании о “Царях Кок-Орды” (в действительности Ак-Орды) Гаффари наряду с Булгаром называет Казань. Он

ничего не дополняет, кроме Казани, к списку, приведенному Муин ад-дин Натанзи (Аноним Искандера), от которого полностью зависит. Это сочинение, написанное в 1413-1414 гг., известно в двух редакциях.

Список одной из них хранится в рукописном отделе ИВ РАН (СПб.), а другой — в Британском музее (издан Ж.Обеном). Поскольку в обоих списках Казань не фигурирует, то возможны два допущения: или Гаффари имел в своем распоряжении более полный список сочинения Натанзи, или он дополнил список, исходя из историко-географических представлений своего времени.

Таким образом, первые упоминания названия Казани под этим именем в исторических источниках не могут быть отнесены ранее 90-х гг. XIV — начала XV в.

II. Этимологические интерпретации названия города.

Возможную помощь в определении времени основания города могут оказать исследования, связанные с этимологизацией названия Казани или привязками названий к внешнему источнику, каковым может оказаться иной топоним, этноним, антропоним. В исследовательской литературе известны следующие гипотезы:

1. Этимологическая увязка названия с предметом или объектом:

а) *Казан* - "котел" с приведением местных этимологических мифов на сей счет; б) "*котловина*", с попыткой рационального объяснения особенностями долины р.Казанки; в) квазирациональная этимологическая привязка к слову *каен* "*береза*" (Дж.Г.Киекбаев).

2. Возведение названия города к гидрониму — названию р.Казанка — гипотеза, ничего не объясняющая.

3. Имеются две попытки связать название города с этнонимами: а) туркменским *салор-казан* (Г.В.Юсупов); б) искусственно созданным этнонимом *каз* (Г.Ф.Саттаров). Обе попытки совершенно умозрительны.

4. Возведение топонима Казань к антропониму, т.е. личному имени. "Топонимия всех трех тюркоязычных республик бассейна Волги — Татарской, Чувашской и Башкирской — пестрит антропонимами" — замечает Э.М.Мурзаев (Тюркские географические названия. М., 1996, с.196). Об относительном преобладании антропонимики в названиях населенных пунктов Поволжья пишет наиболее глубоко проработавший эту тему Г.Ф.Саттаров (Антропонимия Татарской АССР, Казань, 1975 и др. его работы). Очевидна и историческая традиционность такого рода топонимов в Урало-Поволжском регионе. Так, Г.В.Юсупов отмечает очень большое число населенных пунктов, названия которых образованы от личных имен, встречающихся в болгарских эпитафиях XIV в. (Г.В. Юсупов, 1971). Последний опыт привязки топонима Казань к имени одного из правителей XIV в., князю Хасану (см. выше), предприняли И.Г. Добродомов и В.А.Кучкин. К сожалению, эта гипотеза, построенная на теоретически допустимом пределе, слишком искусственна и оставляет без объяснения контаминацию двух вполне различных в язы-

ковом и обиходном сознании того времени слов — мусульманского имени *Хасан* и бытового термина *казан* (со всем его семантическим спектром).

Вместе с тем, если обратиться к тюрко-монгольскому средневековому фонду личных имен, и прежде всего к именам тюркской и монгольской аристократии эпохи Чингизидов, то легко заметить достаточную популярность имени *Казан* (*Газан*) и его несомненную связь с ханскими родами. Впрочем, впервые оно фиксируется тюркским источником задолго до монгольской эпохи.

Казан-бек (Казан-хан) из племени салоров — главный богатырь огузских племен, засвидетельствованный в их генеалогической традиции (Китаб-и дедем Коркуд). В.М.Жирмунский относит формирование этой традиции к сырдарьинским огузам, ко времени их войн с печенегами (IX-X вв.), происходившими и в Приуралье, и в Нижнем Поволжье, где с того времени огузские “40 племен” надолго закрепились. Об этом свидетельствует арабский путешественник XII в. Абу Хамид ал-Гарнати — по его словам огузы господствовали тогда во всем Нижнем Поволжье и их столицей был Саксин. Тем не менее, усматривать какую-либо связь между эпическим вождем салоров Казан-беком и топонимикой Среднего Поволжья оснований нет.

Еще в 1767 году П.И.Рычков предложил связать название города с именем какого-либо татарского принца по имени Казан. В XIX в. эта гипотеза была поддержана К.Фуксом, А.С.Дубровиным, Ш.Марджани и другими исследователями древностей Казани. Так, Ш.Марджани полагал: “нужно думать, что основал его (город) хан сарайский Казан-хан, сын Туган-хана, сына Батей-хана” (Очерк истории Булгарского и Казанского царства. Казань, 1884. Т. 1. С. 30). Здесь явное недоразумение. Действительно в 1283-1288 гг. на сарайском престоле сидел внук Бату и сын Тугана Туда-Менгу, носивший по некоторым неясным сведениям прозвище Казаган. По причине психического нездоровья он был отрешен от царства и строительство Казани с его именем связывать никак нельзя.

Если не брать в расчет упоминания имени Казан среди Чагатаидов и Хулагуидов, а обратиться только к потомкам Джучи, то столь авторитетные источники как *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме* (начало XVI в.) и *Бахр ал-асрар* (1630-1635 гг.) называют имена четырех ордынских огланов, правнуков и праправнуков Джучи. Все они носили имя Казан, имели улусы в Ак-Орде и Кок-Орде и правили в них. Напомним, что Золотая Орда в XIV в. делилась на 4 главных улуса, 70 больших улусов и бесчисленное количество малых улусов, где правили не только огланы, т.е. царевичи-чингизиды, но и беки менее знатного происхождения. Можно также назвать Казан-нойона (XIII в.) у Мухаммад ан-Несеви, Казан-бахадур у Шараф ад-дина Али Йазди (***Зафар-наме***), Казан Алпа у Абу-л-Гази Бахадур-хана в обоих его сочинениях ***Шаджара-и турк*** и ***Шаджара-йи теракима*** (XVII в.).

Ныне известны лишь единичные имена этих правителей, но имя ***Казан*** среди них было отнюдь не редким. Практически невозможно, при отсутствии

конкретных указаний письменных источников, связать название города с одним из улусных правителей, но широкое распространение этого имени среди ордынской аристократии, в том числе и среди джучидских царевичей XIV в., делает такую связь весьма вероятной.

4. Нельзя упускать из виду и возможность использования в качестве названия города какого-либо ландшафтного аппелятива. Этот класс названий в тюркской топонимии чрезвычайно широк (Э.М.Мурзаев. Тюркские географические названия, с.106-150). Мне известно только одно зафиксированное древним источником (Махмуд Кашгарский, XI в.) ландшафтное обозначение со словом **казан/ казган: казган йер** “верхняя точка обрывистого берега, подмываемого с двух сторон рекой”. Чередование в литературном поволжско-хорезмском языке **тюрки** XIV-XV вв. огузского **=ан/** кипчакского **=ган** достаточно обычно для огузско-кыпчакского языка, где преобладали, как это показал Э.Н.Наджип, именно огузские лексические и аффиксальные формы. Насколько данный аппелятив соответствует условиям топографии древней Казани лучше судить археологам.

Таким образом, из многочисленных гипотез о происхождении названия Казань с достаточным основанием могут рассматриваться только два типа формирования топонима — по антропониму (антропонимический аппелятив) и по характерному положению в ландшафте (ландшафтный аппелятив). Наиболее вероятным мне предоставляется первый (антропонимический) вариант.

Вместе с тем следует иметь в виду, что название Казань, ставшее историческим названием города, необязательно было первым его названием. Изменение названия того или иного поселения в силу изменения политических или иных обстоятельств является слишком банальным фактом топонимии, чтобы сбрасывать его со счетов.

В исследовательской литературе (А.Х.Халиков, А.Г.Мухамадиев) уже отмечалось, что по нумизматическим и картографическим данным в XII-XIV вв. город в устье р. Казанки мог называться **Керман**, т.е. “Крепость” (в итальянском переводе XIV в., на Каталонской карте — *Castrama*). После гибели Булгара во второй половине XIV в. название столичного центра Булгар было перенесено на тот же город на Казанке, о чем свидетельствуют монеты местного чекана. Таким образом, для некоего периода оказывается возможным сосуществование двух или трех названий одного и того же города.

Рассмотрим эту модель и на других примерах, засвидетельствованных в источниках. В Лаврентьевской летописи под 1164 годом, в связи с походом Андрея Боголюбского, упоминается болгарский город Брахимов, т.е. Ибрахимов. Судя по его локализации, это тот самый город, который в труде Абу Зайда ал-Балхи (850-934 гг.) назван **Внешним Булгаром**, являющимся “главнейшим торговым пунктом этого государства” (Д.А.Хвольсон, 1869). Название Брахимов, закрепившееся за ним, город получил по имени бул-

гарского эмира Абу Исхака Ибрахима б.Мухаммада, правившего в первой четверти XI в. Таким образом, на протяжении одного-полутора веков этнонимическое обозначение города было вытеснено в силу неизвестных нам обстоятельств антропонимическим. Похожий вариант реализации той же модели относится к XV в. В 1432 г. великим князем Василием был пожалован удел царевичу Касиму, сыну казанского хана Улу-Мухаммада. Уделом был Городец Мещерский. А в 1471 г. после смерти Касима Городец был переименован в город Касимов. И в этом случае антропонимический вариант топонима получил предпочтение.

Следовательно, судить о времени появления города только на основании времени появления его названия в исторических источниках было бы методически некорректно. С высокой степенью уверенности мы можем полагать, что название Казань, скорее всего связанное с антропонимом, не ранее XIV в. сменило иное более древнее название города.

Сказанное заставляет обратиться к эпохе, когда в Среднем Поволжье, на территории будущего Казанского ханства, начала формироваться городская культура. Эта эпоха засвидетельствована как письменными источниками (сообщения арабских географов и путешественников), так и археологическими открытиями. Начало средневолжской городской культуры было положено булгарами в X в., главным образом в середине и конце века. Уже **Рисала** Ибн Фадлана (921-922 гг.) свидетельствует о наличии в Волжской Булгарии по крайней мере нескольких поселений, обозначенных словом **бияд** — “город”. Одно из этих поселений, имеющее пристань на Волге, было основным торговым центром страны.

Итак, подведем некоторые итоги. К концу X- началу XI в. севернее Камы появляются многочисленные булгарские городки, время существования которых датируется многочисленными нумизматическими находками. Вполне возможно утверждать, что в этот период формируется северная городская провинция Булгарского царства, связанная с крупной международной торговлей. Ибо фактором, способствующим созданию поселений, была интенсивная торговля булгар с северными странами Вису, Варанг и Югра, — высокая степень включенности в Балтийско-Волжский торговый путь, начало которого относится к IX в. Именно меха, скупавшиеся булгарами на севере, были их главным товаром на тогдашних международных рынках. По торговым путям, на правобережье Камы, включая долину р. Казанки, росли поселки, живущие за счет торговли. Именно среди этих укрепленных поселков — городков, не позднее конца X в. возник и тот, который стал предшественником Казани, не носивший еще этого названия.

Adel Abd El-Monem Sowelam
Faculty of Arts Ain Shams University

**DATING AND ATTRIBUTION OF A SAMANID DIRHAM
FROM KAZAN KREMLIN EXCAVATION ON THE LIGHT
OF SAMANID DIRHAMS COLLECTION IN CAIRO**

A Samanid Dirham from Kazan Kremlin

This dirham was found at September 26, 1997 at the excavation XIII (at the foot of the Kremlin hill, near the Resurrection tower), sector B13, structure 10, depth 297 cm from the present day layer. Head of the excavation F.Sh.Khusin. Authors of the find R. Khosanov, at the present of T.A.Khlebnikova.

The coin: silver, only a half remained, letters in Arabic, precisely read. Diameter — 28 mm, weight — 1.20 gr. Cod in collection inventory

KA3 — 97 — XIII /422

Preliminary determination was conducted by G.A. Fedorov- Davidov, professor of the Moscow State University, and D.G. Mokhametshin, director of the Bolgar historical architectural museum-preserve. They concluded that unfortunately remained only uninformative scripts, without information about the place of coinage or the name of Khalif or the ruling king. Nevertheless, G.A. Fedorov — Davidov declined to concern the time of coinage to the first quarter of the 10th century (912 ?), and D.G. Mukhametshin — to thirties — forties of the 10th century.¹

According to the scripts which had been written over the Arabian dirham, the style of writing and the Quranic verses, Dr. Mukhametshin concluded that nodut, the dirham belongs to the collection of the Samanid coins were minted in Balkh and Anderab.²

Fortunately we agree with Dr. Mulkhametshin in determination the dirham by the Samanid period, but we don not agree with him about the place of coeintage, so as an introduction we have to mention a summary account of the Samanid state history. But at the beginning we have to ask, why this Arabian coin was as an exactly half of dirham ? To answer this quistion, the sources tell us that the Arabian dirhams were minted in the current silver, or in which was got from the silver mines. Many of ruling kings or princes were re-minting the dirhams of others, also, they were dealing by the scraps of dirham, they were scraping the dirham to two equal halves or scraps, every one of these halves was current as a half of dirham in value and buying power.³

Summary of the Samanids History

Now we return to the Samanids history, Samanids grow strong under Tahirid protection, but they were active in the east even before the Tahirids.

Saman, the ancestor of the family, was supposedly descended from the Sasanian general Bahrain Chobin, a noble of the ancient Mihran feudal family, who played an important role on the stage of history of the later Sasanians.⁴

Saman accepted Islam in the Umayyad period, and his son Asad served the early Abbasids, while his four sons were rewarded for their support of Ma'mun against the rebel Rafi' b. Laith by appointment over four places:

Nuh over Samarqand, Ahmad over Ferghana, Yahya over Shash (Tashqand) and Ilyas over Herat. This was about the year 204AH/819AD.⁵

Ibrahim, the son of Ilyas, was the commander of the Tahirid army which was defeated near Fushang by Ya'qub. Laith, and he later surrendered to Ya'qub. Only the descendants of Ahmed in Ferghana prospered, for Nasr b. Ahmad soon took over Samarqand, the main city of Transoxiana and consolidated his power with one brother Ya'qub in Shash and other Isma'il in Bukhara.⁶

With the breakdown of Tahirid rule in Khurasan, Nasr found himself the virtually independent ruler of most of Transoxiana, although he was still officially ruling for the Tahirids and, of course, for Baghdad; for in 261 AH / 875 AD the Khaliph al-Mu'tamid sent investiture for all of Transoxiana to Nasr which he kept until his death in 279AH/892AD.

The real founder of Samanid power, however, was Isma'il his brother, who, after a quarrel and armed conflict with Nasr over the taxes, defeated him and became the real power (275-888) although Nasr still ruled in name.⁷

After the victory over Amir b. Laith, Isma'il received authority for rule over all Khurasan from the Khaliph. Although these investiture did not mean any actual increase in territory, for that had to be won by the sword, none the less a patent from the Khaliph loomed large in the eyes of many people of the eastern Khaliphate, for legitimacy was a powerful political instrument for securing and maintaining authority.

Isma'il expanded the Samanid state to the north by a raid to Talas or Taraz in 280 AH/893 AD, and another in 291 AH/903 AD both of which made secure the northern frontiers of the state against raids of the Turks and enabled Muslim missionaries to penetrate into the steppes of central Asia.

It seems that in 893 AD he ended the local dynasty of Ustrukana, placing it under a Samanid governor, while other local potentates became vassals of the Samanids.

In southern Khawarazm, the ancient local dynasty submitted to Isma'il and remained in power as Samanid vassals, while in the northern part of the country a Samanid governor was appointed. This situation remained until 995 AD.

To the west Tabristan was conquered by a Samanid general who then revolted, and Isma'il himself in 288 AH/901 AD had to lead an army to the west to re-establish Samanid rule, which he did. Not only Tabristan but also Ray submitted.

ted to Isma'il, but the rest of al-Jibal and Seistan remained outside his rule. After his conquest of Tabaristan, Isma'il returned the lands, which had been seized and redistributed by the Alid rulers, to their original owners, and his policies in Raiy and Qazvin show a great concern for the old aristocratic families.

Throughout Samanid rule relations with Khaliphate were correct, and each amir of the house of Saman sent gifts to Baghdad in return for a patent of investiture, until the capture of Baghdad by the Boyids temporarily changed the picture.⁸ The inscribing of the Abbasid Khaliph's name on the Samanid coins was invested with special importance,⁹ this privilege, with the reading of his name in (Khutba) — public prayer — implied the definite assumption of legal power by him.¹⁰ This bears testimony to the investiture that every one of them had received from that Khalif, when the khalit was died, his name was replaced by the name of the succeeding Khalif.

Isma'il died in 907 AD and was succeeded by his son Ahmad, who was granted by the Khaliph, the additional province of Seistan, which he then proceeded to annex.

The turbulent Caspian Sea area broke away from Samanid rule, to submit to a Zaidi Shi'ite leader called Nasr al-Kabir in the sources. Before Ahmad b. Isma'il could move against the rebellious province he was assassinated by some of his slaves in January 914 AD.

Nasr b. Ahmad was only eight years old at the death of his father, and the early years of his reign were beset with many troubles, not the least of which were internal revolts by members of his own family. After much conflict, reconciliation and new uprisings Nasr was able to secure the allegiance of the rebels and re-establish his authority. He also reconquered Raiy and Tabaristan, but his authority in that province was constantly challenged.¹¹

Nasr became friendly with Isma'ili missionaries and in some sources he is said to have been converted himself to the Isma'ili sect. The army leaders, in any case, were discontented and plotted to overthrow Nasr, but the later son Nuh uncovered the plot and made a compromise whereby his father abdicated and succeeded him. This occurred in 943 AD and a bloodbath of the Isma'ilis followed which ended any chance of the propagation of Isma'ili beliefs in Khurassan.¹²

The Samanid state was really divided into two parts, Transoxiana and Khurasan, south of the River Oxus. The latter was under the rule of the commander of the principal army of the Samanids, who was also governor of the province with his capital at Nishapur. Bukhara, however, remained the capital of the dynasty until its end.

Under the Samanids many Turkish tribes in central Asia accepted Islam, for we read of missionaries on the frontier as well as warriors for the faith.¹³

The motives of the Samanids in extending their frontiers to the north and east were economic as well as political or even religious, for there was a constant need for slaves and the Turks provided the best source. The slave trade was an important source of revenue for the Samanid state, for the later taxed

the transit of slaves through Samanid territory to Baghdad were Turkish slaves fetched high prices.

The Samanids were teachers of the Turks. From the vast number of Samanid coins found in eastern Europe and in Scandinavia we may infer that the Samanids were interested in far-flung trade relations, and in truth our sources tell of a continuous export of textiles and articles of arts and crafts from the Samanid domains. On the upper Zarafshan vally there were many silver mines belonging to the Samanids. Silver and other metals were explited and in general one may say that the economy flourished under the early Samanids. Befor about the year 273 AH/886 AD the Samanids did not have the right to strike silver dirhams but only copper fals. The silver crisis and decline in the economy came later.¹⁴ Local currencies existed paralled to the official Abbasid silver coinage which remained high in quality throughout Samanid rule. Local coinage, such as the Ghidrifis, Musaiyabis and Muhammadis which were current indif-ferent cities of Transoxiana, on the other hand, depreiated greatly in good metal content and in buying power.¹⁵

Unfortunately we know little about the local history of Transoxiana, and the economic and social developments need to be reconstructed from stray sentences buried in the sources plus an intensive study of the coins.

Dating and attribution of the Samanid Dirham from Kazan Kremlin

We have compared between this half Samanid Dirham and the numesmatic collection which has been kept in the Musuem of Islamic Art in Cairo, the catalogues of the Arabic coins in both Damscus and Baghdad. Our compartive and anlystic studies lead to the following results:

- According to the script which has been written over the half Dirham, the style of writting, the Quranic verses, we can say that the half Dirham belongs to the **first Samanid period**, which ends at the last of third century of Higraph (Ninth century A.D).

- Since the lost other half of the Dirham contains the date, place of the coinage and the name of Khalif and the ruler king as well, we have to examin our information in the light of the history of the Samanid State especially in the third century of Higraph. Because of the word which has been written over the half Dirham. **ماء / تين**

- The ruler king which the Dirham had been coined in his period must be one of the Samanid rulers which had ruled from the emergency of the state until the last years of the third century, they are only three persons:

- * Nasr b. Ahmad (251:279H.) (865:892AD)

- * Isma'il b. Ahmad (279:295H.)(892:907AD)

- * Ahmad b. Isma'il (295:301H.) (907:913AD)

The second Amir (Isma'il b. Ahmad) had taken the permission from the Khalif to mint Dirhams for his own, for all the Samanid coinage collections start from Isma'il not Nasr, the real founder and the first ruler of the state.

- According to the last letter (د) which remained over the derham from the name of the ruler king, we can say that the name of the ruler must be **إسماعيل بن أحمد Ismai'il b. Ahmad**. Also we can say the Abasid Khalif must be one of the tow Khalifs were co-existent with Ismail b. Ahmad, the first: al-Mu'tadid billah 279 AH / 892 AD. The second: al-Muktafi billah 289 AH / 902 AD.

- The year of coinage must be within the period which Isma'il b. Ahmad ruled in, between 279:295 H. (892:907 AD).

- Having compare the Samanid coinage we found that the place of coinage in the first period of the state was **شاش Shash (Tashqand)**, but the place of coinage afterwards became Samarqand and other many cities like Anderab, Al-Mohammadia (Riey) and Neshapour.

Then we can say that the place of coinage, according to the similar coins which had been mint in the same period must be **Shash (Tashqand)**.

Fortunately we agree with Dr. M.G. Doprovol'sky in the name of the ruler Isma'il b. Ahmad, but we do not agree with him in saying Anderab as a place of coinage, because the Samanid kings did not start to mint their coins in that city before about 930 AD.

We tried to complete the half derham, by taking other half from a similar coin belongs the collection of the Musuem of Islamic Art in Cairo.

As a conclusion the information of this half Samanid Dirham must be following:

Place of Coinage: al-Shash (Tashqand)

Date of Coinage: Between (279-295 AH / 892-907 AD)

The Emitent : Isma'il b. Ahmad

Abbasid Khalif : al-Mu'tadid billah 279AH/892AD, or al-Muktafi billah 289AH/902AD.

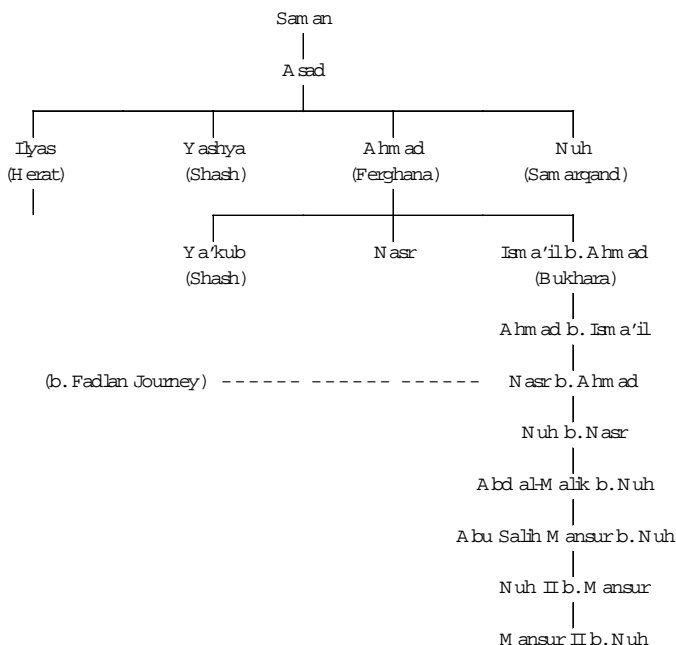
The Samanid Ruling Kings:

1. Nasr b. Ahmad 251 AH / 865 AD
2. Isma'il b. Ahmad 279 AH / 892 AD
3. Ahmad b. Isma'il 295 AH / 907 AD
4. Nasr II b. Ahmad 301 AH / 913 AD
5. Nuh b. Nasr 331 AH / 943 AD
6. Abd al. Malik b. Nuh 343 AH / 954 AD
7. Nuh II b. Mansur 365 AH / 975 AD
8. Nasr b. Ahmad 251 AH / 865 AD
9. Mansur II b. Nuh 378 AH / 988 AD For one year, nine months only

The Abbasid Khaliphate (132-656 AH / 750-1258 AD)

The Abbasid Khaliphs were co-existent with Samanids.

1. al-Mu'tamid ala Allah 256 AH / 870 AD
2. al-Mu'tadid billah 279 AH / 892 AD
3. al-Muktafi billah 289 AH / 902 AD

4. al-Muktadir billah 295 AH / 908 AD
5. al-Kahir billah 320 AH / 932 AD
6. al-Radi billah 322 AH / 934 AD
7. al-Mottaki lillah 329 AH / 940 AD
8. al-Mostakfi billah 333 AH / 944 AD
9. al-Motee lillah 334 AH / 946 AD
10. al-Ta'ee lillah 363 AH / 974 AD

Key To Plates

Plate (I)

Arabian dirham (silver), a scrap Saltlanid dirham (only a half remained)
Found at September 26, 1997, at the excavation XIII (at the foot of Kremlin hill),
in Kazan city.

Place of coinage : al-Shash (Tashqant) ?

Date of coinage: Between (288-295 AH — 900-907 AD) ?

The emitent : Isma'il b. Ahmad

The Abbasid Khaliph : al-Mu'tadid billah

Obverse: Center in 3 lines

[No G] od but

لا إله إلا الله

[Allah, him al] one

[الله و [ح] ده

[No partner with] him

[لا شريك ل] ه

Outer round: with God is the decision in the past and in the future [on that day shall the belives regoice which hel]p of God.

للد الأمر من قبل ومن بعد [ويو منذ يفرح للو منون بنص] رالله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint [in al-Shash, in the year two hun] dred.....

بسم الله ضرب هذا الدرهم [م بالشاش سنة..... و ما ئ] تين

Reverse: Center in 5 lines

for God

لله

[Mohamm]ed

[محم] د

[is the profet of] God

[رسو] ل الله

[al-Mu'tadid b] illah

[للعتضد ب] اله

[Isma'il b. Ahm] ad

[اسماعيل بن أحمد] د

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the re [ligion of truth, to proclaim it over all religion, even though the p] agans may detest it

محمد رسول الله أرسله بالهدى ود [ين الحق ليظهره على الدين كله ولره المش] ركون

Plate (II), (III), (IV)

A traying to complete the half Samanid dir-ham found at the Kremlin Kazan by the nearest Samanid dirham from the Samanid dirham collection in Islamic Art Museum in Cairo.

Plate (V)

Samanid dirham : Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code 17000

Place of coinage: al-Shash (Tashqant)

Date of coinage: 288 AH — 900 AD

The emitent: Isma'il b. Ahmad

The Abbasid Khaliph: al-Mu'tadid billah

Obverse: Center in 3 lines

No God but

لا الله إلا

Allah, him alone

الله وحده

No partner with him

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذيفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round : In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year two hundred eighty eight

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة ثمان و ثمين و مائتين

Reverse: Center in 5 lines

لله	for God
محمد	Mohammed
رسول الله	is the profet of God
المعتضد بالله	al-Mu'tadid billah
اسماعيل بن أحمد	Isma'il b. Ahmad

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it
محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (VI)

Samanid dirham : Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code: 17000/1

Place of coinage: al-Shash (Tashqant)

Date of coinage: 290 AH

The emitent: Isma'il b. Ahmad

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktafi billah

Obverse: Center in 3 lines

لا إله إلا	No God but
الله وحده	Allah, him alone
لا شريك له	No partner with him

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذيفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round : In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year two hundred ninety

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة تسعين و مائتين

Reverse: Center in 5 lines

لله	for God
محمد	Mohammed
رسول الله	is the profet of God

al-Mu'ktafi billah

Isma'il b. Ahmad

المكتفى بالله

اسماعيل بن أحمد

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (VII)

Samanid dirham : Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code 17000/3

Place of coinage: al-Shash (Tashqant)

Date of coinage: 292 AH

The emitent: Isma'il b. Ahmad

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktafi billah

Obverse: Center in 3 lines

No God but

Allah, him alone

No partner with him

لا الله إلا

الله وحده

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day- shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذيفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year two hundred ninety two

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة ثنتين و تسعين و مائتين

Reverse: Center in 5 lines

for God

Mohammed

is the profet of God

al-Mu'ktafi billah

Isma'il b. Ahmad

لله

محمد

رسول الله

المكتفى بالله

اسماعيل بن أحمد

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (VIII)

Samanid dirham: Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code: 19998/3

Place of coinage: al-Shash (Tashqant)

Date of coinage: 295 AH

The emitent: Ahmad b. Isma'il (in his early days)

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktafi billah (in his last days)

Obverse: Center in 3 lines

No God but

Allah, him alone

No partner with him

لا إله إلا

الله وحده

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذ يفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year two hundred ninety five

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة خمس و تسعين و مائتين

Reverse: Center in 5 lines

for God

Mohammed

is the profet of God

al-Mu'ktafi billah

Ahmad b. Isma'il

لله

محمد

رسول الله

المكتفى بالله

احمد بن اسماعيل

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (IX)

Samanid dirham: Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code: 25428

Place of coinage: al-Shash (Tashqant)

Date of coinage: 298 AH

The emitent: Ahmad b. Isma'il

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktadir billah

Obverse: Center in 3 lines

No God but

Allah, him alone

No partner with him

لا إله إلا

الله وحده

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذ يفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year two hundred ninety eight

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة ثمان و تسعين و مائتين

Reverse: Center in 5 lines

لله	for God
محمد	Mohammed
رسول الله	is the profet of God
المقتدر بالله	al-Mu'tadir billah
احمد بن اسماعيل	Ahmad b. Isma'il

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it
محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (X)

Samanid dirham: Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code 19823

Place of coinage: al-Shash (Tashqant)

Date of coinage: 298AH

The emitent: Ahmad b. Isma'il

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktadir billah

Obverse: Center in 3 lines

لا اله إلا	No God but
الله وحده	Allah, him alone
لا شريك له	No partner with him

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذ يفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year two hundred ninety eight

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة ثمان و تسعين و مائتين

Reverse: Center in 5 lines

لله	for God
محمد	Mohammed
رسول الله	is the profet of God

al-Mu'tadir billah
Ahmad b. Isma'il

المقتدر بالله
أحمد بن إسماعيل

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religi-
on of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it
محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XI)

Samanid dirham: Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code 19998/4

Place of coinage: al-Shash (Tashqant)

Date of coinage: 299 AH

The emitent: Ahmad b. Isma'il

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktadir billah

Obverse: Center in 4 lines

No God but

لا إله إلا

Allah, him alone

الله وحده

No partner with him

لا شريك له

al-Mu'ktadir billah

المقتدر بالله

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day
shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذيفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round : In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the
year two hundred ninety nine

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة تسع و تسعين و مائتين

Reverse: Center in 6 lines

for God

لله

Mohammed

محمد

is the profet of

رسول

God

الله

Ahmad b. Isma'il

أحمد بن إسماعيل

the ability

القدرة

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religi-
on of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XII)

Samanid dirham: Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code: 17040

Place of coinage: Samarqand

Date of coinage: 314 AH

The emitent: Nasr II b. Ahmad

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktadir billah

Obverse: Center in 3 lines

No God but	لا الله إلا
Allah, him alone	الله وحده
No partner with him	لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذيفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year..... fourteen ?

بسم الله ضرب هذا الدرهم بسمرقند سنة أربع عشر....؟

Reverse: Center in 5 lines

for God	لله
Mohammed	محمد
is the profet of God	رسول الله
al-Mu'ktadir billah	المقتدر بالله
Nasr b. Ahmad	نصر بن أحمد

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XIII)

Samanid dirham: Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code: 17041

Place of coinage: Anderab

Date of coinage: 319 AH

The emitent: Nasr II b. Ahmad

The Abbasid Khaliph: al-Mu'ktadir billah

Obverse: Center in 3 lines

No God but	لا الله إلا
Allah, him alone	الله وحده

No partner with him

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده ويومئذ يفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round : In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year three hundred nineteen

بسم الله ضرب هذا الدرهم باندرا ب سنة تسع عشر و ثلثمائة

Reverse: Center in 5 lines

for God

لله

Mohammed

محمد

is the profet of God

رسول الله

al-Mu'ktadir billah

المقتدر بالله

Nasr b. Ahmad

نصر بن أحمد

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it
محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XIV)

Samanid dirham: Silver

Place of preservation: Islamic Art Museum in Cairo, code: 17038

Place of coinage: al-Mohammadia (Raiy)

Date of coinage: 330 AH

The emitent: Nasr b. Ahmad

The Abbasid Khaliph: al-Mu'taki billah

Obverse: Center in 3 lines

No God but

لا إله إلا

Allah, him alone

الله وحده

No partner with him

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده ويومئذ يفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year three hundred thirty

بسم الله ضرب هذا الدرهم بالجمدية ثلثين و ثلثمائة

Reverse: Center in 4 lines

for God

لله

Mohammed

محمد

is the profet of God al-Mu'taki billah

رسول الله المتقى لله

Nasr b. Ahmad

نصر بن أحمد

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XV)

Samanid dinarum: Gold

Place of preservation: Ancient Iran museum — Tihran

Place of coinage: Nishabour

Date of coinage: between (313-317 AH)

The emitent: Nasr II b. Ahmad

The Abbardid Khaliph: al-Mu'ktadir billah

Obverse: Center in 4 lines

...

...

No God but

لا إله إلا

Allah, him alone

الله وحده

No partner with him

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives rejoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذيفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year three hundred thirty

بسم الله ضرب هذا الدينر بنيشابور ثلث عشر و ثلثمائة ؟

Reverse: Center in 5 lines

for God

لله

Mohammed

محمد

is the profet of God

رسول الله

al-Mu'ktadir billah

المقتدر بالله

Nasr b. Ahmad

نصر بن أحمد

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XVI)

Samanid dinarum: Gold

Place of preservation: Ancient Iran museum — Tihnan

Place of coinage: Nishabour

Date of coinage: 333 AH

The emitent: Nuh b. Nasr

The Abbasid Khaliph: al-Mustakfi billah

Obverse: Center in 3 lines

No God but	لا الله إلا
Allah, him alone	الله وحده
No partner with him	لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذيفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year three hundred thirty three

بسم الله ضرب هذا الدينر بنيشابو ر ثلث و ثلثين و ثلثمائة

Reverse: Center in 5 lines

for God	لله
Mohammed	محمد
is the profet of God	رسول الله
al-Mu'ktadir billah	المقتدر بالله
Nuh b. Nasr	نوح بن نصر

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XVII)

Samanid dinarum: Gold

Place of preservation: Ancient Iran museum — Tihnan

Place of coinage: Nishabour

Date of coinage: between (343-350 AH)

The emitent: abd-Elmalik b. Nuh

The Abbasid Khaliph: al-Mutee lillah

Obverse: Center in 3 lines

No God but	لا الله إلا
Allah, him alone	الله وحده

No partner with him

لا شريك له

Outer round: with God is the decision in the past and in the future on that day shall the belives regoice which help of God.

لله الأمر من قبل و من بعده يومنذ يفرح المؤمنون بنصر الله.

Inner round: In the name of God, this dirham had been mint in al-Shash, in the year three hundred Fourty three ?

بسم الله ضرب هذا الدينر بنيشابور سنة ثلث وار بعين و ثلثمائة

Reverse: Center in 6 lines

for God

لله

Mohammed

محمد

is the profet of God

رسول الله

al-Mutee lillah

المطيع لله

abd-Elmalik b.

عبد الملك بن

Nuh

نوح

Round: Mohammad is the profet of God, sent him with guidance and the religion of truth, to proclaim it over all religion, even though the pagans may detest it

محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون

Plate (XVIII), (IXX)

Four Samanid dirhams in silver, were found in middle Amodaria vally excavations, without any information.

¹ Материалы Круглого стола по теме “Средневековая Казань (возникновение и развитие)” Kazan, September, 1998, Материалы по арабской монете, pp.53:55.

² Ibid, pp.56:58.

³ N.M. al-Naqashbandi, The Islamic Dirham, V.I, The Islamic Dirham strucked on the Sasanian style, Baghdad, 1969, P.9.

⁴ Frye; The Golden Age of Persia, London, 1975, P. 200.

⁵ See: al-Narshakhi; The History of Bukhara, Arabic Trails. Ameen Badawi & Nasrullah al-Tarazi, Cairo 1965, pp. 105, 106. Also, Hamadullah Mustawfi Kazwin; Tarikhhi Gozidee, V.I, London 1910.

⁶ Frye; The Golden Age of Persia, London, 1975, P. 200.

⁷ Ibid, P. 200. See al-Narshakhi; The History of Bukhara, Arabic Trans. Ameen Badawi & Nasrullah al-Tarazi, Cairo, 1965. P.115.

⁸ Frye; The Golden Age of Persia, London, 1975, P. 201.

⁹ M.B. al-Hussini; Suljuk Coins, unpublished treatise, Cairo University, P.43, 44.

¹⁰ Parmishwari Lal Gupta; Coins — India, The Land and the people, National book trust, India, 1996, P.105.

¹¹ 8. Frye; The Golden Age of Persia, London, 1975, P. 201. See Ibn Fadlan's Treatise;

commentary of Samy al-Dahan, Damascus, 1959. P.108.

¹² Frye, P.201.

¹³ Ibid, P.203.

¹⁴ Op.cit, P.206.

¹⁵ See Ibn Fadlan's Treatise; commentary of Samy al-Dahan, Damascus, 1959, P.110., also, Yakout al-Hamawi; Mou'gam al-buldan; V.I, P.519 — Taraikhi Nishapour, Tihran, pp. 112:132- al-Narshakhi.P59.

* The Translation of the meanings of Qur'anic verses from: The Holy Qur'an Text, translation and commentary, Abdullah Yusuf Ali- Dar al-Moshaf, Damascus, Syria.

Plate (I)

Plate (II)

Plate (III)

Plate (IV)

Plate (V)

Plate (VI)

Plate (VII)

Plate (VIII)

Plate (IX)

Plate (X)

Plate (XI)

Plate (XII)

Plate (XIII)

Plate (XIV)

Plate (XV)

Plate (XVI)

Plate (XVII)

Plate (XVIII)

Plate (XIX)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В VI-XI ВВ.

Несмотря на единичные находки римских монет, до середины I тысячелетия н.э. нет оснований говорить о товарно-денежных отношениях в Среднем Поволжье. Начало этого процесса связано с проникновением восточного серебра. Поступающее с юга в виде металлической посуды и монет, сасанидское серебро иногда оседало в кладах.

Исследователи, изучающие проблему распространения в Среднем Поволжье восточного серебра, выделяют несколько периодов его проникновения.

Первый период — конец V — конец VII вв. — находки сасанидских драхм. Три находки отмечены в районе слияния Волги и Камы. В Приуралье известно 3 могильника, относящихся к этому периоду — Неволинский, Бартымский, Большевисимский.

Второй период — вторая половина VIII-середина IX вв. — сасанидские драхмы идут с примесью куфических дирхемов. Усиление притока восточных куфических монет на территорию Поволжья, вероятно, связано с принятием каганом Хазарии в 737г. мусульманства. Хазары первыми в Поволжье начали чеканить свои монеты. В основном это подражания омеядским дирхемам. С другой стороны, местные именьковские племена, стоявшие на пороге образования государства, стали использовать для торговли с соседями примитивные формы денег и кусочки металла определенного веса и формы.

Середина IX в. — важный этап в истории Среднего Поволжья: стабилизируется движение народов, изменяется направление торговых путей Северо-Запада с Востоком, проходящих через устье Камы. Доминирующим народом региона становятся болгары, а государством — Волжская Булгария.

Третий период — вторая половина IX в. — начало XI в. Денежное обращение региона определяли крупные города Волжской Булгарии — Болгар, Биляр, Сувар. Клады и отдельные монеты концентрируются в районах Болгарского, Билярского и Суварского городищ и в районе Измери — Семеновки. Например, из округа Болгара, в радиусе 20 км известен 21 клад, 6 из них происходит с территории самого городища. В районе Билярска известно 11 кладов.

Исследование топографии кладов показывает отсутствие их, за редким исключением, к югу от центральной части Волжской Булгарии — южнее Симбирска, вплоть до Каспия и Северного Кавказа.

Массовые находки кладов с восточными монетами или отдельные находки от Средней Волги до Северной Европы и Скандинавии идут непрерывно. К югу от Средней Волги клады встречаются по Дону и Днепру. Время сокрытия кладов: середина — IX — начало XI в. Можно считать, что клады формировались на территории Волжской Булгарии. Только так можно объяснить наличие в них монет болгарского чекана. Известно 57 местонахождений болгарских монет: на территории Волжской Булгарии — 9, на территории Северо-Западной Руси — 21, Прибалтики и Скандинавии — 14, в Дании, Германии и Польше — по одному, в Киевской Руси — 4.

Только на острове Готланд зафиксировано 16 кладов с монетами Волжской Булгарии. Имеются монеты без определения места нахождения. Булгарские монеты хранятся в Эрмитаже, ГИМе, ГОМ РТ, Одесском музее. Речь может идти о более чем 600 монетах.

К сожалению, полной публикации этих монет нет. Можно отметить работы Торнберга, Р.Фасмера, С.А.Яниной, где определяются штемпельные различия. В остальных работах дается эмитент и место чекана, или указывается только принадлежность Волжской Булгарии и количество монет.

Исследование этого сложного процесса — денежного обращения, обусловленного не только экономическими причинами, требует детального анализа собственно болгарского чекана. В первую очередь это касается широко распространенных монет Микаила бин Джагфара, Мумина бин Хасана и Талиба бин Ахмеда. Последние находки расширяют и диапазон болгарской чеканки с 902 г. (Абдулла бин Текин или Джафар бин Абдуллах) до 997/998 г. (Абдурахман бин Мумин).

По монетам известно, что за столетие в Волжской Булгарии правили 11 эмиров.

Больше вопросов ставят подражания саманидским монетам из серебра. Хотя территория этих находок довольно обширная, все ученые без исключения относят их к болгарскому чекану. Логически напрашивается вывод, и исследователи с этим согласны, что подражания предшествовали собственно болгарскому чекану. Однако, это обстоятельство не подтверждаются находками. Подражания сопровождают большинство кладов с восточными монетами, особенно те из них, где в составе клада имеются монеты эмиров Волжской Булгарии. В Танкеевском могильнике подражаний нет. В Дубовском могильнике среди 17 монет, относящихся к 914-995 гг. — 25 подражаний. К примеру, в Хутыньском кладе 1983-84 гг. из 434 монет болгарских — 10 экземпляров, подражаний — 19 экз. В кладе 1968 г. (зарыт 956 г.) из о.Готланд, содержащем 934 монеты, 27 монет Волжской Булгарии и 63 подражания. В кладе из Ст. Альметьево из 167 монет 2 — Волжской Булгарии и 8 подражаний.

В одном из трех кладов, зарытых в X и XI вв., присутствуют монеты Волжской Булгарии. В Прибалтике болгарские монеты находились в обращении до конца XI в. В этом отношении характерен клад, зарытый после 1099г. на

острове Готланд, в составе которого 2230 западноевропейских, 80 восточных монет, в т.ч. 3 монеты волжских булгар и 12 подражаний.

Вопрос о подражаниях в научной литературе не разработан. Под термином подражание учеными подразумеваются совершенно разные монеты. В кладах, погребениях и в поселениях встречаются следующие виды подражаний.

1. Подражания саманидскому дирхему. Грубо сделанные, с ошибками, но с вполне читаемыми надписями монеты встречаются очень часто. Некоторые экземпляры данного вида подражаний близки к оригиналу. Подражания встречаются почти у всех типов монет Саманидов. Отмечается характерная деталь: большое количество подлинных монет дает большое количество подражаний, у относительно редко встречающихся монет и подражания редки. Р.Фасмер отмечал, что наибольшее количество подражаний имеют дирхемы Насра ибн Ахмеда (914- 943). В Казанской губернии была найдена латунная форма для чеканки подражаний монетам Мансура бин Нуха. Это наиболее массовый тип саманидских монет.

Первый вид подражаний, чеканенных из серебра по нормативному весу, можно рассматривать как фальшивки. Такие монеты чеканили в Болгаре, однако часть фальшивок поступала с территории государства Саманидов вместе с подлинными монетами.

2. Подражания саманидским дирхемам с копированием подлинной даты и места чекана, но с именами булгарских эмиров: эмира Бармана, Джафара бин Абдаллаха и Микаила бин Джагфара. Несмотря на то, что на монетах стоят названия монетных дворов Аш-Шаша, Нисабура, Самарканда, эмитент указывает на их местное происхождение. Такие монеты можно рассматривать как первые суверенные булгарские монеты.

3. Односторонние серебряные подражания саманидским дирхемам. Данный тип подражаний встречается также часто, как и остальные подражания. Например, в Бобрицком кладе 1960 г. — 1, Дубовском могильнике — 7, Ст. Альметьевском кладе — 8, Чистопольском кладе — 2, в могильнике у д. Бор Новгородской обл. — 3, Березовском могильнике Тверской обл. — 6, курганном могильнике у д. Устье Канаковского р-на Тверской обл. — 4 и др.

В этом отношении интересен клад 1902 г. из Суvara, содержащего 137 дирхемов. 117 из них имеют односторонний чекан. Р.Фасмер, а вслед за ним и Г.А. Федоров-Давыдов отмечают, что брактеаты часто встречаются в Волжской Булгарии. Их местное происхождение подтверждается тем, что в Альметьевском кладе из 8 односторонних подражаний 2 монеты булгарского чекана эмира Мумина ибн ал Хасана.

4. Литые подражания куфическим монетам. Подражания отлиты из белого металла, некоторые посеребрены. Диаметр — 28-33 мм, вес - от 3,5 до 7 г, все имеют по 2 отверстия. Обнаружены при раскопках Дубовского могильника, Измерского и Семеновского, VI Рождественского селищ, го-

рода Джукетау, Головинского городища в Ульяновской области. А.К.Марков указывает на форму для литья таких изделий. Г.А. Федоров-Давыдов, исследовав подражания из Дубовского могильника, отмечал, что их отливали на месте. Иначе, по его мнению, “подбор тождественных монетовидных подвесок в одном погребении был бы маловероятен”. Он указывал также, что 7 подражаний отлиты в двух формах, на фотографии они отличаются.

Литые нечитаемые подражания Саманидам из олова и других сплавов могут внести определенную ясность в изучение эпохи заката монетной системы рубежа X-XI вв. и использования денежных суррогатов. Пока нет нумизматических данных, говорящих о регулярных связях Востока и Волжской Болгарии в эпоху Караханидов. Медные чрезвычайно редки. Можно указать находку черного дирхема из Остолоповского селища и несколько монет хорезмшаха Мухаммеда бин Текиша. Заманчиво провести параллели между черными дирхемами и литыми подражаниями Саманидам, однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

5. Литые монетовидные подвески с ушком. Состав металла без анализа определить трудно. Надписи на подвесках читаются зеркально. Подвеска с ушком отлита в форме, состоящей из двух половинок. Найдена в Ульяновской области.

6. Пластины с надписью. Эти серебряные пластины встречаются в кладах и погребениях.

Выводы:

1. Многочисленные клады с монетами Волжской Булгарии и отдельные находки показывают огромную роль Волжской Булгарии как связующего звена между Западом и Востоком в X в.

2. Находки Караханидских монет, монет Хорезмшахов, находки западноевропейских динариев (5 находок на территории Волжской Булгарии), наличие болгарских монет в Готланде и Эстонии в кладах, сокрытых в 1130, 1099, 1013 гг., показывают, что Булгария остается в этой роли и в XI-XII вв.

3. Наличие в кладах подражаний саманидским дирхемам, односторонних подражаний, монетовидных пластин свидетельствуют об участии этих подражаний в денежном обращении X-XI вв. наряду с подлинными монетами.

4. Литые подражания, а также литые монетовидные подвески, судя по имеющимся материалам, отсутствуют в кладах и не выходят за пределы территории Волжской Булгарии. Они использовались в основном как погребальный инвентарь и, может быть, в качестве денежных суррогатов.

* * *

Несколько слов по поводу дирхема, найденного при раскопках Казанского Кремля. Монета, безусловно, Саманидская. Сохранилась половина последней буквы эмитента, в которой можно угадать букву “Д”. Это, несомненно, последняя буква в нише правителя — Ахмад. Нам известно 3 саманида по имени Ахмад: 1) *Наср бин Ахмад* (Наср I, 864-892 гг); первоначаль-

но он правитель Самарканда, общегосударственные монеты начал чеканить с 875 г.; 2) *Исмаил бин Ахмад* (902-907 гг.); 3) *Наср бин Ахмад* (Наср II, 914-943 гг.).

Отнести находку к раннему чекану Насра бин Ахмеда меня заставляют следующие причины:

1. Соотношение осей чеканки совпадает с осями монет Насра.
2. Перегравировка нескольких слов лицевой стороны имеется на монетах Насра.
3. Монеты Насра бин Ахмеда наиболее многочисленны и большинство подражаний волжских булгар является подражаниями дирхему Насра бин Ахмеда.
4. Отдельные монетные находки Насра I и Исмаила бин Насра на территории Волжской Булгарии мне не известны, монеты этих правителей редки и в кладах.
5. Общеизвестные исторические события начала X в. также говорят в пользу Насра ибн Ахмеда.

Mohamad Al Saeed Gamal Al Din
Ain Shams University — Cairo

FORTIFICATION OF THE BULGAR STATE FRONTIERS, ACCORDING TO IBN FADLAN

In this paper I'm trying to pursue the issue of building fortifications in Bulgar state, to get you acquainted with the directions followed to build these fortifications, depending primarily on Ibn Fadlan's Treatise, and the Arabic and Persian sources which were concerned with this issue.

* * *

Ibn Fadlan's Treatise shows that the king of Bulgar requested the Khalif to send a delegation to inform him on religious teachings, build him a mosque, and build him a platform from which he could advocate the Khaliph's rule, in addition he asked him for building a fort where he can seek refuge from dissident kings. Ibn Fadlan adds that the Khaliph answered all what the king has asked for.

Nevertheless, among the most important objectives of the Bulgar's King communication with the Abassid Khaliphate was reinforcing his political authority in the area. But he knew that the Khaliph will not be able to supply him with military aid and that the Khaliph's army would not be able to reach his country "because of the long distance and all these non-Muslim tribes separating between us" as Ibn Fadlan indicated.¹ Thus he realized that this political power is worthless except if it was supported by local appropriate means of defense.

The King was, then, Concerned with the issue of building the fort-more than the other issues of religious teaching and building a mosque. The King asked the Khalif to give him a hand to build the fort, not only by money but also by technical and military consultation.

If we take a look at the delegation sent by the Khalif to Bulgar we find it comprised teachers, Jurisprudents and political members. Each person in the delegation had a certain task, as indicated in Ibn Fadlan's treatise, except Pars Al Sekelabi, who as such might have been in charge of the issue of building the fort, or giving consultations on building fortifications.

The Khaliph decided to supply the delegation with 4.000 dinars to help in establishing the fort, provided that the money is taken from the revenue of an estate in Khawarazm. However, the delegation went to Bulgar without taking the allocated money as a result of a conspiracy contrived by the minister's enemies. The king, having not received any of this money, reproached Ahmad Ibn Fadlan more than once. In the end, the king declared that he is going to build a fort from his personal gold and silver.

This shows the King's determination to build this fort which became an obsession occupying all his time. In fact, one time he reproached Ibn Fadlan saying: "You all came here, and his highness the Khaliph has spent all this money on you to carry my money to me, so that I can build a fort that protects me from the jews who subjugated me".² It is clear from the King's statements that he focused on the religious sentiments in building a fort that will protect him from the jews of Khazar. But it is noted that the King added to the purpose of building the fort, as he talked to Ibn Fadlan about another issue and described himself and his people as "weak, besieged and subjugated people".³ The King used in this new discussion the word "siege" حصار which means that he was subject to attack from more than one direction and not from Al-Khazar's area in the south alone.

Upon examining the word "fort" حصب, mentioned in the Bulgar's King message to the Khaliph, the connotation that first comes to mind is that of a "citadel" قلعة that is built to defend a capital or any strategic city, and this meaning differs from a fort or military fortification erected in places of potential attack. Undoubtedly, by the fort, the King ment the latter meaning that is to say to build a series of fortifications here and there, or else he could have sufficed by building one citadel outside the capital.

Also, there is no clear statement in any of the sources about a citadel built near the city of Bulgar, defense was rather limited to a wooden fence, and a high control tower from the top of which any distant military movement could be noticed.

This means that fortifications were built in strategic places away from the capital whose geographic position was not strategic at all but just an exposed area, which could be easily attacked in a few hours. Therefore, these fortifications must have been established in high places' that overlook the roads from which the attacking forces pass.

Now we wonder where could have these military fortifications been built ?! Some of them must have been built near the south of the capital in order to avoid any potential attack from Al-Khazar's jews. On the other hand, the north could not have been left bare, without defense, especially after the emergence of the Russians as a large military force and after their successive sea attacks, with ships loaded with soldiers.

Persian sources recorded the first serious Russian sea attack in 907 AD, the Russian Historian Karamzin also mentioned another sea attack in 912 AD, whereas Ibn Al-Atheer and Al-Massoudi pointed to wide range campaign in which the Bulgars were involved with the Russians in 934 AD.⁴

Such campaigns penetrated the river Volga and the river Karr and continued until they reached the southern coasts of Caspian sea, creating terrors in the area and capturing some cities in Tabarestan and Azerbadjan.

Therefore, precautions and security requirements dictated the building of defence fortifications in the north to prevent any potential Russian attack from that side.

It is noticeable that neither Arabic nor Persian sources recorded any new military campaigns by the Russians after 934 AD on Al-Khazar's sea.

The Arabic and Persian sources pointed to the improvement of the military and political situation in Bulgar state from 944 AD.

In the same year, i.e. 944, Al Masoudi reported the development which took place when the Bulgar dominated all the surrounding areas,⁵ obviously many defense fortification were completed at that early time.

Also the unknown author of *كتاب حدود للعالم* i.e. the Book of World's Borders which had been written in Persian language in 985 AD recorded the difference which had taken place in Bulgar state at that time, saying that "Bulgar defeat their enemies any time they fight them". The same author described the country saying that it is very populated and has a rich prosperity.⁶

The Persian historian Al Gardeez pointed in his book *الدين الأخبار* i.e. Master-peace of History, written in 1053 AD to the numerousness of the arms of Bulgars and the development of trade between them, Khazars and Russians, assuring the constancy and feeling of power in Bulgar as a result of reinforcing the territories and building the fortifications.

Unfortunately, the most important source that handled this issue of fortifications, entitled The History of Bulgar by the Judge Abu Mohamad Al Noman Al Bulgari, was lost. The author of this book was a friend of Imam Abul-Maali Al-Gowaini who died in 1085 AD. This means that the book was written almost one and half century after Ibn Fadlan's delegation.

Fortunately, however, we find extracts from this book in another written by the historian Zakariya Al Kazwini, entitled *أثار البلاد وأخبار العباد* i.e. The Remains of Countries and The News of People. In this book the author mentioned two strong forts in Bulgar: The first, was "Shosheet شوشيت" fort, and the other was a near by one called "Water Boronal: واطر بورونه"

Upon investigating this name "Shosheet" was find it very close to the name "Gawsheetz" جاوشيز mentioned by Ibn Fadlan. Phonetically, the "g" sound must be pronounced "dj" and the "z" sound could be "t" sound at the end of the word. As such the pronunciation could be "Chawsheet" چاوشيت rather than "Gaw-sheetz":

Ibn Fadlan

٢ - چاوشيز = (ch) چ (J) may be Persian

The drawing of; ز (Z) may be changing drawing of پ (t) =

The Arabic Pronunciation:

(Arabic uses ش (sh) instead of Persian چ)

١ - جاوشيز

٣ - چاوشيت

٤ - A - شاوشيت

B - شاوشيط

C - شوشيط

The last one was known after one century from Ibn Fadlan's delegation.

Al Kazwini

شوشيط

Ibn Fadlan جاوشيز

=

Al Karzini شوشيط

Let us now compare between the description of جاوشيز in Ibn Fadlan's book & Shawsheet شوشيط of Al Kazwini:

Ibn Fadlan says that the king of Bulgar moved to the north and camped for two months in the Three Lakes area where he was joined by the Khaliph's delegation.

The king was negotiating with some tribes who were living in the area, to migrate them from this place to another called نهر جاوشيز Jawsheez River.

As the tribes were afraid from the king, they all moved to the new place to settle in. This new place has been described by Ibn Fadlan as a narrow, shallow river running near a wide valley.

The king may have tried to make some changes in the population of the north sector for military and defence purposes.

Al Kazwini describes the shoseet fort as having a salty water spring. This country, as he said, did not have any sources for salt, thus, when they needed salt they took water from the spring with which they filled the cauldrons and left it on the stove of broiling rocks kept red hot by a great fire. The water evaporates and the solid white salt then precipitates, this was the method of processing salt throughout the region of the Sakalibians.

Obviously, the "Shawsheet" fort referred to by Al-Kazwini — upon the Judge Al-Bulgari's description — must have been built near this river.

The Shawsheet fort however, has been later, similarly called until the 13th century AD in Arabic sources. Abd Al Rashid Ibn Saleh Al Yakouti in his book تلخيص الآثار "The Brief of The Remains" repeats the same description with special reference to these cauldrons as stony ones.⁷

The issue that calls for attention here is that of the big cauldrons used for boiling salty water for extracting salt. "Al-Kidr" القدر (the cauldron) in Arabic means Kazan قازان in Turkish. Therefore, there may have been a relationship between the name of Kazan and that of "Jawsheez". The origin of name may be changed to express the main sight in the place.

Moreover, we could add another interpretation to those by Al-Margani, that is, the name Kazan could have also meant the big cauldron used for boiling water.

As for the "Weter-Boronah" واطربورونه fort, Al Kazwini described it as a strong one close to Shawsheet, meaning that it was established in the north too.

This is another evidence that a series of fortification were built in this direction and many forts had been built, or at least, planned to be built in the same Period of Ibn Fadlan in the tenth century.

¹ Treatise, 121.

² Treatise p. 119.

³ Ibid, p. 121.

⁴ Ibn Isfandiyar, the History of Tabarestan, revision of Abbas Iqbal, Teharn, 1: 266. see also Kharidat Al Agaeb, M.S. Dar Al Kutub Al Misriyah, No. 185 Buldan Temour, p. 10.

⁵ Al Tanbih Wal Ishraf.

⁶ Hudud ul Alam, Arabic Translation, by Yousef Al Hadi, Cairo, 1999, pp. 144-145.

⁷ Manuscript, Dar Al Kutub Al Misriyah, Buldan Temour, No. 165.

ОБОРОНА ГРАНИЦ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ДРЕВНЯЯ КАЗАНЬ

Анализ топографии территории, на которой расположены городища Волжской Булгарии, очень важен для определения стратегического положения памятников. Еще К.Клаузевиц писал, что “местность находится в тесной и всегда сказывающейся связи с военной деятельностью...” [1, с.429-430]. В первую очередь это связано с обороной границ государства. В данном случае под ней подразумевается комплекс фортификационных мер, призванных защищать определенную территорию.

Волжская Булгария занимала в Среднем Поволжье три региона: Предволжье, Закамье и Предкамье. Первый характеризуется в основном своеобразным “горным” рельефом, который представляет собой один сплошной хребет. Тянется эта возвышенность от с.Верхний Услон (напротив г.Казани) до Самарской Луки, занимая всю его излучину, а также проходит по территории современной Пензенской области в районе г.Городище. Кроме того, здесь располагаются и холмистые равнины с разветвленной речной сетью. “Северные окраины речных поперечных долин этой местности круты и представляются более или менее высокими обрывами, а южные — отлого спускаются с юга на север” [2, с.10], что создает дополнительные трудности для любого продвижения.

Удобные пути для прохода в Предволжье с запада, юго-запада и юга находятся в долинах р.Свияги и ее притоков. Именно на них и расположено подавляющее большинство болгарских городищ, которые были построены там не только из-за удобства, но и несли наиболее важную функцию — оборону территории. Укрепленные поселения болгар как бы “запирают” эти долины, передавая своеобразную “эстафету” друг другу. Остальные памятники концентрируются отдельными группами на Самарской Луке, в современной Пензенской области или тяготеют к р.Волге. Таким образом, правобережье являлось стратегически значимой территорией по отношению к левобережью — Предкамью и Закамью и являлось доминирующей.

Не случайно в XVI в. русские войска стремились захватить сначала “Горную сторону” для создания плацдарма к последующему наступлению на Казань. Об этом может говорить и устройство здесь так называемого “Арбузовского вала” [3, с.175], построенного не ранее XVII в. против вторжений поздних кочевников.

Второй регион — Закамье. Это самая значительная по площади территория Булгарского государства. В отличие от других регионов, его равнинная в основном местность предопределила довольно равномерное распределение городищ. Основная их часть находится в бассейнах рек Большого и Малого Черемшана, Шешмы, Ахтая, Бездны и покрывает своеобразной сетью всю местность. Подобная равномерность распространения укрепленных поселений как нельзя лучше служит обороне всей территории и препятствует свободе маневра неприятельской армии. В свою очередь здесь выделяются несколько систем, концентрирующихся вокруг отдельных памятников. Одним из таковых, например, является район, прилегающий к столице Волжской Булгарии домонгольского периода — Великому городу-Биляру. Он защищен с востока и юго-востока, а также с запада и северо-запада линиями обороны, состоящими из синхронных ему городищ.

Третий регион — Предкамье, занимающий в основном междуречье Волги и Вятки, а с юга ограниченный р.Камой. По характеру рельефа эта территория делится на три части: Вятско-Волжский водораздел, Вятско-Камский и короткий спуск к Каме, создающий ее правый берег [4, с.128]. Основная концентрация булгарских городищ приходится на места, наиболее защищенные природой и удобные для проживания. Одни из них тяготеют к р.Каме и контролируют ее течение, другие доминируют над местом слияния с Вяткой или господствуют над бассейном р.Омарки, правого притока Камы.

Особо нужно отметить Казань. Возникшая в домонгольский период как военно-административный и торговый, самый северный форпост Волжской Булгарии, она была возведена на высоком коренном мысу, образованном пермскими известняками. По-видимому, Казань задумывалась и как сторожевой пункт. С мыса, занимаемого ей, хорошо просматривалось русло Волги как вверх, так и вниз по течению на несколько километров. Это укрепленное поселение булгар не только контролировало крутой изгиб реки с запада на юг, но и запирало устье р.Казанки для прохода вглубь территории Заказанья. Столь важное в стратегическом плане городище просуществовало длительный промежуток времени, став одной из первоклассных крепостей Восточной Европы.

Памятники, подобные Казани, в домонгольский период были распространены по всему периметру государства булгар. Они осуществляли контроль не только за крупными судоходными реками, но и более мелкими их притоками и междуречьями. Объединяющим для них является то, что большинство поселений находится над уровнем рек или ручьев на высоте от 10 и более метров. В отдельных случаях он достигает почти 100 м, как, например, Черемухово-Слободинское городище над уровнем р.Шешма. Основная их часть относится к “подчиненным рельефу”, т.е. они расположены на высоких мысах или петлях рек. Таким образом, эти городища наиболее защищены природой и человеком. Для всех трех регионов нельзя не отметить и немаловажную деталь, касающуюся природных защитных свойств

лесов. Современные леса, занимающие сегодня небольшую площадь, “являются остатками громадных древних лесных массивов” [4, с.233], не позволявших свободно передвигаться, кроме как по определенным дорогам и маршрутам.

Возвращаясь к древней Казани, необходимо коснуться некоторых строительных приемов, применявшихся при постройке ее укреплений. Это позволяет определить круг памятников, с которыми можно их связать. Сам принцип панцирной кладки крепостных стен является наиболее характерным приемом в устройстве оборонительных сооружений в IX-XII вв. на территории Восточной Европы [5, с.46]. Об этом можно судить по фортификационным постройкам некоторых городищ Подонья хазарского времени, например, Дмитриевского и Маяцкого (5,6), а также “Чертова городища” (Елабужского) на р.Каме.

Интересен и способ устройства бермы древней Казани, т.е. участка нетронутой земли между рвом и валом, предохранявший последний от оползания. Зафиксированная ширина ее не менее 3 м [7, рис.3-4] вместо наиболее оптимальных 1-1,5 м. По-видимому, здесь мы имеем дело с боевым ходом и дорожкой для патрулирования. Это также имеет аналогии в Подонье [5, с.29] в VIII-X вв. и в еще более раннее время на позднеантичных укрепленных поселениях Северного Причерноморья [8]. В какой-то мере их объединяет с древней Казанью и функциональное предназначение — контроль за границами государства и водными артериями.

В дополнение необходимо отметить и то, что пограничные городища Волжской Булгарии являлись не только сторожевыми крепостями. Понятие “крепость” и то, что ему присуще в средние века, претерпевает изменения. Данные укрепленные поселения основываются и как небольшие административно-хозяйственные центры. Они могли ведать и сбором дани с окрестного небулгарского населения, служить местом временной остановки купеческих караванов и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что комплекс оборонительных мер, применявшихся булгарами, представляет собой сложную картину. Городища Волжской Булгарии с их мощными фортификационными сооружениями являлись важным гарантом существования и развития всего государства. Строго продуманное расположение на местности не только служило целям обороны, но и содействовало успешному функционированию сельской округи. Именно серьезные оборонительные мероприятия обеспечили то, что Булгарское государство могло противостоять вторжениям извне вплоть до монгольского нашествия 1236 г.

1. Клаузевиц К. О войне. М.: Воениздат, 1936. Т.1.

2. Яблонский. Казанский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Казань, 1907, отдел 1.

3. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и

ее территория. Казань, 1975.

4. Воробьев Н.И. Предкамье // Очерки по географии Татарии. Казань, 1957.

5. Афанасьев Г.Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости в 1977-1979 гг. // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.

6. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989.

7. Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.

8. Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1981.

РАННИЕ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ВОЛГЕ И КАМЕ

В системе торговых отношений Восточной Европы эпохи средневековья важнейшую роль выполняли речные пути. Интенсивность их использования прямо связан с процессами становления государственности. В восточноевропейской торговой деятельности IX-XI вв. можно выделить два этапа. На первом из них (IX- первая половина X в.) Древнерусское государство активно использовало Днепровский и Доно-Окско-Волжский пути связей с Балтийским морем (Ладога, Гнездово). Во второй половине X-XI вв. через Волжскую Болгарию шел основной поток товаров по Волжскому пути.

Во второй половине X в. вследствие падения Хазарии и слабости Северо-Восточной Руси Волжская Болгария экономически контролировала широкую территорию от Приуралья до Верхнего Поволжья. В стране функционируют много мастерских, выпускающих высококачественную ремесленную продукцию. Значительная часть ее ими экспортировалась в соседние страны по удобным и дешевым речным путям.

В это время по левобережью Камы и Волги, в центральной части страны, возникли торговые поселения. В настоящее время выявлено 10 таких памятников. Все они располагаются на останцах или надпойменных террасах в приустьевой части левобережных притоков Камы и Волги: реках Майна, Утка, Бездна, Ахтай, Курналка, Шентала. Глубокие, спокойные в любую погоду, протоки этих рек через многокилометровую, изрезанную старицами и озерами пойму, связывали данные поселения с основными руслами Камы и Волги.

Проводились работы по спрямлению этого пути. На II Малиновском селище в приустьевой части р.Майны выявлен древний канал, соединяющий водоемы пойменной части р.Волги. Длина его 450, ширина 27, глубина 2,5 м. На повороте канала имелось расширение — “карман”, служивший для развода судов.

На всех указанных поселениях отмечены следы торговли и ремесленной деятельности. К предметам торговли относятся серебряные монеты, их подражания и обрезки монет, куски серебра, разнообразные по форме гирьки, весы и их детали. Около этих поселений выявлены клады восточных серебряных монет X в. Среди них Даниловский, Маклашеевский, два Балымерских, Болгарские, Огородный, Семеновские. Последние особенно богаты. В них отмечено свыше 400 серебряных дирхемов. Выявлены в этом районе и клады серебра. Сухопутными путями эти поселения были связаны

с городами Западного Закамья и, в первую очередь, со столичными центрами: Болгаром, Суваром, Биляром. Судя по географическим условиям, эти дороги во многом совпадали с современными путями.

На господствующем возвышении вблизи отмеченных торгово-ремесленных поселений, как правило, находилось городище.

Роль главной торговой пристани болгар, видимо, выполняло Измерское поселение. Оно занимало наиболее удачное географическое положение на южном углу, разделяющем поймы рек Камы и Волги. Площадь памятника 600 тыс. кв.м. В 1,5 километрах к западу от него располагалось укрепленное четырьмя башнями городище площадью 7 тыс. кв.м. Между ним и селищем находился мусульманский некрополь, в котором насчитывалось свыше 2 тыс. захоронений. Около городища отмечен также небольшой языческий некрополь второй половины X в.

Начиная с 1961 г. на Измерском селище, сильно разрушаемом Куйбышевским водохранилищем, проводятся охранно-спасательные работы. При этом получен обширный археологический материал. Большая часть его представлена ремесленными изделиями, предназначенными для продажи, и предметами торговли. В их числе свыше 200 типов металлических деталей ремней, накладок, пряжек, наконечников; более 200 разнообразных по форме и весу гирек; многочисленные предметы одежды и украшения. В число последних входят десятки типов височных подвесок, браслетов, перстней и т.д. О торговле свидетельствуют также серебряные дирхемы, их обломки, куски серебра, западноевропейские монеты. К восточному импорту относятся накладки (некоторые с арабской надписью), парадная металлическая посуда, индийская монета и т.д.

На памятнике отмечены и многочисленные свидетельства железоделательного, кузнечного, керамического, косторезного, ювелирного и других производств.

Масса изделий, аналогичных болгарским, встречается в памятниках конца X-XI вв. на широкой территории Восточной Европы. Однако, большая часть их оседала в землях финнов и угров по Волжскому и Камскому речным путям. Здесь товарообмен (в основном, ремесленные изделия, монеты или серебро за пушнину) происходил на сезонных прибрежных факториях или на территории колоний, где болгарские купцы или их представители проживали постоянно.

Интересно, что фактории болгар по р.Волге также располагались на надпойменных террасах, в низовьях волжских притоков, которые лишь через несколько километров впадали в основное русло. Следы таких факторий отмечены в приустьевой части рек Ветлуги, Цивили, Свияги, Казанки (местонахождения в устье р.Свияги, Кришская дюна и др.). Около таких пунктов концентрируются и языческие могильники населения Марийского Поволжья: Дубовский, Нижняя Стрелка, Борисовский и прочие. Многие из них содержат массу изделий болгар второй половины X-XI вв. (комплексы

поясных наборов, витые браслеты с каменными вставками, нагрудные подвески, поясные сумочки, парадные металлические чаши и т.д.).

Одним из районов торговли болгар были земли мордвы, мещеры и муромы. Сюда купцы попадали, пройдя через р.Волгу в р.Оку. Свидетельством таких связей является не только большое количество болгарских (“измерских”) изделий здесь, но и появление на поздней части Танкеевского могильника мещерских захоронений. Так, захоронение 1101 содержало сотни типично мещерских изделий женского костюма: височные лунницы и кольца, гривну глазовского типа, разнообразные шумящие подвески, бляху с дверцей и т.д. В погребении 1100 встречены подвеска-уточка, 5 подвесок из костей бобра и другие поделки, в том числе серебряный саманидский дирхем Наср бен-Ахмеда 924-925 гг. В этих и других могилах мещеры нет болгарских изделий, хотя находились они среди болгарских погребений язычников. Это говорит о том, что болгары дружелюбно были настроены к этой колонии окских финнов.

По Великому Волжскому пути в это время активная торговля велась и с Русью. Она имела, если учесть сообщение Ибн-Фадлана от 922 г. о купцах-русах, давнюю традицию. На указанных торгово-ремесленных поселениях выявляются целые комплексы славянских изделий: бронзовые височные ромбоштитковые подвески, стеклянные перстни и браслеты, имитации пасхальных яиц, кресты, бусы и пр. Выразительные предметы встречены на Измерском селище. Среди них бронзовые имитации топориков, костяная рукоять шила со знаком Рюриковичей. Последний, по заключению С.В.Белецкого, принадлежит одному из полоцких князей.

Купеческие караваны Руси, как позднее и отряды дружинников, спускась по р.Волге, вначале высаживались на Исадах — месте товарообмена, находящегося на останце террасы в районе слияния рек Камы и Волги у бывшего (до затопления водохранилищем) с.Переволоки (исадами в Древней Руси назывались населенные пункты и пристани на берегу рек).

Ответное торговое воздействие Волжской Болгарии на Русь фиксируется на массовом материале. В памятниках Северо-Восточной Руси встречаются не только характерные, украшенные лощением, круговые желто-красные сосуды, но и подражающие им лепные одноручные кувшины (курган 301 Тимеровского могильника), известные по материалам Танкеевского могильника. Во многих пунктах отмечаются находки лепной круглодонной с примесью раковины в тесте поломско-ломоватовской посуды со специфичным гребенчато-шнуровым и штампо-решетчатым орнаментом. Такая керамика попала в Волжскую Болгарию из Прикамья и отсюда, видимо, вместе с носителями ее, проникла на Русь.

Другим массовым видом болгарских товаров на Руси являются, как и в Марийском Поволжье, бронзовые и серебряные накладки на ремень. Они имеют характерную технологию, форму и орнаментацию, полностью совпадающие с материалом изделий с Измерского селища.

Транзитом через волжских болгар на Русь шел поток восточного серебра. Большинство монет с Востока, встреченных здесь в погребениях, датируются X-XI вв.

Большинство пунктов, где встречены вышеуказанные, а также другие изделия из Волжской Болгарии, расположены у речных путей Верхневолжского бассейна. Среди них такие памятники как Белоозеро, протогородские центры Ярославского Поволжья (Михайловский, Петровский, Тимеревский) и др. Отсюда болгарские поделки попадали в район Северо-Западной Руси и доходили даже до Скандинавии, где также встречены накладки измерских типов.

Важнейшее значение для развития ремесла волжских болгар имел Камский речной путь. Еще в доболгарский период, благодаря острой потребности в изделиях из серебра, который применялся в культовой практике проживающего здесь угорского населения, в Прикамье оседали изделия из далеких южных стран. Особенно высоко ценились серебряные сосуды (серебро являлось сакральным материалом угров), применение которых на святилищах связано с культом “Небесного всадника” — Мир Сусне Хума. Клады таких сосудов известны и на территории Татарстана (Репьевский клад). Он относится к раннеболгарскому периоду (IX — первая половина X в.). В это время болгары уже присутствовали на Верхней Каме, о чем свидетельствуют находки характерных салтовских круговых сосудов с бомбовидным туловом (находки в районе сылвенской культуры, музей г.Кунгура).

Со становлением Волжской Болгарии в качестве ведущего ремесленного центра Северо-Восточной Европы товаропоток по р.Каме и ее притокам резко усилился. Появились фактории (в устье р.Тоймы, напротив устья р.Белой и др.) и целые колонии болгар. Одна из них обосновалась в Рождественском комплексе на Верхней Каме, в который входили поселения, городище, языческий и мусульманский могильники, оставленные как местным, так и болгарским населением. Болгары даже изготавливали здесь круговую посуду, о чем свидетельствует наличие горнов. Сюда через Волжскую Болгарию доходили и славянские вещи.

Другим центром, где в массе оседали товары болгарских ремесленников, является район поломско-чепецкой культуры в бассейне р.Чепцы. В комплексах X-XI вв. Качкашурского, Тольенского и других могильников встречено много болгарских изделий из бронзы и серебра. Их присутствие отмечается в землях южной Удмуртии (Святылище Чумойтло и др.).

С конца X в. болгары все активнее осваивают и прилегающие к их границам земли финно-угров. Их присутствие отмечается в приустьевой части р.Казанки (территория г.Казани), р.Тоймы (территория г.Елабуги). Раскопки Чертова городища в г.Елабуге показали, что здесь проживало угорское население (постпетрогромские этнические группы, которые в конце X в., спускаясь по р.Каме, проникли в Волжскую Болгарию с лепной круглодонной посудой, украшенной веревочно-гребенчатым орнаментом). Властные фун-

кции осуществлял здесь болгарский наместник, видимо, собиравший налоги. Обломки круговой посуды болгар, их ювелирные изделия здесь также отмечены.

Таким образом, появление ранних торгово-ремесленных поселений болгар на Каме и Волге отражают процесс становления Волжской Болгарии в качестве ведущей экономической силы на обширной территории от Приуралья до Верхнего Поволжья. В это время страна господствовала на Великом Волжском пути — главном торговом пути между Азией и Северо-Восточной Европой. Основным центром торговли в это время являлся Измерско-Семеновский комплекс памятников в низовье р.Ахтай.

В конце XI в. усилившаяся Северо-Восточная Русь активизирует борьбу за Волжский путь. В 1088 г. на Волге и Оке были побиты болгарские купцы и началась “торговая война” за обладание этого пути и землями поволжских финнов. В конечном итоге болгары потеряли контроль над значительной частью территории этого региона. С этого времени усилился поток их товаров в бассейн р.Чепцы, на Верхнюю Каму, в Вычегодский край. Даже на святилищах приполярного Урала встречается много изделий болгар (накладки, пронизки, подвески, круглые пластинчатые серебряные бляхи с позолотой и т.д.).

ТОРГОВЫЕ ФАКТОРИИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР И ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ В ПОВОЛЖЬЕ И ПРЕДУРАЛЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Волжская Болгария, уже в X в. ставшая экономическим центром Поволжья и Предуралья, не могла не вызвать к жизни целую сеть городов, крепостей и других населенных пунктов, ставших оплотом ее границ, торговой и политической деятельности. Кроме десятков крупных городов, таких как Великий город, Сувар, Джукетау и др., в X в. возникают многочисленные селища, мелкие и средние города, часть которых играла роль важных торговых центров (например, город Ибрагима — Булгар на Волге), а несколько позже возникают и феодальные замки, пограничные крепости, маркирующие границы Болгарии. Вероятно, к одной из таких приграничных крепостей, как, например, Алабуга с крепостью-мечетью на Чертовом городище, можно отнести и небольшую крепость, отстроенную к концу X в. на современном Кремлевском холме Казани.

Раскопки казанских археологов на территории Кремля дали целый ряд материалов (монеты, части поясного набора, бусы и иные украшения, керамика), достаточно убедительно свидетельствующих о возможной дате основания Казани в конце X в. Объективные данные стратиграфии кремлевских раскопов свидетельствуют о том, что поселение на Кремлевском холме, возникнув в X столетии, постепенно разрослось и дожило до наших дней в виде огромного современного города — столицы Татарстана, не имея стратиграфического перерыва, что доказывает непрерывность его обитания. При этом совершенно не существенно, было ли в древности (в домонгольское время) у этого поселения какое-либо иное имя, или оно уже тогда именовалось Казанью, зато важно, что уже при возникновении этот населенный пункт имел укрепления, которые, совершенствуясь во времени, были развиты в современный Казанский Кремль.

Следует отметить, что пути формирования городов на Востоке были несколько иные, чем на Западе. Поэтому не имеет смысла слепо копировать эти явления из истории русских городов в попытке реконструировать возможный процесс становления города Казани. Скорее всего, одним из важнейших путей формирования городов Среднего Поволжья в средневековье было постепенное развитие функций торгово-ремесленных пограничных факторий и превращение их в административно-ремесленные цен-

тры каких-либо территориальных единиц — в города.* Подобные фактории достаточно широко распространились в X-XIII вв. в Поволжье и Прикамье. Часть из них постепенно превратилась в раннесредневековые города. Так, арабские источники донесли до нас названия таких небольших городов — Аваколь, Сибир, Ибыр, Чулыман.

Вероятно достаточно обоснованно можно локализовать касабу Афкула (“Поворотную крепость”) на берегах р. Обва и считать его материальными остатками — Рождественский археологический комплекс — крупнейший средневековый памятник Пермского Предуралья, включающий в себя два городища, селище (посад), мусульманское и финно-угорское кладбища. Страна Чулыманская, по данным ал-Омари, примыкает одной стороной к землям башкир, другой стороной — к странам Сибирским. Касаба Афкула — столица этой страны. Последнее упоминание “касабы Афкула” относится к 1412 г. и имеется в трудах египетского энциклопедиста ал-Калкашанди: “Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара, их главный город — небольшой Афтакун”. В то же время (рубеж XIV- XV вв.) о стране Джолман (Чулман) сообщает египтянин Ибн Халдун.

Под Чулыманом резонно видеть второе по величине и важности средневековое городище Пермского Предуралья — Анюшкар (Кыласово) на р. Иньва при впадении последней в р.Кама. Характерно, что на этом городище раскопками В.А.Оборина был исследован болгарский гончарный горн, аналогичный болгарским горнам Рождественского, а раскопками Г.Т.Ленц и А.А.Терехина на стрелке мыса, на котором находится городище, у его внешнего тына выявлен могильник, погребальный обряд которого напоминает обряд мусульманского некрополя Рождественского комплекса.

Благодаря интенсивному обмену стали возможны технологические заимствования, переселения представителей болгарского ремесла в приуральские земли. Это способствовало техническому прогрессу у жителей Предуралья, как было, например, в случае земледелия или кузнечного дела. Показательно, что по количеству и качеству болгарского импорта земли Пермского Предуралья ярко выделяются на фоне других соседних с болгарскими областями, что, вероятно, служит показателем каких-то особых интересов болгар к Предуралью.

Интересно, что жители страны Вису-Чулман, которые в XI в. становятся равноправными торговыми партнерами болгар, так же основывают свои торговые фактории в землях Зауралья, о чем в свое время писал ал-Омари: “... купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера”. К числу таких факто-

* Кстати, здесь вполне возможна параллель с Москвой. Первые упоминания об этом городе в 1147, вполне вероятно, отстоят от даты его возникновения на несколько десятилетий или столетий, ведь под 1147 г. зафиксирован уже небольшой административный центр, в который превратилась возникшая ранее ремесленно-торговая фактория на пограничье суздальщины.

рий можно причислить известное приобское городище Шеркалы, которое, по мнению его исследователей,¹ характеризует устойчивые экономические и этнические связи Предуралья (Прикамья) и Приобья. В материалах этого городища и городища Перегребное представлены болгарские серебряные и прочие изделия, характерные для торговых взаимоотношений приуральских “вису-чулман” и волжских болгар. Интересно, что если отказаться от попыток трактовать названия урочища Шаркалы (Шеркалы), где расположено одно из указанных городищ, из коми языка и попробовать сделать это с помощью тюркских языков, то данное название можно трактовать как “Крепость согласия”, “Крепость, где договариваются” — от Шарт (Шорт) — “договор”, “клятва”, “согласие”, “условие” и Кала — “крепость”. Здесь мы имеем определенное совпадение с названием городка и торговой фактории болгар в Предуралье касабы Афкула — “Поворотная крепость”. До Афкула ездили болгарские купцы, отсюда они поворачивали обратно в Болгарию, но часть из них и родановские “купцы чулымские” ехали с товарами в Зауралье, где на факториях типа городища Шеркалы “договаривались” об обмене своих товаров на зауральскую пушнину, моржовые клыки, олени рога и пр. Возможно, что городище Шеркалы или аналогичная им фактория известно в арабских сочинениях как городок Сибир. Размеры этих факторий значительно меньше, чем у болгарских факторий в Предуралье, а планировка типична для небольших городищ лесной зоны. Это значительно отличает их от предуральско-прикамских факторий-городков. Например, Рождественский комплекс (Афкул) по своей планировке может быть сближен с небольшими городками Болгарии.

Были, вероятно, подобные этим окраинным прикамским болгарским городкам и населенные пункты в поволжской части Волжской Болгарии. Древний городок на месте современной Казани, наверное, относился к таковым. Тем более что он располагался на своеобразном пересечении торговых путей как с Севера на Юг, так и с Востока на Запад; на пересечении Великого Волжского пути с Камским торговым путем. Интересно, что в керамических материалах домонгольской Казани представлены фрагменты приуральско-прикамской шнуро-ребенчатой керамики, характерной для прикамских памятников ломоватово-родановского круга. Ассоциируя эту керамику с т.н. “булгарскими эсегелями”, можно считать, что основание Казани и ее существование ранее связано в т.ч. с деятельностью этого “народа”, активно переселявшегося в Болгарию в X столетии и имевшего особые льготы от царя волжских болгар. На особое положение прикамских племен, особенно на ранних этапах формирования Болгарии, указывает, в частности, такая особая награда для их предводителя, как дочь царя болгар. Когда хазарский каган потребовал от царя болгар его вторую дочь взамен умершей в Хазарии первой, то царь болгар “выдал ее замуж за князя племени эскел, который находился у него под властью”.²

Вероятно, эсегелы были союзниками болгар в освоении новых, особенно пограничных с финно-уграми территорий. Интересно и сопоставление географических условий расположения домонгольской Казани и торговых факторий болгар в Предуралье. Здесь действует важное правило — фактория находится не на крупной реке, а на ее малом притоке. Так, Аваколь (Рождественское городище) находится на р. Обва примерно в 30-35 км от ее впадения в Каму (дневной переход), Чулман (Анюшкар) на р. Иньва примерно в 8-10 км от впадения в Каму, фактория на Городищенском городище примерно в 10-12 км от впадения в Каму р. Усадки на берегу последней. Ранняя Казань, возникшая на Кремлевском холме, так же находится примерно в 7 км от устья р. Казанки при ее впадении в Волгу. Таким образом, здесь прослеживается ясная параллель, позволяющая считать раннюю Казань одной из факторий болгар, необходимых для организации экономического взаимодействия с финно-угорским населением Поволжья. Примерно совпадает и площадь ранней Казани и факторий болгар в Предуралье — порядка 3-4 га.

Однако, если прикамские и приобские фактории погибли в XIII (XIV) в. в силу различных политических и экономических причин (в т.ч. в результате разгрома окраин Болгарии монголами и ханами Орды), то фактории Поволжья, частью разделившие с ними судьбу, имели шансы превратиться в новые крупные городские центры. Тем более, что с исторической арены сошли такие величественные города Поволжья, как Биляр-Булгар, Сувар и иные крупные центры Волжской Болгарии.

Древняя Казань стала примером такой трансформации, вызванной к жизни изменениями политико-экономической и этнической ситуации в Нижнем Прикамье в золотоордынский период. Казань приобрела значение крупного торгового и политического центра. Население Предуралья, тесно сотрудничавшее с волжскими болгарами в X-XIII вв., продолжало рассматривать Казань как важнейший центр экономического и этнополитического взаимодействия и в XIV-XV вв. На особую роль Казани в Предуральском регионе этого времени указывают неоднократные требования московских князей к правителям Вятки и Перми Великой не держать союза с казанцами. Так, взаимодействие с казанцами становилось причиной похода русских ратей на Вятку в 1458-1459 гг. и на Пермь Великую в 1462 и 1472 гг. Вероятно, такая роль Казани в расстановке политико-экономических сил в данном регионе — наследие Волжской Болгарии; особенно ярко это проявляется в сотрудничестве Пермских земель и Казани (как преемницы Болгарии). Русские источники неоднократно указывают на союзнические отношения пермяков и казанцев: “чердынцы... за казанцев задались”, “перемьяки за казанцев норовили, гостем казанским почести воздавали”. Последняя фраза указывает на наличие в Предуралье “казанских гостей”, т.е. купцов. Сведения об устойчивых экономических связях Казани с Предуральем в пер-

вой половине XV в. имеются и в восточных (в частности, в египетских) источниках.

Таким образом, возникшая во второй половине X в. болгарская Казань постепенно превратилась из относительно небольшой крепости и торговой фактории на болгаро-финском пограничье в крупный политический и экономический центр Среднего Поволжья, пережив тем самым большую часть населенных пунктов, возникших в Волго-Камье болгарского времени с аналогичным назначением.

¹ Пархимович С.Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тыс.н.э. // ВАУ. Вып.20. Екатеринбург, 1991.

² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 139.

КАМЕННАЯ МЕЧЕТЬ — ЦИТАДЕЛЬ НА ЕЛАБУЖСКОМ ГОРОДИЩЕ

Исследования последних лет показывают, что начало активного освоения болгарами Восточного Предкамья и сопредельных с ним западных регионов относится ко времени не позднее конца X в. Это подтверждается многочисленными находками болгарского происхождения в памятниках, связанных с угро-тюркским и финно-пермскими племенами, а также появлением в крае болгарских опорных пунктов.

На юго-западной окраине исторической части г.Елабуги на высоком мысу у устья р.Тоймы расположено Елабужское городище, больше известное по письменным источникам еще с XVI в. как “Бесовское” или “Чертово”. На краю высокого обрыва в восточной части памятника сохранились останки белокаменного сооружения, одна из башен которого, частично уцелевшая и реконструированная, является, по мнению большинства исследователей, единственным сохранившимся наземным сооружением домонгольской Болгарии (рис.1).

Научный интерес к развалинам этого строения появляется еще в 60-х годах XVIII в. Так, в “Описи древнего каменного здания”, составленного в 1767 г., и “Журнале” Н.П.Рычкова дается описание сохранившейся юго-восточной стены и трех башен, большая из которых имела два этажа и шесть небольших окон. Н.П.Рычков, датируя здание болгарским временем, определил его как языческий храм.¹ В последующем памятник был осмотрен Ф.И.Эрдманом (1834 г.), Кулыгинским (1847 г.) и И.И.Шишкиным (1855 г.).

В 1888 г. А.А.Спицын, достаточно тщательно исследовав развалины этого основного здания городища, выявил его план подквадратной формы с четырьмя угловыми башнями и четырьмя округлыми выступами посередине стен. Датировав временем не позднее XIII в., исследователь рассматривал здание как часть караван-сарая или гробницу одного из мусульманских святых.² Таким образом, учитывая планировку здания, его размеры и расположение на местности, большинство российских исследователей видели в нем культовое сооружение болгарского времени.

Однако, высказывались и другие предположения. Так, А.П.Смирнов считал руины этого здания за остатки военной крепости или цитадели.³ Рассматривая его как памятник болгарской домусульманской архитектуры с достаточно примитивной (грубой) кладкой стен и башен, А.П.Смирнов датировал

его X-XI вв. Этого же мнения придерживался и ряд других исследователей, в частности, К.И.Корепанов, проводивший в 1991-1992 гг. раскопки руин этого здания.

В 1993 г. по инициативе Елабужского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника были проведены масштабные археологические исследования. Экспедицией, состоящей из археологов Елабуги, Казани, Кирова, руководил член-корреспондент АНТ профессор А.Х.Халиков. Квалифицированный историко-архитектурный надзор осуществлялся академиком С.С.Айдаровым и студентами-дипломниками Казанского инженерно-строительного института. Перед экспедицией были поставлены две цели:

1. Полное археологическое и архитектурное обследование всего белокаменного сооружения;
2. Исправление методических ошибок и просчетов, допущенных экспедицией 1991-92 гг. А ошибки были существенные. Например, раскоп был разделен на сетку стандартных участков по 3х3 м вместо 2х2 м, причем, эти участки раскапывались колодцами; контуры здания, нанесенные на план, не соответствовали действительности; вместо 896 кв.м. вскрытой поверхности в отчете указывалось лишь 567 кв.м. и т.д.

Работы начались с того, что первоначально раскоп 1991-92 гг. был расчищен в пределах руин каменного здания, что составило 684 кв.м. К этой площади с южной и восточной сторон были прирезаны дополнительно еще 30 участков, таким образом, общая исследованная в 1993 году площадь составила 954 кв.м. Вся она была пронивелирована от наиболее высокой точки, взятой за 0 в западной стороне наружной подошвы башни. В ходе работ были оставлены две бровки, обозначенные цифрами 1 и 3. Расчищенные старые и дополнительно прирезанные новые участки были пройдены или до материка или до основания конструкции изучаемого здания.

Тщательное изучение профилей бровок и стенок раскопа дало возможность не только определить условия залегания конструкции вскрываемого здания, но и установить общую стратиграфию культурных наслоений городища в данном районе. Было определено, что мощность культурного слоя в западной части исследуемой территории нередко достигает до 80 см, тогда как вдоль склона она едва превышала 50 см. Стратиграфия раскопа:

1. Дерн и поддерн с включениями весьма мощного каменисто-щебенистого слоя разрушения — 10-30 см.
2. Гумусированно-углисто-суглинистая серая супесь с щебенистыми включениями (5-10 см) — наслоения, связанные, по определению А.Х.Халикова, с функционировавшим в XVII-XVIII вв. Троицким монастырем.⁴
3. Углистая прослойка в 5-10 см. Происхождение этого слоя связано с событиями середины XVI в., которые упоминаются и в Казанской истории под 1547 г., где говорится об ужасном пожаре, уничтожившем данное здание: “И по мало часе явился дым черн, велик, извнутри градца, из мечети, на воздух идя, смрад зол”.⁵

4. Серая плотная супесь в 15-20 см с щепенистыми включениями, местами подстилаемая кладкой из известняковых плит или блоков — остатков пола или стен здания. Этот слой был определен А.Х.Халиковым как *болгарско-казанский* и связан со временем строительства и функционирования здания, т.е. XII — серединой XVI вв. Следует подчеркнуть, что строительный горизонт здания прослежен в основании культурного слоя болгарского времени и покоится практически на V слое, накопленном в пьяноборско-азелинский и именьковско-котловский периоды.

5. Серая суглинисто-супесчаная почва мощностью 5-10 см с находками керамики именьковского и пьяноборско-азелинского времени.

6. Темно-серая плотная супесь с углистыми включениями в 10-15 см — самый ранний культурный слой, датированный ананьинским материалом серединой и II половиной I тысячелетия до н.э.

Все эти наслоения подстилаются материком, состоящим в верхней части из желтого суглинка в 15-20 см, переходящего ниже в плиточный известняк, перемежающийся с мергелистым слоем.

Болгарский слой общей толщиной от 20 до 30 см на исследованной площади является доминирующим, т.к. с ним связаны остатки фундамента нижней части каменного здания и его реставрированной юго-восточной башни.

Здание было сооружено на ленточном фундаменте по ширине стен и других конструкций. Последний был выкопан на глубину 35-40 см от древней поверхности. По целому ряду признаков было установлено, что перед началом строительства все это место было спланировано и сnivelировано на общей глубине 65-70 см. Произведенная общая выборка по периметру здания, а также отсутствие следов каких либо более поздних и дополнительных пристроев позволяют утверждать, что исследуемое здание с самого начала строилось по заранее составленному плану.

Здание имело почти правильную квадратную в основе форму с длиной сторон 21 м, по углам которого очертились фундаменты округлых башен со средним диаметром 5 м. Башни, располагавшиеся по юго-западному и юго-восточному углам, отличались своими размерами и очертанием. Так, юго-восточная башня, реконструированная И.В.Шишкиным в 1856-62 гг., имела более крупные размеры (14 м в диаметре) и, видимо, была более высокой. Расположенная у края обрыва, откуда открывается прекрасный обзор вверх и вниз по течению Камы, она, по всей вероятности, выполняла и дозорные функции (рис.1). Юго-западная башня имела ярко-выраженную шестигранную форму и расширенную фундаментную платформу (100 см), показывающие, что здесь располагалась оригинальная башня типа минарета, верхняя часть которого могла состоять из сруба.

Следует отметить, что в определении характера постройки юго-западная половина здания играла более существенную роль. Так, между двумя вышеуказанными башнями от стены отходит треугольный выступ — контрфорс, ориентированный своим острием на юг-юго-запад, точно на Мекку

(рис.2). Эта полубашня — михраб была построена одновременно с юго-западной стеной, о чем свидетельствуют связующие камни, наличие в стене дверного проема и совпадение уровней полов. Подтверждением того, что здание изначально выполняло и роль мечети, служит его почти меридианальная ориентация с отклонением примерно в 25 градусов, т.е. михрабная часть мечети направлена точно на Мекку, в сторону Кыблы.

Не менее интересными оказались и полукруглые башни-контрфорсы диаметром 3,5-7 м, выполнявшие не только защитно-усиливающие функции, но и роль отдельных помещений-складов для товаров купцов со своими ямами-тайниками. Все здание было сложено из плитчатого известняка, который добывался рядом. Скрепляющим средством служил известковый раствор. Как показал анализ, произведенный в химической лаборатории Казанского института ГЕОЛНЕРУД, в этом растворе значительное место наряду с окисью калия (до 26,6%) занимает примесь кремнезема или кремнистого песка (от 10 до 40%). Такая консистенция раствора, прежде всего известкового, была характерна, по утверждению С.С.Айдарова, для болгарских построек домонгольского времени.

При изучении руин белокаменного здания в ее конструкциях и связанных с ними наслоениях обнаружен материал, который позволяет датировать и определять этнокультурную принадлежность памятника. Наиболее многочисленные находки из слоя серой плотной супеси — керамику — можно разделить на две группы:

1. Гончарная коричневато-красная общеполгарская керамика с широким и частным лощением представлена, в основном, фрагментами узкогорлых кувшинов, кринок с вертикальным горлом и горшков. Т.А.Хлебникова считает такую керамику характерной для второй половины домонгольского периода, т.е. XII-XIII вв. Здесь необходимо уточнить, что у Т.А.Хлебниковой малая доля желтой керамики в общей массе и преобладание коричневато-красной керамики с характерным лощением является показателем начала позднемонгольского периода.

2. Достаточно активно представлена лепная раковинного теста керамика прикамско-приуральских истоков ("постпетрогром" — по Е.П.Казанову, VII группа — по Т.А.Хлебниковой). Начало распространения данной группы керамики на территории Волжской Болгарии относится к X в., а период максимального распространения падает на XI-XII вв.

С домонгольской эпохой связаны глиняные и шиферные пряслица, синяя бочковидная бусина и ряд других предметов (железные скобы, ключи, гвозди). Таким образом, в вещественном комплексе домонгольский период представлен весьма определенно. Находки более позднего времени относительно немногочисленны.

По своей конфигурации контуры здания близки к контурам известных соборных мечетей Биляр-Болгара (IX-X вв.) и Болгара золотоордынского (XIII-XIV вв.). Однако наиболее близкие аналогии имеются, по определению

С.С.Айдарова, в раннемусульманских мечетях VIII-IX вв. в рабате Суса (Тунис) и Багдаде (мечеть Мутаваккиля). По этим аналогиям, а также по обнаруженным в культурном слое находкам мы, вслед за А.Х.Халиковым, определяем исследованное здание как остатки мечети-цитадели, построенной не позднее XII в.

Строительство каменной мечети-крепости на территории болгарского городка Алабуга показывает завершение процесса вхождения Восточного Предкамья в болгаро- мусульманский мир. Учитывая тот факт, что, по всей вероятности, руинированные остатки этого белокаменного здания не единственные на территории Елабужского городища и, по нашим сведениям, там может быть обнаружен и исследован еще не один памятник болгарской эпохи, мы возлагаем большие надежды на намеченные в ближайшем будущем раскопки и надеемся, что его результаты дадут еще немалую информацию по болгарскому этапу истории этого памятника. В целом же уже сегодня можно утверждать, что каменное строительство в домонгольской Булгарии стояло на достаточно высоком уровне, о чем свидетельствуют новые археологические открытия в Биляре (Соборная мечеть) и ранние стены Кремля в Казани.

¹ Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. — СПб, 1770. С.49-50.

² Спицын А.А. Приуральский край // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып.1, М., 1893. С.89-91.

³ Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. 19. М, 1951. С.29.

⁴ Халиков А.Х. Отчет о работах на Елабужском (Чертовом) городище в 1993 году. Казань, 1994. (Рукопись). С.5.

⁵ ПСРЛ. т.XIX.

⁶ Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С.89.

Рис. 1. Елабужское городище. Юго-восточная башня, отреставрированная в XIX в. И.В.Шишкиным.

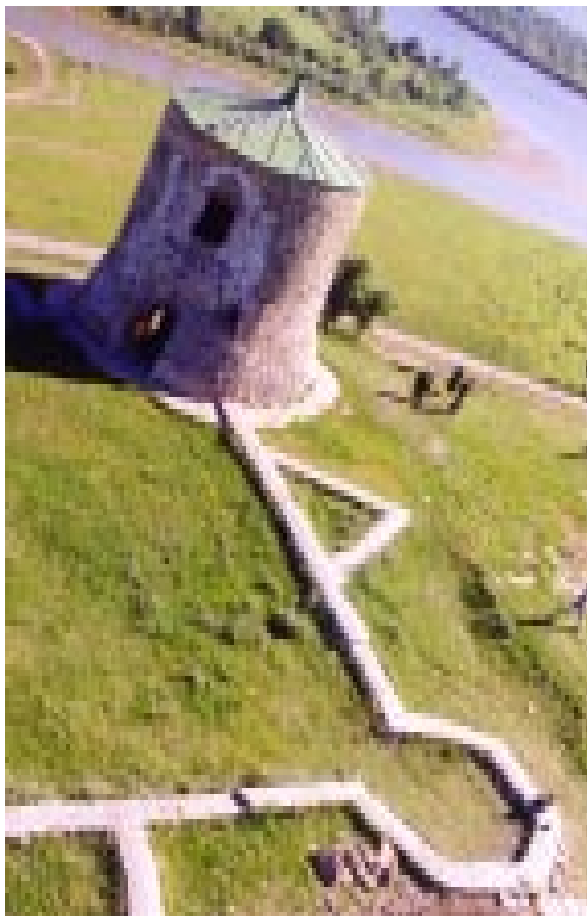

Рис.2. Елабужское городище. Юго-западная часть мечети-крепости после консервации .

THE TOWNS OF THE VOLGA BULGHARS IN THE SOURCES (10-13TH CENTURY)

Several towns of Volga Bulgars are mentioned in the Latin, Muslim and Russian Sources. In the 10-13th century two names are widespread in the Muslim geographical literature: *Bulğār* and *Suwār*. The medieval Russian authors recorded the following towns: *Velikij Gorod*, *Brjahimov*, *Torčesk* and *Ošel*. The Hungarian monk *Julianus* did not name any towns, but he emphasized that there were many prosperous towns in the Volga Bulgar empire shortly before the Mongol invasion. The aim of this paper is to give explanation to the formation and prosperity of the town culture in the Volga Bulgar empire and to call the attention to the problems of identification and localization of the capitals of the Volga Bulgars. These questions were decisive in the Russian historiography of the 16-17th century, when the elite of the Moscow had to legitimize the conquest of *Kazan*. *Pelensky* demonstrated how the theory of Bulgar-Kazan continuity was formed in order to strengthen the rights of the Russian Tsars to the *Kazan Khanate*. The ideology was simple, the Muscovite rulers as a heir of the *Kievan Grand Princes*, who lead successful campaigns against the Volga Bulgars and even conquered it, fulfilled their duty, when they regained their ancient possession, the successor state of the Volga Bulgars, the *Kazan Khanate*.¹ An the other side the tradition of the Volga Bulgars as a medieval state with Muslim culture has played a significant role in fee modern Tatar national feeling.

The cities of the Volga Bulgars first mentioned by *al-Iṣṭahṛī* between 930-950: "*Bulğār* is a name of a city. Its inhabitants are Muslim, there is a mosque in it. There is another city called *Suwār* in the neighborhood with a mosque too. Someone, who preached there informed me that the number of the people was about twenty thousand men in these two cities and they had wooden houses as accommodation in winter, but they dispersed in their tents in summer."² The account proves the existence of two cities with mosques as a center of the religious life. Simultaneously it emphasizes the seminomadic character of the inhabitants: they went out to live in nomadic tents in summer. According to *Ibn Faḍlān* the court of the Volga Bulgar ruler moved from place to place during the year in 922.³ In the earlier Muslim literature, i.e. the *Ġayhānī*-tradition and *Ibn Faḍlān* there is no mention of towns. *Ibn Rusta* stated: "Their territory is forest[ed], the trees [here being] contiguous and they take up residence in them"⁴ while *Gardīzī*'s parallel text includes: "All of their territory is

forest[ed], the trees [here being] contiguous. Within this environment they keep migrating from palace to place”.⁵ However some traces of permanent settlements are attested. Ibn Rusta and Gardizi noted that their means of subsistence is all in one place, which may refer to the market place on the Volga.⁶ Ibn Faḍlān corroborated this assumption stating: “The place of the market is on this river (Volga), which is busy in any minutes and many precious goods are sold in it.”⁷ Beside the market place, the mosque built for the Muslims was a significant factor toward sedentarization. Ibn Rusta said: “there are mosques and schools and muezzins and imams in their settlements”.⁸ Ibn Faḍlān knew only one community called Baranjār who had the privilege owing a mosque: “A mosque was built for them where they worship.”⁹ So the intensive process of the formation of towns and cities began in the 20s of the 10th century. By the middle of the century two cities had won such a fame that not only the Muslim writers recorded them as religious, cultural, administrative and commercial centers, but official Volga Bulghar coins were struck in Bulḡār and Suwār from the middle of the 10th century.”¹⁰

The basic impetus for the foundation and prosperity of the towns and cities was given by two factors which are also closely connected with each other. There were fundamental changes in international trade in the end of the 9th century. The flourishing Islamic Eastern European commerce through the Khazar empire suffered serious setbacks. The new Muslim center of trade, the Samanid Transoxania preferred the route through Khorezm and Oghuz-steppe to the Volga-Kama region, avoiding the Khazar basic route, the lower Volga. From the beginning of the 10th century the Volga Bulghar empire was a port of trade between the Islamic world and Eastern Europe.¹¹ The commerce does not mean only exchange of goods but ideas and culture. It is no wonder that the king of the Volga Bulgars embraced Islam, which was officially confirmed by the embassy of the Caliph in 922. Ibn Faḍlān, a member of this embassy referring to the letter of the Volga Bulghar king wrote that the king asked the Caliph to send someone who would build him a mosque and erect pulpit for the conversion of the people and a fortress against his enemies.¹² So it seems to be evident that the flourishing commerce and the embrace of Islam were the decisive factors in the development of the cities in the Volga Bulghar empire.

As for the localization of the towns of the Volga Bulgars Suwār and Ošel seem to be determined. The city Suwār is known mainly from Muslim sources, the Russian annals did not mention it at all. Smirnov identified the ruins on the left bank of the Utkā river 5 kilometers south from village Kuznečiha with Suwār, which flourished during the 10-13th century.¹³

Ošel was a significant city west of the Volga, which was besieged and destroyed by the Vladimir-Suzdal prince in 1220 described in detail by the Russian annals. The exact location of the city was a theme of a debate.¹⁴

The city *Bulḡār* and *Velikij Gorod* in the age of the Volga Bulghar empire i.e. 10-13th century were connected with the contemporary *Brjachimov* and *Bol-*

gary sometimes *Veliky Bolgary* which was first mentioned in the 14th century in the Russian sources and finally with two existing villages: *Bolgary* and *Biljarsk*. According to the traditional construction of Špilevskij the capital of the Volga Bulgars was Bolgary in the 10-12th century, but the principality of Vladimir-Suzdal successfully gained control over the middle Volga route and raided several times the Volga Bulgars in the second half of the 12th century. The capital was in danger, so it ought to be moved. The appropriate place was Biljarsk.¹⁵ The term *Veliky Gorod* is mentioned five times (1184, 1220, 1229, 1232, 1236) in the Russian annals and its identification with *Biljarsk* is beyond doubt.¹⁶ The Mongol invasion brought the complete destruction of Velikij Gorod i.e. Biljarsk. The age of the Golden Horde was the revival of Bolgary, which became the northern capital during the reign of Batu and remained the most significant city in the Volga- Kama region in the 13-14th century. As mentioned before the name Bolgary itself appeared in the 14th century and the results of the excavations show the same time as the most prosperous period in the life of the city.

Halikov, the leader of the excavations of Biljarsk modified the traditional model based on archeological argumentation: the city of Biljarsk was 25 times bigger than Bolgary in the 10- 13th century; there are 400 settlements within a radius of fifty kilometers i.e. quarter of archeological material of the Volga Bulgar empire; the grandiosity of the ruins can be compared to capitals of the Karachanids and the Bulgars on the Danube.¹⁷ He concluded that Biljarsk was the capital of the Volga Bulgars not only in the 12-13th century, but from its foundation in the first half of the 10th century.

This assumption provoked a dispute. Smirnov and Fahrutdinov have defended the traditional point of view, i.e. Bolgary corresponding to Bulğār in the Muslim sources was the capital in the 10-12th century,¹⁸ while Halikov and Huzin have argued for Biljarsk.¹⁹ The central subject of the debate is the interpretation of the Muslim sources. The testimony of Ġayhānī-tradition and Ibn Faḍlān is out of question. The description of the Balḥī tradition as preserved by al-Iṣṭaḥrī was quoted above and it does not contain such a datum on the basis of which the dispute can be settled. The later authors belonging to this tradition (Muqaddasī and the anonym author of the Ḥudūd al-ʿĀlam) located Bulgar on the bank of the Volga, but their reliability is uncertain, since they used second hand information.²⁰

Abū Hāmid al-Ġarnāṭī visited the Volga Bulgars first in 1135-36 and for the second time in 1150.²¹ He gave the following description of the town: "Bulğār is also a big city, the whole (city) is built of pine and its wall is made of oak.... The meaning of Bulğār is scholar"²²... In addition to the legend of the embrace of Islam the author explained: "The scholar is called *biḥār* in this country, and so they gave the name *Bil'ār* to this land, its meaning is scholar, but the Arabs used the Arabic form and they say *Bulğār*. I have seen it in "The History of Bulğār" written by the Cadi of Bulğār..."²³ The popular etymology

can be explained simply: in Turkic languages the Verb *bil-* means “to know” and with a suffix *-r* it corresponds to the Arabic *‘ālim* “scholar”. So the reconstruction of the quoted name is *biter*. The other name *Bulġ’a-r* is of course not the Arabic form, but rather the common Turkic form of the tribal name. However there existed other variants of this ethnonym: the Hungarian Anonymus in his *Gesta Ungarorum* noted *Bular*.²⁴ Piano Carpinì and Benedictus Polonus mentioned *Siller*²⁵ and *Byler*.²⁶ Ligeti pointed out that these variants were the middle-Bulgar-Turkic form of the tribal name *Bulġ’a-r* and reconstructed the following order of changes: *Bulġ’ar* > *Bular* > *Bīlar* > *Biler*.²⁷ So it seems sure that the middle Bulgar-Turkic tribal name *Biter* was connected with its homophone *biler* meaning scholar in the Turkic languages. This form has been preserved in the name of the village Biljarsk in Russian pronunciation and with Russian suffix.

So we have to face the problem that there was a people and country called *Bulgar* in common Turkic and *Bular* and *Biler* in Bulgar-Turkic and there existed simultaneously two cities bearing the same double-names: *Bulgar* and *Biler*. This can be the source of misunderstandings for the foreign authors. It is no wonder that the Muslim writers have had a rather vague notion of the exact geographical location of *Bulġār*. To complicate the matter, the regular migration of the royal court was usual practice in the Middle Ages. The so-called “Wanderkönigtum” is not only typical for the nomadic rulers but it is well-known in medieval Europe. It seems probable that the kings of the Volga Bulgars possessed several residences, among others the most significant royal cities may have been *Bolgary* and *Biljarsk*.

The city called *Brjahimov* was mentioned in connection with a Russian campaign in 1164. The Laurentian Chronicle says: “In that year (1164) Prince Andrei with his son Iziaslav, his brother Iaroslav and Georgij, the Prince of Murom went against the Bulgars. God and the Blessed Mother of God protected them against the Bulgars. Many of them were slaughtered, their flags were taken away and the Prince of the Bulgars could hardly escape with his small *Družina* to *Velikij Gorod*. Prince Andrei got back victoriously (to the camp) and he saw the pagan Bulgars being slaughtered while his *Družina* being intact.... Then they marched further and took their glorious city, *Brjahimov*, but before they had set three of their towns in fire....”²⁸ The later versions of this campaign contain minor changes. As an example the Chronograph of 1512 is quoted: “Andrei (went) against the Bulgars, (and) took with him the cross of Christ and the miraculous Vladimir icon of the Most Pure Mother of God, as was always the custom, She being the protectress against enemies, and by prayers to Her the Bulgars were vanquished. And the Russian army, without harm to itself, captured four of their towns and took *Briakhimov* which is on the Kama...”²⁹ In this later version the consequence of the first battle are absent, so the withdrawal of the prince of the Bulgars to *Velikij Gorod* which means that *Brjahimov* cannot be identified with the Great Town. On the other hand it contains an important addition: *Brja-*

himov lied on the bank of the Kama. It precludes the possibility the identification of this city neither with Biljarsk nor with Bolgary.

The name of the city was used in the legendary chapter on the Origin of the Kazan Tsardom in the *Kazanskaja Istorija*: "There was on the Kama River an old town, called Brjagov, and from there came the Tsar, called Sayn Bolgarskij.The Tsar built at this site the city of Kazan, and none of the Russian rulers dared to say anything against it... .There was on the Kama River an old town, called the Bulgar Brjagov; now this town is deserted; the Grand Prince Andrej Jur'evič Vladimirskij took it for the first time and turned it over (to his troops) for final destruction, and subjugated the Bulgars under his rule. And the Balymaty (?) (dwell) twenty versts away from these Bulgars. And the Grand Prince conquered (this land) as far as that. And Kazan was the capital city, instead of Brjagov...."³⁰ The formation of the legend can be reconstructed. The earliest historical event of the story is the campaign of Andrei against the Volga Bulgars in 1164, when he took the city of Brjahimov. Brjagov is a corrupt form of this name. According to Špilevskij Brjahimov can be the Russian form of the Muslim name Ibrahim.³¹ Sayin is the posthumous name of Batu, the founder of the Golden Horde. In the age of the Golden Horde the capital city of the Volga-Kama region was Bolgary. The identification of Brjahimov with Bolgary is based on this assumption, which is historically unprovable. On the other hand the Bolgary-Kazan continuity is a fiction, since Usmanov pointed out, that Bolgary was totally destroyed in 1431 and Kazan was first recorded in the Russian annals in 1395.³²

In the 16-17th century the tradition of Bolgary-Kazan continuity appeared on the ground that Kazan as the center of the Kazan Khanate is fee heir of Bolgary, which was one of the capitals of the Golden Horde and the most significant city of the Volga-Kama region. The chroniclers tried to get back the tradition to the age of the Volga Bulghar empire, but there was no oral or written tradition on the capital of the Volga Bulgars, so the author of the *Kazanskaja Istorija* used the data of the Russian annals.

In conclusion, the emergence of the cities and towns of the Volga Bulgars was provoked by the prosperous trade relation from the beginning in the 10th century which brought Islam to the Volga-Kama region. In the 10-13th century the sources preserved only six names: Bulġār, Suwār, Velikij Gored, Brjahimov, Torčesk and Ošel. As for Bulġār, its identification is difficult, because it is the common Turkic name of the country, its people and two cities. Since the 12th century the Bulgar-Turkic equivalent Bular ~ Biler has been attested. According to the archeological excavation there existed a town in the neighborhood of the village Bolgary and an enormous city in the vicinity of the village Biljarsk in the 10-13th century. The former has preserved the common-Turkic form, the latter the Bulgar-Turkic. At our present stage of our information it is not possible to determine one of them as the capital of the empire in the 10-12th century. From the middle of the 12th century till the Mongol invasion the term Velikij Gored "The Great Town" was Biljarsk. It seems logical then to identify Brjahimov i.e.

Ibrahim with Bolgary, but the argumentation is anachronistic, as Bolgary was the center in the following period, i.e. the age of the Golden Horde.

¹ J. Pelenski, *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438-1560s)*. The Hague, Paris 1974.

² *Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istahrí*. Bibliotheca Geographorum Arabicorum (=BGA) I. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum 1870, 225. This report was used with minor additions by Ibn Hauqal (BGA II2, 396), Ḥudūd al-ʿĀlam (V. Minorsky, Ḥudūd al-ʿĀlam. "The Regions of the World". A Persian geography 372 A.H. 982 A.D. GMS XI. London 1937, 163), Marvazi (Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India. Ed. V. Minorsky. London 1942, 34) and al-Muqaddasī (BGA III, 361).

³ Ibn Faḍlān's Reisebericht. Von A. Z. V. Togan. Leipzig 1939, 74.

⁴ BGA VII, 141; I. Zimonyi, *Origins of the Volga Bulgars*. *Studia Uralo-Altaica* 32. Szeged 1990, 131.

⁵ A.P.Martinez, *Gardīzi's two Chapters on the Turks*: AEMAe 2 (1982), 157.

⁶ Zimonyi, op. cit., 132-133.

⁷ Togan, op. cit., 174.

⁸ Zimonyi, op. cit., 137.

⁹ Togan, op. cit., 67-78.

¹⁰ G. Rispling, *The Volga Bulgarian Imitative Coinage of al-Amir Yaltawar ("Barman") and Mikail b. Jafar: Commentationes de Nummis Saeculorum IX-XI*. Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1-4 June 1989. Ed. K. Jonsson and B. Malmer. London, 276.

¹¹ Th. S. Noonan, *Why dirhams first reached Russia: the role of Arab-Khazar relations in the development of the earliest Islamic trade with Eastern Europe*: AEMAe 4 (1984), 151- 282; J. Martin, *Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for medieval Russia*. Cambridge 1986.

¹² Togan, op. cit., 2.

¹³ A.P.Smirnov, *Volžskie bulgary*. Moskva 1951, 230-265.

¹⁴ *Kirel'skoje or Jankitovskoje Gorodišče*: Smirnov, op. cit., 265-266; *Bogdaskinškoje Gorodišče*: R.G.Fahrutdinov, *Očerki po istorii volžskoj bulgarii*. Moskva 1984, 90-91.

¹⁵ S.M.Špilevskij, *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamjatniki v Kazanskoj gubernii*. Kazan' 1877, 124-126.

¹⁶ Fahrutdinov, op. cit., 93-94.

¹⁷ A.H.Halikov, *O stolice domongol'skoj Bulgarii*: *Sovetskaja arheologija* 1973. N. 1, 83-89.

¹⁸ A.P.Smirnov, *O stolice gosudarstva volžskih Bulgar*: *Sovetskaja Arheologija* 1971. N. 1, 98-102; R.G.Fahrutdinov, *O stolice domongol'skoj Bulgarii*: *Sovetskaja Arheologija* 1974. N.1, 131-143; R.G.Fahrutdinov, *Ešče raz o stolice domongol'skoj Bulgarii*: *Sovetskaja Arheologija* 1975. N.4, 74-79. Fahrutdinov, op. cit., 46-63, 93-98.

¹⁹ A.H.Halikov, *O stolice domongol'skoj Bulgarii*: *Sovetskaja arheologija* 1973. N. 1, 83-99; F.Š.Huzin, *O stolice Wolžskoj Bulgarii domongol'skogo perioda*: *Biljar stolica domongol'skoj bulgarii*. Red. F.A.Sadykova. Kazan' 1991, 6-42.

²⁰ Muqaddasī: BGA III, 321; Minorsky, Ḥudūd al-ʿĀlam, 162.

²¹ O.G.Bolšakov, A.L.Mongajst, *Putešestvie Abu Hamida Al-Garnati v Vostočnuju i Central'nuju Evropu (1131-1153 gg.)*. Moskva 1971.

²² Abū Hāmid el Granadino y su Relacion de viaje por tierras eurasiaticas. Por. C.E.Dubler. Madrid 1953, 9, 11.

²³ Dubler, op. cit., 12.

²⁴ *Scriptore Rerum Hungaricarum*. Ed. E. Szentpétery. Budapest 1937 1, 114-115.

²⁵ A.Wyngaert, *Sinica Franciscana. Itinera et Relationes Fratrum Minorum saeculi XIII. et XIV. B. 1.* Quaracchi-Firenze 1929, 73.

²⁶ Wyngaert, op. cit., 98, 111, 138.

²⁷ Ligeti L., *A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban*. Budapest 1986, 280. Other data Zimonyi, op. cit., 37-38.

²⁸ *Polnoe sobranie russkih letopisej (=PSRL)*. Tom 1. Moskva 1962, 352-353.

²⁹ PSRL 21, 428; D.B.Miller, *Legends of the Icon of Our Lady of Vladimir: A Study of the Development of Muscovite National Consciousness: Speculum XLIII: 4 (1968), 663. Parallel descriptions: Pelensky, op. cit., 146-148.*

³⁰ Pelensky, op. cit., 119-120; *Historic vom Zartum Kasan. (Kasaner Chronist)*. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von F.Kämpfer. Graz-Wien-Köln 1969, 51-54.

³¹ Špilevskij, op. cit., 32.

³² M.A.Usmanov, *Tatarskie istoričeskie istočniki XVII-XVIII vv. Kazan'* 1972, 120- 121.

НОВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ (предварительное сообщение)

Возникновение и развитие любого крупного населенного пункта в прошлом, в том числе и городов, неразрывно связано с общим экономическим, политическим и культурным развитием данного региона. В этом плане не является исключением и города Среднего Поволжья. Они также были результатом социально-политического и культурного развития Поволжья в эпоху становления ранних государственных образований Восточной Европы — Хазарского каганата, Волжской Булгарии и пр. Именно в эпоху этих государств наблюдается один из этапов расцвета знаменитых торговых путей с Севера на Юг (Великий Волжский путь), с Востока на Запад и наоборот (т.н. Великий Шелковый путь).

Как показывают археологические материалы в целом, уникальные нумизматические находки в частности, возникновение в IX-X вв. болгарского поселения и превращение его на стыке X-XI вв. в укрепленную крепость городского типа на территории современного Казанского Кремля не вызывает особых сомнений у **компетентных** специалистов. Однако возникает вполне закономерный вопрос: как отражается этот конкретный процесс — процесс градообразования в ранних, по возможности аутентичных и автохтонных письменных источниках? Подтверждается ли информация археологических материалов сведениями письменных памятников?

На эти несложные на первый взгляд вопросы ответить будет не очень просто. Во-первых, ранние письменные памятники тюркского населения региона, например, памятники древнетюркской руники, бытовавшей среди населения Поволжья и Приуралья, в подавляющем большинстве своем не сохранились, а сохранившиеся лапидарные образцы по содержанию носят исключительно бытовой характер.

Во-вторых, официальное, следовательно, относительно широкое распространение письменно-научных знаний на основе мусульманской традиции среди болгар имело место несколько позднее, чем во времена пока доступных нам ранних археологических памятников из Казанского Кремля. (Одним из самых ранних образцов местной историографии, например, сочинение Йакуба ибн Нугмана, относится, как известно, лишь к XII в.). Поэто-

му наивно было бы надеяться на обнаружение местных и современных той эпохе письменных источников по истории региона.

В-третьих, страна болгар не только на стыке X-XI столетий, но и несколько позднее, будучи самой удаленной окраиной мусульманского мира, была еще малоизвестной в культурных странах эпохи, например, в Византии и Халифате. (О смутных представлениях арабов XI в. о болгарях см. материалы в заметках А. Халидова в кн.: "Марджани: наследие и современность". Казань, 1998, с. 82-84.).

В целом, как видно из всего сказанного, судьба нас не очень балует, за редкими и общеизвестными исключениями (например, известиями Ибн Руста, Ибн Фадлана) ранними письменными памятниками по истории региона, составленными непосредственными очевидцами жизни и быта волжских болгар.

Все это говорит о том, что поиски ранней информации письменных источников по истории нашего региона в целом, отдельных городов в частности, должны осуществляться с привлечением сведений как косвенной информации, так и возможностей научной ретроспекции. То есть привлечения информации сравнительно поздних по времени письменных материалов для выяснения общих и частных проблем более ранних периодов. С другой стороны, целесообразным и перспективным, на наш взгляд, является осуществление такого поиска-исследования методом перехода от наиболее общего к относительно частному и от близкого к нам хронологически к более удаленному. Именно по такому принципу, в частности, были организованы и проведены при материальном обеспечении Казанского городского совета международные форумы, посвященные, например, проблемам источниковедения истории Улуса Джучи (июнь 1998 г.), исторической географии и ранним городам Среднего Поволжья (сентябрь 1998 г.) и, наконец, нынешней конференции по истории средневековой Казани (июнь 1999 г.).

Следует отметить, что в результате такого последовательного обмена опытом и информацией стала возможной планомерная организация поисков письменных источников по истории средневекового Поволжья. Так, вполне успешно проведенный международный семинар по источниковедению истории Улуса Джучи, дал толчок к организации поиска и выявления в библиотеках Каира до сих пор не введенных в активный научный обиход письменных источников на арабском языке. Эти материалы были выявлены с непосредственным участием профессора А.Б.Халидова при активной помощи сотрудников университета Айн-Шамс профессоров Мухаммада ас-Сайид Джамаледдина и Аделя Совелама.

Сведения этих источников значительно обогащают наши знания новыми данными о культурной и литературной жизни поволжских городов золотоордынского периода. Они предоставляют яркие детали по истории тес-

ных контактов, взаимоотношений интеллектуалов из Поволжья и Мамлюкского Египта XIII-XIV вв.

Тот факт, что тюркские выходцы из поволжских городских центров сразу могли занимать ведущие должности в учебных заведениях (медресе) Дамаска, Каира и крупные посты в правительственных учреждениях Египта, говорит о высоком уровне развития духовной культуры в Золотой Орде и ее городах. В этом плане особый интерес представляют сведения недавно опубликованного по единственному списку-автографу “Добавления к Дурру-л-Камила” Ибн Хаджара ал-’Аскалани (публикация Аднана Дарвиша, Каир, 1996). Характерно то, что этот весьма информированный автор при изложении биографии каждого выходца из Золотой Орды находил нужным специально указывать, что тот или иной выходец из Поволжья получил высокое образование **у себя на родине** и сразу по приезду стал пользоваться большим авторитетом в Сирии и Египте (там же, с. 70-80, 162, 379). Вряд ли такой культурный уровень золотоордынских городов был возможен на пустом месте, как это преподносилось в нашей официальной литературе в недалеком прошлом.

Нужно сказать несколько слов о наших поисках и в библиотеке Ватикана. Сразу отмечу, что получить приглашение из Ватикана для работы в его библиотеке нам удалось благодаря содействию профессора из Гиссена (Германия) Адольфа Хампеля. Именно при его помощи стало возможным ознакомление с латиноязычными публикациями по нашей проблеме (например, с исследованиями текстов путевых записей католических миссионеров). Эти издания, отсутствующие, как правило, в библиотеках России, достойны в будущем специального исследования. Здесь отмечу лишь следующее. Как свидетельствуют содержания ряда латинских источников, католическая церковь имела свои представительства в ряде городов домонгольского Поволжья, в том числе и в городах Булгаре, Саксине и др. (Jean Richard. *La Papauté et les missions d’Orient au moyen age (XIIIe-XVe siècles)*. Ecole Française de Rome. Palais Farnese. 1977, pp. 20-21, 29-30, 297.)

Видимо, благодаря наличию таких представительств Папства в городах Поволжья, католическая церковь была хорошо информирована о религиозной ситуации (“вакууме”) у ранних Джучидов. Не случайно, что Иннокентий IV и Александр IV обратились к Джучидам (Сартак — в 1254 г., Берке — в 1260 г.) с призывом принять христианство. (См.: Lupprian Karl-Ernst. *Die Beziehungen der Paepste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Citta del Vaticano. 1981, № 39, 40). Золотоордынские правители, в отличие от Ильханов Ирана, не были активными в ответе на письма из Папства. Это объясняется, видимо, сильной позицией ислама в поволжских городских центрах, еще более усилившейся во времена хана Берке. Немаловажную роль сыграло, безусловно, и то, что основные центры Улуса Джучи, например Хорезм и болгарские земли, были исламизированы задолго до появ-

ления Джучидов. А в болгарских землях, как всем известно, находилась первоначальная столица западных Чингизидов.

Новый пласт письменных памятников поволжского происхождения золотоордынского периода обнаружен в библиотеках Турции, особенно в фондах знаменитого книгохранилища “Сулеймания”.

Сразу отмечу, что в библиотеках Турции в течение последних двух с половиной лет ведется постоянная работа по выявлению поволжских материалов. В первоначальном процессе выявления интересных (возможно интересных) для нас рукописей принимали участие и ученые из Турции. Например, значительный по объему список был представлен профессором Мармарского университета Надиром Давлетом. В определенной степени опираясь на этот предварительный список, ведя в дальнейшем самостоятельные поиски, поработали в библиотеках и древлехранилищах Турции следующие наши коллеги: Сулейман Рахимов, Ильяс Мустакимов, Нурия Гараева. Моя поездка была осуществлена вместе с А.Б. Халидовым. Не увлекаясь подробностями о поисках, сообщу лишь о некоторых основных результатах.

Как известно, благодаря общеизвестным сведениям “Кашф аз-зунуна” Катиба Челеби, а также по результатам поисков татарского историка Шигабутдина Марджани, нам были знакомы имена шести-семи авторов болгарской эпохи XIII-XIV вв. с нисбой или тахаллусом *Булгари*. Но произведения их до сих пор не были нам доступны, т. к. они или не сохранились, или же не установлены места их хранения. В Турции же удалось обнаружить списки сочинений четырех новых, не известных до сих пор авторов XIII-XIV столетий с нисбой *Булгари*. Например, сочинения по юриспруденции, логике, философии и, наконец, медицине таких ученых, как Бурхан ад-Дин ибн Камал ад-Дин ибн Хамид ал-Булгари, другой Бурхан ад-Дин ибн Юсуф ал-Булгари, Мухаммад-ал-Амин ибн Мухаммад ал-Булгари и Тадж ад-Дин ибн Хусаин ал-Булгари — известный фармаколог и медик начала XIII в., т.е. домонгольского периода.

Сочинения первых трех авторов XIV в. являются памятниками мусульманской философии и юриспруденции, следовательно, памятниками общественно-научной мысли, научной культуры той эпохи. Эти сочинения болгарских по происхождению авторов почти не известны сейчас у нас в Поволжье. Они, представленные в Турции несколькими, порой более десяти экземплярами, нуждаются в тщательном исследовании. Ибо каждый список может содержать новую информацию, присущую только этому экземпляру.

Особо хочется отметить значение сочинения Тадж ад-Дина Булгари. Как известно многим коллегам, в 1995 г. мне удалось, при активном содействии Президента республики М.Ш. Шаймиева, привезти из Ирана, из библиотеки парламента Исламской Республики Иран, копию с небольшого по объему, но важного по содержанию сочинения Тадж ад-Дина Булгари под названием “Ат-Тирйак ал-Кабир” (т.е. “Большой тирйак”). Это сочинение по фармакологии, посвященное средствам противоядия, было пере-

ведено на русский язык и в 1997 г. опубликовано с комментариями профессора А.Б. Халидова.

При изучении текста этого сочинения публикатору удалось выяснить, что в Турции, в библиотеке небольшого города Маниса, находится список **еще одного** сочинения того же Тадж ад-Дина Булгари под названием “Мухтасар фи ма’рифат ал-адвия”.

Если “Большой тирйак” содержит всего шесть страниц текста и написан он в 1220 г., но сохранился в списке XVII века, то “Мухтасар...” Тадж ад-Дина на 86 страницах дошел до нас в прижизненном списке — в списке **1222 года**, т.е. за год до Калки... Если в “Тирйаке” решается лишь один вопрос фармакологии, вопрос о противоядии, то в “Мухтасаре” перечислено, описано множество лекарств, названия которых расположены по алфавиту от “алифа” до “йай”, т.е. от “А” до “Я”.

В настоящее время профессор А.Б. Халидов приступил к изучению этого памятника.

Турецкие библиотеки сохранили списки и более ранних сочинений болгарских авторов. Например, до сих пор мы знали, образно говоря, лишь понаслышке имя некоего Сулеймана Ибн Дауд ас-Саксини, жившего и творившего в XII столетии. В турецких библиотеках выявлено около десяти списков его сочинения под названием “Зухрат-ар-Рийаз”. Это в основном религиозно-просветительское, философское сочинение содержит сведения и о предшественниках, учителях самого Сулеймана Саксини. Например, он наравне с другими известными богословами неоднократно цитирует кадия из Булгара по имени **Абу-л-Аля Хамид Ибн Идрис ал-Булгари**. Следовательно, речь идет о **болгарском ученом второй половины XI столетия**.

Достоен пристального внимания и тот факт, что в одном списке “Зухрат ар-рийяз” нисба или тахаллус-псевдоним автора звучит как **ас-Сивари**. Не указывает ли это на происхождение Сулеймана Саксини из болгарского города Сувар?

Ответ на этот и другие вопросы можно будет получить в результате тщательного изучения списков этого и множества других сочинений болгарских авторов, сохранившихся ныне в библиотеках Турции.

Я ограничился лишь некоторыми примерами. О других достойных внимания фактах, надеюсь, сообщат в своих дополнениях мои коллеги, также поработавшие в библиотеках Стамбула. Вообще в Турции хранится огромное количество восточных рукописей. По предварительным подсчетам их общее количество превышает 250 000, то есть более четверти миллиона, и в них представлены тексты почти полумиллиона сочинений, бытовавших некогда в репертуаре всего мусульманского мира. Поэтому я не удивлюсь, если в будущем при осуществлении целенаправленных поисков в библиотеках и архивах Турции обнаружатся еще несколько, может быть не менее десяти, сочинений поволжских по происхождению авторов раннего периода.

Как показало знакомство с некоторыми каталогами, списки сочинений ряда болгарских авторов конца XIII-XIV столетий хранятся в библиотеках ... Кипра. А ведь нам еще совершенно не известны содержания древлехранилищ Сирии, Ливана, рукописных отделов библиотек Египта (там мы еще “не дошли” до рукописей), а также богатейших библиотек Ирана, Ирака... Надо постоянно помнить, что в средневековье в мусульманском мире международный книжный обмен был более оживленным и более свободным, чем, скажем, в советское время.

О чем говорит эта предварительная информация, раздобытая на начальном этапе поисковой деятельности нашего небольшого коллектива?

Буду с ответом очень краток. Эти находки свидетельствуют о том, что как в золотоордынский, так и в домонгольский периоды нашей истории в Поволжье сложился и развился довольно мощный культурный фон, развитие которого невозможно было без наличия городских центров. Следовательно, при освещении истории региона в целом, крупных населенных пунктов и городов в частности, наравне с учетом значений социального, политического, хозяйственного развития, ремесла, торговли и торговых путей, необходимо тщательно учитывать одновременно и **факторы культурного фона эпохи и региона.**

А чтобы такой культурный фон “заговорил” еще “громче” и убедительнее, необходимо продолжать такие поиски, которые обогащают источниковую базу нашей истории в целом.

**СПИСКИ СОЧИНЕНИЯ
СУЛАЙМАНА ИБН ДАУДА АС-САКСИНИ
“ЗУХРАТ АР-РИЙАД...”*
В КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕКИ СУЛЕЙМАНИЯ**

В Турции в библиотеках различных городов обнаруживается много новых материалов по истории и духовной культуре татарского народа.

Одной из подобных находок является сочинение Сулаймана б. Дауда ас-Саксини “Зухрат ар-рийад...”. О нем упоминает Ш.Марджани в “Мустафад ал-ахбар...” Однако в рукописных коллекциях Казани не было обнаружено ни одного списка сочинения ас-Саксини. Правда, целенаправленных поисков рукописей этого сочинения в других рукописных коллекциях как бывшего СССР, так и зарубежном по ряду причин и не проводилось. Помимо идеологических ограничений советского времени, закрывавших возможность нетенденционного исследования как средневековой политической истории татарского народа, так и памятников письменного наследия этого времени, существовали и объективные причины. В частности, поиск и исследование письменных памятников болгарского и золотоордынского времени затрудняло отсутствие каталогов для большинства рукописных коллекций СССР, а также недоступность каталогов многих зарубежных коллекций.

В случае с Сулайманом ас-Саксини было известно, что рукопись его сочинения имеется в составе одной из рукописных коллекций Турции. Реальная возможность поиска рукописи этого сочинения в Турции появилась сравнительно недавно. Благодаря поддержке Казанского Совета народных депутатов в рамках комплексной программы по выявлению материалов по истории Казани нам довелось работать в Стамбуле в библиотеке Сулеймания, располагающей крупнейшей рукописной коллекцией Турции. Здесь и удалось познакомиться со списками “Зухрат ар-рийад...”.

Как выяснилось, в фондах библиотеки Сулеймания хранится восемь рукописей с сочинением Сулаймана ас-Саксини, датируемых XIV-XVII вв. Исследование всех списков выявило много интересных сведений о сочинении и авторе. Остановимся на некоторых итогах сделанных нами наблюдений.

* В тюрко-татарской среде утвердилась персидская традиция произношения некоторых арабских букв. Согласно этой традиции татары вместо арабского “Зухрат ар-рийад...” обычно произносили “Зухрат ар-рийаз...”.

Изучение рукописей и соответствующей научной литературы позволило прежде всего восстановить в наиболее полной на сегодняшний день форме имя Сулаймана ас-Саксини, а именно: Тадж ал-ислам Абу ар-Раби' Сулайман б. Дауд б. Абу Са'ид ас-Сабти ас-Саксини ас-Сивари. По данным справочников, он был жив и писал в 550/1155 г.

Написанное на арабском языке, сочинение ас-Саксини посвящено философии суфизма и структурно состоит из 67 маджлисов-собраний, на которых ученые — суфийские шейхи вели беседы по нравственно-этическим проблемам, волновавшим мусульманский мир того времени. Нить рассуждений и аргументация были выстроены на цитировании определенных хадисов, и поэтому, на первый взгляд, сочинение выглядит собранием хадисов.

Из восьми списков сочинения, хранящихся в фондах библиотеки, лишь один — неполный: нет конца сочинения, текст обрывается на начале 64 маджлиса. Из восьми списков два недатированных, включая вышеупомянутый. Наиболее ранний список сочинения, составленный в Тебризе, датируется ша'баном 729/июнем 1329 г. Еще два списка относятся к XV в. Один из них имеет точную дату: 828/1424-25 г. В колофоне второго списка приведена дата 1069/1658-59 г., однако внимательное рассмотрение рукописи обнаружило, что перед нами реставрированный экземпляр, восстановление которого было выполнено с высокопрофессиональной искусностью, но без стремления к стилизации под оригинал (явно, что целью реставратора было максимально точно воспроизвести текст сочинения). Из характера почерков, качества бумаги и чернил вытекает заключение, что в основе реставрированного списка лежит рукопись, датируемая не позднее чем XV в., а дата, приведенная в колофоне, относится ко времени реставрации. Еще в одном списке удалось уточнить датировку с 999/1590-91 г., как это делали предыдущие исследователи при составлении картотечного каталога, на 995/1586-87 г. Ошибку вызвало специфическое, нетрадиционной конфигурации написание переписчиком цифры пять, которое позволяло читать ее как девять.

Сопоставление текстов всех списков определило, что текст списка, датированного 828/1424-25 г., существенно отличался от текста остальных списков: иногда мы находили дословные совпадения, местами текст сильно сокращен, а в ряде случаев приведен совершенно другой текст. Кроме того, только в этом списке для Сулаймана б. Дауда наряду с его уже известной нисбой ас-Саксини приводится еще одна нисба, связывающая его с городом Сувар. В этой нисбе помимо самого факта любопытна огласовка, поскольку она дана в непривычной для нас вокализации широко известного топонима. Согласно этой огласовке, нисба читается ас-Сивари, хотя в научной литературе принято допустимое с точки зрения арабской графики прочтение Сувар, а для нисбы соответственно ас-Суvari. Еще предстоит проверить верность приведенной в рукописи огласовки: не случайно ли она? Если ее верность подтвердится, то на основании этого факта возникнет

необходимость корректировки утвердившегося в современной литературе прочтения топонима Сувар на Сивар.

Тексты остальных семи списков представляют одну и ту же версию сочинения, тем не менее при сопоставлении текстов выявляются расхождения в количестве глав (маджлисов), а также во вступительной части сочинения (унване). Так, в большинстве рассмотренных списков (так же как и по данным справочников) количество глав равно 67 маджлисам. Надо полагать, это количество глав соответствовало авторской структуре сочинения. Однако, в нескольких списках замечено отступление от этого стандартного числа глав: наименьшее количество составляет 66 маджлисов, наибольшее — 69-70 маджлисов. Прочтение унванов во всех списках определило, что вступительная статья в большинстве рукописей состоит из двух частей и обе начинаются с басмала. Сопоставление текстов показывает, что каждый переписчик, исходя из собственного понимания темы и текста сочинения, позволял себе “делать правку” авторского текста, которая выражалась в небольших сокращениях или добавлениях. Согласно сводному тексту унвана, составленному на основе всех списков, удалось выявить ряд фактов, которые по отдельным спискам далеко не всегда были явны и, в результате, обычно либо ускользают от внимания исследователя, либо, оставаясь непонятными, вносят путаницу в понимание и интерпретацию текста. Например, благодаря текстологическому исследованию унванов семи списков удалось получить развернутое объяснение истории составления сочинения. Оказалось, что существовало три версии сочинения. Первая получила название “Бахджат ал-анвар мин хафайат ал-асрар” (Великолепие лучей [света] из тайн души). В одном из списков название дано в варианте — “Бахджат ал-анвар мин сифат ал-асрар” (Великолепие лучей [света] из свойств души). Позднее ас-Саксини переделал это сочинение, включив большие цитаты на персидском языке. Затем, продолжая совершенствовать сочинение, ас-Саксини перевел персидские цитаты на арабский, и этот вариант сочинения получил название “Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад” (Красота садов и утешение заблудших душ).

В этом сочинении Сулайман ас-Саксини часто ссылается на своего учителя, болгарского ученого первой половины XII в. кади Абу ал-'Ала Хамида б. Идриса ал-Булгари, который в свою очередь называет своих шейхов. Все эти имена до сих пор оставались неизвестными современным исследователям.

Как показывает сравнительный анализ списков сочинения, каждый из них несет характерную только для него информацию. Это связано с особенностями копирования восточных переписчиков. Уже предварительные итоги нашего первого, в значительной степени лишь ознакомительного, исследования восьми рукописных списков “Зухрат ар-рийад...” убеждают в многообещающей перспективности начатой работы. Безусловно, наиболее полную характеристику и оценку этому сочинению даст последующее его

исследование. А полный перевод этого трактата дал бы возможность широкому кругу историков, филологов, культурологов и философов (а не только специалистам, владеющим арабским языком) получить еще большую информацию о нравственных воззрениях средневековых тюрко-татарских государств. Как выясняется, списки этого сочинения хранятся и в других библиотеках Турции, а также в рукописных собраниях России и ряда европейских стран. Это позволяет предполагать, что в XII-XV вв. сочинение пользовалось известностью на территориях, входивших в состав Золотой Орды (северную периферию которой составляла Волжская Булгария, а южную — Тебриз и области, прилегавшие к нему).

Рассмотренный в нашем выступлении пример является лишь одним образцом в целом ряду интереснейших находок, но он прекрасно иллюстрирует и наглядно подтверждает то, что в дальнейшем необходимо фронтальное изучение библиотек Турции и других стран на предмет выявления новых сочинений и их списков для осуществления полноценного текстологического изучения этих памятников.

**КАЗАНЬ НА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТАХ
XIV — НАЧАЛА XVII ВЕКОВ.
Краткий обзор**

На сегодняшний день в мире накоплен обильный и многообразный картографический материал. В течение нескольких столетий великие географические открытия, войны, колонизация новых земель, торговля спротоцировали тщательное изучение и описание земной поверхности. Картография стала неотъемлемой и значимой отраслью науки. Знание географии, умение разбираться в картах стали необходимы не только морякам и ученым, но и правителям, военным и даже монахам.

Помещением наших земель на ранних географических картах мы обязаны, в первую очередь, удачному географическому положению нашего региона на маршруте и стыке Великих торговых путей. Менялись эпохи, разрушались старые и появлялись новые государства, но торговые интересы Запада всегда были направлены на Восток, сначала в Китай, а затем и в Индию.

Путешественники и торговцы, следуя по Великому Шелковому и по Великому Волжскому путям, осваивая Северный пушной путь, составляли дорожники, географические описания, делали зарисовки. Поэтому неудивительно, что наш регион, сначала Волжская Булгария, затем Золотая Орда, а в последствии и территория Казанского ханства, всегда, в той или иной мере, с различной степенью достоверности присутствовал на географических картах своего времени.

Со времен Колумба были известны три типа карт. Первый тип, представленный Nicolaus, возник в греческом мире в романскую эру. Эти карты увеличивали размер Евразии и протяженность Средиземноморья, уменьшали как окружность мира, так и размер океана между Европой и Азией. Вторым типом карт была средневековая *marra mundi* или карты мира, широко известные в течение 1400 годов, которые распространяли церковные догмы как географическую информацию. Эти карты были обычно прямоугольной или круглой формы, с центром в Иерусалиме и океаном, окружающим известный мир Европы, Африки и Азии. Кульминацией этого типа была карта Фра Мауро, нарисованная в Венеции в 1459 году. Эта карта объединила традиционную картографию с новой информацией, поступившей от португальцев и других исследователей.

В третьей категории — практические карты моря портолан, используемые навигаторами, собственниками кораблей и другими, заинтересован-

ными в морских связях. Эти карты, охватывающие главным образом Средиземноморье, время от времени расширялись за берега. Составители этих карт заботились исключительно о точности изображения побережий. Самыми отличительными особенностями карт портолана было большое количество деталей в изображении береговых линий, отсутствие точной информации о дальнейшей внутренней земле. Эти карты остаются правдивыми предшественниками современных морских карт.

Эта краткая информация необходима для того, чтобы разобраться в терминологии картографии.

Аргументы некоторых сторонников поздней даты возникновения Казани базируются на отсутствии на ранних картах топонима “Казань”. Отсюда делаются категорические, но не соответствующие истине выводы.

Попробуем разобраться в ситуации. Подробное изучение картографического материала позволяет прийти к трем основополагающим выводам:

1. На ряде карт действительно отсутствует Казань. Примером этому могут послужить одна из карт России из Космографии Мюнстера 1544 г. [1] (рис.1) и карта Тартарии Жерарда Меркатора 1608 г. [2] (рис.2).

Более того, Казань отсутствует даже на ряде поздних карт, посвященных именно нашему региону. Отсюда мы можем сделать вывод, что отсутствие города на карте не может служить решающим аргументом в полемике о возрасте Казани.

2. На некоторых ранних, а также на отдельных поздних картах на месте Казани изображен город без обозначения названия. Это знаменитая карта братьев Пицигани (Pizigano) Portolan (1367). Карта составлена итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани на латинском языке; оригинал — библиотека Парма, копия — 90 x 132,8 см, имперская библиотека в Вене. Сюда же относится карта Московии из Космографии Себастьяна Мюнстера (Seb. Munsters Cosmographie) 1544 г. [3] (рис.3). Местонахождение данного города, а также сравнительный анализ с другими картами приводят нас к выводу о том, что на них изображена именно Казань, что мы и увидим далее.

3. На месте Казани на множестве разнообразных карт, разного времени и происхождения, выполненных на разных языках, отстоящих друг от друга на столетия, мы видим город под другими названиями. Несмотря на большое количество вариантов: “Кастрома”, “Касторина”, “Каструм”, “Кострама”, “Кострума” и т.д., обусловленных как различиями в языках, так и ошибками резчиков, а также искаженностью полученной от купцов и путешественников информации, мы видим в них один латинский корень “*castr*” — *крепость*. На сегодняшний день нами собрано большое количество карт подобного типа. Вот только некоторые из них.

1339 год. Анжелино Дулкерт. “Каталан портолан” [4]. Содержит много географических деталей и подробностей о внутренних частях стран. Детали лучше изображены в географическом аспекте, чем соответствующ-

щее изображение на значительно более поздней карте Андреа Бианко первой половины XV века.

Абрахам Крескус. Каталанский атлас, Майорка, 1375 год [5] (рис.4). Большая “Каталанская” карта мира — самый удивительный из сохранившихся памятников средневековья. Свое имя он получил от школы картографии в Майорке, которая использовала каталанский язык. Эта карта представляет собой первый важный шаг к плоскостным сферам Ренессанса, которые появились только после 1500 года. Каталанский атлас традиционно приписывался еврею Абрахаму Крескусу из Майорки. Майорка была традиционным местом встреч для арабов, евреев и христиан. Несмотря на строгий папский запрет против коммерции с исламским миром, энергичная торговля с Востоком тем не менее процветала. Король Орагона откликнулся в 1381 году на просьбу Короля Франции Чарльза Пятого, скопировав свою лучшую мировую карту, послал ее в Париж. То, что авторство этой карты принадлежит Крескусу, в разное время оспаривалось, однако, многие эксперты с этим не согласны. Старший Крескус был, возможно, одним из величайших ранних еврейских составителей карт. Его происхождение позволило ему воспользоваться плодами как европейской, так и мусульманской культур, что дало ему возможность привлекать множество арабских источников, которые в то время были переведены сначала на еврейский, а лишь потом на латинский язык. Каталанский атлас отражает картину мира, которая была известна в эпоху до открытий Колумба. Портолан атлас включает шесть пластинок (0,62 x 0,40 м), прикрепленных в середине деревянными досками и переплетенных в форме книги. Принадлежит библиотеке французского короля Карла Пятого. Первые две пластинки содержат астрономические и астрологические диаграммы, обширные легенды космографического, космогонического и географического содержания. На других четырех пластинах карты воспроизведены изображения побережья. Атлас Каталана — самая развернутая географическая работа XIV века, описывающая внутреннюю часть различных стран.

Анонимная портолано XIV века (рис.5). Хранится в Национальной библиотеке Венеции (Италия). Казань на карте обозначена под названием “Castroma”.

То же самое мы видим и на карте Мециа де Виладестес [6].

Рассмотрим с этой же точки зрения Bianco's world map (карта мира Bianco), хранящуюся в Национальной библиотеке Венеции [7] (рис.6). Казань на карте обозначена под названием “Castorina”. Атлас включает 10 карт, среди которых и данная круглая карта мира.

Венецианский картограф Андреа Бианко прикрепил свою мировую карту к атласу карт морей. Она достаточно поверхностна и бедна деталями. На Волге изображены несколько городов, все они без названий, за исключением “Касторина”, находящейся на ее западном берегу. Этот момент очень важен.

The Borgian map — вариант World map (карта мира) хранится в Стенфордском географическом обществе, Лондон (Великобритания), без автора, 1452 г. [8] (рис.7). Казань на карте обозначена под названием “Kostruni”.

World map (карта мира), хранится в библиотеке кардинала Stephani Borgia, без автора; первая половина XV в. [вариант предыдущей карты, см.: 9] (рис.8). Казань на карте обозначена под названием “Costrama”.

Это карта мира, выполненная на медной пластине, которая датируется первой половиной XV в., принадлежит кардиналу Стефано Борджиа. Карта очень интересна, хотя с географической точки зрения не выдерживает сравнения с картой мира портолана. Хорошо выполненное изображение телег в Центральной Азии показывает, что в распоряжении рисовальщика карты была информация из первых рук из этих мест. С другой стороны несовершенная прорисовка Средиземного и Черного морей доказывает, что портоланос были ему неизвестны. По данной карте хорошо видно, что существенным различием между каталанскими и итальянскими картами является то, что итальянские мастера (представленные Весконтес) изображали Российские реки текущими с гор на севере, а каталанские изображали Волгу в форме “P” или “Y”. Отражает ситуацию до 1430 года.

В то время карты мира изготовлялись не профессиональными картографами. Представители так называемой монашеской картографии использовали информацию, полученную от пилигримов и миссионеров как из Европы, так и из других частей мира. Примером этого типа карт являются карты, изготовленные венецианцем Джовани Леардо в середине XV в. Только три из них дошли до нас, хотя ссылка на существование четвертой хорошо известна. Это карты:

- 1442 года, хранится в библиотеке Civica, Verona;
- 1447 года, не сохранилась, но имеется на нее ссылка в литературе;
- 1448 года, хранится в библиотеке “Sebastiano Rumor” del Museo Civico,

Vicenza;

- 1452-1453 годов, хранится в американском Географическом обществе, Нью-Йорк.

Все карты похожи в общем виде, но различаются в отношении ряда деталей. Например, карта 1442 года имеет 10 мест с названиями, связанными с Россией, а карта 1452-1453 годов — более чем 60. Эта последняя карта по типу похожа на другие каталонские карты [10] (рис.9). На этой карте мы вновь видим Казань под другим названием — “Castrama”

Казань обозначена под названием “Castroma” еще на одной интересной карте 1460 г. [11].

Рассмотрим The Catalan world map (хранится в библиотеке Estense г. Modena, Италия), без автора, 1460 г. (рис.10). Казань на карте обозначена под названием “Castorma”. Вид города, изображенный рядом, возможно, относится к ранней Казани. Автор этой карты неизвестен. Она представляет из себя круг на цельном куске пергамента. Цветная. Очень хорошей со-

хранности. Основывается на традициях портолана. Ранее предполагалось, что карта относится к XIV в.

Расположение города, пусть и под другими названиями, на том месте, где до сегодняшнего дня на географических картах изображают Казань, является труднооспоримым аргументом в пользу того, что перед нами раннее западноевропейское название Казани. Точку в этой проблеме ставит карта 1566 г. [12] (рис.11). Казань на карте обозначена под названием *Kazan castrum*. Как говорится, комментарии излишни.

Впервые топоним “Казань” мы обнаруживаем на достаточно поздней карте 1500 г. [13] (рис.12) (хранится в Российской Государственной библиотеке, г.Москва, KU 31-VII-58), без автора).

В научной литературе высказывалась гипотеза о том, что в летописях и других источниках, а также в легендах монет, иногда под именем Болгар надо читать город Казань. Интересной иллюстрацией этому могут послужить карты: новая карта Московии 1548 г. [14] (рис.13) (хранится в Государственной Британской библиотеке) и Новая карта Московии 1561 г. [15] (рис.14) (хранится в Национальной библиотеке Берлина, Германия), на которых Казань действительно изображена на месте г.Булгара.

Географические карты конца XV — начала XVI в. должны также служить прекрасным материалом для изучения архитектурных особенностей и фортификации старой Казани дорусского периода. Как известно, имеющийся на сегодняшний день объем материала по этой теме крайне незначителен. Обратим внимание на следующие карты:

- карта *Russland Moscovien* 1500 г. из Российской Государственной библиотеки;

- карта Московии из *Космографии* Мюнстера 1544 г.;

- карта Антония Вида 1542 г. [16];

Особенно хорошо это можно заметить на картах Баттиста Агнеше 1525 г. [17] (рис.15) и 1559 г. [18] (рис.16), на которых виден рост и изменение вида города.

Завершая настоящее сообщение, хочу обратить внимание ученых-историков на огромную ценность картографического материала и призываю активно использовать его в научных трудах.

1. Map of Russia from Münster's *Cosmographia*, 1544.

2. *Tartaria*. Aus: *Atlas minor ... par Gerard Mercator*, 1608.

3. *Moskovia aus Seb. Munsters Cosmographie*, 1544. Из публикации: Michow H. *Die ältesten Karten von Russland*. Hamburg, 1884.

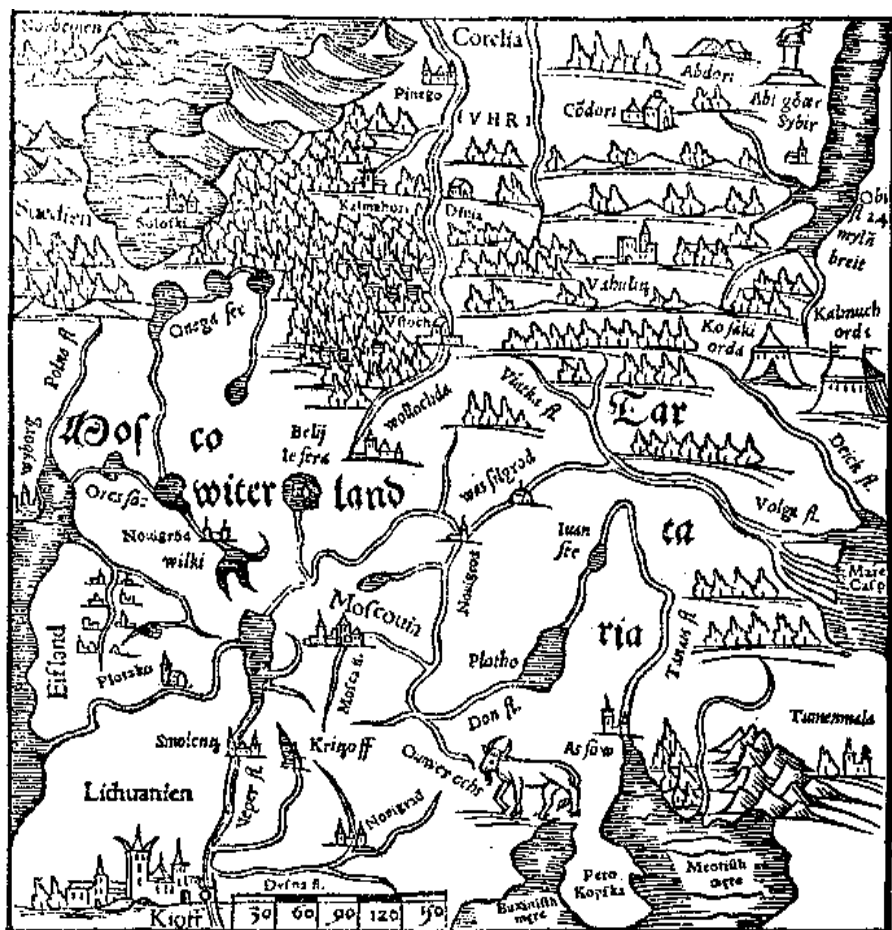
4. *Portolano of the Mediterranean*. Angelino Dulcert (Majorca, 1339).

5. Атлас “Каталан”, 1375. Национальная библиотека Парижа.

6. *Mecia de Viladestes*, 1413 — Von der Ostsee zum Niger.

7. Portion of Bianco's world map of 1436 with its “T” shaped Volga. Reproduced at scale from Formaleoni (1788).

8. The Borgian map, 1452. London, Edward Stanford.
9. Mappemonde du commencement du XV Siecle du Musee Borgia dressee avant les grandes decouvertes.
10. Карта Leardo 1452 (1453) из книги: Wright, John Kittland. The Leardo Map of the World 1452 or 1453. New York, 1928.
11. Mappemonde Venitienne d' Istanbul. 1460.
12. Northeast corner of Caspar Vopel's 1566 map of Europe.
13. Russland um 1500, Moscovien um 1500. Место хранения — Московская Государственная библиотека (KU 31 — VII — 58).
14. Gastaldi's map of Muscovy, 1548. Courtesy the British Library Board.
15. Moscovia nvova tavola Jacobo Gastaldi, 1561.
16. Карта Антония Вида "Moscovia", 1542 (Ausschnitt)/ Из публикации: Michow H. Das erste Jahrhundert russischer Kartographie 1525-1631 und die Originalkarte des Anton Wied von 1542. Hamburg, 1906.
17. Moscovia des Battista Agnesie, 1525. Из публикации: Michow H. Die ältesten Karten von Russland. Hamburg, 1884.
18. Tartary — Manuscript map by Battista Agnese. Venice, 1559.

Map of Russia from Münster's *Cosmographia*, 1544, at scale (1:1).

Рис.1.

Tartaria
Aus: Atlas minor... par
Gerard Mercator
1608

Рис.2.

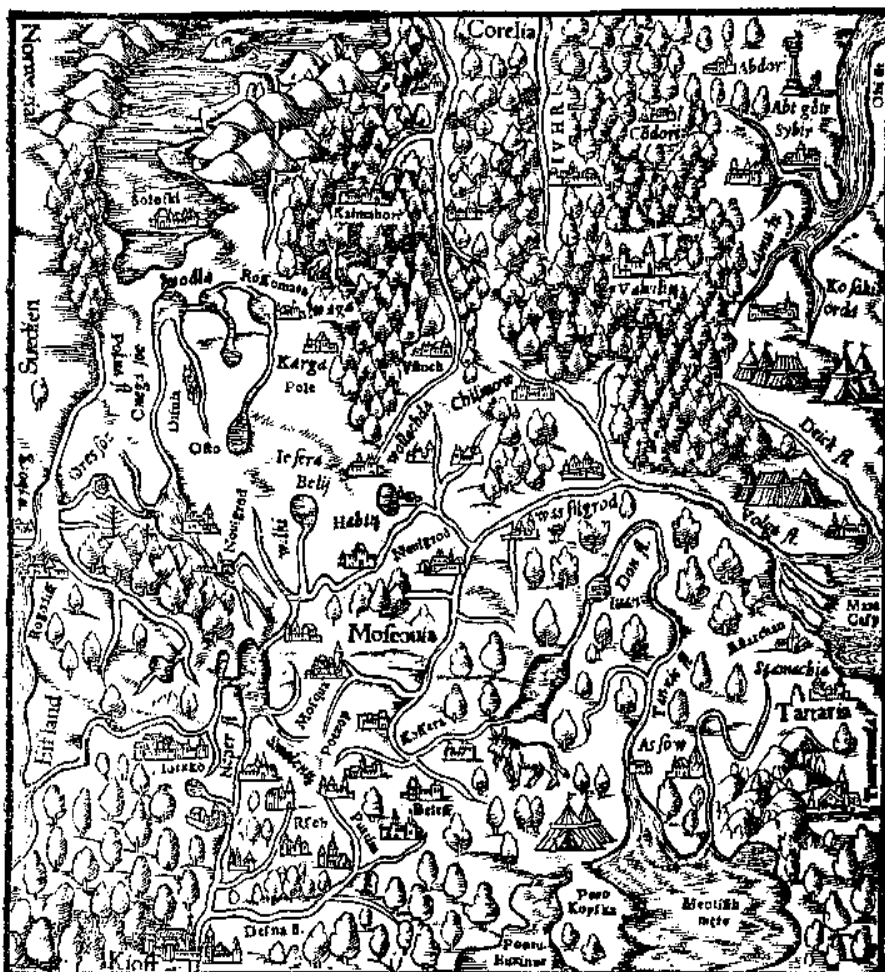

Рис.3.

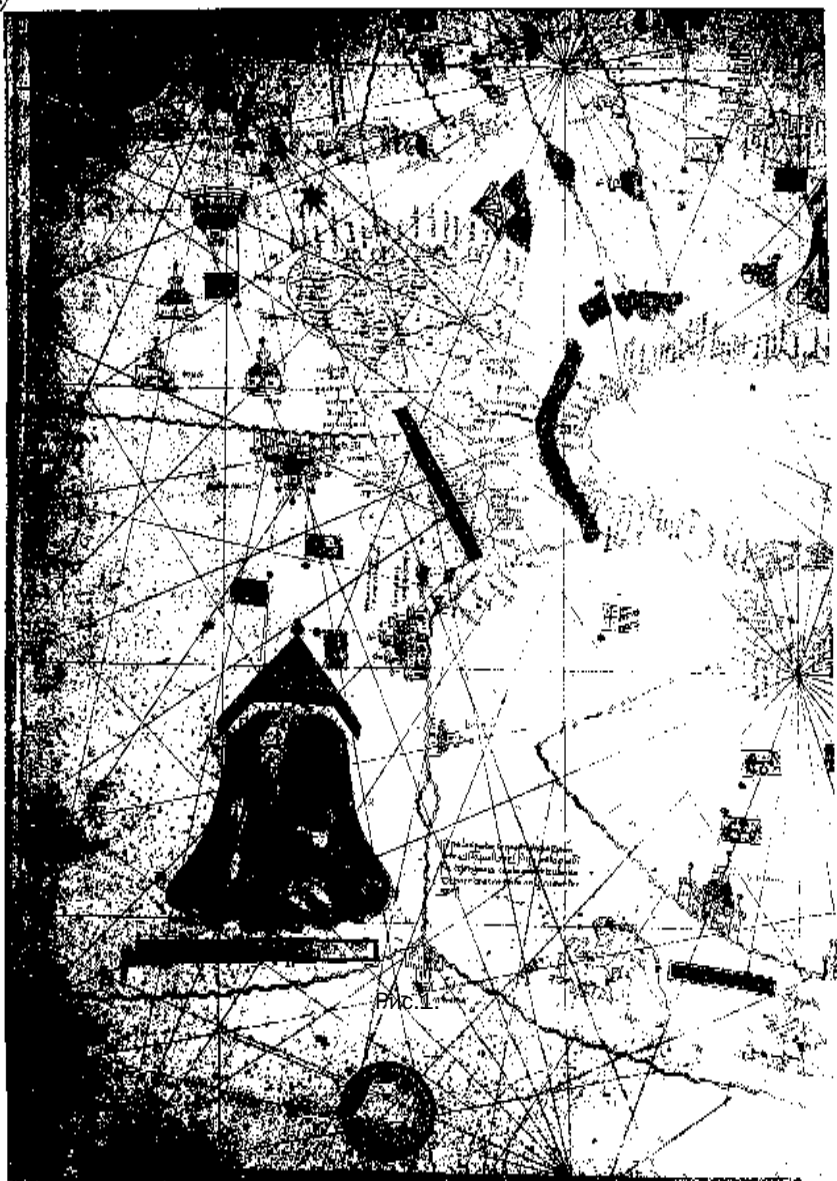
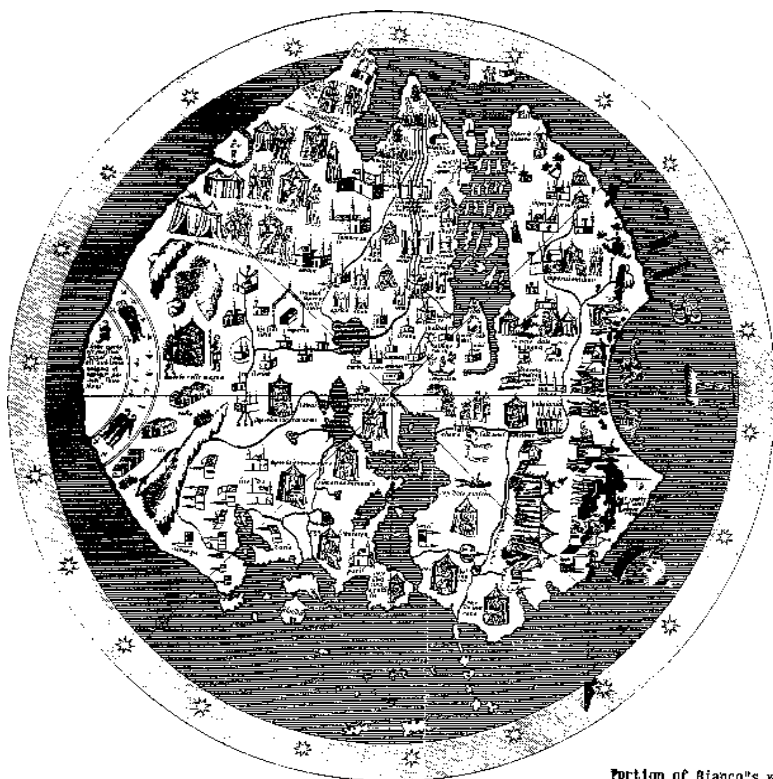

Рис.5.

Portion of Bianco's world map of 1436
with its "T" shaped Volga

Рис.6.

THE BORGIAN MAP, A. D. 1452.

Stanford's Geog. Inst. London

London, E. 100/1, Southern, 23-2, 27, 4, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

Рис. 7.

Рис.8.

Рис.9.

Рис.10.

Northeast corner of Caspar Vopel's 1566 map of Europe, reduced (3:2).

Рис.11.

Рис.12.

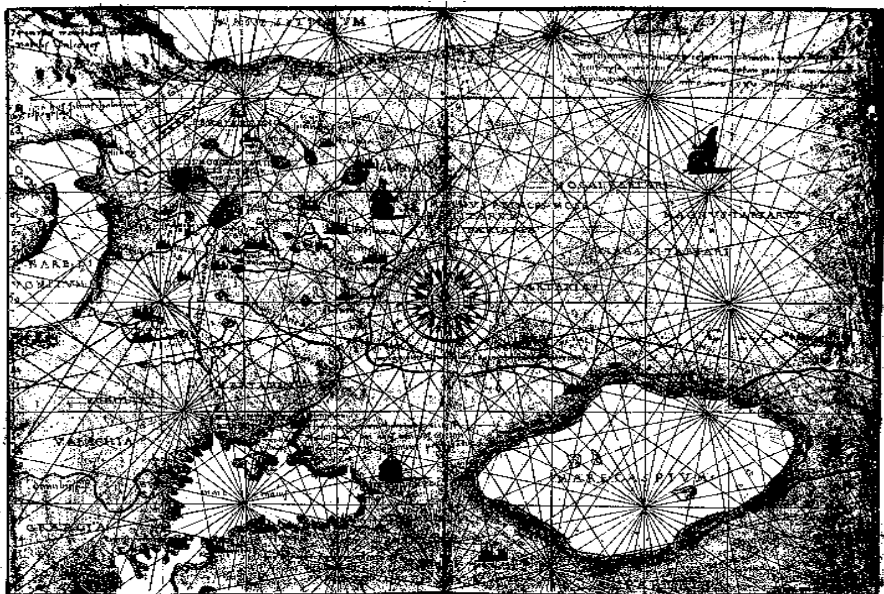

Gastaldi's map of Muscovy, 1548, at scale (1:1). Courtesy The British Library Board.

Рис.13.

Рис.15.

Tartory—Manuscript map by Battista Agnese. Venice, 1559

Рис.16.

КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ — ПАМЯТНИК ТАТАРСКО-РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Кремль — важнейший градостроительный объект города Казани. Он прошел в своем развитии ряд исторических этапов: 1) догородской; 2) домонгольский; 3) центр Казанского княжества; 4) центр Казанского ханства; 5) административный центр 1-й Казанской губернии; 6) административный центр 2-й Казанской губернии; 7) административный центр Татарской АССР; 8) административный центр Республики Татарстан.

Сложилось мнение, что в середине XVI в. произошел принципиальный разрыв градостроительных традиций, в корне изменивший архитектуру Казанской крепости, и современный ансамбль Кремля является производением русской архитектуры, выполненным бригадой псковских мастеров Посника Яковлева по указанию Ивана Грозного в середине XVI столетия.

И действительно, если рассматривать его как сумму наземных сооружений, то это близко к истине. Однако архитектура, тем более такой ансамбль как Кремль, не рассматривается так примитивно. Архитектура — это прежде всего материализованная идея организации пространства. Идея первична. Рассмотрим с этих позиций ансамбль Казанского Кремля.

Итак, главная характеристика архитектурного сооружения или комплекса — это его идейная основа. Для градостроительного комплекса ее вполне можно формализовать в ряд параметров: 1) функция; 2) местоположение; 3) типология; 4) привязка к ландшафту; 5) планировочная идея; 6) внутренние функциональные взаимосвязи.

Анализируя Казанский Кремль по названным параметрам, можно убедиться, что большинство из них устойчиво и непрерывно сохранялись как минимум с XV-XVI вв., т.е. со времен Казанского ханства, а некоторые и со времени основания города или строительства каменной крепости в XII в.

Другим важным параметром архитектурного ансамбля является его архитектурный образ. Однако для того, чтобы до конца понять условный язык художественных форм, необходимо знать его татарские составляющие, которые на сегодняшний день еще до конца не расшифрованы. Даже в этом случае архитектурные формы ведущих сооружений Кремля башен Сююмбике и Спасской достаточно определенно отсылают нас к булгаро-татарской традиции.

Еще одним параметром архитектурного ансамбля являются характеристики составляющих его сооружений и комплексов. Казанский Кремль де-

лится на 7 взаимосвязанных исторически сложившихся архитектурных комплексов: 1) резиденция Президента РТ; 2) комплекс Благовещенского собора и бывшего Архиерейского дома; 3) комплекс Присутственных мест; 4) комплекс Пушечного двора; 5) комплекс мечети Кул-Шариф; 6) комплекс бывшего Преображенского монастыря.

Эти комплексы можно рассматривать по 4 параметрам: 1) местоположение; 2) основы планировки; 3) основы композиции; 4) архитектура наземных сооружений.

Если ряд названных комплексов (Присутственные места, Преображенский монастырь и Благовещенский собор) связываются с реконструкциями русского времени, то другие берут начало еще в ханской Казани или даже ранее, причем сохраняют и ряд параметров того времени.

Если суммировать изложенное, то ряд важнейших параметров ансамбля Казанского Кремля оказывается памятником градостроительного искусства дорусского времени. В их числе местоположение, элементы фортификации, основа планировки и композиции, функциональные взаимосвязи комплексов, размещение важнейших доминант, элементы внешней архитектуры и художественного образа.

Все это позволяет сделать вывод о том, что Казанский Кремль является памятником булгаро-татарского средневековья, реконструированным в русское время с сохранением ключевых характеристик.

Кроме того, уникальность Казанского Кремля заключается в следующем:

— Единственный в мире действующий центр татарской государственной культуры и государственной власти;

— Единственная в России татарская крепость, сохранившая основы первоначальной градостроительной идеи (основы планировки, градостроительную композицию, функциональную организацию комплексов).

— Продукт взаимодействия различных градостроительных и архитектурных культур: булгарской, золотоордынской, средневековой казанско-татарской, итальянской, русской, современной татарской;

— Наиболее северо-западная точка распространения исламской культуры в мире;

— Наиболее южная точка распространения памятников псковско-новгородского стиля в России (стены и башни Кремля, Благовещенский собор);

— Концептуальный синтез татарского и русского архитектурного стиля в ключевых памятниках (башня Сююмбике, Благовещенский собор, Спаская башня).

Альберт Бурханов
Казань

ПАМЯТНИКИ ИСКИ-КАЗАНСКОГО КОМПЛЕКСА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЗАКАЗАНЬЯ

Территория Заказанья богата археологическими, эпиграфическими и другими памятниками.

Интерес к памятникам региона появился еще в XVIII в. Огромную работу по поиску и изучению памятников Заказанья провели в конце XIX — начале XX вв. члены созданного в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Планомерное изучение археологических и эпиграфических памятников региона было положено в конце 20-х гг. нашего столетия (И.Н.Бороздин, Али Рахим, Н.И.Воробьев). Особый вклад в изучение памятников региона внесли Н.Ф.Калинин, А.П.Смирнов, Г.В.Юсупов и Р.Г.Фахрутдинов. Результатом исследований в советский период стали ряд монографий и научно-популярных книг и статей, а также специальный том “Археологической карты Татарской АССР” (1981), в котором систематизированы данные о 849 памятниках.

Создание в 1992 г. Иски-Казанского государственного музея-заповедника (ИКГМЗ) в Высокогорском районе позволило приступить к углубленному изучению, сохранению и использованию памятников в его охранной зоне и в целом в Заказанье, а также возобновить крупномасштабные и систематические археологические исследования. Создание в 1995 г. совместной Заказанской историко-археологической экспедиции (ЗИАЭ) АНТ и Минкультуры РТ и проведение в 1995-1998 гг. разведочных и крупномасштабных раскопок в охранной зоне Иски-Казанского и Измянско-Утернясьского историко-культурных комплексов, в Арске и на Кабанском городище в Казани вселяют оптимизм в деле фундаментального изучения памятников и дают новые данные по древней и средневековой истории и культуре региона.

В течение четырех полевых сезонов были проведены крупномасштабные раскопки на основных объектах Иски-Казанского комплекса, расположенного в 40 км к северо-востоку от современной Казани, у д. Камаево и Русский Урмат Высокогорского района РТ.

Относительно хорошо изучены 2 наиболее важных археологических объекта — Урматское поселение (Русско-Урматское селище) и Камаевское

I городище, сыгравшие большую роль в истории не только Заказанья, но и в целом Средней Поволжья средневековой эпохи.

На основании данных народного эпоса, письменных источников и полученных археологических материалов исследователями делались неоднократные попытки оценки возможности отождествления этих двух памятников с легендарной Иске (Эчке) Казанью и связи ее с историей современной Казани, а также объединения Камаевского городища и Урматского поселения в единый археологический комплекс.

И.Н.Бороздин (1929), проводивший разведочные раскопки в 1920-е годы, считал Камаевское городище военной крепостью, а Урматское поселение отождествлял с Иски Казанью. Его взгляды в целом поддержал Н.Ф.Калинин, проводивший археологические исследования в 1945, 1951 и 1955-1956 гг. и считавший, что эти памятники были заселены переселенцами из центральных районов Волжской Булгарии (Калинин, Халиков, 1954, с.101). По его мнению, ремесленно-торговый центр площадью 84 га располагался на территории Урматского поселения и был основан как город не раньше середины XIII в. на базе пьяноборского и болгарского селища. Предположение А.П.Смирнова (1951, с.269) о возникновении его в XI-XII вв. Н.Ф.Калинин считал не имеющим оснований. Превращение поселка в город проходило в процессе развития двух явлений: развития ремесла и местных производительных сил и быстрого роста населения за счет переселенцев из южных закавказских земель в связи с монгольским нашествием. Концентрация высокоразвитого ремесла в Урматском поселении способствовала образованию здесь княжеской резиденции. Именно этот город, по мнению Н.Ф.Калинина, был в XIII-XIV вв. столичным центром Иски-Казанского княжества, завладевшего к концу XIV в. почти всем пространством по долине Казанки. В археологическом отношении Н.Ф.Калинин называл Урматское поселение “городищем, а не селищем”. По его мнению, на Камаевском городище располагалась сильная крепость — военный форпост города Иски Казань, защищавший его с севера (Калинин, Халиков, 1954, с.97).

А.П.Смирнов, проводивший в 1960 г. рекогносцировочные исследования на Иски-Казанском комплексе, одновременно уточнял датировку памятников и характер их культурных слоев. Небольшими раскопами он выяснил, что на Урматском поселении мощность культурного слоя достигает 1,5 м. Он обратил внимание на наличие значительной доли домонгольских элементов в составе керамики, высказав при этом сомнение в правильности мнения Н.Ф.Калинина и других исследователей о позднем освоении булгарами Заказанья. Путем осмотра и шурфовок культурного слоя до 0,75 м, А.П.Смирнов не согласился с мнением Н.Ф.Калинина о наличии здесь княжеской резиденции — военного форпоста, и высказал соображение о возможности отождествления Камаевского городища непосредственно с Иски Казанью. Одновременно он отметил поздний характер материала городища.

Небольшой разведкой им был также зафиксирован ряд памятников вблизи городища. В частности, к западу от Камаевского городища, на соседнем мысу за оврагом он отметил наличие еще одного маленького городища, датировав его раннежелезным веком, а далее к западу, на следующем мысу — болгарское селище площадью 1500 кв.м. (Смирнов, 1962, с.25-28).

Возникновение Иски Казани Р.Г.Фахрутдинов относит к XII в., связывая это с расширением владений Волжской Булгарии и освоением новых земель на севере, вплоть до течения Казанки. Одному из болгарских поселений (Урматскому) было суждено стать центром консолидации населения. В результате монгольского завоевания Волжской Булгарии значительная часть его населения во главе с предводителями уходит на север. Именно во второй половине XIII в. в среднем течении Казанки в связи с увеличением населения возник военный опорный пункт — Камаевское городище, который вскоре превратился в административный центр — кремль Урматского поселения. Так, по мнению Р.Г.Фахрутдинова, возник город Казань (Иске Казань), ядро Казанского (Иски-Казанского) княжества. Быстрый рост города сделало его политическим, культурным, этническим центром, центром ремесла и торговли, чеканки монет (“Булгар аль-Джадид”).

Однако, как считал исследователь, неудобное расположение города, вдали от больших рек, не устраивало растущие силы княжества, превратившегося в самостоятельное государство — Казанское ханство. Город переносится в устье Казанки. С возникновением Новой Казани в конце XIV в. постепенно запустела ремесленно-торговая часть (Урматское селище) Иски Казани. Городок (Камаевское) продолжал существовать в качестве удобного опорного и стратегического пункта в северной зоне Казанского ханства вплоть до русского завоевания 1552 г. (Фахрутдинов, 1984, с.105-107; 1984а, с.162-166; 1986, с.152-154).

Соглашаясь со многими положениями предшественников, попытаемся на основании материалов, полученных в ходе раскопок 1995-1998 гг., в предварительной форме изложить свой подход к вопросу возникновения и развития средневековых поселений на территории Иски Казанского комплекса.

Археологически доказано, что территория Урматского поселения заселялась людьми еще в эпоху позднего неолита-ранней бронзы. Начиная в III-IV вв., вплоть до конца I тыс. в Волго-Камское междуречье проникают группы тюркоязычного населения, вошедшие в тесные контакты с финноязычными группами.

В Заказанье, по течению Казанки, еще в добулгарский период существовали раннесредневековые поселения предков современных финских и тюркских народов. Одним из крупнейших поселений являлось селище на месте Урматского поселения. Небольшое поселение — Камаевское-2 — располагалось на правобережном мысу Казанки. Расположенное через овраг к западу от Камаевского I городища эпохи Казанского ханства, оно

занимает узкую стрелку, вытянутую по линии ССЗ-ЮЮВ. А.П.Смирнов, а позднее А.М.Губайдуллин и др. предполагали, что с напольной стороны оно было огорожено дуговидным валом и рвом. Это позволяет считать поселение укрепленным убежищем или городищем. А.П.Смирнов датировал поселение раннежелезным веком, а П.Н.Старостин — азелинским временем.

Наши раскопки 1998 г. не подтвердили наличие укрепленного поселения. В районе предполагаемого вала выявлены остатки объекта производственно-жилищного характера с остатками печи, сложенной из природного камня. Среди находок — лепная керамика, гончарные пряслица-грузила крупных размеров, костяные наконечники стрел и фрагмент накладки лука, каменная форма для отливки изделий (украшений) из цветного металла и небольшие фрагменты бронзовых вещей, амулет из зуба медведя.

В южной половине раскопа к рассматриваемому комплексу примыкают остатки сооружений культово-ритуального характера (жертвенник) доисламского времени. Найдены ямы (костища) с остатками массового ритуального захоронения, прежде всего, коров. Найдены кости лошади и мелкого рогатого скота. Предварительно комплекс датирован VIII-XII вв.

По мере заселения булгарами новых земель и расширения границ Волжской Болгарии в конце XI — начале XII в. происходит строительство новых поселений на ее северных пределах. В этот период на территории Урматского поселения располагается крупное болгарское селение с развитым ремеслом и торговыми контактами. В XII-XIII вв. бассейн Казанки был прочно освоен булгарами (Фахрутдинов, 1975, с.48; АК ТАССР, 1981, с.18-20).

Во второй половине XIII в. в Заказанье проникает масса переселенцев из центральной Волжской Болгарии, т.к. лесные места стали убежищем от монгольского нашествия. Увеличение ремесленного населения, концентрация производительных сил в среднем течении Казанки, а также стабилизация положения в целом во всем Поволжье в связи с образованием сильного и стабильного государства Улус Джучи, в состав которого вошли и болгарские земли, привели к возникновению новых сельских и городских поселений в Заказанье. Среди них особое место занимал Иски Казан (Эчке Казан — Внутренняя Казань) на месте Урматского поселения, который превратился в ядро вновь образованного в составе Улус Джучи сильного княжества, объединившего земли всего Заказанья. Судя по результатам археологических исследований, этот город в последней четверти XIII-XIV вв. был крупным политическим, экономическим и культурным центром не только в Заказанье, но и во всем Среднем Поволжье. Исследования подтверждают высокий уровень развития керамического, металлургического и косторезного производства, ювелирного и монетного дела. Очень часты находки джучидских монет XIV в. Город имел торговые связи с Китаем, среднеазиатскими государствами, русскими землями, народами Урала и областями Нижнего Поволжья.

На основе историко-топографических и стационарных археологических исследований установлено, что в рассматриваемый период площадь поселения, расположенного по обоим берегам Урматки, составлял более 200 га (ранее считалось 84-130 га). Культурный слой узкой линией протягивается до слияния указанной речки с Казанской. Урматское поселение — это, скорее всего, городище, а не селище, как традиционно пишется в археологической литературе. Следы предполагаемого вала нами прослежены у правого берега Урматки на пашне.

Параллельно в это же время существовала Новая Казань, которая постепенно становилась крупным стратегическим и административным пунктом в устье Казанки и в целом в регионе.

Нашествие Тамерлана и погром крупнейших городских центров на основных землях Улуса Джучи, а также междоусобная борьба господствующих кланов в государстве и регионах, постоянное нападение с севера ушкунников привели к изменению политической, экономической и культурно-этнической ситуации в средневолжском регионе. Ослабевают производительные силы Урматского поселения, часть населения уходит в более безопасные места, в том числе в усиливающуюся Новую Казань. В связи с этим жизнь в Иски Казани к началу XV в. начинает затухать.

В конце XIV — начале XV в. в связи с проникновением массы этнических кипчакизированных групп во главе со своими беками в Заказанье возникает несколько новых укрепленных поселений-крепостей, среди которых важное место заняло Камаевское городище. Вероятно, в короткий отрезок времени Урматское поселение и Камаевское городище существовали параллельно, образуя как бы единый политико-экономический организм.

В связи с возникновением и укреплением Казанского ханства со столицей в Новой Казани объекты Иски Казани постепенно теряют лидирующее положение в регионе и территория Заказанья становится частью нового государственного образования. В Урматском поселении XV-первой половины XVI в. продолжало жить в основном сельское население и небольшая группа мастеров-ремесленников, которые обеспечивали потребности правящего клана и гарнизона Камаевского городища, а также жителей окрестных селений вплоть до завоевания ханства 1552 г. Южная часть Урматского поселения постепенно превратилось в кладбище. Раскопками 1997 г. нами выявлены остатки 6 детских и взрослых мусульманских захоронений, которые связаны с финальным этапом существования памятника. Здесь же отмечены около 20 местонахождений человеческих костей.

Камаевское городище в период Казанского ханства становится его региональным центром (в Заказанских землях), хорошо укрепленным опорным и стратегическим форпостом на северных границах государства, а также местом политической ссылки неугодных для ханов деятелей, тюрьмой

для военнопленных. Крепость упоминается в русских летописях под 1536 г. в связи с убийством там казанского хана Джан-Али (Еналя) в результате государственного переворота. Неподалеку от Камаевского городища расположено средневековое кладбище, где покоятся останки выдающихся людей того времени. Об этом говорят надгробные плиты, одна из которых относится к 1494 г.

Гибель крепости связана с событиями 1552 г., “когда острог на высокой горе” был взят штурмом и разрушен русскими войсками, наступающими в Арск (Фахрутдинов, 1975,с.81).

В период вхождения земель бывшего Казанского ханства в состав Русского государства иски-казанские земли были переданы во владения князя Камая и его наследников, а жизнь в Урматском поселении и Камаевском городищах прекратилась.

ЕЩЕ РАЗ ОБ “ИСКИ-КАЗАНИ”

Два средневековых памятника — Камаевское городище и Русско-Урматское селище — занимают важное место в изучении истории Волжско-Камской Булгарии и Казанского ханства. Некоторые исследователи (Р.Г.Фахрутдинов, А.А.Бурханов) до сих пор придерживаются мнения о том, что “Новая”, т.е. современная Казань своим происхождением обязана так называемой “Старой”. Не соглашаясь со сторонниками этой точки зрения, В.Л.Егоров отмечал в свое время, что “Иски-Казань” является “самостоятельным городом, дата основания которого не имеет никакого отношения ко времени возникновения Казани” [1, с.80]. Тем не менее, на этом вопросе следует остановиться более подробно.

Расположенное на высоком мысу левого берега р. Казанки, Камаевское городище было впервые обследовано еще в XVIII в. Н.П.Рычковым [2] и И.Г.Георги [3], которые, основываясь на рассказанных им местными жителями *легендах и преданиях*, высказали мысль о существовании здесь города Иски (Старой) Казани, перенесенной потом, в силу ряда обстоятельств, на место современной “Новой” Казани. По мнению М.С.Рыбушкина [4, с.1171] и П.Малова [5, с.120], Иски Казань занимала также и левую, луговую сторону речки. Точку зрения о локализации легендарной Иски Казани на месте Камаевского городища поддерживали многие последующие историки и краеведы — П.Е.Заринский [6, с.712], М.Н.Пинегин [7, с.21 и сл.], Н.П.Загоскин [8, с.10 и сл.], В.Л.Борисов [9], И.Н.Смирнов [10], П.А.Пономарев [11] и др.

Единственный автор, не соглашавшийся с такой постановкой вопроса, — М.М.Хомяков [12] — основывал свое мнение отсутствием на городище следов древних построек и незначительной мощностью культурного слоя. Он был убежден, что Камаевское городище является всего лишь остатками хорошо укрепленной крепости, скорее всего, резиденцией печально известного по событиям 1552 г. князя Камая. И.Н.Бороздин [13] солидаризовался с М.М.Хомяковым в части отождествления Камаевского городища с военной крепостью, а саму Иски Казань склонен был локализовать лишь на месте Русско-Урматского селища, где он проводил небольшие археологические исследования. Эта точка зрения нашла поддержку и со стороны Н.Ф.Калинина [14, с.103-104]. Не соглашаясь с ними, глава советских булгароведов А.П.Смирнов [15] утверждал, что Камаевское городище — это не только остатки военной крепости, — тут располагался целый город, вошедший в историю под названием Иски Казань.

Следует обратить внимание, что никто из вышеназванных авторов, кроме разве лишь М.Рыбушкина и П.Малова, не рассматривал Камаевское городище и Русско-Урматское селище как единый археологический комплекс, принадлежавший легендарному городу; с Иски Казанью связывали обычно одно из них.

В течение ряда лет, начиная с 1972 г., на интересующих памятниках проводил широкие раскопки Р.Г.Фахрутдинов, опубликовавший краткие результаты своих исследований в многочисленных научно-популярных изданиях, а также в монографии “Очерки по истории Волжской Булгарии” (М., 1984). Согласно его концепции, Камаевское городище, основанное где-то во второй половине XIII в., представляло собою “кремль, политический центр города, где, кроме князя и его дружины, находились административный аппарат и высшее духовенство. Одновременно имелись некоторые производственные комплексы, построенные в целях удовлетворения потребности верхушки и гарнизона в вооружении и средствах первой необходимости” [16, с.146]. “Основная часть Иски Казани, занятая ремесленно-торговым людом, располагалась... на месте Русско-Урматского селища”, возникшего еще в домонгольское время и занимавшего в период своего расцвета площадь более 120 га. Р.Г.Фахрутдинов утверждает, что в начале XV в. Иски Казань называлась “Булгаром ал-Джадид”, передавшим впоследствии свою политическую и этноконсолидирующую роль “Новой” Казани, возникшей якобы не раньше конца XIV столетия.

В 1990-е годы на обоих памятниках работала археологическая экспедиция под руководством А.А.Бурханова. В своих информационных сообщениях [см., например, 17; 18] он в целом поддерживает и в ряде случаев развивает концепцию своего предшественника. Так, в отличие от Р.Г.Фахрутдинова, он считает Русско-Урматское поселение не селищем, а городищем (правда, данный тезис археологически не аргументирован). Кроме того, А.А.Бурханов поддержал нашу точку зрения [19, с.42-43] о разновременности Камаевского городища и Русско-Урматского селища [18, с.137]. Территорию последнего он доводит до 200 га, но неизвестно, на каком основании [17, с.133].

К сожалению, до сих пор богатые материалы раскопок Р.Г.Фахрутдинова и А.А.Бурханова практически не введены в научный оборот. В последнее время появились лишь публикации материалов усадьбы гончара на Русско-Урматском селище [20; 21]. В целом стратиграфия культурного слоя и хронология памятников все еще не разработана, отсутствует классификация и типология вещевого материала, нет научной публикации вскрытых сооружений. Не известно, какую площадь занимало Русско-Урматское поселение в домонгольское время и как оно развивалось территориально в последующие периоды своей жизни. Однако, даже те скудные данные по археологии Камаевского городища и Русско-Урматского селища, которыми мы располагаем сегодня, достаточны для того, чтобы не согласиться с

основными положениями этой не оригинальной по своей сути концепции Фахрутдинова-Бурханова.

Как известно, письменные источники по истории “Иски Казани” отсутствуют, имеются лишь произведения устного народного творчества — легенды и предания, самые ранние записи которых относятся к XVIII в. Еще С.М.Шпилевский отмечал, что “важнейшим предметом содержания татарских рукописей и преданий представляется поход Аксак-Тимура в Булгарию, разорение им болгарских городов и основание г. Казани. Два события эти становятся в связи одно с другим — [Иски] Казань основана спасенными от Тимура царевичами г. Булгара” [22, с.68 и сл.]. Поскольку сюжет об основании “Иски Казани” как следствие похода Тимура 1391 г. никак не вяжется с историческими и археологическими данными, Р.Г.Фахрутдинов вполне резонно допускает, что в этих преданиях “могли быть отражены события времен Батыя”, а не Тимура [16, с.161]. Полностью доверяясь народной памяти, ученый не сомневается в существовании “Новой” Казани 158 лет от ее основания и до падения в 1552 г., а “Иски “Казани” — 104 года до построения “Новой”. Таким вот простым способом, внося лишь некоторые коррективы при переводе дат из мусульманской хронологии в христианскую, он получает точные даты возникновения “Иски” (1298 г.) и “Новой” Казани (1399 г.). А вот увязки с археологией все равно не получилось — Русско-Урматское селище, или, по представлению Фахрутдинова, ранний посад города, в домонгольское время, по крайней мере с конца XII в., уже существовало.

Коль речь зашла о хронологии памятников, хочется сказать несколько слов о времени существования селища-“посада” и городища-“кремля” на основании опубликованных данных самого Фахрутдинова. Они, эти памятники, несомненно, разновременны и лишь сравнительно короткое время существовали синхронно. Селище датируется XII-XIV вв. (может быть, началом XV в.). Городище является более поздним, в основном XV — первой половины или середины XVI в. Показательно, что из 77 джучидских монет, указанных в монографии Фахрутдинова [16, с.142,144], 69 относятся к XV в., лишь 2 — к XIV в., 4 — неопределенные. В последние годы, насколько мне известно, сделаны новые нумизматические находки, но хронологическое соотношение их примерно такое же. Среди находок имеются также две монеты Василия II (начало XV в.), медные кресты XVI в. и т.д. Приведенная хронология “кремля” и “посада” противоречат закономерности, характерной для средневековых городов Восточной и Западной Европы — первоначальным ядром города является обычно кремль, детинец, а не посад, как это пытается утверждать Р.Г.Фахрутдинов в отношении “Иски Казани” [16, с.163].

Теперь обратим внимание на топографию, взаиморасположение Русско-Урматского селища и Камаевского городища. Расстояние между ними составляет более 2 километров! Ни в одном средневековом государстве, насколько

ко нам известно, не было города, административный центр (кремль) которого находился бы на таком огромном отдалении от ремесленного посада.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод о невозможности объединять эти два памятника в один археологический комплекс и считать его остатками легендарной “Иски Казани”, являющейся всего лишь выдумкой краеведов XVIII-XIX вв. Новые археологические открытия на территории Казанского Кремля, позволяющие датировать время возникновения города рубежом X-XI вв., лишают концепцию Фахрутдинова-Бурханова главного аргумента в обосновании реальности “Иски Казани” — она оказывается намного моложе, чем “Новая”.

Конечно, было бы ошибкой не видеть исторических связей между этими двумя памятниками, существовавшими практически одновременно, на достаточно большом хронологическом отрезке времени. Не исключено, что обширное по своим размерам Русско-Урматское поселение, расцвет которого приходится на золотоордынское время, называлось тогда Внутренней (“Эчке”) Казанью. Однако, этот вопрос требует тщательного изучения на основании комплекса источников.

-
- 1.Егоров В.Л. О времени возникновения Казани// СА. 1975. № 4.
 - 2.Рычков Н. Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1772.
 3. Georgi J. Bemerkungen einer Reise in Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. SPb., 1775.
 4. Рыбушкин М. Поездка в Старую Казань// “Заволжский Муравей”. 1833. Ч. III, № 21.
 5. Малов П. Городище Старая Казань и город Арск// Зап. Арх. общ-ва. Т. V. СПб., 1853.
 - 6.Заринский П. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Казань, 1880.
 - 7.Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. СПб., 1890.
 - 8.Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895.
 - 9.Борисов В.Л. Древнее поселение близ деревни Старый Урмат Казанского уезда// Известия ОАИЭ. 1901. Т. XVII, вып.1.
 - 10.Смирнов И.Н. Археологическая экскурсия в район Старой Казани (Иски Казань)// Известия ОАИЭ. Т. XVII, вып. 4.
 - 11.Пономарев П.А. На татарских святынях в Иски Казани (из поездки летом 1904 года)// “Казанский Телеграф”. 1904, 17 окт.
 - 12.Хомяков М.М. Где была Старая Казань?// Известия ОАИЭ. 1911. Т. XXVII, вып. 6.
 - 13.Бороздин И. Из области татарской культуры// “Новый Врсток”. М., 1929. Кн. 25.
 - 14.Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань, 1954.
 - 15.Смирнов А.П. Работы Поволжской экспедиции 1960 г.// КСИА. 1962. Вып. 90.
 - 16.Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.

17. Бурханов А.А. А.П.Смирнов и некоторые проблемы историко-археологического изучения Заказанья// Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. М., 1999.
18. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Заказанья)// Там же.
19. Хузин Ф.Ш. К вопросу о “Старой” и “Новой” Казани// Заказанье: Проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Казань, 1995.
20. Кокорина Н., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани// ТА. 1999. № 1-2.
21. Кокорина Н. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани// Там же.
22. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

ИСКИ-КАЗАНЬ — ИЧКИ-КАЗАНЬ

Древняя история Казани неразрывно связана с прошлым “Иски-Казани”, археологически представленной комплексом средневековых памятников — Урматского селища и Камаевского городища (по Р.Г.Фахрутдинову). Об этом свидетельствуют исторические легенды и предания, разнообразные письменные источники, данные археологии. На это же указывает и этимология двух древних поселений. Поэтому полноценное и всеобъемлющее освещение истории средневековой Казани невозможно без дальнейшего детального изучения исторического прошлого “Иски-Казани”.

Камаевское городище расположено на правом высоком берегу р.Казанки, северо-западнее современного села Камаево (Высокогорский р-н Республики Татарстан), на расстоянии 53 км от столичной Казани. Оно археологически неплохо изучено. Название городища (“Иски-Казань”) предполагает его хронологическую первичность по отношению к Казани на современной Кремлевской горе. Однако самые древние, единичные археологические находки с городища датируются второй половиной XIII в., а основная масса материала относится к XV — первой половине XVI в.¹ Противоречие заключается в том, что в итоге хронологическая первичность Иски-Казанского городища по отношению к устьевой Казани не находит археологического подтверждения. На фоне последних археологических находок на территории Казанского Кремля, датируемых концом X-началом XI в., неувязка между хронологией существования Иски-Казанского поселения (Русско-Урматское селище появляется также не ранее конца XII в.), его названием “Иски-Казань” (т.е. “Старая Казань”) становится еще более очевидной. С целью разрешения этой проблемы мы обратились к писцовым, дозорным, межевым, оброчным книгам Казанского уезда второй половины XVI в., хранящимся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф.1.209). Эти книги, составленные спустя всего лишь 10-15 лет после завоевания Казанского ханства Русским государством, безусловно, представляют большую источниковую ценность. Они составлялись в фискальных целях налогообложения населения и включают описание земель с различными социальными категориями населения. Эти малоизученные и остающиеся не введенными должным образом в научный оборот книги хранятся в архиве в виде оригиналов и копий с них более позднего периода (как правило, XVIII в.) С точки зрения изучения обозначенной проблемы самой интересной является Писцовая книга Казанского уезда 1565-1568

гг., составленная писцами Никитой Борисовым и Дмитрием Кикиным. Городская часть этой книги, где описываются г.Казань и ее слободы, в 1932 г. была опубликована историком М.Г.Худяковым.² Сельская же часть книги остается неопубликованной и труднодоступной для исследователей.³ Писцовая книга ценна тем, что довольно подробно описывает земли, близлежащие к Иски-Казанскому (Камаевскому) городищу, неоднократно упоминаемая при этом само городище.

Из текста писцовой книги следует, что Иски-Казань к 1565-1568 гг. находилась в запустевшем состоянии. На устье же речки Урмат, на левом берегу р.Казанки “против старого Ички Казанского городища” находилось новообразующееся русское селение под одноименным названием (“Ички Казань”, “Ычки Казань”). Вплоть до 1566/1567 г. местность числилась дворцовой “пустошью”. В 1566/1567 г. пустошь с прилегающими к ней землями была отдана князьям, родным братьям Дмитрию и Ивану “князь Юрьевым детям Темкина Ростовского”. Однако, село Ички Казань (Ычки Казань) числилось за ними недолго. Уже в следующем 1567/1568 г. оно было отделено в поместье русским помещикам — дворянам Тихону, Неупокою Тыртовым и Ивану, Федору Сотницким. Таким образом, к 1568 г. в помещицьем селе “Ички Казань” (“Ычки Казань”) насчитывалось 4 двора русских дворян.⁴

До 1563/1564 г. пустошью, причисленную к дворцовому ведомству, оставался и Урмат (совр. селение Русский Урмат) вблизи от Иски-Казанского (Урматского) городища. В 1566/1567 г. он был отдан в поместье братьям-князьям Борису и Семену Мезецким. К моменту писцового описания Урмат был уже относительно большим поселением с 12-ю крестьянскими дворами.⁵

В целом же в Писцовой книге Казанского уезда 1565-1568 гг. Иски-Казанское городище и расположенное вблизи от него одноименное село упоминаются, по нашим подсчётам, 11 раз. Из них в 4-х случаях как “Ички Казань” и в 7 случаях как “Ычки Казань”, что соответствует татарскому “Эчке Казан”. Кроме того, в источнике зафиксированы такие понятия, как “Ички Казанская земля” (“Ычки Казанская земля”), “речка Ички Казань”. Название же “Иски Казань” в Писцовой книге отсутствует. Данный факт невозможно было бы объяснить с точки зрения логики в случае, если бы городище изначально носило название “Иски Казань”, т.к. звуки “ч”, “с” наличествуют как на татарском, так и на русском языках, схожи по звучанию. Следовательно, у писцов XVI в. при транскрипции татарского понятия “Иске” на русский лад не было бы никакой необходимости менять звук “с” на “ч”, первый звук “и” на “ы”.

Вышеупомянутая “речка Ички Казань” в пределах территории Казани, согласно Писцовой книге Казанского уезда 1565-1563 годов, находилась в значительном расстоянии как от городища (Камаевского — более 50 с лишним километров), так и от реки Казанка (5-6 км от ее устьевой части) и не была связана с последней. Она протекала с востока на запад в районе

современных казанских пригородов Отары, Победилово и напрямую впадала в Волгу. Возможно, что речка каким-то образом была соединена также с водной системой озера Кабан (с Верхним Кабаном). Во всяком случае, из источника следует, что “деревня Меньшие Задние Атары на озерке на Глухом” находилась в непосредственной близости от речки Ички Казани. У жителей деревни по этой речке были сенные угодья.⁶ В целом же русло реки требует дальнейшего географического уточнения. Однако сам факт наличия речки Ички-Казани в период Казанского ханства не подлежит сомнению. Очевидно, что речка по-татарски называлась “Эчке Казан” (в смысле “внутренняя казанская речка”, “Внутренняя Казанка”).⁷ Следует также заметить, что реки, в отличие от городов, не носят в своих названиях эпитеты “старая” или “молодая” (во всяком случае, такие примеры нам неизвестны).

Что касается самого татарского понятия “Эчке” (“Ички”, “Ычки”), то общеизвестно существование в средневековых городских поселениях, так называемых “внутренних” и “внешних” городов (“эчке шөһәр”, “тышкы шөһәр”), наличие в Казанском ханстве социальной прослойки “ички казаков” (“эчке казаклар”), выполнявших полицейские функции внутри государства. Параллели в этимологии понятий “Ички-Казанское (Ычки-Казанское) городище”, “село Ички-Казань” (“Ычки Казань”), “речка Ички Казань”, “ички казаки” источников средневековья прослеживаются явственно. Русско-язычная транскрипция татарского понятия “эчке” в них во всех случаях идентична (“Ички” или “Ычки”).

Таким образом, древнетатарский город в среднем течении Казанки изначально носил название “Эчке Казан” (“Ички Казань”, “Ычки Казань”), что буквально означает “Внутренняя Казань” или “город во внутренних пределах государства”. Возможно, что имелось ввиду его географическое положение по отношению к Казани на Кремлевской горе. Вслед за этим мы приходим также к заключению, что Ички-Казанское городище (вернее, “Ички-Казанское городище”) не обязательно древнее столичной Казани. Это становится тем более очевидным, что всякие колонизационные процессы имеют свои определенные закономерности, главнейшая из которых заключается в том, что человек первоначально осваивает наиболее удобные для проживания с географической, природно-климатической точек зрения территории, местности. Данные закономерности могут быть нарушены только в силу каких-либо природных катаклизмов или же определенных веских внешнеполитических или внутриполитических обстоятельств. В случае же с тюркской колонизацией лесистых пространств Предкамья в эпоху Волжской Булгарии, периоды Золотой Орды, Казанского ханства историки единодушны во мнении, что она имела общее северное направление, носила мирный характер. Первоначально осваивались левобережные районы рек Волги, Камы. Затем постепенно колонизация проникала по руслам многочисленных рек и речушек вглубь территории региона. Казанка же являлась одной из ключевых рек в освоении тюрками территории Зака-

занья. Географическое местоположение устьевого Казани на пересечении таких крупных транспортных, торговых артерий, как Волга, Кама выгодно отличается от расположения Иски-Казанского (Ички-Казанского) городища. Среднее течение Казанки, где находилась “Иски-Казань” (Ички-Казань), не была доступна для крупных торговых судов. Магистральные торговые дороги также обходили ее стороной. И неудивительно потому, что в итоге город не смог превратиться в долговечное поселение, тем более в столицу Казанского ханства, а экономическая жизнь в нем, по свидетельству археологов, переживала упадок еще до завоевания Казанского ханства Русским государством. В итоге мы склоняемся к гипотезе (последнее слово за археологами), что Казань на Кремлевской горе древнее Иски-Казанского (Ички-Казанского) городища.

Возникает также логический вопрос: когда, на каком этапе развития исторической науки произошла трансформация понятия “Ички Казань” (“Эчке Казан”) в “Иски-Казань”? Можно предположить, что данное явление — либо результат творческого наследия, новшества историков XVIII-XIX вв., либо результат отражения в них исторической психологии народа, в восприятии которого всякий ископаемый, разрушенный или полуразрушенный исторический памятник является “старым” (отсюда — “Иски Казань”).

Основной наш вывод заключается в том, что так называемое “Иски-Казанское” (Камаевское) городище в период Казанского ханства и позднее, вплоть до XVIII в., носило название “Ички-Казань” (“Эчке Казан”). Как поселение — это городище не обязательно древнее, а вероятнее всего, моложе Казани на Кремлевской горе. Вышеизложенное позволяет нам также с целью восстановления исторической достоверности поднять перед общественностью, административными кругами вопрос о переименовании названия “Иски-Казани” в “Ички-Казань” (“Эчке Казан”).

¹ Археологическая карта Татарской АССР. М. 1981. С.53; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987. С. 117-118.

² Худяков М.Г. Казань в 16-17 столетиях// Материалы по истории ТАССР: Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. Л., 1932. Вып.2. С.12-25.

³ РГАДА. Ф.1209 (Поместный фонд). Кн.152, лл.103 об. — 256 (оригинал); Кн.643, лл.175 об. — 500 (копия с оригинала 18 в.)

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Кн.643, лл.267-269 Крайняя малодворность первых русских поселений, частая перетасовка поместий помещиков-землевладельцев характеризуют колонизационные процессы в Среднем Поволжье во второй половине XVI — начале XVII вв.

⁵ Там же, лл. 260-260 об. Интересно, что в числе русских крестьян села упоминается человек с тюркским именем Шарап — “Шарапка Алексеев”.

⁶ РГАДА. Ф.1209. Кн.643, лл.247-247 об.

⁷ Иногда эта речка в источниках называется “речка Ички” или “речка Ичка” (“Эчке елга”).

БАЛЫМЕРСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК И ЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Проблема контактов и взаимовлияния булгар и скандинавов в эпоху раннего средневековья вплоть до второй половины прошлого века не привлекала внимание исследователей. Связано это в немалой степени было с тем, что данные о викингах черпались историками из сообщений русских летописей, восходящих к “Повести временных лет”.

Восточные источники использовались в дискуссиях норманистов и антинорманистов лишь спорадически. К 1870-м гг. интерес отечественных востоковедов к проблеме норманнов и их роли в истории Руси усилился, что вылилось в создание свода основных сведений арабских историков и географов о славянах и русах (Гаркави 1870). Издание на русском языке этих сведений значительно расширило круг источников, зафиксировав факт активного движения викингов - “русов” по Волге и пребывания их в Среднем Поволжье. В труде Гаркави, в частности, были опубликованы обширные выдержки из сочинения Ибн-Фадлана в передаче Якута. Благодаря этому историки получили в свое распоряжение выразительные, почти этнографические описания русов, их одежды, верований и обычаев, особенно ярким было детальное описание погребальных обрядов при похоронах одного из знатных воинов.

Комплексный анализ сведений о “русах”, реже их называли “варяги” (“ал-варанк”), содержащихся в арабских источниках (Ибн-Хордадбех, Ибн-Фадлан, Ибн-Русте, ал-Бекри и т.д.), показывает, что это были группы населения, основным занятием которых были торговля и военные предприятия. Специфичны детали их культуры: поклонение идолам, одежда и вооружение, образ жизни в “длинных” мужских домах, а также описание женского костюма — сарафаны с бретельками, скрепленные скорлупообразными фибулами (“коробочками”) и украшений — мониста из монет и стеклянные бусы (“зеленой глины”). Еще более выразительно описание погребального обряда: трупосожжение в ладье с характерным набором вещей и ритуальными жертвами, включая и умерщвление девушки, а также сооружение на месте кострища кургана, — все эти детали, которые указывают на их североевропейское происхождение. Все это заставило исследователей видеть в них в первую очередь скандинавов-викингов, осуществлявших военные и торговые экспедиции по Волго-Балтийскому торговому пути в страны Востока и имевших торговую колонию близ Болгара (Новосель-

цев 1965: 355-419; Лебедев 1978: 21-24; Мельникова, Петрухин 1994: 56-68; Петрухин 1995; Петрухин 1996: 31-43; Древняя Русь...1999: 169-258).

Однако уже историкам прошлого века было ясно, что только открытие археологических следов пребывания русов в Среднем Поволжье разрешит вопрос о реальности их пребывания здесь и позволит определить их этнокультурный облик. Начал поиски курганов с остатками кремации в окрестностях Болгара в 1871 г. казанский археолог А.И. Стоянов. Отправной точкой в его поисках стали сведения Ибн-Фадлана о погребении знатного руса. К тому времени накопилась определенная историография, комментировавшая данный эпизод записок арабского путешественника, причем все ученые вслед за П.С. Савельевым и А.Я. Гаркави считали, что погребение это было совершено близ Болгара (Савельев 1848: 59-61; Гаркави 1870: 109-110).

Обследовав окрестности Болгара, А.И. Стоянов не обнаружил там курганов и, расширив круг поисков, приступил к изучению курганов в 20 км к югу от Болгара у с. Балымеры. В течение сезона 1871 г. он раскопал шесть курганов, обнаружив, что их “насыпи состояли из песка и чернозема с некоторым количеством золы, углей и обгорелых костей домашних животных” (Извлечение...1895: 95). Несмотря на явную удачу, его коллеги оценивали результаты его исследований как “неопределенные”. Выступив пионером изучения раннесредневековых древностей, Стоянов не имел возможности сравнить свои материалы с результатами подобных исследований, что сделало их неопознанными и невостребованными.

Относительная неудача, которая прежде всего заключалась в отсутствии ярких находок, однако не охладила пыл исследователей найти следы присутствия викингов на Средней Волге. В 1877 г. участники проходившего в Казани IV Археологического съезда под руководством графа А.С. Уварова провели пробные раскопки в окрестностях между селами Болгары и Балымер, которые и на этот раз не привели “к открытию искомых следов” русов (Извлечение... 1895: 95). Постепенное накопление материалов, открытие и изучение в других регионах России древнерусских курганов заставило казанских археологов вновь обратиться к изучению курганных древностей.

Обследование местности в Западном Закамье, где могло быть совершено “захоронение руса”, привело исследователей опять в окрестности с. Балымер к курганный группе, открытой А.И. Стояновым. Именно здесь в 1882 г. два казанских археолога П.А. Пономарев и Н.П. Лихачев обнаружили 25 невысоких (до 70-80 см) курганных насыпей и заложили новый раскоп, продолжив исследования, начатые ранее. Ими было раскопано семь курганов, которые изучались “послойной раскопкой”. Было выяснено, что шесть из них имели такой же обряд трупосожжения, как и вскрытые в 1871 г., и только в одном был обнаружен действительно богатый материал: в кургане (условно его можно назвать №13) были найдены не только обычные следы кремации, но и погребальный инвентарь (оружие и снаряжение воина). Это позволило сделать вывод, что все предыдущие исследования, “если

и не создавали достаточно устойчивой почвы для решения вопроса о местонахождении могил руссов на берегу Волги, то вместе с тем не устраняли возможности искать их с некоторой надеждой на успех в окрестностях с. Болгар” (Извлечение... 1895: 96).

Однако позднее, в 1893 г., новая попытка П.А. Пономарева, который опять поставил задачу “определить нет ли в окрестностях г. Болгара каких-либо следов курганного погребения руссов”(Извлечение... 1895: 96), оказалась безуспешной. Обследование местности опять привело его в Балымер, где он обнаружил, что “картина окрестностей... за последние 10 лет совершенно изменилась” и почти все курганы разрушены постройками деревни. Удалось провести раскопки лишь двух сохранившихся курганов. Оба они дали ту же картину, что и предыдущие курганные погребения: остатки кремации (зола, угли, мелкие кости) на материковой поверхности, среди остатков сожжения или близ них обнаружены также обломки лепных плоскдонных сосудов.

Все последующие археологические работы по поиску древностей “русов”, начиная с исследований в этом районе А.А. Спицына в 1898 г., (Спицын 1916: 79-80), оказывались безрезультатными. Так, профессор Казанского университета В.Ф. Смолин в 1925 г. обследовал городище “Шолом”, которое он считал возможным местом святилища викингов, но позднее отнесенного исследователями к именьковской культуре (Смолин 1925 (1): 113-130; Смолин 1925 (2): 57), а в 1961 г. Е.А. Халикова, занимаясь поиском курганов, открыла курганный могильник кочевников периода Золотой Орды (Халикова 1965: 114-116). Таким образом, результаты раскопок 1871, 1882 и 1893 гг. могут считаться уникальными благодаря тому обстоятельству, что на территории Среднего Поволжья другого такого памятника пока не обнаружено (Фахрутдинов 1975: карта).

Выразительные материалы раскопок Балымерских курганов вызывали и вызывают интерес, оживленную полемику и различные исторические сопоставления, хотя основываются часто на неполных и отрывочных материалах. Так, Е.П. Казаков не только неверно указывает число зафиксированных насыпей и безосновательно указывает, что явные признаки кургана имела только одна из них, но и, ошибочно высчитав мощность огнища, считал, что она достигала якобы 50 см (Казаков 1992: 106). В связи с этим стоит задача систематизировать все данные о погребальном обряде и инвентаре памятника. Основным источником для нашей реконструкции служат описания исследований в “извлечении из отчета Археологической комиссии (Извлечения... 1895: 95-97), а также подробные описания находок, их рисунки и фотографии (Штукенберг 1892: 155-160; Posta 1905: Abb. 13; Спицын 1914: 107-110).

Судя по описаниям, курганы располагались группой, состоящей из 25 насыпей, которые находились на расстоянии 1 версты к СЗ от деревни Балымер (по дореволюционному написанию “Булымер”) на берегу Волги на

высокой террасе, поросшей дубовым лесом. Реконструкция устройства курганов требует предварительного уточнения некоторых деталей. Так, в описаниях отсутствуют указания на наличие ровиков вокруг курганов. Если они отсутствовали, а не просто заплыли к моменту начала исследований, то эта черта сближает их с верхневолжскими курганами. Всего в разные годы было исследовано 15 насыпей. Все курганы имели куполообразную форму, высотой не более 0.7-0.9 м и шириной — от 6.3 до 8.5 м. На материковой поверхности, сложенной из чистой и плотной супеси, были выявлены прослойки с остатками кремации, насыщенные золой, углями и мелкими пережженными костями. В двух случаях углистая прослойка была зафиксирована, выше уровня материка, очевидно, на невысокой подсыпке. Во всех случаях, насколько можно судить по описаниям, в курганах было совершено по одному погребению. Костяки нигде не были найдены и только в кургане 13 среди мелких фрагментов костей были обнаружены человеческие зубы.

Огнище представляло собой округлую линзу в центре кургана, сложенную из темно-серой рыхлой супеси, насыщенную пеплом, углем и массой мелких пережженных костей. В кургане 13 кострище имело продолговатый овальный вид длиной 0.3 м и шириной 1.5 м и мощностью около 11 см и было вытянуто по линии СЗ — ЮВ. Вокруг этого насыщенного углями пятна, как правило, находились отдельные фрагменты золы и мелкого угля (Рис. 1). Подобная ориентировка была достаточно характерна и для верхневолжских курганных захоронений с кремацией (Недошивина, Фехнер 1985: 109). Судя по мощному зольно-угольному слою, насыщенному кальцинированными костями, во всех определяемых случаях кремация совершалась на месте сооружения кургана. Размер кострища точно указан только в одном случае и составлял более 4.5 кв. м. После сожжения его остатки, очевидно, сгребались к центру. Погребальных ям в Бальмерских курганах не зафиксировано.

В этом же слое, видимо, практически во всех курганах были зафиксированы обломки глиняных лепных или круговых плоскодонных сосудов. К сожалению, невозможно определить, были ли остатки глиняной посуды частью поминальной пищи или погребального инвентаря, либо это урновые захоронения. Исключение, как уже отмечалось выше, составляет курган 13, где найден разнообразный погребальный инвентарь. В СЗ части кострища была найдена бронзовая бляшка. Рядом, но за пределами пятна с остатками кремации, обнаружены: у ЮЗ края — согнутый пополам меч (Рис. 1,8), у ЮВ — глиняный сосуд (Рис.1,9), а у СВ — две медные бляхи от пояса или уздечки, остатки кожаного мешочка с медными деталями вместе с кресалом и кремнем и ряд других мелких предметов (Рис. 1, 3-7).

Можно лишь догадываться по аналогии с другими раннесредневековыми курганами Руси и Скандинавии, что основание курганов было предварительно очищено от растительности и выжжено. Погребальный костер был сооружен на поверхности земли или на невысокой подсыпке, а после со-

жжения его остатки огнища были собраны к центру. После чего над местом сожжения возводился курган.

Многие детали реконструируемого обряда находят аналогии в описании Ибн-Фадлана (Путешествие... 1939: 81-83), но еще более важно, что объяснение сути этого обряда Ибн-Фадлану одним из русов во время его совершения (“Вы, о, арабы, глупы... вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его в прах... а мы сжигаем его во мгновение ока, так, что он входит в рай немедленно и сейчас”), перекликается с мифологией скандинавов и соответствует так называемому “завету Одина” о том, что каждый должен войти в Вальхаллу с тем добром, которое было с ним на костре, пепел следует бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган (Круг земной... 1980: 14).

В качестве поминального дара умершим клали глиняные сосуды, а в кургане 13, кроме традиционного сосуда, вокруг было разложено также оружие, часть снаряжения погребенного. Наиболее выразительной чертой этого обряда погребения был согнутый почти пополам меч. Данный обряд был, если не характерной, то показательной частью погребальных обрядов эпохи викингов в Северной и Восточной Европе. В Бирке обнаружено не менее трех согнутых мечей, а, учитывая, что часть мечей сохранилась в обломках, число ритуально поврежденных мечей было, вероятно, гораздо больше (Birka I 1943: 4). В верхневолжских курганах обнаружено два погребения со следами преднамеренной порчи оружия (Недошивина 1963: 56; Дубов 1999: 26-34). В целом, обряд намеренной порчи оружия восходит к представлениям о загробной жизни и опасности “возвращения” живого мертвеца и был, скорее всего, частью ритуального “удаления” умершего из мира живых. В том же ряду, определенно, были и представления о могиле (кургане) как о доме умершего. Возможно, согнутое оружие символизировало оружие, направленное против самого владельца (т.е. мертвеца), самоубийственное оружие, которое мыслилось, видимо, также имеющим свою “душу”, жаждущую крови (См.: Петрухин 1995: 195-205).

Как правильно заметили сами исследователи, “эта картина, конечно, далеко еще не дает полной аналогии с характеристикой Ибн-Фадлана, но в ней есть и некоторые общие черты” (Извлечения... 1895: 96).

Погребения на месте кремации без урны (тип С) являются наиболее распространенным обрядом захоронения в Бирке, по такому обряду было совершено 490 погребений или 86,5% всех погребений (Birka IV. 1980: 51-53). Однако не исключено, что курган с сожжением и богатым набором вещей с согнутым вдвое мечом и деталями конской упряжи были совершены по обряду типа В, учитывая его вытянутую овальную форму, которая была характерна для этого типа погребения, хотя, нельзя не признать, что в нем отсутствуют (не сохранились?) ладейные заклепки. Обряд кремации на месте погребения был превалирующим и в Тимеровском курганном могильнике, где из 273 погребений с трупосожжениями (71% всех учтенных погребе-

ний) 190 содержали остатки кострищ в виде зольно-угольного пятна, содержащего кальцинированные кости (Фехнер 1963: 8-11; Недошивина, Фехнер 1985: 101-114). Подобная пропорция в обряде была, очевидно, характерна и для других могильников эпохи викингов в Скандинавии и на Руси.

Вещи в Балымерских курганах немногочисленны, но выразительны. К сожалению, до настоящего времени они не сохранились. С момента раскопок вплоть до 1929 г. они находились в музее Общества археологии, этнографии и истории при Казанском университете, а после его расформирования, видимо, были депаспартизованы и утеряны. В фонды Государственного объединенного музея Республики Татарстан поступил, очевидно, только меч (Ефимова 1980: 135), но и он ныне в коллекциях музея отсутствует. Представление о характере находок можно составить только на основании рисунков и фотографий (Штукенберг 1892; Posta 1905; Спицын 1914: рис.1). Находки обломков грубых лепных или круговых плоскодонных сосудов отмечены практически во всех погребениях, но тип их неизвестен. Судя по фотографии и описаниям (Штукенберг 1892: 159), фрагменты сосуда (венчик и днище) из кургана 13, представляли собой обломки толстостенного сосуда ручной выделки с заметно бугристой поверхностью (примесь шамота в тесте?). Форма его, видимо, была горшковидная плоскодонная с хорошо выраженным горлом со скошенным наружу краем венчика. Верхняя треть горшка была украшена орнаментом в виде наклонных подквадратных насечек (гребенчатый штамп?). По ряду признаков (технические признаки, форма и орнаментация) этот сосуд можно отнести к XI группе по типологии болгарской керамики, которая восходила к традициям гончарства лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры верховьев Дона (Хлебникова 1984: 162-165).

Только в одном самом богатом захоронении кроме глиняного сосуда был найден целый комплекс предметов. Среди них следует отметить остатки кожаной поясной сумочки с бронзовыми заклепками по краю с калачевидным кресалом, железной трубицей для трута и кремнем, два типа поясных и уздечных круглых накладок и согнутый каролингский меч.

Поясная сумочка с бронзовыми накладками (Рис. 1, 1) является довольно характерным элементом волго-уральского раннесредневекового мужского костюма (Казаков 1971: 135, табл. VIII, 12; Halikova, Kazakov 1977: VIc, 8; Архипов 1973: 156-159, рис. 46, 49; Иванов 1952: 196, табл. XII, 1,2). Одновременно это была достаточно широко распространенная, хотя сравнительно немногочисленная находка для многих археологических памятников Восточной и Северной Европы. Обнаружены они и их детали в погребениях Бирки, особенно много их в Венгрии “эпохи Арпадов” (Graslund 1984: 146-151; Birka I: Taf. 128-136, Abb.16; The Ancient...1996: Fig. 94, 155, 186, 207, 444 и др.). Круглые литые бронзовые поясные и сбруйные накладки так называемого “венгерского” типа с полушарным выступом в центре и круговым бордюром с орнаментом в виде чередующихся удлинённых

пальметт, видимо, служили — малая (Рис.1, 3), как поясная накладка, а большая (Рис.1, 2) — в качестве уздечной или сбруйной бляшки. Стилистически они довольно идентичны, но на большой накладке центральный выступ соединяется с бордюром тремя, расходящимися лучами стилизованными листьями. Поясные накладки подобного типа хорошо известны в Среднем Поволжье и Южном Урале (Казаков 1971: табл. XX, 5,6; 1992: рис. 60, 6-8; Халикова 1976: рис. 4, 6-10, 11; Мажитов 1981: рис. 47, 2-4), встречены также в Венгрии и Швеции (The Ancient 1996: 213, ; Jansson 1986: 77-108; Birka I 1943: Abb. 10). Крупных сбруйных накладок известно в Восточной Европе не много, найдены они были как в Танкеевском могильнике (Казаков 1992: рис. 60, 8), так и на поселениях на Казанском Кремле (Хузин 1999: 207-208, рис.7,2), Большом Боршевском городищах и землянке в Киеве в районе Десятинной церкви (Ефименко, Третьяков 1948: 55, рис. 22), довольно много их обнаружено в могильниках “эпохи Арпадов” в Венгрии (The Ancient 1996: 213, 214, 235, 304).

Датировка Бальмерских курганов в целом не вызывала дискуссии. Публикуя результаты этих раскопок, профессор Казанского университета А.А. Штукенберг датировал погребение из кургана 13 VII — XI вв. (Штукенберг 1892: 160). Но в настоящее время есть возможность уточнить эту дату. Наличие в данном погребении этих выразительных и достаточно хорошо датированных вещей позволило определить, что погребение с трупосожжением у с. Бальмер было совершено, скорее всего, в первой половине X в. Весьма выразительна находка согнутого вдвое меча, которая по типологии Я. Петерсена — А.Н. Кирпичникова относится к типу “Е”. Характерной особенностью оформления рукояти бальмерского меча является наличие мелкоячеистого орнамента на перекрестии и на вершинной рукояти, который по западноевропейской хронологии датируется не позднее конца IX в., а в Восточной Европе, по мнению А.Н. Кирпичникова, продолжал использоваться еще в начале X в. (Кирпичников 1966: 31; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 257-263). Новые данные подтверждают более позднее бытование этих мечей на Руси (Дубов 1999: 28,29). Не позднее середины X в. в основном бытуют поясные или уздечные накладки с бордюром из пальметт, судя по аналогиям из памятников Руси (Ефименко, Третьяков 1948: 55) и Подунавья — могильники Артауд, Хевеш, Пилини, Шаркад и др. (The Ancient... 1996: 213, 347, 392, 404). Все другие материалы, включая калачевидное кресало, поясную сумку и глиняный сосуд, не противоречат этой датировке, что дает все основания датировать Бальмерские курганы первой половиной X в.

Сразу же вслед за открытием и исследованием Бальмерских курганов разгорелся спор об их культурно-исторической принадлежности. Штукенберг оставил вопрос о культурной принадлежности погребений открытым, предполагая, что это была “могила пришельца с далекого Северо-Запада, или аборигена, владевшего мечом скандинавского типа”. Постепенно, благодаря открытиям подобных древностей в других районах России, Баль-

мерский курган стал привлекать все большее внимание. Однако отрывочность исторических и археологических материалов иногда приводила историков к мысли о наличии значительной скандинавской колонизации этого региона. Разыскивая следы древних венгров в России, венгерский ученый Б. Пошта обнаружил, что сбруйные бляхи из венгерских погребений IX — X вв. в Подунавье чрезвычайно близки бляшкам из Балымерского кургана. Поэтому, отмечая их местный характер, он пришел к выводу, что этот курган имеет “финно-германский характер” (Posta 1905: 52). Решительно возразил ему русский археолог А.А. Спицын. Он, указывая на обряд трупосожжения, характерный для Древней Руси и Севера Европы, писал: “Для нас нет сомнения, Биляморские курганы принадлежат русам, приходившим в Болгары для торговли с восточными купцами, как из Скандинавии, так и из Новгорода, а быть может, и из Киева”. По мнению Спицына, “весь набор вещей явно норманнский, а поясные бляшки, судя по всему, попали к варягу в результате торговых контактов с Венгрией” (Спицын 1914: 107).

Тогда же вышло несколько работ скандинавских ученых, которые поддерживали эти выводы. Так, Т. Арне и А.М. Тальгрэн считали, что все находки мечей и их частей в Поволжье были “занесены скандинавскими викингами во время их набегов” (Arne 1914: 61; Тальгрэн 1917: 23). Эта гипотеза получила большое признание, а В.Ф. Смолин определенно считал, что около Балымера существовала норманнская торговая колония (Смолин 1925 (2): 57). В последние годы к изучению материалов данных курганов обратился Е.П. Казаков, высказавший обоснованное предположение, что обряд их был аналогичен обряду могильников Ярославского Поволжья (Казаков 1985: 79, рис.3; Казаков 1992: 106).

В последнее время по проблемам русов в Среднем Поволжье, их археологическим памятникам и, косвенно, об этнокультурной принадлежности Балымерских курганов высказано несколько новых предположений (Седов 1998; 1999; 1999а). Суть их сводится к предположению о славянской принадлежности имениковской культуры, которая повлияла на сложение волынцевской культуры, ставшей основой Русского каганата в Приднепровье в IX в. Следовательно, древности исторических поволжских русов следует искать в памятниках имениковской культуры, позднее ставших основой населения Волжской Булгарии и сохранявших обычаи и даже этноним более раннего периода, свидетельством чего, по мнению автора этой концепции, и являются, видимо, погребения Балымерских курганов. Гипотеза эта, восходящая еще к работам В.Ф. Генинга и А.П. Смирнова (Генинг 1959: 210; Смирнов 1962 167-168; 1968: 168), имеет ряд методических изъянов. Даже, не поддерживая позиции отрицания контактов булгар с населением, оставившим памятники имениковской культуры (Старостин 1967: 31-32; 1997: 80), нельзя не отметить, что эта концепция представляет этнические процессы в средневековые крайне механистически — только как смешение археологического материала, не придавая значения тем куль-

турно консолидационным и ассимиляционным процессам, которые чрезвычайно усилились в Среднем Поволжье в период становления государства и городов, в условиях формирования новой дружинной и городской культуры с их огромным нивелирующим воздействием, когда количество и значение этномаркирующих элементов культуры резко сократилось. Кроме того, сравнение двух обрядов кремации: сожжения умершего на стороне, прах которого хоронился в грунтовом могильнике в подквадратной или овальной яме, характерный для именьковской культуры (Старостин 1967: 15-17), с обрядом кремации на месте погребения и захоронение остатков сожжения на уровне дневной поверхности под курганной насыпью в Балымере, показывает их принципиальную несопоставимость. Все это ни в коем случае не позволяет согласиться с предположением о возможной связи Балымерских курганов с могильниками именьковской культуры, считая их памятниками исторических русов. Не отрицая в целом возможности сосуществования именьковской и болгарской культур, необходимо, видимо, исключить Балымерские курганы из этих сопоставлений и считать его особым историко-культурным явлением.

Сравнение материалов Балымерских курганов с могильниками “эпохи викингов” на территории Древней Руси и Северной Европы показывает, что их обряд близок трупосожжениям из курганов Ярославского Поволжья (Тимерово, Михайловское, Петровское), Приднепровья (Шестовицы, Гнездово, Киев) и Южного Приладожья IX — XI вв. По мнению исследователей, эти курганные могильники оставило славяно-финно-скандинавское население, имевшее достаточно синкретичную культуру, насыщенную северо-европейскими элементами, использовавшее социально-престижные детали одежды и вооружения и относящееся к социальному слою торговцев и военно-дружинной знати. Скорее всего, именно этот этносоциальный слой воинов и торговцев арабы именовали термином “русы” (Лебедев 1978; Фехнер, Недошивина 1987; Петрухин, Мельникова 1994; Петрухин 1995: 83-115; 1996). Вместе с тем, ряд находок из погребения кургана 13 Балымерского могильника, судя по плоскодонному сосуду, поясной сумочке с бронзовыми обкладками по краю и круглым “венгерского” типа накладкам, аналогичны изделиям, характерным для культуры волжских болгар, но погребальный обряд, резко отличая его от обряда болгар и поволжских финнов, находит прямые аналогии в обряде раннесредневековой Скандинавии (Швеция) и могильников (Тимерово, Михайловское, Гнездово и др.), насыщенных скандинавскими пришельцами. Поэтому, вероятно, что курганы у с. Балымер были оставлены группой “русов” (наемная дружина?), возможно во главе со скандинавским конунгом, активно контактировавших с булгарами и испытывавших их культурное влияние.

Насколько велико было число скандинавов в Булгарии и не было ли Балымерское погребение единичным? Само число зафиксированных курганов не только дополняет сведения арабских источников, в первую оче-

редь Ибн-Фадлана, о пребывании “русов” в Булгарии, но подтверждает мысль о существовании своеобразных колоний русов в Поволжье. Курганная группа из 25 погребальных насыпей, судя по наблюдениям М.В. Фехнер и И.В. Дубова за топографией и хронологией древнерусских курганов, принадлежала определенному клану или дружине, во главе которой стоял знатный конунг (Недошивина, Фехнер 1985: 114; Дубов 1989: 69, 98, 99 и сл.). Судя по числу погребений, эта группа проживала в Булгарии сравнительно недолго и не была очень многочисленной. Возможно, хронологически период функционирования кладбища ограничивался первой половиной X в. Определенно можно сказать, опираясь на данные письменных и археологических источников, что в этот период в Булгарии существовало несколько подобных колоний русов со своими курганными захоронениями.

Как уже говорилось, новых археологических объектов, подобных Балымерским курганам, к сожалению, пока не найдено, однако, этим отнюдь не исчерпывается материал, рассказывающий о викингах в Среднем Поволжье. Разработка этой проблемы стала возможной после пересмотра ряда старых гипотез и расширения познавательных возможностей целого ряда археологических материалов, которые своей документальной точностью и выразительностью существенно дополнили сведения письменных источников. Разумеется, перейти к пониманию реальной роли скандинавов в Поволжье можно только на широком общеевропейском фоне с учетом взаимосвязей и взаимовлияний всего этого региона.

В настоящее время удалось собрать значительный материал о болгарской военной культуре, сопоставить ее развитие с процессом становления городов и государства у болгар, а также выявить роль контактов болгар с Северной Европой как социально маркирующей эти процессы признак (Измайлов 1995; Измайлов 1997). Все это позволило сделать вывод, что контакты болгар со скандинавами протекали на фоне “волн” торгово-экономической активности народов на Волго-Балтийском пути. (Дубов 1989: 161-210; Измайлов 1991: 130-138). Первые свидетельства связей скандинавов с населением Поволжья начинают фиксироваться с середины IX в., когда здесь появляются клады и находки монет, относящиеся к первой волне монетного серебра, хлынувшего в Европу и выпавшего в клады около 840-860 гг. Причем Староальметьевский клад (“Элмед”) 1906 г. явно попал в Среднее Поволжье через Северную Европу и содержит монету с рунической граффити в виде буквы S (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 9, 134). Следующие волны монет дают всплеск во второй трети — середине X в. по количеству кладов и монет в них.

Одновременно среди находок X в. из городов Волжской Булгарии выявлен целый комплекс вещей североευропейского происхождения (Измайлов 1995: 1-23). Наиболее интересной из них являются находки каролингских мечей, их деталей и наконечников ножен (Измайлов 1997: 34-53). Выявление на лезвиях почти всех мечей клейм, характеризующих каче-

ственное профессиональное оружие и сопоставление их распространения с рядом других находок (умбоны от круглых щитов, широкие удлинненно-треугольные копья, шпоры, детали украшения узды и др.) позволило сделать вывод о неслучайном их характере (Измайлов 1997: 131-138). Все они связаны с военно-дружинным бытом, а мечи, как редкое и дорогое оружие, использовалось, в основном, знатью и воинами-профессионалами. Новые виды вооружения, не известные у булгар в VIII-IX вв., демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы, характерных для раннефеодальных обществ. Картографирование этих находок демонстрирует, что все они концентрируются близ раннегородских центров: Болгар, Биляр, Балымер, городищ у сс. Старая Майна, Старые Нохраты, Казань и др. (Рис. 3). Показательно, что такая концентрация подобных социально престижных изделий характерна и для Руси, и для Венгрии в период становления государственности (Лебедев 1985: 227-235; Вакау 1967: 144-179; Эрдели 401: 14-16). Одновременно, как совершенно справедливо заметил А.Н. Кирпичников: “Находки мечей указывают не только места пребывания дружинников, но и места торговли”, подчеркивая тем самым приуроченность центров социальной активности к узловым пунктам международной и региональной торговли (Кирпичников 1966: 49).

Начало контактов булгар с русами, очевидно, относится к периоду становления торгового пути “из варяг в арабы”, из Балтики на Каспий. Произошло включение булгар в мировую торговлю, что привело к резкому убыстрению их социально-экономического развития. В конце IX — начале X в. движение варягов — русов (шведов в значительной части) по Волге активизировалось, причем действовать они начинают не только самостоятельно, но и в составе дружин Русского государства (походы Аскольда и Олега на Византию и Халифат). В 912 г. укрепившееся булгарское государство наносит поражение русам на Волге и подчиняет себе стихию варяжских дружин (Новосельцев 1990: 211-215).

С этого времени происходит стабилизация отношений булгар с русами. Часть их продолжала торговлю по Волге, уплачивая правителю Булгарии пошлину, а другая — переходит на службу булгарским правителям, инкорпорируясь в социальную структуру булгарского общества. Некоторые дружины русов поступают на службу к булгарской знати, причем часть из них после окончания службы возвращается в Скандинавию и на Русь, привозя с собой булгарские изделия, особую моду (поясной гарнитур, конское снаряжение и т.д.) и знания о народах Поволжья (“Вулгарланд”/“Булгарланд” (Джаксон 1999: 28-35). Процесс этот зафиксировал Ибн-Фадлан, отметивший лагерь дружины русов близ ставки эльтебера булгар Алмыша, другим свидетельством этого служат Балымерские курганы, которые маркируют становление надэтничной дружинной культуры в пестрой разнородной среде, включенность в этот процесс знати русов. Именно этим можно объяснить утрату русами северных вещей и замену их местными, булгарскими.

Определенно этому способствовал сам принцип дружинного вознаграждения. С середины X в. начинается уже, видимо, новый этап, когда русы оседают уже в городах булгар, инфильтруясь в среду булгарской знати.

-
- Архипов Г.А. 1973. Марийцы IX-XI вв. Йошкар-Ола.
- Гаркави А.Я. 1870. Сведения мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.
- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. серия гуманитарных наук. Вып. 2.
- Джаксон Т.Н. 1999. О языческой Вулгарии Снорри Стурлусона // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX — XII веков. Казань.
- Древняя Русь... 1999. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е.А. Мельниковой. М.
- Дубов И.В. 1989. Великий Волжский путь. Л.
1999. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. 1991. Граффити на восточных монетах. Л.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н. 1948. Древнерусские поселения на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. 8. М:Л.
- Ефимова А.М. 1980. Каталог археологических коллекций государственного музея ТАССР. Вып. II. Казань.
- Иванов П.П. 1952. Материалы по истории мордвы VIII-IX вв. Моршанск.
- Извлечение... 1895. Извлечение из отчета о раскопках в Казанской губернии / Отчет археологической комиссии за 1893 год. СПб.
- Измайлов И.Л. 1991. К вопросу о булгаро-скандинавских контактах // Биляр — столица домонгольской Булгарии. Казань.
1995. Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья. Пенза.
1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. Магадан.
- Казakov Е.П. 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
1986. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь. Казань.
1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие (Свод археологических источников Е 1-36). М:Л.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.
- Круг земной... 1980. Снорри Стурлусон. Круг земной. М.
- Лебедев Г.С. 1978. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Л.
1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- Мажитов Н.А. 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. 1994. Скандинавы на Руси и в Византии в X-XI

веках: к истории названия “варяг” // Славяноведение 2.

Недошивина Н.Г. 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X — XI вв. М.

Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. 1985. Погребальный обряд Тимеревского могильника // Советская археология 2

Новосельцев А.П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.

1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Петрухин В.Я. 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск-М.

1996. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или “валькирия”? // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.

Путешествие... 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М:Л.

Савельев П.С. 1848. Мухаммеданская нумизматика по отношению к русской истории. СПб.

Седов В.В. 1998. Русский каганат IX века // Отечественная история 4.

1999. У истоков восточнославянской государственности. М.

1999а. О славянском компоненте в составе населения Волжской Булгарии // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. Казань.

Смирнов А.П. 1962. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М.

1968. Древняя Русь и Волжская Булгария // Славяне и Русь. М.

Смолин В.Ф. 1925 (1). Раскопки “Шолома” в селе Балымерах, Спасского кантона Татарской Республики в 1925 году. Казань.

1925 (2). Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по истории Татарстана. Вып. II. Казань.

Спицын А.А. 1916. Заметки из поездки на Утку в 1898 г. // Известия археологической комиссии. 60

1914. Венгерские вещи X века в России // Известия археологической комиссии. 53.

Старостин П.Н. 1967. Памятники именьковской культуры. М.

1997. Именьковцы и болгары // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Казань.

Тальгрэн А.М. 1917. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. 1. Сарапул.

Фахрутдинов Р.Г. 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.

Фехнер М.В. 1963. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X-XI вв. М.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология 2.

Халикова Е.А. 1965. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1965 г. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 104.

1976. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 2

Хлебникова Т.А. 1984. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.

Хузин Ф.Ш. 1999. Древняя Казань и проблемы ее возникновения (в свете архе-

ологических исследований 1994-1998 гг.) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX — XII веков. Казань.

Штукенберг А.А. 1892. Древняя курганная могила около деревни Бельмер (Бельмер) в Спасском уезде Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. Т.X. Вып. 2.

Эрдели И. 1985. Вооружение древних венгров как источник по истории основания венгерского государства // Урало-Алтаистика. Археология, Этнография, Язык. Новосибирск.

The Ancient... 1996. The Ancient Hungarians. Ed. by I. Fodor. Budapest.

Arne T.J. 1914. La Suede et l'Orient. Uppsala.

Bakay K. 1967. Archaeologische Studien zur frage der Ungarischen statsgrundung / / Acta Archeologia Hingaria. Th. 19, 1/2. Budapest.

Birka I. 1943. Arbman H. Birka I. Die Graber. Text. Tafeln. Uppsala.

Birka IV. 1980. Birka IV. The Burial Customs. A study of the graves on Bjorko. By A.-S. Graslund. Stockholm.

Graslund A.-S. 1984. Beutel und Taschen // Birka II:1. Systematische Analysen der Graberfunde. Stockholm.

Halikova E. A., E. P. Kazakov. 1977. Le cimetiery de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethies voisines a l'Est. Budapest.

Jansson I. 1986. Gurtel und Gurtelzubehor vom orientalischen Typ // Birka II:1. Systematische Analysen der Graberfunde. Stockholm.

Posta B. 1905. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Th. I, II. Budapest.

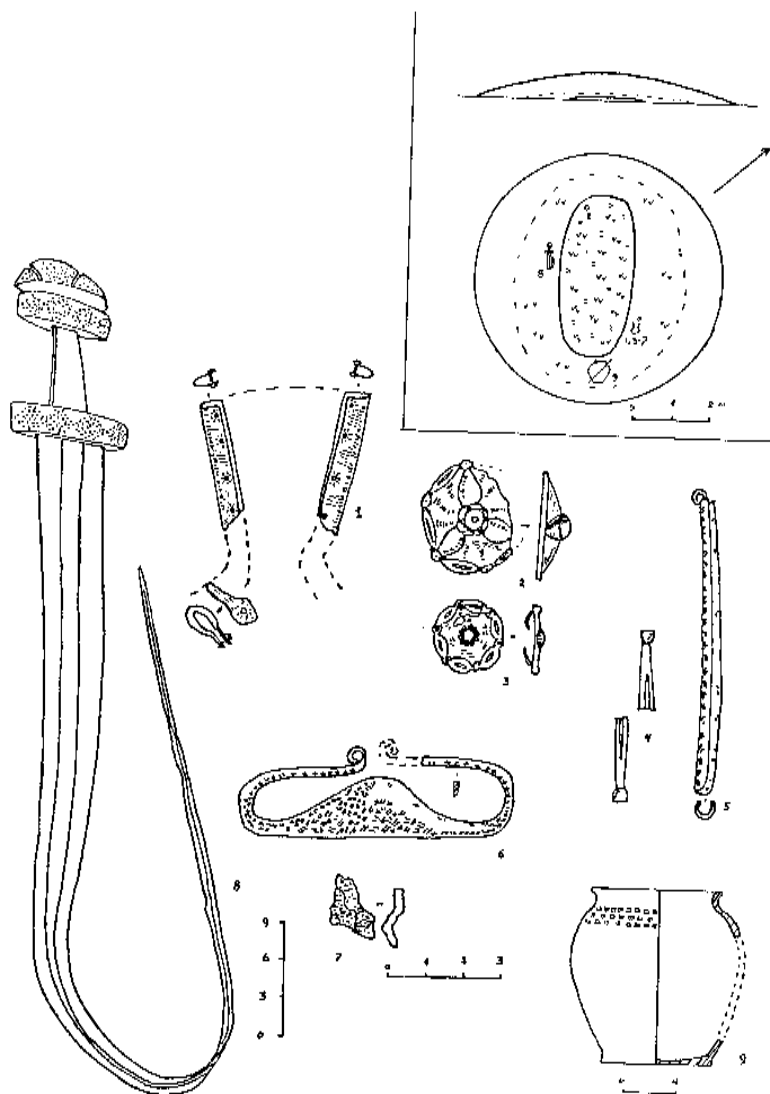

Рис. 1. Погребение 13 Бальмерского могильника:
реконструкция обряда и погребальный инвентарь:

- 1 — поясная сумочка, 2, 3 — накладки, 4 — привески к поясу,
5 — трубица от трута, 6 — кресало, 7 — кремь, 8 — меч, 9 — горшок;
1-4 — бронза, 5, 7, 8 — железо, 7 — камень, 9 — керамика.

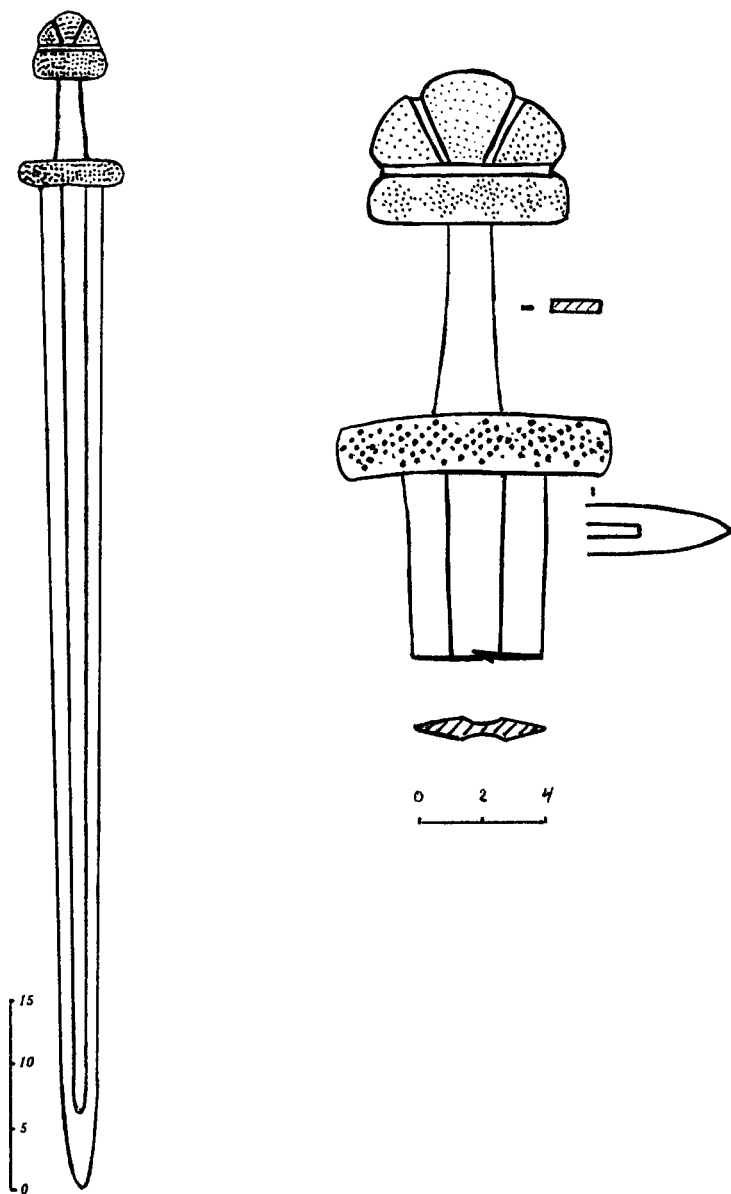

Рис. 2. Меч из погребения кургана 13.

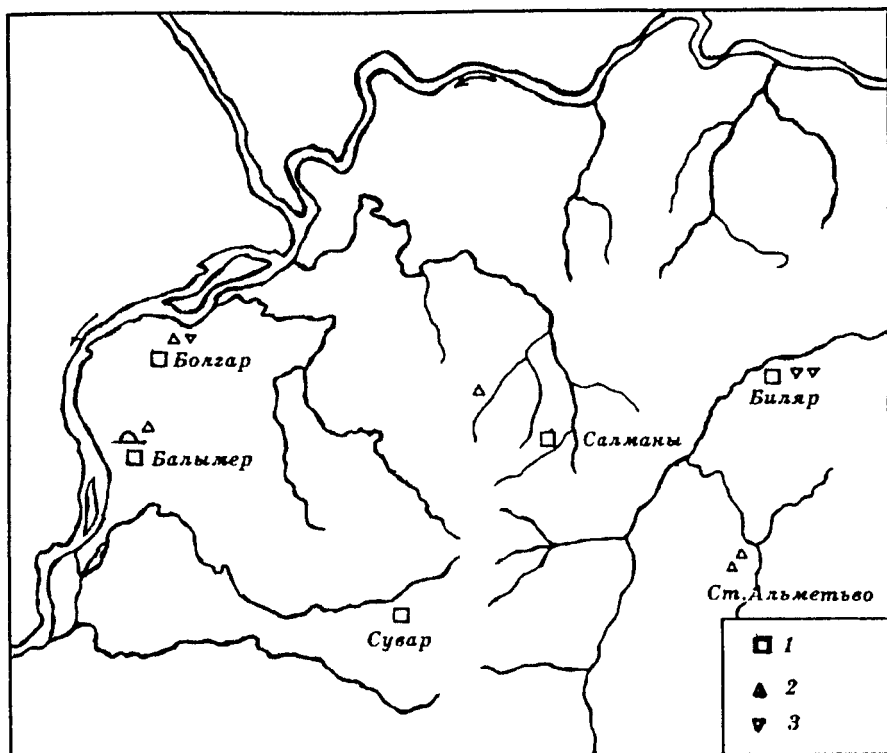

Рис. 3. Распространение каролингских мечей и их фурнитуры на территории Булгарии: 1 — городища, 2 — мечи, 3 — наконечники ножен.

Анатолий Кирпичников, Искандер Измаилов
Санкт-Петербург — Казань

КАРОЛИНГСКИЕ МЕЧИ ИЗ БУЛГАРИИ
(из фондов Государственного объединенного музея
Республики Татарстан)

В фондах Государственного объединенного музея Республики Татарстан хранятся два меча, которые суровой простотой формы и строгой гармонией отделки выделяются среди других предметов коллекции оружия.

Сейчас, к сожалению, трудно в деталях установить обстоятельства и место находки этих мечей. Судя по данным описей, они поступили в музей в составе коллекций Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете около 1929 г., куда попали в числе других находок с территории бывшего Спасского уезда Казанской губернии (включавшей примерно территории современных Спасского, Алексеевского, Алькеевского районов). Как бы то ни было, нет сомнений, что оба эти меча происходят из региона Западного Закамья, который исторически был территорией Центральной Булгарии.

Оба меча характеризуются постепенно суживающимся к оконечности клинком, имеющим дол на обеих сторонах, которые занимают примерно треть ширины клинка. По форме отделки рукоятей и размерам клинка эти мечи относятся к группе широко распространенных в раннесредневековой Европе каролингских мечей.

Одной из характерных особенностей каролингских мечей является массивная, состоявшая из перекрестья и навершия, рукоять, служившая своеобразным противовесом длинному клинку. Благодаря подобному устройству меча, удары им удавалось наносить с большей мощностью и силой. Гарды каролингских мечей отличались также разнообразием форм и отделкой, которые изменялись со временем, знаменуя перемены моды. Именно это позволило норвежскому исследователю Я. Петерсену составить дробную типологию мечей ей по форме рукояти, определив время бытования каждого типа (Petersen 1919). Эта типология, с соответствующими дополнениями, была использована для систематизации древнерусских мечей (Кирпичников 1966).

Первый меч относится к типу **Е** и выделяется тем, что поверхность его перекрестья покрыта ячеистым орнаментом (Рис. 1). Украшение рукояти типа **Е** имеет вид круглых высверленных в металле ячеек (глубиной до 3-4 мм), пространство между которыми платировано серебром. Серебряное поле выполнено набивкой проволоки на железную основу между выемок. Стили-

стически орнамент данного меча относится к группе с крупными ячейками на перекрестье (в диаметре 3-4 мм), расположенных в три ряда. Навершие рукояти отсутствует. Размеры сходны с другими каролингскими мечами: общая длина 97 см, длина клинка 83 см, высота рукояти 14 см, ширина лезвия у перекрестья 5-8 см. По аналогии с древнерусскими находками (Кирпичников 1966: 30), описанный выше тип **Е** относится, определенно, к X в., причем, судя по скандинавским параллелям, относится к поздней группе подобных мечей (Лебедев 1985: 125, Рис.35; Лебедев 1991: 294-304, Рис.48).

Он не первый, найденный на территории Булгарии. Два других подобных меча — из Балымерского курганного могильника и из сборов в окрестностях Билярского городища (так называемый “клад из Старого Альметьево” (о происхождении коллекций см.: Халиков 1985: 8-12)) — относятся к группе с рукоятями, украшенными мелкочаеистым орнаментом и датируются началом — серединой X в. (Кирпичников 1966: 30). Вообще же восточноевропейские мечи этого типа довольно поздние и своеобразные. Их распространение приходится на время, когда в Западной Европе они уже, возможно, выходили из употребления.

Второй меч (Рис. 2) относится также к хорошо известному типу **S**, который характеризуется наличием ладьевидного в плане перекрестья с расширяющимися овальными концами. Навершие состоит из трехчастной головки с повышенной средней частью и основания навершия, которое также имеет расширяющиеся овальные концы (Petersen 1919: 207; Кирпичников 1966: 27). В древности вся поверхность навершия была, очевидно, покрыта орнаментом, который сохранился лишь фрагментарно. Отдельные элементы орнамента заставляют предполагать, что он был близок стилю украшения меча, найденного в районе днепровских порогов (Равдоникас 1933: рис.1-2; Кирпичников 1966: 28, рис. 4, 1,2).

Еще один меч этого типа, найденный в начале XX в. на территории Булгарии близ с. Салманы (Алькеевский район РТ), был также покрыт богатой орнаментацией (Тальгрэн 1917: 23, рис. 4-5). Техника нанесения узора во всех случаях была, видимо, сходной — серебряная набивка с жгутовым плетением, хотя сами орнаментальные мотивы могли варьироваться.

Установлено, что богато украшенные мечи типа **S** встречаются не очень часто, что объясняется тем, что они были, скорее всего, достоянием довольно узкого социального слоя военной знати (Кирпичников 1966: 27; Лебедев 1985: 125). Подобные мечи широко были известны в Центральной Европе, Скандинавии, в Венгрии и на Руси во второй половине X — первой половине XI вв. (Petersen 1919: 207; Кирпичников 1966: 27; Лебедев 1985: 125, рис. 35; Bakay 1967: 165).

Происхождение рассматриваемых каролингских мечей из Булгарии прямо связано с Западной Европой, о чем, в частности, свидетельствуют клейма, расчищенные на них в лаборатории Института истории материальной культуры РАН. Как показывают работы последних лет (Кирпичников 1991:

98-107; 1992; 1997: 116-122; *Кирпичников, Стальсберг* 1995: 171-180; *Дубов* 1999: 26-34), значительное количество средневековых мечей имело клейма. Знаки и надписи на клинках IX-XI вв. располагались в верхней трети клинка и были инкрустированы в горячем состоянии железной или дамаскированной проволокой. Для нанесения клейма (на изделиях X в.) на разогретую полосу укладывалась холодная предварительно намеренная и нарубленная проволока, которая затем проковывалась и сваривалась с железной или со стальной основой клинка при температуре, приблизительно, 1 300° С. Весь процесс был горячим и требовал точности, быстроты и высокого мастерства. Особенно трудной была укладка букв. Бывали случаи, когда рука подводила кузнеца и надпись получалась неровной, а некоторые буквы наклонными. “Проволочные” буквы раннего средневековья напоминают выкладки из спичек, поскольку обычно состоят из двух-трех составляющих, соединенных “встык”, реже “внахлестку”. Судя по характеру клинковой эпиграфики, ремесленники, метившие мечи, довольно свободно обращались со своим текстом, иногда перевертывали или меняли местами буквы, по разному писали одни и те же слова, сокращали имена и целые фразы (*Дрбоглав* 1984). После подобной обработки мечи полировались и протравлялись, делая видимой надпись, которая выделялась на полосе клинка своим характерным муаровым узором. Действия исследователей напоминают, очевидно, процесс клеймения, но только в обратном порядке. Поэтому даже на расчищенной от коррозии полосе, знаки почти не видны: они проступают лишь после обработки специальным травителем (*Кирпичников* 1966: 38).

При расчистке первого меча на одной стороне лезвия было выявлено клеймо в виде надписи из восьми латинских букв в окружении костыльных крестов (*Рис. 3,4*), общая длина которой составляла 15,5 см. Все буквы достаточно крупные (высота до 2 см) и хорошо различимы. Буквы стоят плотно. А первые четыре даже сливаются между собой. Особенностью нашей надписи является наличие выносной (за крест) последней буквы. Первая и последняя буквы, видимо, перевернуты. Всю надпись следует читать как ULFBERHT. На обратной стороне этого клинка выявлен знак из косой плетенки в окружении трех вертикальных столбиков (*Рис. 4*).

При специальной обработке второго клинка также было выявлено клеймо (*Рис. 5,6*). Надпись (длина ее составила около 22 см) состоит, видимо, из одиннадцати знаков (высота букв 2 см). Первый и предпоследний знак, скорее всего, костыльные кресты, а последний, очень неотчетливо сохранившийся — буква “Т”. В таком случае, наиболее вероятно, что и на этом клинке читается надпись ULFBERHT. На обратной стороне его также открыто клеймо в виде плетенки и вертикальных столбиков (*Рис. 5*).

Клейма, расчищенные на болгарских мечах, несмотря на разную их сохранность, читаются по латыни как “Ульфберт” (Ulfberht), причем обе надписи были окружены костыльными крестами и имели выносную букву “Т”.

Всего мечей с подобным клеймом в Европе найдено около 180 экземпляров (Кирпичников 1997: 116-122). В том числе на Руси — 20, а в Булгарии — 4 (включая один из района Салман условно) (Кирпичников 1966: 38; 1997; Измайлов 1997: 35-40). По некоторым диалектным особенностям, несомненно, франкской формы имени “Ульфберт”, историки предположили, что эти клинки производились в каролингских мастерских, расположенных на среднем Рейне в области Мааса, примерно между Майнцем и Бонном (Кирпичников 1966: 38, рис.9). В раннем средневековье это было самое мощное оружейное производство, выпускавшее подобные клинки с различными типами рукоятей сотнями, если не тысячами в течение IX-XI вв., которые распространялись на многие сотни километров от места их первоначального производства от Восточной Англии до Среднего Поволжья. Нельзя исключить того, что часть клинков вывозилась в Скандинавию, где снабжалась рукоятями и распространялась далее в Восточную Европу или скандинавские рукояти насаживались на клинки древнерусского производства (Кирпичников 1966: 34-37; 1998: 246-251).

Разумеется, вряд ли все мечи с клеймом ULFBERHT были изготовлены одним мастером. Скорее всего, оно лишь первоначально обозначало имя выдающегося франкского оружейника и организатора производства, а впоследствии стало семейной маркой и закрепилось за целой группой высококлассных мастеров-мечедельцев и их мастерских (Кирпичников 1966: 38). На это указывает длительный период производства подобных клинков (по меньшей мере, полтора столетия) и различия (очевидно, не ошибки при изготовлении клейма) в написании знаков клейм, наличие выносных букв, что заметно и при сравнении клейм на рассматриваемых болгарских мечах.

Надпись на клинке на обоих мечах сочеталась со знаком из косой плетенки на другой стороне лезвия. Смысл этого знака, как и костыльных крестов по краям надписи, не совсем ясен. Скорее всего, они в каждом отдельном случае означали индивидуального производителя, но не были закреплены за одной мастерской (Кирпичников 1966: 40), выполняя, видимо, роль своеобразного средневекового “знака качества” или “штрих-кода”. Нельзя отрицать и их особого охранительного и заклинательного значения, о чем можно судить по описанию меча в древнегерманском эпосе “Беовульф”: “... меч с рукоятью, старинный Хрунтинг, лучший из славных клинков наследных / были на лезвии, в крови закаленном, зельем вытравлены узорные змеи” (Беовульф: 14757-1460). Кроме того, и сама надпись, определенно, имела в глазах современников какое-то магическое значение, что связано с общечеловеческой традицией приписывать сверхъестественную силу надписям на предметах и, особенно, крестам, сопутствующим написанию имени.

Находки высококачественных клинков, какими по праву считаются мечи с надписями (особенно, видимо, с клеймом ULFBERHT) являются показателем того, что Булгария входила в зону распространения каролингских мечей. Причиной этому были не только оживленные торговые связи болгар

по Великому Волжскому пути со странами циркумбалтийского региона, но и то, что именно в этот период в Среднем Поволжье набирают силу новые социально-экономические явления. Ведущим фактором в этом следует признать становление раннефеодального государства и возникновение городов. На фоне этих изменений происходило формирование новой дружинной военной культуры, элементом которой были и каролингские мечи. Появление их в Булгарии нельзя считать просто результатом торговли, как и связывать их появление исключительно со скандинавами. Скорее всего, носителем этого оружия был разнотнический по происхождению слой воинов, насыщенный варяжскими пришельцами, которых арабские современники называли “русами” (Лебедев 1985: 225-226; Дубов 1999: 33-34). Присутствие этого торгово-дружинного слоя зафиксировал, в частности, в своих записках Ибн-Фадлан, который отметил целую колонию русов близ ставки правителя булгар, а также описал похороны одного из их вождей (Ибн-Фадлан...: 25-26). Вполне возможно, что со временем часть этих русов включалась в войско бугарских правителей в качестве наемных воинов и, включаясь в состав военной знати, постепенно ассимилировались.

Таким образом, два меча, хранящиеся в Государственном объединенном музее РТ, позволяют полнее представить распространение самого передового западноевропейского оружия, включавшего территорию Волжской Булгарии, и следовательно, подтвердить включение этого государства в список средневековых стран, которые могли располагать самым престижным “орудием войны” своего времени.

Беоульф... 1975. Беоульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.

Дрбоглав Д.А. 1984. Загадки латинских клейм на мечах IX-XIV веков. М.

Дубов И.В. 1999. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Измайлов И.Л. 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. Магадан.

Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX-XIII вв. (САИ Е1-366). М., Л.

1991. Военное дело Руси. Некоторые оценки и новые исследования // Материалы конференции “Археология и социальный прогресс”. Вып. 2. М.

1992. Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей // *Fasciculi Archaeologiae Historicae*. V. Lodz.

1997. Мечи с надписью Ulfberht в Северной Европе // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб.

1998. О начале производства мечей на Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.

Кирпичников А.Н., А. Стальсберг. 1995. Новые исследования мечей эпохи викингов: (По материалам норвежских музеев) // Археологические вести 4.

- Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
1991. Этюд о мечах викингов // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.
- Ибн-Фадлан... 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., Л.
- Равдоникас В.И. 1933. Надписи и знаки на мечах из Днепроостроя // Известия Государственной Академии материальной культуры 100.
- Тальгрэн А.М. 1917. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края (Сарапул). Вып. I.
- Халиков А.Х. 1985. История накопления билярских коллекций // Культура Биляра. М.
- Bakay K. 1967. Archaeologische Studien zur Frage der Ungarischen Staatsgründung (angaben zur organisierung des furstlichen heeres // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 19.
- Petersen J. 1919. De norske vikingsverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.

Рис.1. Меч типа *E*.

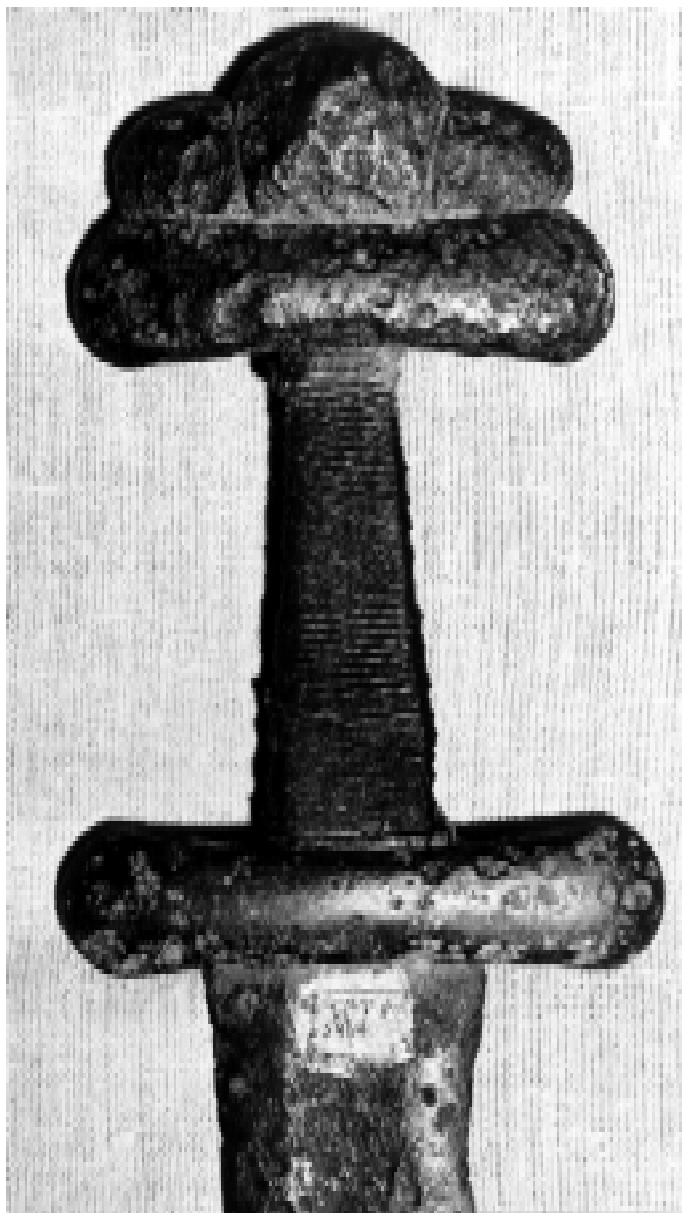

Рис.2. Меч типа S.

Рис.3. Клеймо меча (тип **Е**). Фотография.

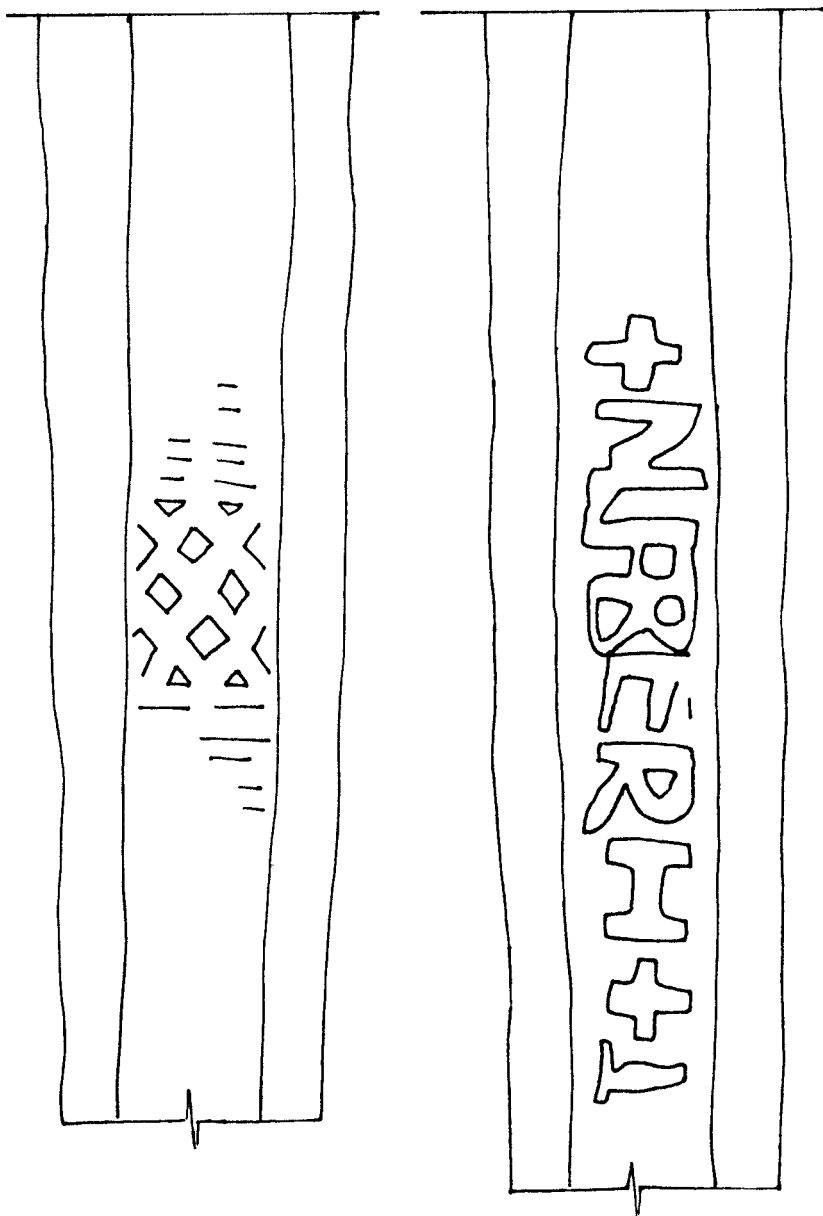

Рис.4. Клеймо меча (тип E).

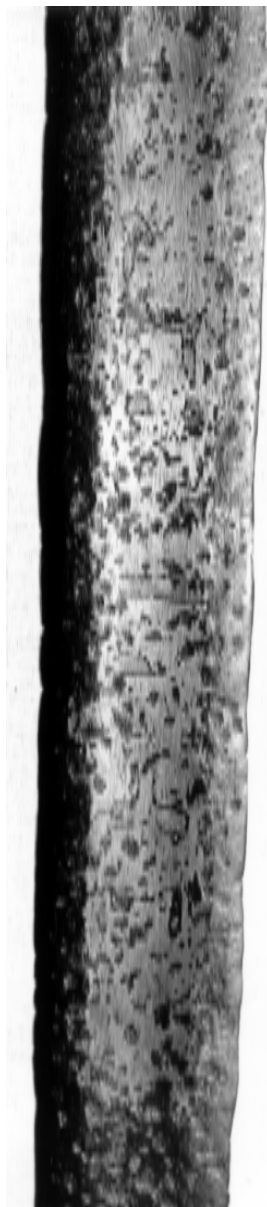

Рис.5. Клеймо меча (тип S). Фотография.

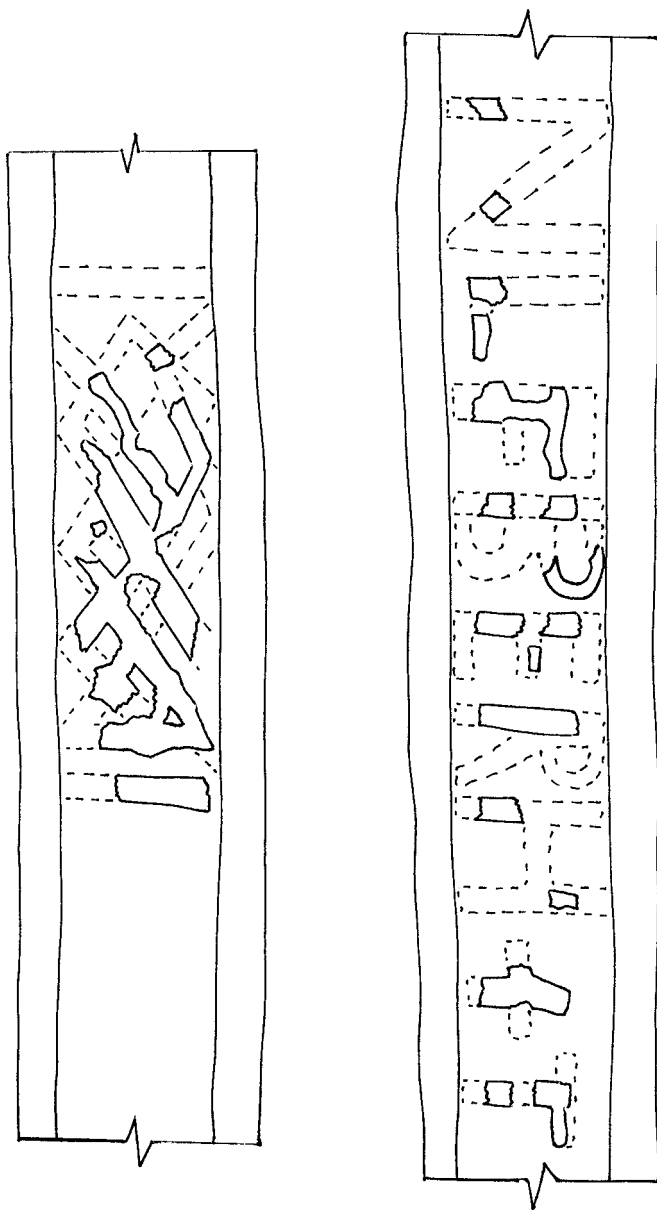

Рис.6. Клеймо меча (тип S).

DIE NORMANNEN UND DER ORIENT

Wenn von den Normannen, den aus dem skandinavischen Raum gekommenen Nordmännern, die Rede ist, so denkt man im allgemeinen an die Wikingerereinfälle im westlichen Bereich Europas seit dem ausgehenden 8. Jh. Schon weit weniger ist bekannt, daß es etwa zur gleichen Zeit auch solche Überfälle skandinavischer Raubkrieger über die Ostsee hinweg nach dem Osten Europas gegeben hat.

Nach der ältesten russischen Chronik, der "Erzählung aus den vergangenen Jahren" (Povest' vremennych let) kamen um die Mitte des 9. Jh. "Waräger", die damals übliche Bezeichnung für die Bewohner Skandinaviens, "von jenseits des Meeres", d.h. über die Ostsee, zu den im Nordwesten der europäischen Tiefebene lebenden Slaven (Slovenen und Krivičen) und Finnen (Čud', Merja und Ves'), nahmen von ihnen Tribut, wurden aber zunächst von den Einheimischen wieder zurück „über das Meer“ vertrieben. Weil sie aber unfähig gewesen seien, sich selbst zu regieren, hätten sie dann selbst die Waräger (Rus') eingeladen, ins Land zu kommen, um Ordnung zu halten und über sie zu herrschen.

Die skandinavische Expansion in den osteuropäischen Raum seit dem 8. Jahrhundert

Zwischen Skandinavien und den gegenüberliegenden Ostseeküsten hat es, nach Bodenfunden zu schließen, schon frühzeitig Kontakte gegeben. Ins östliche Baltikum und darüber hinaus in die Siedlungsgebiete der Finnen und sogar der Slaven intensivierten sich diese Verbindungen von Gotland und Schweden aus vor allem im 7./8. Jh. Es gibt Hinweise auf Handels-, aber auch von Kriegsfahrten für diese Zeit. Dabei lassen sich — grob genommen — drei, sich zeitlich teilweise überschneidende Schübe feststellen.

Der wohl älteste Typ dieses Vordringens auf Schiffen ist der Handel von Gotland aus. Er wurde von dortigen bäuerlichen Händlern saisonal betrieben. Diese Art von Bauernschifffahrt, die nur die gegenüberliegenden Küsten berührte, läßt sich übrigens noch bis ins 14. Jh. hinein beobachten. Schon im 7./8. Jh. wurde aber dieser, im Prinzip friedliche Handel von einem anderen Typ abgelöst, der ebenfalls von Gotland, aber auch schon vom schwedischen Festland (Uppland) ausging. In diesem Zusammenhang kam es im Laufe der Zeit zur Anlage fester Handelsplätze, die teilweise sogar durch Burgen mit skandinavischer Besatzung geschützt wurden (Grobin, Apulie, Wiskiauten und Truso). Diese Art des Fernhandels wurde bereits von berufsmäßigen Händlern

betrieben, deren Heimatbasis die zentralen Handelsplätze Helgö im schwedischen Mälarseegebiet und Paviken auf Gotland waren. Zum Einzugsbereich dieses Handels gehörte nun nicht mehr ausschließlich das baltisch-bottische Küstengebiet, sondern auch — vielleicht zunächst über die Westliche Düna — zumindest der nordwestliche Bereich der osteuropäischen Tiefebene. Dabei kam es offenbar schon zu Kontakten mit dem aus Mittelasien über das Wolgastromsystem verlaufenden Fernhandel. Anhaltspunkte geben dafür die arabischen Münzen (Dirhems) in schwedischen Hortfunden.

Vor der eigentlichen Wikingerzeit haben sich also bereits gotländische und uppländische Kaufleute im östlichen Baltikum niedergelassen. Sie trieben mit den Einwohnern der Küstengebiete und des angrenzenden Hinterlandes einen lebhaften Handel, bei dem es — wie die Sicherung ihrer Handelswege durch die Anlage von Burgen beweist — nicht immer friedlich zugegangen ist. Entscheidende Veränderungen in diesem Fernhandel traten um die Wende vom 8. zum 9. Jh. ein und waren in erster Linie eine Folge der Intensivierung der Verkehrsverbindungen zwischen Skandinavien und Westeuropa. Für diesen dritten Typ des Fernhandels ist die Entstehung einer neuen Art von Handelsplätzen (Wike) im Ostseeraum kennzeichnend. Zu ihnen gehörte vor allem das im schwedischen Mälarseegebiet gelegene Birka, über das fast zwei Jahrhunderte lang ein beträchtlicher Teil des Handels zwischen West und Ost verlief. Birkas übertragende Bedeutung als Transithandelspunkt resultierte aus der Tatsache, daß sich im Gebiet des Mälarsees nunmehr zwei Fernhandelswege miteinander verknüpften: der Handel aus dem Rheingebiet über Haithabu zur Ostsee und der von den Schweden in dieser Zeit direkt erschlossene Handel über das Wolgastromsystem nach dem Orient.

Während es zuvor nur zu begrenzten Vorstößen in die Siedlungsgebiete der Balten gekommen war, begann nun — vor allem durch den Finnischen Meerbusen und dann von Norden her über Neva und Lovat' — die Erschließung benachbarter finnischer und slavischer Siedlungszonen. Die Anlage von Handelsstützpunkten nunmehr auch in der Tiefe des osteuropäischen Raumes sollte die Verbindungen zwischen den uppländisch-schwedischen Zentren und dem über die Wolga und ihre Nebenflüsse verlaufenden Orienthandel sichern helfen.

Diese neuen Handelsstützpunkte bedurften aber einer ganz anderen Infrastruktur. Zum einen war dafür zu sorgen, daß die dort dauernd oder zeitweise lebenden Skandinavier sich möglichst selbst versorgten; zum anderen mußte aber auch an die Sicherstellung der für den Orienthandel besonders attraktiven osteuropäischen Handelsgüter (Sklaven, Pelze, Wachs und Honig) gedacht werden. Da westliches Transitgut kaum von Bedeutung war, machten diese Waren in der Hauptsache das Handelskapital der Schweden in ihrem eigenen Ost-West-Handel aus. Die an diesem Fern- und Transithandel beteiligten skandinavischen Kaufleute waren dabei außerhalb der westlichen und östlichen Handelsplätze oftmals eher Räuber als Händler. Als sich ihr zunächst sporadischer Handel über das Wolgastromsystem zu einem regelrechten Handelsverkehr zwischen Orient und Okzident zu entwickeln begann, gingen sie sogar dazu

über, die Bevölkerung an den Handelswegen zu unterwerfen und von ihnen die begehrten osteuropäischen Exportwaren als Tribut einzufordern. Neben diesem noch immer eher friedlichen Handel gab es aber auch bereits im 9. Jh. regelrechte Kriegsfahrten und Raubzüge aus dem skandinavischen Raum nach Osteuropa. "Heerfahrt" und "Kauffahrt" waren "nahe verwandt" und wurden "oft abwechselnd von denselben Leuten betrieben". Durch Spezialisierung bildete sich dabei der Typ des berufsmäßigen Fernhändlers heraus, des "Fahrmanns" (an. farmadr), der schon von der traditionellen Wirtschaftsweise (Ackerbau, Viehzucht, Fischerei) weitgehend losgelöst war und mit "Waren von relativer Seltenheit und hohem Wert" über immer größere Distanzen Handel trieb.

Pelze waren zunächst das wichtigste Handelsgut. Mit der Intensivierung der Handelsbeziehungen nach dem Orient wurde aber auch der Handel mit Sklaven zu einem sehr einträglichen Geschäft. Der steigende Bedarf an Sklaven in der arabischen Welt konnte schließlich nur noch aus dem heidnischen Nord- und Osteuropa befriedigt werden. In Westeuropa wandte sich die christliche Kirche vehement gegen die Versklavung ihrer Gläubigen und deren Verkauf an die Ungläubigen. Der skandinavische Fern- und Transithandel über die osteuropäische Tiefebene profitierte dabei im 9./10. Jh. vor allem von der kommerziellen Wiederannäherung zwischen Ost und West. Dafür war in erster Linie die wirtschaftliche Wiedergeburt Westeuropas die Voraussetzung, aber auch die Tatsache, daß durch das Vordringen der Araber die alten Verkehrsverbindungen über das östliche Mittelmeer nach dem Orient weitgehend unterbrochen wurden.

Angelockt wurden die Händler aus Skandinavien aber vor allem vom kufischen Silber, das in größeren Mengen seit dem Ende des 8. Jh. aus Mittelasien über die Wolga nach Ost- und Nordeuropa gelangte. Die arabischen Dirhems fanden ihren Weg in die osteuropäische Tiefebene wahrscheinlich zunächst über den Kaukasus und das Kaspische Meer. Ihr Erscheinen dort war die Folge des sich im späten 8. Jh. verstärkenden Handels zwischen der islamischen Welt und Osteuropa. Die Möglichkeit hierfür ergab sich aus der Verbesserung der arabisch-chazarischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 8. Jh., die wegen der arabischen Expansion in den Kaukasus lange Zeit sehr gespannt waren und sich oftmals sogar in kriegesischen Auseinandersetzungen entluden. Seit einiger Zeit aber hatten die Spannungen nachgelassen, weil sich die arabischen Vorstöße festgefahren hatten. Beide Seiten begannen, sich mit dem Status quo abzufinden. So blieb der südliche Kaukasus unter arabischer und der nördliche unter chazarischer Kontrolle. Der Wiederaufnahme der Handelsbeziehungen stand nichts mehr im Wege.

Gefördert wurde diese Annäherungen zwischen den feindlichen Mächten aber auch durch die Verschlechterung der Beziehungen zwischen dem Chazarenreich und Byzanz. Bisher waren die unterschiedlichen Interessen beider Mächte im Kaukasus, an den nördlichen Schwarzmeerküsten sowie auf der Krim durch die gemeinsame Abwehr der arabischen Expansion überdeckt worden. Dazu kam, daß der Kaukasus selbst in seinen islamischen Teilen kaum

mehr von Bagdad aus beherrscht werden konnte. Da die lokalen arabischen Machthaber weitgehend ihre eigenen Interessen verfolgten, erhielten im südlichen Kaukasus auch die regionalen Wirtschafts- und Handelsinteressen immer mehr Vorrang. Die chazarisch-arabische Annäherung schuf aber erst die Voraussetzungen für einen ungehinderten Fern- und Transithandel über den Kaukasus. Das chazarische Nomadenreich aber beherrschte damals den eurasischen Steppenraum samt den nördlichen Küstenrändern des Kaspischen und des Schwarzen Meeres und kontrollierte dadurch auch die Mündungen der großen osteuropäischen Ströme, des Dnepr, des Don und der Wolga.

Solange der chazarisch-arabische Konflikt im Kaukasus andauerte, war vor allem der traditionelle Handel von China und Mittelasien über die Seidenstraße, die über den nördlichen Kaukasus zum Schwarzen Meer verlief, weitgehend unterbrochen gewesen. Jetzt standen ihm wieder die Verbindungen nach Osteuropa offen. Die chazarischen Fern- und Transithandelszentren Atil (Itil') im Wolgadelta und Sarkel am Unterlauf des Don bildeten dabei die wichtigsten Schaltstellen für den Warenumschat zwischen dem Orient und dem Okzident.

Für die arabische Handelsexpansion nach dem Norden war von besonderer Bedeutung, daß die unter den frühen Abbasiden wiederum aufblühende Wirtschaft nach neuen Absatzmärkten suchte. Der Kaukasus bot sich dafür besonders an, weil sein südlicher Teil vom großen Fern- und Transithandelszentrum Bagdad leicht zu erreichen war. Derbent, am westlichen Ufer des Kaspischen Meeres gelegen, war für den von dort kommenden Handel die wichtigste Schaltstelle im Kaukasus. Lief doch über diese Handelsstadt seit jeher der Fernhandel, der den Nahen Osten, den Südkaukasus und Mittelasien mit dem Norden verband und in der damaligen Zeit an den chazarischen Grenzhandelsplätzen endete.

Durch den wachsenden Handel mit der arabischen Welt und den damit verbundenen Zufluß kufischen Silbers gewannen die Khane der Chazaren neue Einkünfte, ja ihr Reichtum resultierte zu einem erheblichen Teil erst aus diesem Fern- und Transithandel zwischen Orient und Okzident. Obwohl die Chazaren selbst im Steppenraum über keinerlei eigene Exportwaren verfügten, die für diesen Handel von Interesse gewesen wären, profitierten sie doppelt von ihm. Zum einen dadurch, daß sie diesen Fernhandel über ihre eigenen Handelsplätze leiteten und zum anderen dadurch, daß sie sich durch die Ausdehnung ihres eigenen Herrschaftsbereichs nach Norden in die Siedlungsgebiete der Ostslaven dort die begehrten osteuropäischen Exportwaren beschaffen konnten. So berichtet die altrussische Chronik für das Jahr 859 nicht nur, daß die Waräger im Norden Tribut nahmen, sondern daß auch die Chazaren von den am mittleren Dnepr bzw. an der oberen und mittleren Oka lebenden Poljanen, Severjanen und Vjatičen ebenfalls Abgaben eingetrieben haben; und zwar "ein Eichhörnchenfell von jedem Rauchfang".

Aber nicht nur die Chazaren kontrollierten den nach Osteuropa verlaufenden Orienthandel, sondern auch die im mittleren Wolgagebiet lebenden Wolgabulgaren, ein weiteres turksprachiges Steppennomadenvolk, das sich zum

damaligen Zeitpunkt in tributärer Abhängigkeit von seinen chazarischen Rivalen befand. Die Wolga-Kama-Region war überhaupt das wichtigste Einzugsgebiet für den osteuropäischen Pelzhandel, der sich in erster Linie auf das etwa 30 km südlich der Mündung der Kama in die Wolga gelegene Bolgar konzentrierte. In dieses unter Kontrolle der Wolgabulgaren stehende Fern- und Transithandelszentrum kamen Kaufleute aus der gesamten islamischen Welt aus Chwarism sowie anderen Teilen Mittelasiens direkt und aus Derbent, Bardaa, Rey und Bagdad über die chazarischen Handelsplätze. Sie alle tauschten ihre orientalischen Waren, außer Silber vor allem Seide, aber auch Waffen, Rüstungen, Gewürze, Spezereien, Weine, Silber- und Bronzegefäße sowie Juwelen, gegen Pelze, Wachs, Honig und Sklaven sowie westliche Transitwaren (fränkische Schwerter und friesische Tuche).

Vor allem aus arabischen Quellen ist bekannt, daß auch Skandinavien, von den islamischen Kaufleuten Rus' genannt, von der oberen Wolgaregion her mit den Wolgabulgaren Handel getrieben haben. So berichtet insbesondere Ibn Fadlan, der 921/22 am Hofe des Khans der Wolgabulgaren in Bolgar weilte, sehr ausführlich über das dortige Treiben dieser für ihn nicht gerade zivilisiert wirkenden Nordmänner:

Er schreibt über seinen Aufenthalt in Bolgar u.a., daß er dort "Rusiya" gesehen habe, Männer "groß wie Dattelbäume", mit einem so vollkommenen Körperbau, wie er ihn noch nie erlebt habe, dazu von blonder und roter Haarfarbe. Bewaffnet seien sie mit Axt, Schwert und Messer gewesen; die Schwerter "mit Blutrinnen versehen und von fränkischer Art". Besonders beeindruckten ihn die Tätowierungen der Männer und der Schmuck der Frauen: "Jeder von ihnen hat vom Rande des Nagels bis zum Hals dunkelgrüne Färbung von Bäumen, Figuren und anderem eintätowiert. Jede ihrer Frauen hat auf den beiden Brüsten eine Dose aus Eisen, Silber, Kupfer oder Gold, nach Maß und Wert des Vermögens ihres Mannes befestigt; bei jeder Dose befindet sich ein Ring, bei dem sich ein Messer ebenfalls auf der Brust befestigt befindet. Um den Hals tragen die Frauen Halsringe aus Gold und Silber." Diese Halsringe aber bestehen aus dem Gold bzw. Silber arabischer Münzen.

Wenn sie in Bolgar ankommen, binden sie ihre Schiffe am Ufer fest und beginnen sogleich mit dem Bau von großen Holzhäusern, in denen zehn bis zwanzig Personen Platz haben. Von den Rus' hat jeder "eine Ruhebänk, worauf er sitzt, und bei ihnen sind die für Handelsleute bestimmten schönen Mädchen (Sklavinnen) anwesend, und er wohnt seinem Mädchen (Sklavin) bei, während sein Gefährte zuschaut. Zuweilen kommt eine Menge von ihnen in einer solchen Lage zusammen, die einen angesichts der anderen. (Es geschieht) auch, (daß) ein Kaufmann, um ein Mädchen bei einem anderen von ihnen zu kaufen, (zu ihm in sein Haus) eintritt, findet, daß er sich gerade mit ihr begattet und er nicht eher von ihr abläßt, bis er seine Absicht erfüllt hat." Des weiteren berichtet der arabische Reisende, dass die Rus' Götterbilder aus Holz errichteten, denen sie opferten. Dabei wirft sich jeder von ihnen vor sie hin und betet: "Oh mein Herr (Gott), ich bin aus weitem Lande gekommen und habe soundso viel Mädchen

bei mir und soundso viel Zobelfelle, bis er alle Handelsartikel, die er mitgebracht hat, aufgezählt hat (und fährt fort:) Dir habe ich dieses Geschenk gebracht... Ich wünsche, daß du mir einen Kaufmann besorgst, der viele Dinare und Dirhems hat und der von mir (um den Preis) kauft, den ich wünsche und der mir in keinem (Wort), was ich sagen werde, widerspricht." Treten nun beim Handel Schwierigkeiten auf, so wurden den Göttern neue Opfer gebracht, um sie für die eigenen Geschäfte günstig zu stimmen. Waren die Geschäfte erfolgreich, so gab es für die Götter wiederum reichliche Opfer.

Besonders eindrucksvoll ist das, was Ibn Fadlan über die Brandbestattung eines ihrer Häuptlinge zu berichten weiß: "Man erzählte mir, daß sie beim Sterben ihrer Häuptlinge viele Zeremonien machen, deren geringste das Verbrennen sei, und es interessierte mich, es näher kennenzulernen. Endlich gelangte zu mir die Nachricht über den Tod eines angesehenen Mannes von ihnen. Sie legten ihn in ein Grab und bedeckten es mit einem Dach über ihm für zehn Tage, bis sie mit dem Zuschneiden und Nähen seiner Gewänder fertig waren. Es ist so: wenn der Verstorbene ein armer Mann ist, so verfertigen sie für ihn ein kleines Schiff, legen ihn hinein und verbrennen es; wenn er ein reicher Mann ist, so sammeln sie seine Habe und teilen sie in drei Teile, ein Drittel bleibt für seine Familie, für das andere Drittel schneiden sie ihm Kleider, für das letzte brauen sie den Nabid, den sie an dem Tage, an dem sein Mädchen sich tötet und mit ihrem Herrn verbrannt wird, trinken. Sie machen sich durch den Nabid geistesschwach und trinken ihn Tag und Nacht. Es geschieht oft, daß einer von ihnen mit dem Becher in der Hand stirbt. Wenn ein Oberhaupt stirbt, so sagt dessen Familie zu dessen Sklavinnen und Dienern: Wer von euch will mit ihm zusammen sterben? Dann antwortet einer von ihnen: Ich. Wenn er es gesagt hat, so ist er gebunden; es wird ihm keinesfalls freigestellt, sich von seinem Wort zurückzuziehen; wollte er es, wird man es nicht zulassen. Meistens tun dieses die Mädchen." Über eine solche Begräbniszeremonie in der Region der mittleren Wolga schreibt Ibn Fadlan dann in allen Einzelheiten aus eigener Anschauung. Wie alles für die Verbrennung des Schiffes, des Toten und seiner Sklavin hergerichtet wurde. Dann wurde das Feuer angezündet und innerhalb nicht einmal einer Stunden war alles zu Asche geworden. "Darauf bauten sie an der Stelle des Schiffes ... einen runden Hügel auf; errichteten auf des Hügels Mitte einen großen Balken aus Birken und schrieben auf den Balken den Namen des Mannes und den Namen des Königs von Rus', darauf gingen sie weg."

Dieser Bericht eines Arabers aus den ersten Jahrzehnten des 10. Jh. über das Leben und Treiben der Normannen, ja sogar über den Tod eines ihrer Vornehmsten und über seine Feuerbestattung im Boot, ist aus verschiedenen Gründen von besonderer Bedeutung für die Forschung. Zum einen haben wir damit einen schriftlichen Beleg darüber vorliegen, daß skandinavische Händler tatsächlich über die Wolgaroute direkte Kontakte mit arabischen Kaufleuten gehabt haben, denen sie insbesondere die in der gesamten islamischen Welt begehrten wertvollen Pelze (Zobel) und Sklaven gegen Gold und Silber (Dinare

und Dirhems) zum Tausch angeboten haben. Zum zweiten gibt die Beschreibung ihres Aussehens und ihrer Begräbnissitten deutliche Hinweise darauf, daß es sich bei den Rus' tatsächlich um Normannen gehandelt haben muß. Sind doch nur aus dem skandinavischen Raum Bestattungen im Boot bekannt.

Daß die Araber zwischen Skandinaviern (Rus') und Slaven deutlich zu unterscheiden wußten, davon zeugt vor allem eine Stelle bei Ibn Rusta, die u.a. berichtet, daß die Rus' von Schiffen aus die Slaven überfallen, um sie dann als Sklaven auf den chazarischen und wolgabulgarischen Handelsplätzen. Diese Stelle bezeugt auch, daß die skandinavischen Händler im 9./10. Jh. nicht nur bis Bolgar im mittleren Wolgagebiet gekommen sind, sondern sogar auf direktem Weg das Reich der Chazaren mit seinen Handelsplätzen an den Mündungen der osteuropäischen Ströme erreicht haben. Ibn Rusta sowie andere Araber bezeugen sogar, daß sie — mit wertvollen Pelzen beladen — auf eigenen Schiffen das Schwarze und das Kaspische Meer befahren haben und dabei bis Byzanz und sogar — auf Kamelen — bis Bagdad gelangten.

Stützpunkte des skandinavischen Orienthandels im Innern Osteuropas

Nach den bisherigen archäologischen Grabungsergebnissen, so gibt es vor allem Hinweise auf eine mehr oder weniger lange Anwesenheit von Skandinaviern in Alt-Ladoga und im südöstlichen Gebiet des Ladogasees, in Beloozero, in Gnezdovo bei Smolensk sowie in der oberen Wolgaregion (Sarskoe Gorodišče bei Rostov und bei den Dörfern Michajlovskoe, Timerovskoe und Petrovskoe in der Nähe von Jaroslavl').

Von besonderem Interesse ist dabei Alt-Ladoga, in der altnordischen Literatur als Aldeigjuborg wohl bekannt. Dieser Handelsstützpunkt, im Nordwesten am linken Ufer des Volchov 12 km vor seiner Mündung in den Ladogasee gelegen, muß bereits in der 2. Hälfte des 8. Jh. den Skandinaviern als Handelsstützpunkt auf ihrem Weg zur Wolga gedient haben. Man kann sogar mit gutem Recht behaupten, daß Alt-Ladoga eine Schlüsselstellung im Handel mit dem Orient besaß.

Über die Neva und die nur sehr schwer zu überwindenden Stromschnellen am unteren Volchov, die beide von Alt-Ladoga aus kontrolliert werden konnten, führte der Hauptverkehrsweg von Skandinavien und dem Baltikum über das Wolgastromsystem in das Innere Rußlands und weiter nach Osten und Südosten. Aber Alt-Ladoga besaß nicht nur eine überragende Bedeutung als Transitpunkt zwischen Orient und Okzident. Das Ladogagebiet verfügte selbst über hervorragende Handelsressourcen, die für diesen Fernhandel nutzbar gemacht werden konnten, ja ihn überhaupt erst ermöglicht haben. Wurde doch hier das Pelzwerk gesammelt, das von den Eingeborenen der umliegenden Gebiete, zumeist Finnen, durch Tausch oder einfach durch Raub erworben wurde. Deshalb kam es hier auch frühzeitig zur dauerhaften Ansiedlung von skandinavischen Händlern, ja selbst von Handwerkern.

Daß Skandinavien, vielleicht auch Friesen, in Alt-Ladoga für längere Zeit gesiedelt haben müssen, wird heute kaum noch von Archäologen bestritten. Allzu deutlich verweisen Funde skandinavischer Gebrauchs-, Schmuck- und Kulturgegenstände, ja sogar in Holz geritzte Runen, auf eine solche Anwesenheit in der Frühzeit Alt-Ladogas. Vielleicht haben schon zuvor gotländische Bauernhändler und -Handwerker in zumeist friedlicher Absicht diesen Platz aufgesucht, aber seine Bedeutung gewann Alt-Ladoga offensichtlich erst durch den Orienthandel, d.h. als im späten 8. und frühen 9. Jh. das kufische Silber Rußland erreicht hatte. Der dadurch ermöglichte direkte Tausch von Pelzen gegen Dirhems über den Wolgaweg gab Alt-Ladoga im 9./10. Jh. seine große Bedeutung als zentraler Transit- und Fernhandelsplatz. Schreibt doch der arabische Geograph Mas'udy im 10. Jh., daß die Ladogaer als größtes der Völker der Rus' Handel "nach Spanien, Rom, Constantinopel und Chasarien" treiben. Daß Alt-Ladogas Aufstieg in engem Zusammenhang mit dem Orienthandel über die Wolga nach Skandinavien und darüber hinaus zu sehen ist, läßt sich vor allem dadurch nachweisen, dass in dem Augenblick, als um die Wende vom 10. zum 11. Jh. der Zustrom von Silber aus Mittelasien nach Osteuropa zu versiegen begann, es auch seine über fast drei Jahrhunderte andauernde Sonderstellung im Nordwesten innerhalb kürzester Zeit verlor. Festzuhalten bleibt, daß offenbar bis zuletzt Alt-Ladoga und vor allem auch der südöstliche Teil des Gebiets des Ladogasees bis zuletzt durch Skandinavien kontrolliert wurden, deren kommerzielle Interessen ganz auf den Orienthandel über das Wolgastromsystem gerichtet waren. Ob dabei in diesen Gebieten von einer regelrechten skandinavischen Kolonie sprechen kann, sei dahingestellt. Jedenfalls lebten die normannischen Händler und Handwerker hier in enger Symbiose mit den dort von altersher siedelnden Finnen. Ostslaven aber begannen in diesen Gebieten erst um die Mitte des 11. Jh. verstärkt zu siedeln. Das Ladogas Stellung als Handelszentrum zwischen Ost und West lange Zeit überragend gewesen sein muß, bezeugen nicht zuletzt die vielen Hortfunde arabischer Silbermünzen aus dem 9./10. Jh. in Schweden und insbesondere auch auf Gotland.

Die Verbindungen Skandinaviens mit dem Nordwesten Rußlands konzentrierten sich also in erster Linie auf Alt-Ladoga und den Südosten des Ladogagebietes. Bestand doch von hier aus die günstigste Möglichkeit, auf dem Wasserweg und über Schleppstellen bis in das Gebiet der oberen Wolga vorzudringen und von dort dann einen direkten Anschluß an den Orienthandel zu gewinnen. Da im mittleren Wolgagebiet die Wolgabulgaren saßen und den Wolgahandel kontrollierten, kann man annehmen, daß skandinavische Stützpunkte für die Beschaffung von Exportwaren und zur Sicherung der eigenen Handelsverbindungen von Skandinavien aus nur noch in der oberen Wolgaregion vorhanden gewesen sein müssen. Dorthin gelangte man damals vom Ladogasee in südöstlicher Richtung entweder über Svir', Onegasee, Vytegra, Kovža, Beloozero, Šeksna oder über Sjas', Tichvinka, Sominka, gegen Ende des 10. und zu Beginn des 11. Jh. Čagodošča, Mologa. Die dritte Möglichkeit, zur Wolga vom Ladogasee aus zu gelangen, die über Volchov, Ilmensee, Msta, Tverca, spielte

offenbar für den direkten Handelsweg vom Baltikum zur Wolga keine größere Rolle, weil er dafür zu abgelegen war. Das belegt auch die relativ späte Gründung Novgorods (an. Holmgardr), wahrscheinlich erst in den 20er oder 30er Jahren des 10. Jh., das am Volchov in der Nähe des Ilmensees gelegen, offensichtlich mit diesem Wolgahandel nichts mehr zutun gehabt hat.

Wenn auch längst nicht so eindeutig wie in Alt-Ladoga und im südöstlichen Ladogagebiet belegen archäologische Funde bei Michajlovskoe, Timerovskoe und Petrovskoe in der Nähe von Jaroslav' sowie Sarskoe Gorodišče bei Rostov die Anwesenheit von Skandinaviern in der oberen Wolgaregion im 9./10. Jh. Es muß sich dabei um Handelsstützpunkte gehandelt haben, die von den Skandinaviern auf ihrem Weg über die Wolga nach den wolgabulgarischen und chazarischen Handelsplätzen wohl nur während der sommerlichen Reisezeit intensiver genutzt wurden; in erster Linie, um in dieser Region weitere Exportwaren aufzunehmen. Darauf verweist nicht zuletzt die relative Bescheidenheit an archäologischen Funden.

Weit reichhaltiger sind da schon die archäologischen Funde im oberen Dneprgebiet bei Gnezdovo in der Nähe von Smolensk. Ähnlich wie im Ladogagebiet wird hier im Siedlungsgebiet von Balten und Ostslaven die Anwesenheit von Skandinaviern durch vielfältige Grabfunde, aber auch durch Bootsgräber belegt, von denen die ersten zumindest aus der 2. Hälfte des 9. Jh. stammen. Wie Alt-Ladoga ist Gnezdovo wahrscheinlich eine Ansiedlung skandinavischer Händler und Handwerker gewesen. Es hat wie dieses als Fern- und Transithandelszentrum für den Wolgahandel gedient. Da es in einem Gebiet lag, wo sich zwei Wasserwege kreuzten, der von der Westlichen Duna (Dvina) über Dnepr und Oka zur Wolga und der vom Volchov über die Lovat' zum Dnepr. Konnte man doch dort von den offenen Dneprufern aus die Kontrolle über beide, sich hier verzweigende Wasserwege ausüben. Gnezdovos Bedeutung als Fern- und Transithandelsplatz hing gleichfalls ausschließlich von der Konjunktur des Orienthandels ab, denn ebenso wie bei allen anderen genannten skandinavischen Handelsstützpunkten in den oberen Teilen der osteuropäischen Tiefebene brachte das Versiegen des Silberzuflusses in der 2. Hälfte des 10. Jh. auch hier den Niedergang des nach Alt-Ladoga wohl bedeutendsten Handelszentrums im skandinavischen Orienthandel des 9./10. Jh.

Bleibt zunächst festzuhalten, daß bereits vor den eigentlichen Wikingerzügen nach Osteuropa im Gebiet von Alt-Ladoga, im oberen Wolgagebiet sowie im oberen Dneprgebiet Stützpunkte der Skandinavier vorhanden waren, in denen diese seit der Mitte des 8. Jh. als Händler oder als Handwerker mit ihren Familien und ihrem Gesinde saisonal oder dauernd unter Balten, Finnen und Ostslaven zumeist friedlichen gelebt haben. Das Interesse der Skandinavier war dabei ausschließlich auf den lukrativen Orienthandel über das Wolgasstromsystem gerichtet. Obwohl mit Sicherheit bei diesen Skandinaviern, die aus Gotland und dem schwedischen Uppland kamen, keinerlei politische Absichten bei ihrem Vordringen in die Tiefe der osteuropäischen Raumes vorgelegen haben dürften, dafür war ihre Zahl schon zu gering, weist allein die Tatsache, daß

sie die für ihren Orienthandel notwendigen Waren, vor allem Pelze und Sklaven, sich erst in Osteuropa selbst beschaffen mußten, darauf hin, daß diese Skandinavier Händler und Räuber zugleich waren. Möglicherweise konnten sie bei der Beschaffung dessen, was sie nicht schon als westliche Transitware mitgebracht oder vor Ort selbst hergestellt haben, auf die Rivalitäten innerhalb der einheimischen Sippenverbände und Kleinstämme rechnen. Vielleicht haben sie sich auch mit den in ihrem Einzugsgebiet lebenden Eingeborenen zu Raubzügen gegen die entfernter siedelnde Nachbarn verbunden. Je weiter sie sich diese schwedischen Raubhändler dabei von ihren Heimatbasen entfernten, um so mehr mußten sie auch darauf bedacht sein, mit den Eingeborenen, auf die sie stießen, zu einem geregelten Nebeneinander zu kommen. Indem sie zwischen Balten, Finnen und Ostslaven lebten, kam es auch zur Vermischung, nicht nur zu verwandtschaftlichen Beziehungen, sondern vor allem auch zu einer gegenseitigen kulturellen und zivilisatorischen Einflußnahme, die auch zur Übernahme von Kult- und Gebrauchsgegenständen bis hin zu als schön oder als zweckmäßig erachteter Bekleidung und Bewaffnung führte.

Die Wikingereinfälle nach Osteuropa seit dem 9. Jahrhundert

Wie über die Einfälle nach Westen berichten auch über diese Raubzüge nach Osten Runensteine. Allein in Schweden gibt es 80 solcher "Ostfahrersteine" über die Fahrten nach Osten, nach Holmgarr (Novgorod), Garr (Kiev) und Mikligarr (Byzanz) und bis nach Serkland erzählen. Auf allen wird an die erinnert, die bei diesen Fahrten unterwegs gestorben oder im Kampf gefallen sind. So berichtet der um das Jahr 1040 von einer Mutter zum Andenken an ihren Sohn errichtete Stein von Gripsholm:

"Tula ließ diesen Stein errichten für ihren Sohn Hawald, den Bruder Ingwars:

Sie fuhren mannhaft fernhin nach Gold
und brachten im Osten dem Adler Opfer.

Sie starben südwärts in der Sarazenen Land."

Mehr als dieser Runenstein aus später Wikinger-Zeit bezeugen vor allem arabische Quellen über die Raub- und Kriegszüge der Normannen nach Serkland, das mit Sarazenen- oder Seideland übersetzt werden kann. Mit deutlichem Respekt vor der Kampfkraft und Kühnheit dieser Männer aus dem Norden wird darin für das 9./10. Jh. von Überfällen der Wikinger an den Küsten des Schwarzen und des Kaspischen Meeres erzählt. So steht bei Ibn Rusta: "Die Rus sind mannhaft und tapfer. Wenn sie ein anderes Volk überfallen, so lassen sie nicht eher davon ab, bis sie es völlig besiegt haben. Die Frauen der Besiegten behalten sie für sich, aber die Männer verkaufen sie in die Sklaverei. Sie sind von hohem Wuchs, schön und kühn im Angriff. Aber sie beweisen diesen Wagemut nicht zu Pferde: Alle ihre Angriffe führen sie auf Schiffen aus." Ein anderer Araber, Ibn Miskabejch berichtet ähnliches über die Rus': "Dieses Volk ist mächtig; sie haben einen gewaltigen Körperbau, große Kühnheit, und sie kennen keine Flucht; keiner von ihnen flieht, solange er tötet oder bis er getötet wird." Ein weiterer Araber, Marvazi, schreibt über die Rus': "Und sie

sind starke Leute, sehr mächtig; sie greifen zu Fuß entfernte Länder an, befahren aber auch auf Schiffen das Chazarische Meer, erobern Schiffe, rauben die Waren und fahren nach Konstantinopel durch das Pontische Meer, ungeachtet der den Meerbusen versperrenden Kette. Einst befuhren sie das Chazarische Meer und belagerten einige Zeit Bardaa. Ihre Tapferkeit und Kühnheit ist berühmt, denn einer von ihnen ist gleich einigen eines anderen Volkes; und wenn sie Pferde hätten und Reiter wären, so wären sie eine große Plage für die Menschheit."

Die im 9. Jh. nach Südosten und Süden vorstoßenden Waräger unterscheiden sich jedenfalls wesentlich von den zuvor schon nach Südosten über das Wolgaflußsystem ihren kommerziellen Interessen nachgehenden Skandinaviern aus dem uppländisch-gotländischen Bereich. Im Gegensatz zu diesen Raubhändlern handelte es sich bei ihnen um in Gefolgschaften organisierte Raubkrieger, die zu verschiedenen Zeiten über Wolga, Don und Dnepr in die arabische und in die byzantinische Welt vorzustößen versuchten, ohne daß ihnen zunächst ein dauernder Erfolg beschieden war. Dies lag vor allem daran, daß ihnen bis in die 2. Hälfte des 9. Jh. das die Dnepr-, Don- und Wolgamündung beherrschende Reich der Chazaren mit den von ihnen abhängigen Magyaren und Wolgabulgaren den Weg nach Süden und Südosten verspernte. Erst das Vordringen der turksprachigen Pečenegen aus Innerasien, das die Magyaren zur Aufgabe ihrer Wohnsitze zwischen Don und Dnepr zwang und das Chazarenreich selbst in Bedrangnis brachte, öffnete diesen Wikingern den Weg nach Süden. Verschlössen blieb ihnen aber weitgehend der Weg nach Südosten - nach Mittelasien — durch das Wolgabulgarenreich. Aber es bot sich ihnen jetzt die Möglichkeit, sich am Rande der Steppe festzusetzen und von Kiev aus zumindest die nördlichen Küsten des Schwarzen Meeres unter ihre Kontrolle zu bringen und sich dadurch den Weg nach Byzanz offenzuhalten.

Was den Normannen indes nicht zuletzt wegen der Vorgänge im eigentlichen Steppengebiet verwehrt blieb, das war die Errichtung eines Handelsimperiums ähnlichen Ausmaßes, wie es zuvor die Chazaren beherrscht hatten. Das Erbe des sich seit dem ausgehenden 9. Jh. in raschem Verfall befindenden Chazarenreiches mußten sie letztlich mit den Wolgabulgaren teilen. Da diese nach ihrer Befreiung aus chazarischer Abhängigkeit den Wolgahandel nach Mittelasien und über das Kaspische Meer fester als zuvor in der Hand hatten, blieb ihnen selbst am Ende nur der Dneprhandel in den Schwarzmeerraum und vor allem nach Byzanz.

Dabei war wohl von entscheidender Bedeutung, dass durch die Wiederbelebung des Seehandels im östlichen Mittelmeer im 10. Jh. der durch den eurasischen Steppenraum verlaufende interkontinentale Transithandel überhaupt rasch an Bedeutung zu verlieren begann. Ähnliche Kontrollfunktionen, wie sie die Chazaren über diesen Fernhandel wahrgenommen hatten, konnten deshalb sowieso nicht mehr ausgeübt werden. Das Vordringen der Pecenegen in die Steppengebiete jenseits der Wolga zwischen Don und Donau tat nur ein übriges, um die Wiedererrichtung eines solchen Handelsimperiums wie das

der Chazaren zu verhindern. So blieben Normannen wie Wolgabulgaren von Anfang an auf das osteuropäische Hinterland mit seinen überall begehrten Exportgütern an Naturprodukten und Sklaven zurückgeworfen. Angewiesen auf den Handel mit der byzantinischen bzw. arabischen Welt, befanden sich beide gleichermaßen in einer Randlage ohne entscheidende politische und wirtschaftliche Entwicklungsmöglichkeiten auf die dortigen Zivilisationen. Wie groß von dort der Einfluß auf sie selbst ausstrahlte, beweist am augenfälligsten ihre Übernahme der dortigen christlichen bzw. islamischen Glaubens- und Kulturwelt im Verlauf des 10. Jh.

Die Rus', das Kaspische Meer und die Chazaren

Als die Normannen im Laufe des 9. Jh. vor allem über den Wolga-, dann aber auch über den Dneprweg mit den Chazaren in Berührung kamen, hatten diese ihre Macht gerade am weitesten nach Norden und Nordwesten vorgeschoben. Ihr Herrschaftsbereich erfaßte damals die südlich der Wolgabulgaren siedelnden Burtasen sowie diese selbst, aber auch verschiedene ostslavische Stämme (Poljanen, Severjanen, Vjatičen, Radimičen) und — zumindest zeitweise — auch die Magyaren. Die Ausweitung der Pax Chazarica über das Steppengebiet hinaus in die osteuropäischen Waldgebiete diente der Beschaffung der begehrten Handelsrohstoffe, denn bekanntlich bestand der Tribut der Ostslaven an die Chazaren aus Pelzen, aber auch aus gemunztem Silber, wahrscheinlich im Handel erworbene arabische Dirhems.

Obwohl das chazarische Khaganat erst im 9./10. Jh. durch den über sein Herrschaftsgebiet verlaufenden Fern- und Transithandel zwischen Orient und Okzident seine wirtschaftliche Blütezeit erlebte, gestalteten sich die Herrschaftsverhältnisse gerade im eurasischen Steppengebiet durch den Einbruch der Pečenegen seit der 2. Hälfte des 9. Jh. zunehmend schwieriger. Von dieser Destabilisierung des Chazarenreiches durch die Pečenegen profitierten auch die Rus' und zwar nicht nur durch die Einverleibung der ostslavischen Stämme in ihren Kiever Machtbereich, sondern auch durch nunmehr mögliche direkte Vorstöße gegen die Chazaren selbst, die schließlich zur Vernichtung deren Reiches durch sie führte (964/65).

Folgt man arabischen Quellen, deren Historizität indes sehr unsicher ist, so wurden die Chazaren zuerst in den Jahren zwischen 864 und 884 durch Raubzüge warägischer Gefolgschaften, die, über den Wolgaweg kommend, die südlichen und westlichen Küsten des Kaspischen Meeres beunruhigten, mehr oder weniger stark betroffen. Inwieweit es dabei auch zu Absprachen mit den Chazaren gekommen ist, bleibt ungewiß. Wahrscheinlich haben diese normannischen Raubkrieger die Gunst der Stunde genutzt, die sich dadurch ergab, daß die Chazaren sich möglicherweise schon in Abwehrkämpfen mit den vordringenden Pečenegen befunden haben. Da die Chazaren bekanntlich in dieser Zeit an ihrer Südgrenze mit den vom Kalifat weitgehend unabhängigen Fürstentümern in Derbend und Sirwan kaum noch Auseinandersetzungen hatten, sie zudem an der Aufrechterhaltung des Fern- und Transithandels über

den Kaukasus und das Kaspische Meer selbst höchstes Interesse besaßen, wird man kaum annehmen können, daß ihnen diese warägischen Vorstöße in das eigene politische Konzept gepaßt haben.

Ausführlicher berichten arabische Quellen über normannische Piraterie im Kaspischen Meer für die Jahre 909/10 und 912/13. So soll im Laufe des Jahres 909 eine Flotte von 16 Schiffen der Rus' bis zur Insel Abesgun im Golf von Astrabad vorgedrungen sein und dort vor Anker liegenden Handelsschiffe vernichtet haben. Im darauffolgenden Jahr sollen die Rus' sogar die Stadt Sari in Mazendaran geplündert und gebrandschatzt haben. In beiden Fällen wird es sich vielleicht noch um skandinavische Raubhändler gehandelt haben, die die Gunst der Stunde nutzten. Das um 912/13 zu datierende Unternehmen war dann schon ein regelrechter Raubzug von Wikingern. Nach al-Mas'udi haben sich daran 500 Schiffe mit jeweils 100 Mann Besatzung beteiligt. Sie seien zunächst in der Meerenge von Kerč, zwischen dem Asovschen und dem Schwarzen Meer erschienen, um sich dann mit Erlaubnis der Chazaren, denen sie die Hälfte ihrer Beute versprochen hätten, über den Don und die dortigen Schleppstellen zur Wolga und vor dort in das Kaspische Meer zu begeben. Nach der Besetzung einer Insel gegenüber von Baku hätten sie dann alle Küstenstriche (Gilan, Tabaristan, Azerbajdžan, Širvan) mehrere Monate lang geplündert, bis sie dann mit reicher Beute beladen ihre Heimreise angetreten hätten. Bei ihrer Ankunft im chazarischen Itil' am Unterlauf der Wolga hätten sie sogleich dem Khagan den versprochenen Anteil an ihren geraubten Schätzen ausgeliefert. Aber die muslimische Truppen des Chazarenherrscher, die Larissii, hätten nicht hinnehmen wollen, daß die Rus' ungeschoren davon kommen sollten. Sie wandten sich deshalb an ihren Herrscher mit den Worten: "Erlaube uns, mit diesen Menschen abzurechnen. Sie haben in den Ländern unserer muslimischen Brüder ein räuberisches Wesen getrieben, Blut vergossen, Frauen und Kinder versklavt." Der Khagan habe schließlich nachgegeben, aber zugleich auch die Rus' gewarnt, wohl um es im Falle ihres Sieges nicht mit ihnen zu verderben. In einem blutigen Kampf, der drei Tage dauerte, sollen die Larissii dann die Rus' vernichtend geschlagen haben. 30 Tausend von ihnen seien getötet worden. Der Rest sei wolgaaufwärts zu den Wolgabulgaren geflüchtet, wo sie endgültig aufgerieben worden seien. Seitdem habe man vor diesen raublustigen und blutdürstigen Fremdlingen aus dem Norden Ruhe gehabt.

Für die nächsten Jahrzehnte lassen sich in den Quellen auch keinerlei Hinweise über Berührungen der Rus' mit den Chazaren und über Raubzüge warägischer Gefolgschaften an den Küsten des Kaspischen Meeres finden. Erst für 943/44 berichtet wiederum der arabische Chronist Ibn Miskabejch von Einfällen warägischer Gefolgschaften auf Schiffen in das Gebiet des Kaspischen Meeres und zwar in die Gegend von Azerbajdžan, wo sie Berda besetzt und alle Einwohner gefangen genommen hätten.

Im einzelnen wird berichtet, daß die Gefolgschaften der Rus' schwerbewaffnet an den Ufern des Flusses Kura erschienen seien, um dann mit ihren Schiffen die Kura aufwärts nach Berda zu fahren, wo sie kurz davor ihre Schiffe geankert

und unter Bewachung zurückgelassen hatten. Die friedlichen Bewohner, die über keinerlei militärischen Schutz verfügten, seien von den Rus' dann ohne ernsthaften Widerstand überwunden worden. Als die Rus' in die Stadt eindrangen, erklärten sie den Einwohnern: "Zwischen uns und euch gibt es keine Glaubensunterschiede. Das einzige, was wir wollen, das ist die Macht. Auf uns liegt die Verpflichtung, daß wir euch gut behandeln, und auf euch die, daß ihr uns ohne Widerspruch gehorcht."

Offensichtlich ging es den Normannen in diesem Falle weniger um einen einzigen Akt der Piraterie, der gewöhnlich mit der Plünderung der Stadt und der Versklavung ihrer Bewohner endete, als vielmehr um die Errichtung einer Tributherrschaft. Indessen kam es nicht dazu, weil die Einwohner sich den Eroberern energisch zu widersetzen. Die Rus' behielten am Ende die Oberhand und forderten die Bewohner zum Verlassen ihrer Stadt innerhalb von drei Tagen auf. Als der größte Teil von ihnen diesem Verlangen nicht nachkam, begannen die Rus' sie zu erschlagen und ihnen ihre Habe wegzunehmen. Zehntausend Menschen wurden von ihnen gefangen genommen, Frauen und Kinder wurden in die Festung gesperrt, während die Männer in die Moschee getrieben und aufgefordert wurden, sich selbst zu töten. Durch Vermittlung eines sich in der Stadt aufhaltenden Christen sei die Loskaufsumme für jeden einzelnen von ihnen schließlich auf 20 Dirhems festgesetzt worden. Aber nur wenige hätten diese Summe gezahlt; die Mehrheit sei der auferlegten Tributleistung deshalb nicht nachgekommen, weil sie einen solche Kopfsteuer nicht mit ihrem Glauben hätten vereinbaren können. Die Rus' machten daraufhin die meisten der Zahlungsunwilligen nieder, so daß die ehemals große und reiche Stadt allmählich völlig verödete. Von den Rus' sei aber ein riesiges Vermögen zusammengeraubt worden, das aus Waffen, Stoffen, Dirhems und anderem Gut, darunter auch jungen Sklaven und Sklavinnen, bestanden habe.

Als aber der Herrscher von Azerbaijdžan, Marzban Ibn Muchammed, von dem Leid der Bewohner seiner Stadt hörte, habe er ein dreitausendköpfiges Heer gesammelt und sei gegen die fremden Eroberer gezogen, ohne diese jedoch besiegen zu können. Da sei ihm der Zufall zur Hilfe gekommen. Weil es gerade Sommer gewesen sei, hatte es in der Umgebung Berdas eine Menge Früchte gegeben, die die Rus' im Übermaß zu sich genommen hätten. Sei es nun, weil sie nicht daran gewöhnt waren oder weil gerade damals dort die Ruhr herrschte, es kam jedenfalls bei ihnen durch das im Übermaß genossene Obst zu vielen Erkrankungen und Todesfällen. Die geschwächten Rus' wurden nun im Kampf überwunden und aus der Stadt vertrieben. Sie konnten sich mit einem Teil der Beute bis zu ihren vor Berda ankernden Schiffen durchschlagen und machten sich dann auf die Heimfahrt. Über ihr weiteres Schicksal berichtet die arabische Quelle leider nichts.

Inwieweit zumindest dieser letzte Raubzug warägischer Gefolgschaften bereits in Verbindung mit den Herrschern der Kiever Rus' gestanden hat, läßt sich aus den Quellen nicht erschließen. Wahrscheinlich wird es sich um von diesen unabhängige warägische Gefolgschaften gehandelt haben, die auf eigene Rech-

nung über den Wolgaweg zu den Küsten des Kaspischen Meeres vorgestoßen waren.

Daß indes zumindest in der Folgezeit die Beziehungen zwischen den Rus' und den Chazaren keineswegs mehr freundlich waren, wenn sie das jemals gewesen sind, erweist sich aus dem Briefwechsel zwischen dem andalusischen Juden Chasdai Ibn Schafrut mit Khagan Josef (954-961), in welchem der Chazarenherrscher u.a. mitteilt, daß er selbst in Itil' am Unterlauf der Wolga residiere und darüber wache, daß die Rus', "welche auf Schiffen kommen, nicht in das (Kaspische) Meer hineinfahren, um zu den Ismaeliten (Arabern — *K. H.*) zu gelangen".

Daß aber die Raubzüge, die in den Jahren 964/65 nunmehr gegen das zerfallende Chazarenreich direkt gerichtet waren und zu seinem Untergang führten, von Kiev ausgingen, daran lassen sowohl arabische als auch altrussische Quellen keinen Zweifel aufkommen.

So berichtet die "Nestorchronik" unter der Jahreszahl 964, daß sich Fürst Svjatoslav (962-972/73) zunächst gegen die beiderseits der Oka siedelnden Vjaticen, dem letzten noch unter chazarischer Oberherrschaft stehenden ostslavischen Stamm wandte, um sich deren Tribut, den sie bisher dem Khagan gezahlt hatten, "einen Schilling zum Pflug", endgültig zu sichern. Daraufhin zog er ein Jahr später gegen die Chazaren selbst, besiegte sie und nahm ihre am Unterlauf des Don gelegene Festung Belaja Veža (Sarkel) ein. Danach unterwarf er die zwischen unterem Don und den Nordhängen des Kaukasus lebenden Jassen (Osseten) und Kasogen (Čerkessen). Folgt man der arabischen Quelle (Ibn Haukal), die aber umstritten ist, so gingen die Raubzüge der Rus' im Jahre 965 noch weit darüber hinaus. Wird doch darin berichtet, daß sie auch alles zerstörten, was an der Wolga lag und dort den Wolgabulgaren, Burtasen und Chazaren gehörte. Sie hätten alles unter ihre Herrschaft genommen, einschließlich der am Unterlauf der Wolga gelegenen chazarischen Hauptstadt Itil', deren Einwohner sich auf verschiedenen Inseln in Sicherheit gebracht hätten. Danach habe sich Svjatoslav mit einer Kriegsflotte über das Kaspische Meer nach dem ebenfalls chazarischen Semender (nördlich von Derbent) gewandt und auch diese Stadt erobert und geplündert.

Nach der Plünderung und Verwüstung seiner Hauptorte Itil', Sarkel und Semender durch die Rus' ging das Chazarenreich seinem endgültigen Untergang entgegen. Indessen konnte die Kiever Rus' daraus auf Dauer keinen Vorteil erzielen. Der Pax Chazarica über den eurasischen Steppenraum und die Küsten des Kaspischen und des Schwarzen Meeres und über den dort verlaufenden transkontinentalen Fern- und Transithandel folgte keine Pax Russica. Zwar wurden die Vjatičen im Jahre 966 endgültig der eigenen Tributherrschaft unterworfen und damit der ostslavische Siedlungsraum nach Südosten und Osten gegen die Wolgabulgaren gesichert. Aber besonders über die Wolgaregion und die nördlichen und westlichen Küsten des Kaspischen Meeres vermochte die Kiever Rus' keine Hegemonie zu gewinnen. Das mittlere Wolgagebiet und der von dort aus nach Mittelasien verlaufende Fern- und Transithandel blieb fest in

der Hand der Wolgabulgaren, während der Unterlauf der Wolga bald in den Einflußbereich des Reiches von Chorezm geriet.

Daß es aber auch nach dem allmählichen Versiegen des Orienthandels über den Wolgaweg noch zu vereinzelt direkten Vorstößen warägischer Gefolgschaften aus Skandinavien über die osteuropäische Tiefebene in den Bereich des Kaspischen Meeres gekommen sein muß, dafür gibt es zumindest in einem Fall deutliche Belege. So berichtet die altisländische *Yngvars saga vidvorla* von der Fahrt Ingvars, eines Verwandten des schwedischen Königshauses, mit einer zahlreichen Gefolgschaft nach "Serkland". Belegt wird diese Reise auch durch 25 Inschriften auf Runensteinen, die vor allem im schwedischen Mälarseegebiet zum Andenken an dabei umgekommene Fahrtgenossen Ingvars gesetzt worden sind. Ingvars eigenes Todesdatum wird an anderer Stelle mit dem Jahr 1041 angegeben, wahrscheinlich auch das Jahr dieses schon anachronistischen Orientabenteuers, das auf der ganzen Linie scheiterte.

Анне Стальсберг
Тронхейм, Норвегия

НАХОДКИ СКАНДИНАВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ IX–XI ВВ. В ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ БУЛГАРИИ

Тема моего доклада должна была звучать, конечно, как *Волжско-Камская Булгария и Норвегия*, но, к сожалению, среди находок скандинавского происхождения с территории волжских болгар нет предметов, связанных конкретно с норвежцами. В свой обзор я также должна была включить болгарские находки на территории Норвегии, однако, поиски информации в этом направлении только начинаются. Надеюсь, что настоящий симпозиум даст хороший импульс подобным исследованиям, тем более всем понятны значение и важность поставленной нами темы. Мне кажется, что поиски предметов волжско-болгарского происхождения в норвежских музеях приведут к определенным результатам, хотя, вряд ли их будет много, так как подавляющее большинство восточноевропейских находок эпохи раннего средневековья попали в южную часть нашей страны через Швецию и среди относительно немногочисленного восточноевропейского импорта в Северной Норвегии преобладают предметы северо-русского, вернее, финно-угорского происхождения.

Судя по некоторым историческим источникам, волжские болгары и варяги, или *ar-Rus*, знали друг друга. Варяги — преимущественно шведы, но, скорее всего, соседняя Норвегия и Болгария также были известны друг другу, так как норвежцы и исландцы ездили на восток, и не только на Русь. Например, страна *Vulgaria* упоминается в саге об Олаве Харальдссоне, написанной в первой половине XIII столетия исландцем Снорри Стурлусоном. Автор рассказывает, что норвежский король Олав убежал к своему племяннику Ярославу Мудрому в 1029 г., и “Ярицлейф-конунг и его жена Ингигерд предлагали Олаву-конунгу остаться у них и стать правителем страны, которая называется Бульгария. Она составляет часть Гардарики, а народ в ней некрещенный”. Люди Олава не хотели этого и в 1030 г. Олав вернулся домой в Норвегию с намерением вновь захватить свое королевство, но недовольные его жестоким правлением и крещением норвежцы убили его вскоре после возвращения.

Информация арабских писателей о скандинавах-варягах, об *ar-Rus*, довольно смутна, однако совершенно ясно, что они бывали в Волжской Болгарии, что видно по известному описанию Ибн Фадлана о похоронах знатного руса на Волге в 922 г.

О связях Норвегии с Болгарией могут свидетельствовать находки восточных монет. Приток арабских дирхемов проходил через Болгарию в Швецию и Готланд, где их относительно много. Дальше в Норвегию попало ничтожное количество, не более 400 монет, но и это количество весьма показательно.

Предметы скандинавского происхождения, найденные на территории Волжской Болгарии, также немногочисленны (одна находка известна в соседней Удмуртии). Остановимся на некоторых из них. Импортные раннесредневековые мечи из Волжской Булгарии традиционно считались викингскими, так их найдено больше всего в Скандинавии, особенно в Норвегии, где в эпоху викингов погребальный обряд был роскошен и нередко погребенные сопровождались железными предметами.

В 1889 г. Anders Lorange, юрист по образованию, опубликовал книгу о мечах позднего железного века с целью доказать, что все они без исключения являются привозными, не скандинавскими. Между прочим, в его книге впервые упоминается о загадочной надписи Ulfberht. Известный археолог Jan Petersen в своей докторской диссертации 1919 г., посвященной норвежским викингским мечам, излагал проблему более подробно и многосторонне. Он, в частности, считал, что большинство мечей являются продукцией местных ремесленников, хотя имеются и привозные, целые или только клинки, которые норвежские мастера снабжали рукоятками.

Следует подчеркнуть, что в Норвегии имеется в обилии свое железо, которое получали тогда из болотной руды, поэтому в массовом импорте железных вещей особо и не нуждались. Скандинавские кузнецы умели дамаскировать и ковать знаки, снабжать мечи надписями, и эти приемы изготовления оружия сами по себе не являются признаками континентальной (западноевропейской) работы. Как бы то ни было, проблема места производства мечей в средневековой Европе еще не решена и для этого необходимо применение новых методов исследований.

Судя по своду И.Л.Измайлова, приведенному в его недавно вышедшей книге “Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X- начала XIII в.” (Казань-Магадан, 1997. С.197, табл. V), на территории волжских болгар обнаружено 12 целых мечей и их обломков, 2 навершия рукоятки, 2 перекрестия, а также 4 наконечника от ножен. Мне кажется, не все они скандинавские. В его таблице названия типов даны по известной классификации Я.Петерсена. Датировки иногда отличаются от норвежских, но в целом я не нахожу достаточных причин датировать *сам тип* иначе, чем в Скандинавии, хотя, конечно, могут встречаться экземпляры, попавшие в землю позже.

Первые 2 меча в таблице И.Измайлова — это мечи типа Н, который сам Я.Петерсен считал местным, скандинавским типом, но с импортными деталями. Они датируются временем от 800 до 950 лет. Из них:

меч № 1, тип Н, из Болгарского городища, имеет клинок с неправильно исполненной надписью ULFBERHT, скорее всего, подражание и не западноев-

ропейского (континентального) производства. На рукоятке сохранились следы орнаментации из полосок меди и/или серебра, близкой к скандинавской; меч № 2, тип Н, из Альметьева (округа Биляра, скорее, из самого Биляра), имеет клинок с надписью LEUTLRIT (написана не совсем правильно). Относится к продукции скандинавских мастерских. Орнаментация на рукоятке такая же, как и на мечи № 1.

Имеются два меча типа S, который Я.Петерсен датировал X в., может быть, с переходом в XI в. Из них:

меч № 3 — из д. Салманы;

меч № 4 — из Спасского уезда.

На клинке первого меча имеется надпись ULFBERHT; рукоятка похожа на меч из Днепровских порогов. Определить точное место производства невозможно. То же самое можно сказать и о мече № 4. Надпись ULFBERHT на нем плохо сохранилась.

Мечи типа E обнаружены в количестве 3 экземпляров (№№ 5, 6, 7). На клинке № 5 заметны знаки, на № 6 — надпись ULFBERHT. Судя по надписям они, по Я.Петерсену, являются западноевропейскими (континентальными). Датируются в основном IX в., один из них, правда, можно отнести к X в. Так, ямочки на рукоятках мечей № 5 из Альметьева (Биляра ?) и № 7 из Балымер мелкие и по этому признаку их можно датировать IX в., ямочки на № 6 более крупные, следовательно, меч относительно поздний. По совокупности признаков Я.Петерсен считает мечи типа E скандинавскими.

Меч № 7 из Балымера особенно интересен тем, что он найден в погребении вместе с вещами. И.Измайлов склонен датировать это погребение первой половиной X в., очевидно, основываясь на датировке кресала. Однако такие кресала известны у нас с довикинговских времен и были в употреблении вплоть до XIX в. По моему мнению, погребение с мечом следует отнести к IX в. Упомянутый меч был согнут попалам, что является чрезвычайно важным признаком, указывающим, несомненно, на скандинавский, вернее, варяжский характер погребального обряда.

По мнению И.Измайлова, часть русов-варягов, живших в Волжской Болгарии, служила наемниками в дружине болгарского правителя. Об их присутствии в болгарских землях свидетельствуют и некоторые другие находки, в числе которых наконечник ножен из Биляра с характерной скандинавской орнаментацией, дирхем 783/784 гг. с процарапанным знаком S из т.н. Элмедского клада близ Биляра и т.п. В перечень находок следует включить и кольцевидную фибулу из Удмуртии (Чем-Шай). Она относится к типу 227 по Я.Петерсену и имеет ближайшие аналогии среди находок из Бирки (Швеция). Такие украшения, датирующиеся в основном X в., носились главным образом мужчинами. Самая южная или юго-восточная находка скандинавского происхождения в Восточной Европе — наконечник ножен второй половины X в. — происходит, насколько мне известно, из д.Даниловка Волгоградской области.

Краткий обзор этих, а также других находок, связанных своим происхождением со Скандинавией или с викингами-варягами, позволяет нам сделать два заключения.

Первое: среди скандинавских находок из Волжской Болгарии нет вещей, которые бытовали в конце X в. и позднее. Это подтверждает давно известный факт, что скандинавские вещи, известные на Волжском пути, более ранние, чем находки по Днепровскому пути. Данный факт, может быть, следует объяснять тем, что после прекращения притока восточного серебра в Болгарию, эта страна потеряла свою привлекательность для варягов. Прекращение серебряного потока с Востока заметно даже в Швеции. Подавляющее большинство скандинавов-варягов — это выходцы из Средней Швеции, и знаменитая Бирка, крупное торгово-ремесленное поселение, являлся конечным пунктом восточного пути. Город этот (или протогород) был разрушен в 970-х годах и после этого ему не удалось достичь своего прежнего величия. Причиной тому, по-моему, является опять же упадок торговли в связи с прекращением восточного серебра.

Второе: все упомянутые (и оставшиеся вне нашего внимания) находки с территории Волжской Болгарии принадлежат мужчинам, женских находок практически нет, за исключением, может быть, фибулы из Чем-Шая. В Древней Руси, кстати, другая картина. По далеко не полным данным, скандинавские вещи происходят из 122 женских погребений, 97 мужских и 35 парных. Из них, по моим подсчетам, 35 женских, 26 мужских и 17 парных погребений (или около этого) являются скандинавскими. Чем это объяснить? Возможно, что жены варягов просто не ездили со своими мужьями-воинами и купцами в мусульманскую Болгарию, где положение женщин совсем иное, чем в языческой Скандинавии. Я имею в виду только свободных женщин, а не рабынь. В языческих могильниках Ярославского Поволжья много женских погребений. Присутствие свободных женщин в этом регионе несомненно. В Болгарии вообще мало вещей скандинавского происхождения. Очевидно, варягов, тем более с семьями, здесь было не так уж много, что и отразилось в количестве археологических материалов.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА И ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ

В связи с совершенно неожиданной находкой в самом древнем культурном слое Казанского Кремля уникальной свинцовой монеты, представляющей собой подражание до сих пор неизвестному чешскому денарию, образцом для которого (что касается изображения) послужил денарий франкского короля Конрада I, естественно напрашивается вопрос: когда и каким образом эта монета периода правления Пржемысловичей попала в далекое Среднее Поволжье? Исходя из исторической ситуации, сложившейся к моменту чеканки этой монеты, можно заключить, что в любом случае она могла оказаться здесь не позднее середины XI века, когда на берегах Волги и Камы существовала могущественная держава волжских болгар, поддерживавших, согласно достоверным источникам, обширные торговые связи с окружающим миром. Но какими путями эта уникальная монета попала в Поволжье?

С денариями Пржемысловичей мы встречаемся и в других регионах Восточной Европы [1]. До сих пор на нескольких десятках пунктов было найдено более двухсот денариев. Почти все они обнаружены в кладах, в которых эти монеты составляют количественно незначительную примесь. Исключением, пожалуй, является лишь один клад, обнаруженный в Дегтянах, в Белоруссии. Монеты Пржемысловичей составляют в нем более трети содержимого [2]. Клады с включениями чешских монет разбросаны по всей восточной Европе на обширной территории от восточных берегов Балтийского моря и Финского залива до бассейна Верхнего течения Волги. И только в очень редких случаях мы встречаемся с ними на территориях, расположенных южнее, точнее, в Белоруссии (это уже упомянутый дегтянский клад, а также минский и людвигенский клад) и даже в отдаленной киевской области (клад Денисы). Большинство кладов, содержащих чешские монеты, было зарыто в первой половине XI столетия. Во второй половине того же столетия прилив чешских монет в Восточную Европу прекращается и, следовательно, они исчезают из кладов, найденных на этих территориях.

Чаще всего в Восточную Европу попадали денарии Болеслава II (972-999) и Бржетислава I (1035-1055). Среди монет Бржетислава особенно многочисленную группу представляют денарии с описанием VSEBOR, часто причисляемую нумизматами к монетам торговым. Одна из таких монет, к сожалению, без соответствующего описания места и условий находки, имеется в ГОМ РТ (Казань). На основании территориального распределения

монетных кладов с примесью чешских денариев можно сделать вывод, что эти монеты проникали в Восточную Европу в результате широко развитой торговли с Прибалтикой. Только монеты из клада Денисы можно, по-видимому, отнести к торговой деятельности, связанной с важной европейской магистралью, проходившей по направлению Запад-Восток через Киев и соединявшей Западную и Центральную Европу с далеким Китаем. Так как в то время Киев был связан известным торговым путем “из варяг в греки” с Прибалтикой, то эти денарии могли попасть в Киевскую область также с севера [3].

В отличие от вышеупомянутых чешских монет, найденных в восточноевропейских кладах, казанская находка представляет собой уникальную и, может быть, случайно потерянную монету, у которой дополнительно просверленное отверстие свидетельствует о том, что к моменту попадания она уже не употреблялась в торговле и служила только в качестве привески или другого женского украшения [4]. Использование ее в купеческих сделках исключает и тот факт, что монета была изготовлена из свинца, а не из серебра, хотя по весу и размерам она почти не отличается от настоящих. Тем не менее факт остается фактом: казанская подражательная монета является пока единственной и уникальной монетой Пржемысловичей, найденной восточнее всех до сих пор известных монет древнечешских князей.

О торговых, династических, политических и церковных связях Чехии периода правления Пржемысловичей с Восточной Европой в раннем средневековье свидетельствует целый ряд исторических данных и материальных памятников [5]. Можно напомнить, к примеру, сведения, приводимые Нестором, о династических связях между Пржемысловичами и Рюриковичами, существование на Руси старославянских письменных памятников чешского происхождения или, наоборот, находки на чешской территории нескольких пекторальных крестов (энколпионов) производства киевских мастеров, а также различных восточнославянских серебряных украшений (аграфов, колтов) или пряслиц, изготовленных из овручского шифера. Эти исторические данные и археологические находки хорошо документируют скорее случайные связи Чехии периода правления Пржемысловичей с различными областями Киевской Руси, причем эти связи осуществлялись как посредством торговли с Прибалтикой, так и по важной европейско-азиатской магистрали, проходившей через Прагу и Киев [6]. Расположенная восточнее Волжская Болгария, через территорию которой в раннем средневековье также проходил ряд важных торговых путей, тем не менее на контакты с чешской средой не имела никакого влияния. До настоящего времени археология не обнаружила никаких сведений, подтверждающих наличие таких контактов. Пока не удастся объяснить большое сходство серег с мотивом животного и подвесками, найденных в богатом женском погребении начала X века на городище Старый Коуржим в Восточной Чехии, с подобными серьгами или височными подвесками, найденными в Волжской Болгарии [7].

Единственным, но очень интересным историческим свидетельством о западно- и центральноевропейских связях с Волжской Болгарией является так называемая Еврейско-Хазарская переписка, в последнее время вновь ставшая предметом исследования европейской и чешской историографии [8]. Речь идет о нескольких посланиях на еврейском языке, которыми в начале второй половины X века обменялись образованный еврей Гасдай-бен-Шапрут (905-976), живший в испанском городе Кордове при дворе халифа, и хазарский король Иосиф. Доставить письмо Шапрута хазарскому правителю предложили два члена посольства чешского князя (речь идет о Болеславе I, правившем в 935-972 гг.), прибывшего в Кордову. Эти люди действительно приняли письмо и странствовали с ним по населенной мусульманами Испании, а затем по пути, проходившему через державу Оты I и земли Болеслава I. Оттуда, однако, они продолжили свой путь не по известной дороге, проходившей через Прагу и ведущей через Краков в Киев, а свернули в Венгрию. По-видимому, они воспользовались другим важным путем, по которому часто шли караваны купцов, покупавших в Чехии и Моравии рабов и пленников, которых они потом отводили в Карпатскую котловину, а оттуда далее на восточные рынки. Послы с письмом шли из Венгрии прямо в Киевскую Русь. Однако, нам не известно, шли ли они по пути, ведущему вдоль Тисы и пересекавшему Карпаты на одном из перевалов (возможно, на Верецком), или нашли другой путь. В любом случае, путь через Венгрию был, несомненно обусловлен стремлением использовать контакты, которые древние венгры поддерживали с рядом восточноевропейских племен и областей [9]. Цели своей они достигли, пройдя через территорию неких болгар, очевидно, волжских. В литературе было высказано предположение, что послы с письмом шли из Киева на восток к так называемым черным болгарам (а не окружным путем через Волжскую Болгарию), а потом прямо к хазарам. Такое понимание с учетом большого значения, которое имела тогда Волжская Болгария, а также хорошо документированного источниками оживленного торгового пути, соединявшего Киев с городом Болгаром (Биляром), кажется нам маловероятным [10].

Таким образом, интерпретация некоторых сведений т.н. Еврейско-Хазарской переписки указывает, по нашему мнению, на один из возможных путей, по которым редкая чешская монета могла попасть в далекую Казань.

1. О находках денариев Пржемысловичей в Восточной Европе см.: Cach F. Nejstarší české mince. Praha, 1970. Т. 1. С. 68, 71, 76, 82-84; Т. II. Praha, 1972. С. 81-85, 87; Т. IV. Praha, 1982. С. 25, 27; Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Л., 1968. С. 188-195.

2. Potin V. Děgt'anský poklad a česko-ruské styky v XI. století. Moravské numismatické zprávy. 5. 1959. Str.5-7; Перхавко В.В. Западославянские украшения из Дегтянского клада// Slovenská archeológia. 33. 1985. С.311-327; Потин В.М., Соболева Н.А. Моравские монеты из древнерусских кладов// Denárová měna na

Moravě. Brno, 1986. С.258-263.

3. О пути, соединявшем Киев с Прибалтикой, см.: Лебедев Г. Путь из Варяг в Греки как объект археолого-навигационного исследования// *Slavia Antiqua*. 38. 1997. С.151-167.

4. Монета с неровными краями и небрежно просверленным отверстием из Казанского Кремля. Примеры дополнительно просверленных монет на территории волжских болгар приводит Л.Ковач, см.: Kovács L. Münzen aus der ungarischen Landnahmezeit. Budapest, 1989. S.158; тот же автор (с.112-114) подробно описывает монеты с отверстиями в древневенгерской среде. В Чехии подобным образом обработанные монеты встречаются очень редко начиная с XII века.

5. О чешско-русских связях в период раннего средневековья существует обширная литература. Важнейшие работы и археологические находки, документирующие эти контакты, обобщил И.Слама. См.: Sláma J. Raně středověké Čechy a rurikovská Rus// *Archeologické rozhledy*. 42. 1990. Str.391-397.

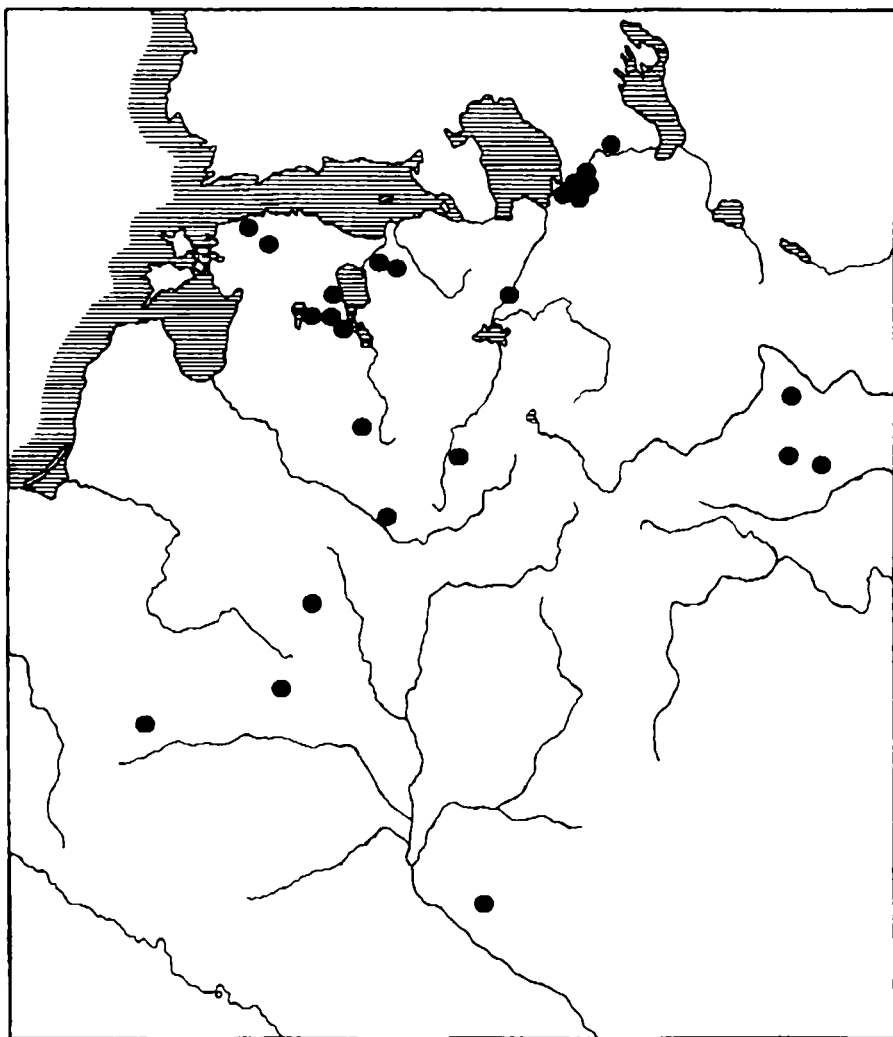
6. Последнее обобщение сведений об этой торговой магистрали содержит сборник: *Hedvábná cesta. Sborník studií*. Praha, 1998.

7. Šolte M. Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha, 1966. Tabl. XLIX, 1; Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. Табл. V, рис. 72.

8. Kaplony A. Routen, Anschlussrouten im Brief von Hasday b. Šaprut an den hazarischen König // Ibrahim ibn Yaquub at-Turtushi: Christianity, Islam and Yudaism Meet in East-Central Europe, с.800-1300 A.D. Praha, 1996. P. 140-168.

9. О связях венгров с Восточной Европой, документированных историческими и археологическими источниками, писал, например, Kovács L. Münzen ..., S.124-126. Некоторые дополнительные археологические доказательства приведены в: Schulze-Dörlamm. Untersuchungen zur Herkunft der Ungarn und zum Beginn ihrer Landnahme im Karpatenbecken // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 35. 1988. S.373-378. В пользу того, что послы шли из Венгрии вдоль Дуная, может косвенно свидетельствовать сообщение Нестора о чешской торговле серебром и лошадьми с русским Переяславлем на Дунае в 969 г. Достоверность сообщения Нестора у современных исследователей вызывает, однако, некоторые сомнения, см.: Перхавко В.В. Летописный Переяславец на Дунае// *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования*. 1992-1993. М., 1995. С.168-182.

10. О сухопутном торговом пути Киев-Булгар см. сборник: Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992; а также: Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар-Киев. Пути, связи, судьбы. Киев, 1997.

Карта находок древнекельтских монет на территории Восточной Европы.

Рашо Рашев
Шумен, Болгария

О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ РАННИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАБОЛГАР В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На основании письменных источников можно утверждать, что в V в. *ancesters of bolgars* — праболгары (болгары-булгары, древние болгары, протоболгары и др.) уже жили в степях севернее Кавказа. На основании тех же источников в VI-VII вв. праболгары и племена болгарской группы можно локализовать в Приазовье, в Крыму и в Северном Причерноморье. Иначе выглядит проблема археологической идентификации их памятников материальной культуры. Только в последние 35 лет были сделаны первые предварительные попытки определить памятники, принадлежавшие болгарам или племенам болгарского круга. Так, в 1964 г. впервые было высказано предположение о возможной принадлежности некоторых погребений Борисковского могильника утигурам. Немного позже М.И.Артамонов опубликовал свои соображения о выделении особой пастырской культуры, принадлежавшей, по его мнению, болгарам-кутригурам, что вызвало в археологических кругах, скорее, сдержанность и даже возражение, чем одобрение. Еще раньше он указывал степи Нижнего Поволжья и Приуралья как вероятную исходную территорию болгар (тюрков) и родственных им племен накануне их переселения на запад и северо-запад, но конкретные памятники болгарской принадлежности на этой территории оставались не известными. В регионе Среднего Поволжья памятники типа Андреевского и Писеральских курганов II-III вв. считались А.Х.Халиковым как наиболее ранние следы культуры тюркоязычных племен, среди которых были и болгары, давшие начало процесса тюркизации региона. И.П.Засецкая полагала, что с сарагурами, оногурами и урогами, т.е. угорами, могут быть связаны выделенные ею же хронологические группы вещей ХГЗ-1б и ХГЗ-2, и отмечала, что последние преобладают в Среднем Поволжье. С праболгарами связывались еще более ранние памятники и детали погребального обряда в степях Казахстана и Западной Сибири. В качестве модели для сравнения в ретроспективном плане брались черты праболгарского погребального обряда VIII-IX вв. Волжской Болгарии, Дунайской Болгарии и зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры. Надо заметить, что подобные ретроспекции не всегда оправдывают себя в поисках ранних па-

мятников данного этноса, так как в ходе переселений и в процессе оседания вполне могли произойти изменения, иногда и существенные, основных признаков не только ранних и более поздних, но и синхронных памятников одного и того же этноса. По этому поводу можно напомнить, например, некоторые расхождения в погребальном обряде болгар на Волге и болгар на Дунае в VIII-IX вв.: такие “волжские” признаки, как ориентация (запад), конструкция некоторых могильных ям (заплечики) и элементы обряда (шкура коня — череп и ноги), в могильниках дунайских болгар не встречаются.

Очень трудно, скорее даже невозможно оценивать вещевой материал памятников эпохи переселения степных народов с точки зрения их этнической принадлежности. Как известно, с конца IV по конец VII вв. в степях Восточной Европы существовали в основном два стиля украшений — гуннский полихромный конца IV-V вв. и геральдический VI-VII вв., которыми пользовалось все разноэтничное население степи. То же можно сказать об оружии и снаряжении коня. Поэтому погребальный обряд, как самый консервативный элемент культуры, является более надежной основой в поисках этнического облика населения. Для этого необходимо иметь в виду два условия: 1) привлекать только памятники обособленного географического региона (в нашем случае это восточноевропейская степь); 2) сопоставлять памятники двух последовательных периодов, несмотря на разность стиля вещей, выставляя на первый план определяющие признаки обряда. Здесь имеются в виду памятники конца IV-V вв., с одной стороны, и памятники VI-VII вв. — с другой.

Нельзя сказать, что этот период истории и археологии Восточной Европы является неразработанным. Наоборот, он издавна привлекал внимание нескольких поколений исследователей. Особо нужно отметить исследования, проводившиеся в последние 35 лет, если принимать за точку отсчета время появления в свет книги М.И.Артамонова “История хазар”. Общая особенность этих исследований — сдержанно предлагать этнические определения памятников. Последние характеризовались прежде всего в хронологическом и типологическо-классификационном плане и очень редко — в этническом, при этом использовались обычно такие нейтральные определения, как “кочевники”, “степное население”, “население гуннского времени” и т.д. Надо сразу сказать, что в ряде случаев эта сдержанность оправдывает себя. В то же время история степи отрывалась от своих конкретных творцов, тем более, что письменные источники сообщают довольно достоверную информацию именно в этом плане.

Некоторое оживление в решении этнических проблем наблюдалось после выхода в свет книги И.Вернера, посвященной Перещепинскому кладу. В интерпретации немецкого ученого он был определен как инвентарь погребения болгарского хана Кубрата; здесь большую роль сыграли золотые перстни-печати, носившие греческие монограммы с его именем. Скоро появились первые более или менее полные сводки степных погребений VI-VII вв.

Северного Причерноморья, Крыма, Прикубанья и Поволжья. Кстати, это было время больших мелиоративных работ в степи, благодаря которым было исследовано много новых памятников того же типа. Наряду с традиционными этническими определениями как “кочевнические погребения” иногда их стали называть более определенно — “тюрки”, “тюрко-болгары”, “болгары”. Из всей массы погребений выделяется погребение 2 в кургане 3 возле Сивашовки Херсонской области, которое считается некоторыми авторами основанием для определения всей группы этим именем.

Погребения данной группы располагаются во всех регионах восточно-европейской степи. Выделяются следующие основные признаки погребального обряда: 1) одиночные впускные погребения в кургане, чаще всего в курганах эпохи бронзы; 2) ориентация скелета головой на северо-восток с отклонениями к северу и к востоку; 3) наличие сопровождающего погребение целого, чаще частичного (голова и ноги) коня. Если первые два признака зафиксированы везде, третий не является обязательным. Надо отметить, что конские захоронения в степях нельзя оценивать безоговорочно как этнический признак. Присутствие коня не является повсеместным в погребальном обряде даже у таких народов, с которыми нет проблем этнической идентификации, как, например, у авар и древних венгров. Поэтому есть основание утверждать, что у степных народов конь в погребальном обряде нужно расценивать прежде всего как знак социального и имущественного положения погребенного и его рода.

Итак, если впускные курганные погребения с северо-восточной ориентацией VI-VII вв. можно определять с точки зрения этнической принадлежности с большой вероятностью как болгарские, имеется надежная основа отыскать подобные памятники в предшествующем хронологическом периоде, т.е. в гуннское время (конец IV-V вв.). Полный свод и глубокое исследование памятников этого периода, осуществленное И.П.Засецкой, дает возможность прямо перейти к сравнению погребений двух эпох. Труположения конца IV-V вв. выделены ею в группу II. На основании присутствия или отсутствия коня они образуют в классификации И.П.Засецкой две подгруппы, независимо от конструкций погребального сооружения. Этот признак надо признать существенным, но не единственно возможным. Принимая его безоговорочно, нельзя игнорировать и такую важную особенность погребального обряда, какой является форма погребального памятника. Если взять из группы II курганные труположения и попробовать расчленить их на основании отношения погребения к курганной насыпи, то можно выделить две новые подгруппы: 1) впускные курганные погребения; 2) основные курганные погребения. В плане сравнения для нас важна первая подгруппа, к которой относятся погребения Кубей, курган 8, погребение 2, Беляус, Совхоз Калинин, Марфовка, Ленинск, курган 3, погребение 12, Верхне Погромное, курган 4, погребение 3, Покровск, курган 36, погребение 2, Владимирское. Подобные погребения встречаются во всех ос-

новых регионах восточноевропейской степи, в тех же регионах, где зафиксированы близкие погребения VI-VII вв. Правда, число погребений более раннего периода намного меньше. Вполне совпадают основные признаки погребального обряда, так как и у погребений конца IV-V вв. эти признаки можно сформулировать так: 1) впускные одиночные курганные погребения; 2) ориентация головой на северо-восток-север (одно исключение — погребение с ориентацией на запад-северо-запад); 3) присутствие иногда неполного скелета коня (череп и кости ног). Четко выделяется волжская региональная группа, характерной особенностью которой является ступенька могильной ямы, куда укладывали кости коня. Та же особенность, кстати, является характерной в устройстве могильных ям волжских (“авиловского типа”) погребений VI-VII вв. — Авилов, Бережновка I курган 111, погребение 1, Бородаевка, Иловатка.

На основании совпадения характерных признаков погребального обряда впускные курганные погребения конца IV-V вв. можно определить как прямые хронологические предшественники достоверно болгарских погребений VI-VII вв. Трудно утверждать, что и в гуннское время создатели этих памятников называли себя болгарам, хотя в начале V в. имя болгар уже известно западным хронистам как наименование народа, отличного от гуннов.²⁰ Как известно, многие проблемы происхождения и ранней истории праболгар все еще остаются не решенными. На этот счет имеются очень интересные, но не в полной мере доказанные предположения. В этой связи хотелось бы вспомнить гипотезу А.П. Смирнова о возможном включении в состав праболгар остатков догунского степного населения сармато-аланского происхождения, о чем, по его мнению, свидетельствуют некоторые факты археологического и языкового характера.²¹ Сейчас к его аргументам можно добавить еще один — обряд впускного курганного погребения, являвшийся, как известно, характерным для всего степного населения с эпохи бронзы до гуннского вторжения в Восточную Европу. Можно думать, что та часть болгар, которая оставалась в степях на протяжении IV-VII вв., сохраняла прежний обряд впускного курганного погребения, так как он в полной степени отвечал кочевническому образу жизни и местной традиции догунской эпохи. Те части болгар, которые отходили к границам степи, смешивались с местным оседлым населением, меняли образ жизни и погребальный обряд. Так появились ранние оседлые памятники в Крыму типа Тау Кипчака, кочевнические элементы пеньковской культуры, памятники типа Верхнего Чирюрта в Дагестане. Позднее появляются новые трансформации и перемены, связанные с консолидацией болгар в трех государственных объединениях — Дунайской Болгарии, Хазарском каганате, Волжской Болгарии.

Исследование причин и механизма этих перемен является специальной темой.

КУЛЬТУРА ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Письменные известия о древних городах Сибири уже собраны в одноименной книге Л.Р.Кызласова (1992 г.), однако с археологическими свидетельствами дело обстоит сложнее. Специалисты, обманываясь давней уверенностью в исконном кочевом образе жизни тюркских народов, не ищут принадлежавших им поселений и городов. Пример же экспедиции МГУ свидетельствует, что такой поиск — дело весьма перспективное: в Туве ею найдено 17 уйгурских городов (и 6 монгольских), в Хакасии — 2 древнехакасских города и множество горных крепостей, изучена архитектура 3 городищ гунно-сарматской эпохи.

Древности, надежно связываемые с тюркоязычными народами, прослеживаются в Южной Сибири начиная со II-I вв. до н.э. (так называемые таштыкская и шурмакская археологические культуры Среднего и Верхнего Енисея). К этому времени население Саяно-Алтайского нагорья уже давно и хорошо освоило не только извечное wooden framework — срубное деревянное, но и монументальное каменное строительство, включая работу с циклопическими монолитами и кладку плитняка без раствора, использовало глинобитную технику и сырцовый кирпич. Применение этих материалов и строительных приемов распространялось на постройки самого разного назначения.

Срубные и столбовые наземные многоугольные жилища, вероятно, были восприняты здесь от дотюркского населения и всегда (вплоть до XX в.) составляли основу местного домостроительства. Археологические следы их отыскать непросто, но раскопки производились. До V в. срубы и бревенчатые клетки, многими деталями проявляющие искушенное плотницкое дело, составляют на Енисее основу погребальных сооружений.

Сухая каменная кладка и техника вертикальной установки монументальных каменных плит вплоть до VIII в. также изучена прежде всего по надмогильным мавзолеям (развалины которых по привычке некоторые называют курганами) и поминальным памятникам. С этими сооружениями она связана до нынешнего дня. Примерно с VIII в. на Среднем Енисее прослеживается массовое возведение горных крепостей-убежищ со сложными из плитняка или рваного камня стенами, обычно по ширине и высоте достигавших 2 м, а по длине от нескольких десятков метров до 2-3 км. Известны укрепления, протянувшиеся на 17 и 25 км. Судя по сложности и многообразию решавшихся инженерно-строительных задач, единым прин-

ципам оборонительного боя, отработанности и устойчивости приемов кладки стен и каменной вымостки рвов и склонов, соблюдению общей единицы измерения и иным архитектурным деталям, все эти крепости не только проектировались, но и создавались строителями-фортификаторами. С началом завоевательной активности в IX в. такие древнехакасские крепости появляются на Горном Алтае и в Туве. Добыча камня для строительства всюду была связана с разработкой каменоломен.

Кольцевые стены (толщиною в 5-6 и высотой, вероятно, до 4,5-5 м), созданные заливкой глиняного раствора в опалубку, изучены на Среднем Енисее на трех монументальных святилищах рубежа II и I вв. до н.э. Лицевая сторона культовых укреплений была облицована сырцовым кирпичом, каждое из них опоясывал ров глубиною 3 и шириною 6 м. Сходство святилищ таково, словно они построены одними руками. Следование канону, постигнутому профессионалами, проявилось и в применении единой меры длины, и во всюду прослеженной предварительной разметке строительных площадок. Рядом со святилищами обнаружены места для трупосожжений — обряда, принесенного на Енисей тюркоязычными гянгунями (древними кыргызами). К началу I в. до н.э. относится и знаменитый дворец на р.Ташебе близ г.Абакана, построенный из пахсы, по плану и с подпольной отопительной системой, не известными ни китайцам, ни гуннам. Массовое глинобитное строительство — возведение крепостей и связывающих их многокилометровых стен, — провели в Тувинской котловине в середине VIII в. завладевшие ею древние уйгуры. Их фортификационная школа встретила здесь с иной, древнехакасской традицией строительства каменных крепостей.

В древнехакасских городах в долине Енисея изучены монументальные храмы, стены которых сложены из обожженного кирпича на протяжении не менее 5 столетий (в VIII-XII вв.). Для их интерьеров характерны колоннады, оштукатуренные и выбеленные стены, в ряде случаев покрытые цветными росписями и рельефным декором. Всюду проступает следование единому строительному модулю.

Понятно, что начало многих строительных знаний и навыков заимствованы ранними тюркоязычными народами Сибири у других. Но они вошли в интересующую нас культуру тюрков и существовали в ней веками. История и археология не могут сегодня охарактеризовать прототюркское общество. Однако, стоит проследить этимологию исконной строительной лексики, общей для рунических текстов: *balyg* “город” восходит к *bal* “глина”, *toj* “ставка, город” — к *toj* “глина”, *toɣy* = “устанавливать, воздвигать” — к *toɣy* = “бить, ударять, стучать”. Выходит, древнейшие понятия о строительстве были связаны у тюркских народов с использованием глины (как, скажем, и русское “зодчество”, восходит к *зъдь* “глина”), а не войлочной кошмы, как это видится очень многим.

Обратимся к форме указанных ранних городищ и городов, их связи с природным и культурным окружением. Правильный план и круглых сакраль-

ных укреплений II-I вв. до н.э. (диаметром от 60 до 100 м), и квадратных или прямоугольных уйгурских крепостей VIII в. (со сторонами от 80 до 538 м) говорит о проектировании, предшествовавшем строительству. Об этом же свидетельствуют и прослеженная разметка строительных площадок, их предварительная нивелировка, применение единых мер длины. Аэросъемка показала, что центр древнехакасского города в низовьях р. Уйбат, о храмах которого шла речь, представляет собою квадрат со стороною в 1 км, с правильным линейным расположением улиц и арыков — и здесь строительству предшествовал сложный просчитанный проект городского устройства. Его масштабность раскрывается не только величиною заранее предусмотренных целей и работ, но и задуманным специальным проведением к будущему городу большого магистрального канала, поскольку избранное место располагалось в стороне от рек. Оросительные каналы были созданы и близ каждого из упомянутых святилищ II-I вв. до н.э. — гидроинженерный опыт непрерывно накапливался на Саяпо-Алтайском нагорье по крайней мере с IV в. до н.э.

Создание протяженных каналов (до 40 км), каменных укреплений по 17-25 км и глинобитных стен со рвами, вытянувшихся более чем на 230 км и объединявших в одну систему свыше полутора десятков крепостей, — все это требовало стратегического мышления. Великая стена уйгуров не просто закрывала беспокойную северную границу каганата, но и оберегала наиболее важные, плодородные районы Тувы. В этих фактах перед нами предстает осознанная мелиоративная, фортификационная и градостроительная государственная политика, опиравшаяся на давнюю профессиональную культуру.

А.Борисенко, Юлий Худяков
Новосибирск

ЗНАЧЕНИЕ БУЛГАРСКОГО ТОРГОВОГО ПУТИ В ПОСТУПЛЕНИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ЭКСПОРТА В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В XII — XIII ВВ.

В научной литературе неоднократно подчеркивалась важная роль Балтийско-Волжского торгового пути как одного из меридиональных ответвлений Великой трансконтинентальной торговой шелковой магистрали, в обеспечении торговых и культурных связей между странами Запада и Востока.¹ В эпоху раннего и развитого средневековья особое место в посреднической торговле принадлежало Волжской Булгарии.² Исследователями прослежены торговые связи Волжской Булгарии с Хазарией, государствами Средней Азии и Переднего Востока, Византией, Древней Русью, странами Центральной Европы и Скандинавии и Прикамьем.³ Однако, в работах специалистов по средневековой археологии Восточной Европы и Среднего Поволжья сравнительно мало внимания уделяется торговому пути, который пролегал из торгово-ремесленных центров Волжской Булгарии на восток, через Уральский хребет в Западную Сибирь, в Прииртышье и Приобье. Между тем, судя по многочисленным находкам предметов ремесленного производства, в том числе “восточного серебра”, этот путь функционировал достаточно долго и эффективно в эпоху раннего и развитого средневековья. Об этом свидетельствуют многочисленные находки серебряной посуды и украшений, изготовленных в ремесленных центрах Волжской Булгарии в X-XII вв. и последующие века, и обнаруженных в таежной зоне Западной Сибири.⁴ Вероятно, через посредство болгарских купцов в Западную Сибирь могли попадать пиршественные сосуды хазарского, мадьярского, византийского производства и часть предметов среднеазиатского и иранского происхождения.⁵ Булгарский торговый путь был основным и в поступлении западноевропейских ремесленных изделий XII-XIII вв. в Западную Сибирь. Появление подобных изделий в Западной Сибири связано с поиском новых торговых путей европейскими купцами и ростом посреднической торговли волжских болгар. У обских угров существовал устойчивый спрос на импортную серебряную и бронзовую посуду и привозные парадные клинки, которые использовались в религиозных культах. Этот спрос был столь велик, что было выгодно поставлять посуду и клинки, изготовленные в Западной Европе по Балтийско-Волжскому торговому пути в Волжскую Булгарию, а оттуда — в Западную Сибирь. На территории Западной

Сибири, в Приобье в XIX-XX вв. обнаружено несколько серебряных, богато орнаментированных чаш и крышек от них, атрибутированных в качестве произведений художественного ювелирного ремесла, изготовленных в мастерских Лиможа в Аквитании и Готланда в Швеции.⁶ Точное местонахождение некоторых подобных находок не известно. Одна чаша, хранящаяся в Метрополитэн-музее в г.Нью-Йорке, была обнаружена в низовьях р.Оби.⁷ Другая чаша и две крышки, поддон и ручка были найдены в пос. Мужы в низовьях Оби, южнее г.Салехарда.⁸ Еще одна бронзовая чаша была найдена на берегу р.Кети. Вероятно, она была зарыта в землю в качествеклада. Тогурская чаша подробно охарактеризована Я.А.Яковлевым.⁹ На ее внутренней поверхности нанесены гравировкой аллегорические изображения христианских добродетелей в виде человеческих фигур, латинские дидактические надписи, упоминающие добродетели и пороки, растительная орнаментация. Изображения и надписи симметрично сгруппированы вокруг центрального медальона, в котором изображена женская фигура в длиннополной одежде и короне с нимбом вокруг головы, держащая в обеих руках по раскрытой книге. Она олицетворяет человеколюбие. По оценке В.П.Даркевича, подобные чаши изготавливались в Вестфалии и распространялись по всей Европе вплоть до Поволжья.¹⁰ На рубеже XII-XIII вв. центр производства подобной посуды переместился в Саксонию. Производство этих изделий стало массовым, гравировка стала наноситься не всегда тщательно. В отдельных надписях встречаются ошибки. Такие ошибки имеются и на тогурской чаше, что позволяет отнести ее к XII-XIII вв. находка подобной чаши в Поволжье документирует путь ее доставки в Западную Сибирь.¹¹

На территории Западной Сибири найдено два западноевропейских клинка. Двулезвийный железный меч с длинным дольчатым клинком, прямым перекрестьем и трехчастным навершием был обнаружен в 1975 г. В.И.Молодиным в ходе раскопок могильника бронзового века у с.Преображенка в районе оз. Чаны в Барабинской лесостепи.¹² Автор раскопок предположил, что меч мог попасть в Сибирь с отрядом Ермака или в более раннее время. Позднее В.И.Молодин, В.И.Соболев, Т.Н.Троицкая отнесли эту находку к числу русских мечей X-XI вв.¹³ После реставрации меча в Эрмитаже в 1977 г. Н.А.Серовой на долах клинка были выявлены инкрустированные серебром христианские аббревиатуры, выполненные буквами латинского алфавита и серебряная орнаментация на перекрестье, рукояти и навершии. Опираясь на западноевропейские аналогии и особенности палеографии надписей, Д.А.Дрбоглав и А.Н.Кирпичников по новому атрибутировали эту находку.¹⁴ По их определению, клинок меча был изготовлен в одной из западноевропейских мастерских, смонтирован с перекрестьем, рукоятью и навершием на Готланде в XII-XIII вв. и в то же время попал в Барабу. Второй меч был найден в пещере на горе Кызыл-Тас в верховьях Иртыша в Восточном Казахстане и передан в областной музей в 1978 г. Эта находка была атрибутирована в 1990 г. Ю.А. Плотниковым.¹⁵ Меч имеет трехгранный,

односторонне выпуклый клинок, пластинчатое шипастое перекрестье и пластинчатое навершие. Аналогии этой находки автор усматривает среди германских мечей и кинжалов IX в.

На территории Западной Сибири и Восточного Казахстана в XVIII в. было найдено несколько западноевропейских бронзовых акваманилов — ритуальных сосудов для омовения рук, использовавшихся в Западной Европе в церковном и светском обиходе. Один из них происходит из Аблайкитской коллекции, привезенной И.М.Лихаревым в 1720 г. из Восточного Казахстана. Он изображает конного рыцаря в шлеме, латах с поднятой правой рукой. Я.И.Смирнов и В.П.Даркевич определили, что этот водолей мог быть изготовлен во Франции в XV в.¹⁶ Другой водолей в виде коленопреклоненной фигуры человека в длиннополой одежде со стилизованной фигуркой льва на плече и ручкой за спиной был найден в Западной Сибири и привезен в XVIII в. в г. Санкт-Петербург Д.Г. Мессершмидтом. По атрибуции О.Фальке, Э.Мейера, Б.Брентьеса, В.П.Даркевича и других, этот акваманил был изготовлен в Гильдесгейме в Нижней Саксонии в первой половине XIII в.¹⁷ Еще один акваманил, привезенный из Сибири Д.Г.Мессершмидтом изображал конного рыцаря в латах и длинном плаще. По мнению Б.Брентьеса и Р.С.Васильевского, этот акваманил был изготовлен в Гильдесгейме в Нижней Саксонии в начале XIII в.¹⁸

Еще один бронзовый водолей в начале XVIII в. хранился у воеводы г. Нарыма. На его поиски Д.Г.Мессершмидт посылал Ф.И.Страленберга. Этот акваманил изображал кентавра с человеческой головой, торсом, руками и туловищем коня. В руках у кентавра был кувшин, на плечах — орнаментированные оплечья, на теле — медальоны с изображением сенмурвов, волка и слона, на спине — ручка в виде изогнутой человеческой фигуры. По мнению В.П.Даркевича, акваманил был изготовлен в Гильдесгейме в Нижней Саксонии в первой половине XIII в.¹⁹ Все эти водолеи погибли во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. До настоящего времени в Эрмитаже сохранился только один акваманил, привезенный из Западной Сибири Г.Ф.Миллером. Он изображает дракона и рыцаря-драконоборца, стоящего на коленях и держащего дракона за рога. Голова рыцаря в пасти у дракона, изображенного с передними лапами, крыльями и хвостом. Подобные акваманилы изготавливались в Лотарингии в XII-XIII вв.²⁰

При определении путей проникновения изделий западноевропейского ремесла в Западную Сибирь, большинство исследователей ссылались на летописные свидетельства о походах новгородских ушкуйников в XII в. через северный Урал в Западную Сибирь. О возможности поставки западноевропейских вещей этим путем писали В.П.Даркевич, Д.А.Дрбоглав и А.Н.Кирпичников, М.Ф. Косарев, В.А.Могильников, Я.А.Яковлев и другие исследователи.²¹ Однако, по мнению О.В.Малоземовой, походы ушкуйников в X — XIV вв. не преследовали торговых целей, а совершались ради сбора дани пушнинаой.²²

В.П.Даркевич и Б.И.Маршак допускают, что часть западноевропейских вещей могла быть завезена в Западную Сибирь скандинавскими викинг-ами в XII-XIII вв.²³ Подтверждением этих морских торговых экспедиций из Скандинавии служит находка скандинавской скорлупообразной фибулы из Салехарда, атрибутированная Н.А.Кренке и Н.А.Макаровым.²⁴ Вполне вероятно, что не только эта фибула, но и серебряные сосуды, найденные в Нижнем Приобье, среди которых есть вещи, изготовленные на Готланде, попали в Западную Сибирь “северным морским путем” на судах скандинавских викингов в XII-XIII вв. Однако, подобное происхождение маловероятно для западноевропейских вещей, обнаруженных в таежной и лесостепной зоне Западной Сибири и Верхнем Прииртыше. Эти предметы, клинки, сосуды и акваманылы гильдесгеймского и лотарингского производства могли поступать за Урал по болгарскому торговому пути из Волжской Булгарии. Наличие среди западноевропейских предметов водолеев, которые трудно представить в употреблении в быту или культах местных западносибирских племен, может быть свидетельством в пользу того, что по болгарскому пути возили товары не только болгарские, но и европейские купцы, и могли путешествовать миссионеры. Данный путь продолжал функционировать и в период существования Золотой Орды, о чем свидетельствуют находки золотоордынского серебра в таежной зоне Западной Сибири.²⁵ Лишь после падения Казанского ханства этот торговый путь уступает ведущую роль в торговле с Западной Сибирью.

¹ Мельникова Е. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы международного симпозиума. Казань. 1999. С. 80-82.

² Янссон И. “Восточный импорт” в Скандинавию VIII-XII вв. и Волжская Булгария// Там же. С. 123-124.

³ Белавин А. Камский торговый путь из Биляра в “страну Вису и Чулман”// Там же. С. 162-163; Валиуллина С. Международная торговля Биляра по археологическим материалам// Там же. С. 142-149; Кочкина А. Причерноморско-средиземноморские связи Волжской Булгарии в X — начале XIII вв. (археологические данные о торговых путях)// Там же. С.134-137; Фодор И. Торговые связи Волжской Булгарии с Венгрией// Там же. С. 176-177.

⁴ Маршак Б.И. Сокровища Приобья. СПб., 1996. С. 9-10, 13-14.

⁵ Там же. С. 16-19; Даркевич В.П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос//КСИА. 1974. Вып. 140. С. 28.

⁶ Даркевич В.П. Произведения Западного художественного ремесла в Восточной Европе (X — XIV вв.)// САИ. М., 1966. Вып. Е1-57. С. 38-57; Маршак Б.И. Сокровища Приобья. С. 25.

⁷ Даркевич В.П. Произведения Западного художественного ремесла... С. 29.

⁸ Маршак Б.И. Сокровища Приобья. С. 25.

⁹ Яковлев Я.А. Еще одна находка западноевропейского средневекового искусства в Сибири// Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск. 1995. С. 212.

- ¹⁰ Даркевич В.П. Произведения Западного художественного ремесла... С. 55.
- ¹¹ Там же. С. 55-56.
- ¹² Молодин В.И. Находка меча из Западной Сибири// Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 11. Вып. 3. С. 125-127.
- ¹³ Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск. 1980. С. 178.
- ¹⁴ Дрбоглав Д.А., Кирпичников А.Н. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири// Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1981. С. 533.
- ¹⁵ Плотников Ю.А. Средневековый меч из Восточного Казахстана// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск. 1990. С. 152.
- ¹⁶ Даркевич В.П. Произведения Западного художественного ремесла... С. 51.
- ¹⁷ Там же. С. 38.
- ¹⁸ Brentjes B., Vasilievsky R.S. Schmanenkron und Weltenbaum. Kunst der Nomaden Nordasiens. Leipzig. 1989. S. 170.
- ¹⁹ Даркевич В.П. Произведения Западного художественного ремесла... С. 38.
- ²⁰ Там же. С. 35.
- ²¹ Даркевич В.П. Произведения Западного художественного ремесла... С. 68; Дрбоглав Д.А., Кирпичников А.Н. Европейский средневековый меч... С. 533; Яковлев Я.А. Еще одна находка... С. 214; Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 131; Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири// Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- ²² Малоземова О.В. Торговля Руси с "Югрой и Самоядью": исторические мифы и археологическая реальность// Россия и Восток: археология и этническая история. Омск. 1997. С. 80-83.
- ²³ Даркевич В.П. Произведения Западного художественного ремесла... С. 68; Маршак Б.И. Сокровища Приобья. С. 10,25.
- ²⁴ Кренке Н.А., Макаров Н.А. Скандинавская фибула из Салехарда // РА. 1995. №3. С. 207.
- ²⁵ Маршак Б.И. Сокровища Приобья. С. 42-43.

Дмитрий Васильев

Москва

КАРАВАН-САРАИ НА ПУТЯХ В ПОВОЛЖЬЕ. ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ

Согласно концепции ЮНЕСКО, которая легла в основу международного гуманитарного проекта “Великий Шелковый путь”, это понятие, введенное в прошлом веке немецким географом Рихтгофеном, обозначает не только трансконтинентальную магистраль. Она лишь связывала все нити караванных путей в единую коммуникационную сеть евроазиатской ойкумены. Само же понятие Великого Шелкового пути по сути означает обширный евроазиатский ареал, в пределах которого рождались, жили, взаимодействовали и сменяли друг друга различные цивилизационные зоны. Торговый обмен, который происходил между ними, был не менее интенсивным, а во многих случаях и более регулярным. Торговые дороги из стран, лежащих на Шелковом пути, ведущие в меридиональном направлении, таким образом несомненно были включены в единую международную систему.

Направление и интенсивность торговых и культурных связей нашли отражение в письменных исторических источниках и археологических материалах. Импортные предметы из Волжской Болгарии и Золотой Орды фиксируются в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии, Восточном Туркестане, Иране, Малой Азии и других регионах.

Вопросам изучения торговых путей, ведущих из этих стран в Поволжье, и анализу импорта в составе археологических материалов посвящена значительная научная литература. Сведения письменных источников о торговле раннесредневековых народов Поволжья с другими регионами анализировались Н.М.Карамзиным, В.Г.Тизенгаузенем, П.П.Мельгуновым, В.В.Бартольд, М.И.Артамоновым, Б.Д.Грековым, А.Ю.Якубовским, Б.Н.Заходером, Б.А. Рыбаковым и другими.

Однако несмотря на большое внимание к данной теме, многие вопросы, касающиеся торговых и культурных связей Поволжья, остаются недостаточно освещенными. Прежде всего это относится к уточнению маршрутов прохождения трасс караванной торговли, локализации караван-сарая, экспортно-импортной коммерческой ориентации конкретных населенных пунктов и особенностям торговых и культурных связей городов Поволжья с отдельными пунктами, находящимися на трассах Великого Шелкового пути. Торговля по ВШП велась преимущественно предметами роскоши, редкими видами сырья, пряностями и лекарствами народной медицины. Особое место в перечне товаров занимал шелк, который до середины I ты-

сячелетия н.э. производился только в Китае. Из Поволжья в другие страны вывозились сырьевая кожа и изделия, рыба, мед, меха, ювелирные украшения и некоторые другие товары.

Освоение меридиональных ответвлений ВШП можно отнести, по-видимому, к первой половине I тысячелетия н.э. Именно в этот период происходят активные миграции кочевников на запад, но, как отмечает В.В.Бартольд, ушедшие на запад кочевники иногда сохраняли сношения со своими оставшимися на востоке соплеменниками. В.В.Бартольдом делается также вывод, что присоединение к известному с древности торговому пути из Средней Азии на запад к Черному морю нового торгового пути на северо-запад по Средней Волге и Каме находится в несомненной связи с широким развитием караванной и морской торговли персидской сасанидской державы III-VII вв. в последний период ее существования.

Географические особенности региона, несомненно, стимулировали судоходные связи. К сожалению, письменные источники древнейшего периода, преимущественно греческого происхождения, об этом раннем периоде волго-каспийского судоходства, за исключением Геродота, скудны, отрывочны и противоречивы.

На основании текстологического анализа Каспийского свода сведений о Восточной Европе Б.Н.Заходером делается вывод о том, что к IX-X вв. сухопутные караванные связи носили случайный характер, в то время как корабельные по Волге и Каспию отличались в этот и даже более отдаленный период большей систематичностью и непрерывностью. Сведения о пунктах, через которые проходил водный путь через земли хазар и в Поволжье, длительность отдельных маршрутов, как сухопутных так и водных, с большей или меньшей степенью подробности сообщаются в сочинениях географов Ибн Хордадбега, Аль Истахри, Ибн Хаукаля.

Начиная с конца IX в. в географических сочинениях встречается все больше сведений о посещении Поволжья купцами из мусульманских стран. О прибытии в низовья Волги и даже в Булгар караванов и отдельных судов сообщают Ибн Русте, Абу Хамид аль Гарнати, Гардизи, Ибн Фадлан, Масуди. Причем, связи становились регулярными. По сообщению источника “Тарихи Бейхак” еще в начале XI в. между Средним Поволжьем и Хорасаном существовали настолько интенсивные связи, что даже соборная мечеть Сабзевара ремонтировалась на средства, присланные булгарским государем. Подробно волжско-каспийская навигация описывается Масуди. Им перечисляются пункты на пути между каспийским побережьем и Поволжьем: “Берег Табаристана на этом море [Хазарском], и там город; называют его Алхам, и это — гавань, близкая к берегу. Между нею и городом Амоль час пути; на берегу Джурджана у этого моря город, называют его Абаскун. Он около трех дней пути от Джурджана, и на этом море Гиляк и Дейлем. И плавают между ними суда по торговым надобностям и доходят до города Итиля и там вход в Хазарское море”.

Известный по описанию Ибн Фадлана сухопутный путь на Волгу проходил через Хорезм, хотя одновременно использовался и дербентский проход через Баб аль Абваб. В своих волжских маршрутах, кроме Булгара, путешественники посещали хазарский Итиль, подробные описания которого также зафиксированы. К началу X в. именно отсюда контролировались торговые связи между Восточной Европой и странами Передней Азии. Доход обеспечивался за счет торговых пошлин товарами, а пунктами их сбора являлись заставы — предтечи караван-сараев на речных, сухопутных и каспийских трассах. По-видимому, к этому периоду и складываются Хорезмско-Поволжское, Каспийско-Поволжское и Кавказско-Поволжское меридиональные ответвления Шелкового пути.

Монгольское нашествие на значительный период разрушает сложившиеся коммуникации и, прежде всего, связи между Европой и Востоком. Восстановление их стало возможным только после создания Золотой Орды, которая приобрела как региональное наследие те торговые связи, которые с начала тысячелетия существовали здесь. Это наследие было заметно приумножено также и в связи с проникновением итальянцев на Черноморское побережье, что позволило А.Ю. Якубовскому подчеркнуть огромную роль Золотой Орды в транзитной караванной торговле между Западной Европой и Китаем. В этот период Поволжье становится транзитным центром не только на меридиональном ответвлении Шелкового пути, но и зоной его активного функционирования в евроазиатском ареале.

Торговый путь по Волге становится не только проторенным, но и чрезвычайно оживленным, привлекая караваны армян, персов, индийцев, арабов, греков, генуэзцев, русских. Визиты гостей становились настолько частыми, что на Дону и на Волге местному населению было вменено в обязанность заниматься перевозом и водной транспортировкой. За это, как сообщает Вильгельм де Рубрук, жители освобождались от других повинностей. В свою очередь у европейских партнеров появляется необходимость информировать соотечественников о предметах торговли, ее терминах на местных языках, свидетельством чему является, например, составленный в Сахате Codex Cumanicus, список которого в 1369 г. был завещан Франческо Петраркой Венецианской республике. По свидетельству флорентийского купца Франческо Бальдуччи Пеголотти, совершившему в 1335 г. путешествием из Таны в Пекин, на всем пути до Китая можно было пользоваться куманским языком.

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

Великий Шелковый Путь — своеобразный феномен стремления человечества к единению. Говоря о нем, мы проникаем в глубь веков, начиная со II века до нашей эры. Это переплетение торговых путей протяженностью более 2000 километров соединяло Китай со всем миром, служило торговым предметами роскоши, способствовало распространению религиозных, культурных и художественных идей.

В силу своего расположения в центре Евразийского континента, Средняя Азия была перевалочным пунктом для купцов, войск, посланников и миссионеров. С ее историей связано имя Александра Македонского, пришедшего с запада и продвинувшегося до территории современного Узбекистана, имена повелителя монголов Чингизхана и тюрко-монгола Тимура. Оба начинали отсюда военные походы, разрушившие обширные пространства Востока и потрясшие Европу. Однако, они же создали и основу великих империй, в которых расцвели торговля и искусства.

На протяжении Великого Шелкового Пути в возникающих и развивающихся городах встречались люди многих религий, языков и культур. Между степными кочевниками и оседлым населением городов шел постоянный обмен. В результате синтеза всех этих явлений возникла неповторимая культура огромной силы и притягательности.

Туркестан, бывший с точки зрения европейцев в период между XVII и серединой XIX вв. изолированным мертвым пространством всемирной истории, сохранил в своей материальной культуре наследие Шелкового Пути. В сохранении этого наследия приняли участие наряду с узбеками тюркского происхождения и таджиками, говорящими на одном из вариантов персидского языка, представители около ста различных народов, среди которых казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены, персы, арабы, калмыки и, конечно же, поволжские татары.

Внимание многих исследователей в последние годы привлекают среднеазиатские и более восточные элементы в культурах европейских кочевников I-IV вв. Есть два основных варианта их объяснения, и нас, естественно, более заинтересовал второй, связанный с торговлей.

Судя по сообщению Вэй Моэ, с I в. н. э. до начала III в. “кочевая империя Кангюя простерла свою власть далеко на запад, в европейские страны, охватывая кочевые страны Янь (Южное Приуралье) и Мо, граничащую с

Дацинь (Римом)”, т.е. сарматов Волго-Дона, и, судя по хроникам, китайские купцы и дипломаты не проникали на запад в степь далее самого Кангюя.

Ко времени своего “повторного открытия” в XIX в. европейскими исследователями и путешественниками Шелковый Путь нисколько не утратил своей привлекательности. Он все еще вызывает в воображении образы тяжело навьюченных караванов, тянущихся по бескрайним пустыням, степным просторам и высоким горам на встречу куполам богатых городов в оазисах.

Таким образом, Шелковый Путь ведет нас не только через обширные пространства, но и сквозь географические контрасты. Эти торговые пути оставались активными на протяжении многих столетий, сформированные под влиянием различных народов и культур, зависящие от взлетов и падений великих империй, от миграции народов и превратностей истории.

В работе И. Янссона (Швеция) “Восточные находки в Скандинавии эпохи викингов (конец IX-X вв.)” отмечается, что в эпоху викингов скандинавы достигали далеких восточных территорий. Свидетельствами этого являются археологические материалы, найденные в поселениях, кладках, культовых сооружениях и отдельные восточные находки в Дании, Норвегии, Швеции. Термин “восточные находки” используется Янссоном как в отношении предметов, изготовленных в исламском мире, так и предметов, отражающих его влияние, подчеркивая, что последние, вероятно, производились в основном степными кочевниками области хазар и волжских булгар.

“Восточные находки” включают несколько разных категорий предметов: монеты, новые типы весов и гирей, различных украшений, одежды, тканей. Но мы ограничимся только монетами, т.к. они — основная характеристика торговых дорог и образуют самую большую группу.

Поток дирхемов из Ирана, Ирака, Афганистана и более всего из Узбекистана (Ташкент, Самарканд, Бухара) достигал Восточной Европы и Скандинавии в период с конца VIII до начала XI вв. Было найдено, по крайней мере, 80 тыс. дирхемов (в основном в Швеции и острове Готланд в Балтийском море). Большинство монет X в. являются саманидскими; важным, но обычно недооцениваемым фактором является то, что около 5% монет IX в. и 10% — X в. представляют собой имитации, сделанные вне государства Саманидов, возможно, хазарами, а в X — волжскими булгарами, что говорит о степени высокого развития этого региона. Одновременно нельзя не упомянуть уникальную статуэтку Будды из Хелью в Центральной Швеции, происходящую из буддийских стран на Великом Шелковом пути.

Поволжье и Среднюю Азию соединял античный сако-скифский и варварский мир. В раннем средневековье — взаимосвязи иранского, тюркского и славянского мира с культурой Византии, в зрелом и позднем средневековье — общее вхождение в Золотую Орду, а затем ее распад и формирование отдельных ханств утвердили связи с мусульманским Средним Востоком и христианским Западом, и затем на вхождении в пределы Рос-

сийской империи сказалась общность судеб всех южных и восточных окраин, связанных с идеями освободительной борьбы.

На формирование оригинальной и самобытной культуры татарского народа отразились природно-хозяйственные и социально-экономические условия жизни, его вековые традиции, эстетические вкусы, а также культурные взаимодействия с другими народами.

Как известно, этническую основу татар Среднего Поволжья и Приуралья составляют тюркоязычные племена, которые расселились на территории Средней Волги и Прикамья еще задолго до монгольского нашествия. Являясь главным этническим звеном экономически развитого раннефеодального государства — Волжской Булгарии, они имели богатую и высокоразвитую культуру. По словам Н.И.Воробьева, известного исследователя традиционной культуры казанских татар, “одними из первых по времени появления и продолжительности были влияния культур Передней, а позже Средней Азии, которые влились в край по большой водной дороге” (по Волге), которая, как мы сегодня знаем, являлась продолжением Шелкового Пути.

Говоря о близости татар и народов Востока, мы не можем останавливаться только на результатах культурных взаимовлияний, в большей степени ее можно объяснить древними связями между тюркоязычными народами Волги и Средней Азии.

Способность по своему перерабатывать заимствования обогащала культуру татарского народа, делая ее еще более интересной и самобытной.

Шелковый Путь нельзя представить без Бухары, Самарканда, являющихся экономическими и торгово-ремесленными центрами прилегавших к ним областей, транзитными пунктами для товаров, привозимых из других стран. Если вы обратите внимание на карту Великого Шелкового Пути, разработанную ЮНЕСКО, то увидите, что Бухара находится в центре южных путей, а Казань — северных водных. Все это наметилось еще в раннем средневековье, задолго до XVI столетия. Этот вопрос требует еще более глубокого, комплексного исследования, на стыке наук археологии, истории, этнографии, искусствознания.

КАЗАНЬ-БУХАРА: ВСТРЕЧА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Города, подобно людям, имеют свое неповторимое лицо, характер, историю. Судьба многих древних городов, имеющих тысячелетнюю историю, в то же время и схожа. На протяжении столетий они испытывали взлеты и падения, периоды сказочного богатства и полного разорения, триумфа и смутного времени.

Сквозь наслоения веков все ярче проступают достоверные очертания истории взаимоотношений Бухары и Казани, внесших заметный вклад в развитие мировой цивилизации. Как Бухара, отметившая два года назад свое 2500-летие, так и Казань, готовящаяся к своему тысячелетию, в качестве городов-посредников между Востоком и Западом активно способствовали взаимопроникновению и развитию самых различных по своему стилю, направлению и содержанию национальных культур. Бухара, давшая миру величайших мыслителей, поэтов, зодчих — Имама Исмаила аль-Бухари, Авиценну, Бахоуддина Накшбанда, Рудаки, Фараби, Ахмада Дониша, Абдурауфа Фитрата, Файзуллу Ходжаева, Садриддина Айни, город, внесший, как отметил Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, "огромный вклад в мировую культуру и науку, мусульманскую духовность", всегда притягивала к себе внимание близких и далеких городов мира, также стремящихся к взаимопониманию и сотрудничеству, прославлению разума и добра. К числу именно таких городов относится и Казань, которую Александр Герцен называл "главным караван-сараям на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу".

Исторические факты свидетельствуют, что первые попытки установления связей между Бухарой и Казанью относятся к началу II тысячелетия. Бухара переживала тогда эпоху высшего расцвета мусульманской культуры, и отдельные представители караханидского государства, а затем государства хорезмшахов предпринимали путешествие в незнакомое для них Булгарское царство. Нашествие Чингизхана и наступивший вслед за ним спад экономической и культурной жизни прервал попытки бухарских купцов и миссионеров ближе познакомиться с северными народами. Некоторый подъем экономической жизни в середине XIII в. привел к оживлению торговых связей. В 60-70-х годах XIII в. предприимчивые бухарские купцы участвовали в ярмарке, организованной на площади Асри близ Казани. Перемещение в результате географических открытий в конце XV — начале XVI вв. торговых путей с суши на океаны лишило Бухару, как и другие города

Мавераннахра, потенциальной возможности возрастания той выдающейся роли в международной торговле, которую они играли в XI–XIII вв. Вместе с тем, с формированием узбекского государства шейбанидов, столицей которого с 30-х годов XVI в. становится Бухара, начинается активная хозяйственная и внешнеторговая деятельность.

Именно с этого периода четко прослеживается полоса интенсивных обоюдных отношений между Бухарским ханством и Московским государством. Маршрут связей пролегал через Поволжье, где заметно возрастало значение Казани. Еще в период Касимовского царства в разных письменных источниках упоминались “тезики” (таджики) — среднеазиатские, преимущественно бухарские купцы. Одно из урочищ в центре средневекового города Казани даже называлось “Тезицким рвом”, за которым, очевидно, располагался один из караван-сараев города. Как свидетельствует “Казанская летопись”, вошедшие в 1552 г. в город русские дружины встретили там купцов из Бухары. В конце XV в. Московский царь Иван III обязал казанского хана беспрепятственно пропускать русские торговые караваны по Волге. Но тогда объем торговли со Средней Азией был еще незначительным. Ситуация изменилась после того, когда весь Волжский торговый путь вместе с Казанью оказался в руках Русского государства. Для охраны безопасности торговых караванов, идущих из Бухары, Самарканда и Ургенча, государство установило на Волге стрелецкие посты, обязанные сопровождать купеческие караваны. Главным постом являлся военно-стрелецкий пункт под Казанью в укреплении Кок-Шаджек.

Абдулла Султан, правитель шейбанидской Бухары, присылал послов к московскому царю Ивану Грозному и его сыну Федору. Главной целью бухарского посольства было урегулирование вопросов торгового характера. Бухарский царь просил Ивана Грозного, “чтобы пожаловал для его челобиття, дорогу дал в свое государство — людям его торговати ходити” и настаивал, чтобы бухарских купцов беспрепятственно пропускали в Казань и другие города Русского государства.

В начале XVII в. в Казань с берегов Зеравшана прибыл крупный торговый караван, с которым следовало посольство Бухарского ханства. Как отмечают авторы “Истории Бухары” (Ташкент, 1976), в 1613 г., когда торговая активность была значительно ослаблена и жители Казани писали, что “ни снизу, ни сверху из торговцев у них никто не был”, в Казань сразу прибыло 300 торговцев из Бухары и Хивы. В ответ в Бухару также ездили не только русские посольства, но и отдельные купцы, среди них особенно выделялись представители дома Строгановых.

Как крупному торговому центру Поволжья, Казани неизменно придавалось особое внимание со стороны Московского государства, так как через нее Бухара поставляла в обмен на русские товары столь нужную и необходимую для роста могущества молодой России продукцию. Бухарские купцы

возили в Казань каракуль, ковры, шелк-сырец, красители, сушеные фрукты, изделия ремесла.

Главную статью вывоза из Бухары в Казань составляли хлопчато-бумажные ткани. Из Казани же в Бухару вывозили меха, зеркала, рыбий зуб, лисицы, кречеты, а позднее железные изделия. Как признанный центр восточной торговли Московского государства, Казань являлась также складочным и передаточным пунктом для торговли с Сибирью, а через Сибирь — со Средней Азией и ее главным городом Бухарой.

Бухарские купцы приезжали в Казань иногда минуя Астрахань, если они шли сухим путем на Самару. Из Казани бухарцы направлялись в Москву, если получали к ней “отпуск”. Казань, таким образом, успешно соперничала с Астраханью и Нижним Новгородом, являющимися перевалочными пунктами русско-бухарской торговли в XVI-XIX вв. Бухарско-казанские торговые связи заметно стимулировали оживление в ремесленном и сельскохозяйственном производстве в столице Узбекского государства, в известной мере специализировали направление их развития, ориентируя на российский рынок.

Ценным бухарским товаром в Казани, благодаря лечебным свойствам, считался ремень, который с 1657 г. сделался даже предметом исключительно государственной торговли и в значительном количестве реэкспортировался в страны Западной Европы. Такое положение в торговле с ремнем сохранялось на протяжении всего XVIII в., что вызвало распространение контрабанды и тайной торговли им.

Бухарские купцы регулярно бывали и подолгу жили в Казани. Есть сведения о возникновении в городе в XVII в. бухарской колонии, которая значительно разрослась в последующее время. К сожалению, пожар, случившийся в Казанском архиве, навсегда уничтожил ценнейший материал о жизни бухарской колонии в Казани. Не менее частыми были поездки казанских купцов в Бухару, которые обычно ездили группами в 30-40 человек и жили там по два-три года. Этому способствовали близость языков, нравов, обычаев, удобства и льготы, создаваемые в обоих городах для торгового люда. Торговля царскими товарами, которую вели казанские купцы на всей территории Бухарского ханства, не облагалась пошлинами. В мусульманской Бухаре действовала своя система обложения торговыми пошлинами. Здесь она называлась “закет” и взималась согласно установлениям шариата: с купцов-мусульман закет взимался — одна штука из 40 со штучного товара, с нештучных платили $\frac{1}{40}$ часть стоимости товара или 2,5%. С купцов-христиан немусульманского вероисповедания шариат приписывал взыскивать $\frac{1}{20}$ часть товара или деньгами, т.е. 5% от стоимости товара. В связи с тем, что в Бухаре с купцов-христиан взимали повышенную пошлину, торговать в узбекские ханства ездили главным образом казанские татары, которых русские купцы нанимали в качестве приказчиков, доверяя им ценные товары.

Исповедывавшие исламскую религию татары пользовались покровительством бухарских правителей. В отправлении своих торговых дел в Бухаре они имели полную свободу, которой пользовались местные мусульманские купцы. Сложив свои товары в отведенных им караван-сараях в шахристане, центре города недалеко от торговых тимов-куполов (типа Сараи Ногай и др.), казанские татары могли сбывать их затем и в обмен, и на наличные деньги как на базарах самой Бухары, так и в других городах и селах ханства. Им выдавались открытые листы, дававшие право беспрепятственного проезда по ханству в любое время. Приобретая в Бухаре товары из первых рук, по возвращении на родину они выдерживали те же цены, что и бухарские купцы, и имели от этой торговли значительную выгоду.

При царе Михаиле Федоровиче получили право ездить для торговли в Казань и тобольские бухарцы. Это были потомки тех, кто в середине XVI в. переехал из Бухары в Сибирь и осел там. В Тобольске, Таре, Тюмени и Томске было немало бухарцев, которые, не теряя связей со своей родиной, успешно вели торговые операции в Казани и Астрахани, пользуясь огромными льготами. В Казани, например, бухарцы имели право нанимать подводы, подолгу использовать складские помещения, покупать суда, словом, пользоваться льготами, во многом ставящими их в независимое положение от произвола местных чинов. В хранящихся в Центральном Государственном архиве древних актов «Бухарских делах» есть немало документов, отражающих процесс развития торгово-экономических и посольских связей между Бухарой и Казанью в XVI-XVII вв.

Эти материалы показывают, как развитие двусторонних отношений благотворно повлияло на рост, в частности, мануфактурного производства в Казани. Здесь создавались предприятия легкой промышленности. Особенно быстрое развитие получила полотняная промышленность. После включения Казахстана в состав России полотно заняло видное место в меновой торговле, но развитие этого производства несколько сдерживалось тем, что во второй четверти XVIII в. в России быстрыми темпами наращивалось производство хлопчатобумажных тканей. Наряду с Иваново-Вознесенским текстильным районом наибольшее развитие получило оно в Казанско-Вятском кумачном районе, где мануфактуры перерабатывали, как свидетельствуют источники, бухарскую пряжу.

Росту бухарско-казанских связей в значительной степени способствовало освоение Оренбургского края, строительство Оренбургской укрепленной линии. В оживлении русско-бухарской торговли через Оренбург заметную роль играли торговые капиталы предприимчивых казанских татар, основавших в окрестностях нового города Сеитовскую слободу. Впоследствии в Сеитовском посаде поселились сотни купцов-выходцев из Бухары, которые вели весьма выгодную торговлю в Казани. Поселение бухарских купцов играло важную посредническую роль в торговле России со странами Востока — Ираном, Индией, Китаем. Если в 1758-1760 гг. ежегодный това-

рооборот узбекских ханств с Россией через Оренбург составлял около полу-миллиона рублей, то в 1795 г. он возрос до 3,5 млн. рублей. Бухарские купцы играли значительную роль в этой торговле. В 1794 г. на долю бухарцев приходилось около 60 среднеазиатского ввоза в Оренбург. Оттуда товары переправлялись в Поволжье, прежде всего в Казань.

Не ослабевали торгово-экономические отношения между двумя древними городами и в последующее время. Бухарские купцы, неперемненные участники нижегородской ярмарки, широко пользовались льготными условиями, создаваемыми для них в Казани. Особенно активизировались они в период гражданской войны в США: учитывая возросший спрос на хлопок вследствие прекращения ввоза американского сырья, бухарские купцы почти втрое увеличили продажу хлопка через Казань и Оренбург.

В первой половине XIX в. явственно проступают черты культурных связей между древними городами. В типографиях Казани были напечатаны в русском переводе книги мусульманских историков, писавших о политической, экономической и культурной жизни Бухары. В 1825 г. в Казани был издан труд Абдулгази “Родословное древо тюрков”, многие страницы которого повествуют об истории Бухары. Там же были напечатаны “Записки мирзы Шемса Бухари” (“О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре”), “Шахрухова история” и другие исторические труды. В архитектуре многих зданий, воздвигнутых в XIX в. в Бухаре, отчетливо просматривалось влияние архитектурного стиля Казани. Можно упомянуть и о том, что бухарским эмиром Музаффарханом в Петербург, в русской столице неизменно сопровождал Александр Касимович Казембек — видный ориенталист, профессор Казанского и Санкт-Петербургского университетов. О создателе казанской школы ориенталистики А.Дониш тепло отзывается в своих книгах-воспоминаниях.

Большое влияние оказывала Казань на политическую и духовную жизнь Бухарского эмирата своими освободительными и демократическими идеями. Подъем национального духа мусульманского населения Поволжья нашел выражение в демократическом движении джадидизма. Представители татарской интеллигенции неоднократно приезжали в Бухару и Туркестан и входили в тесный контакт с местными учителями, табибами, студентами медресе. Бухарские джадиды, в свою очередь, ездили в Казань, привозили отсюда просветительскую литературу, пропагандировали новые демократические идеи казанских джадидов. В бухарском медресе обучался будущий писатель и историк Ш.Марджани.

Именно эти связи имел в виду глава бухарских джадидов Файзулла Ходжаев, говоря в своих воспоминаниях о влиянии на весь ход политического и культурного развития народов Средней Азии, которое оказывали в течение многих лет татары Центральной России. Конкретное проявление нашло это влияние и в решениях II Всероссийского мусульманского съезда,

прошедшего во второй половине июля 1917 года в Казани, в работе которого приняли участие и представители Бухары. Свет освободительных идей освещал высокие купола мечетей двух древних городов. Но началось большевистское правление. При командно-административной системе связи Бухары и Казани были зажаты тисками тоталитарного режима.

Сегодня многовековые связи двух знаменитых городов обрели новое звучание. Народы Узбекистана и Татарстана, имеющие тысячелетние корни, являются наследниками великих цивилизаций. Эти народы с длительной, непрерывно развивающейся и успешно продолжающейся в нашу эпоху исторической жизнью и культурой, вправе гордиться страницами, отражающими их тесные связи и отношения. Эти страницы рассказывают о поучительном опыте взаимоотношений и сотрудничества двух великих очагов цивилизации во имя добра, разума и прогресса.

Юлий Худяков
Новосибирск

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ВОИНОВ СИБИРСКОГО ТАТАРСКОГО ХАНСТВА

Важное место в истории Сибири в период позднего средневековья (XV-XVI вв.) принадлежит Сибирскому ханству — одному из татарских государств, образовавшихся после распада Золотой Орды. Сибирское ханство занимало обширную территорию степной, лесостепной и частично таежной зоны Западной Сибири, держало в вассальной зависимости княжества обских угров и селькупов, располагало внушительными военными силами, вело активную военную политику. Однако военному делу сибирских татар до недавнего времени не уделялось достаточного внимания. Отчасти это объясняется недостаточной изученностью самой эпохи позднего средневековья в археологическом отношении. Длительное время культуры позднего средневековья не исследовались специалистами-археологами, поскольку считалось, что они относятся к периоду этнографической современности и должны быть объектом этнографического изучения.

Однако, без исследования периода позднего средневековья в военной истории кочевых народов анализ закономерностей развития военного дела в кочевом мире является не полным. Для разработки этих проблем важное значение имеет реконструкция комплекса вооружения сибирского татарского воина, поскольку некоторые исследованные археологические памятники эпохи существования Тюменского и Сибирского татарских ханств синхронны периоду позднего средневековья. Поэтому реконструированные на основе этих материалов данные о комплексе вооружения сибирских татар могут служить важным хронологическим эталоном для изучения военного дела других кочевых этносов эпохи позднего средневековья¹.

Определенное внимание разработке данной теме уделялось в научных трудах по истории, этнографии и археологии Западной Сибири и сибирских татар. Важное значение для ее решения имеют сведения письменных источников, сибирских летописей о военных действиях отрядов Ермака и сибирских воевод против военных отрядов Сибирского татарского ханства и некоторые этнографические материалы XVII в., представленные в музейных коллекциях и публикациях, а также изображения сибирских татарских воинов, относящиеся к XVII в. Однако основным источником по реконструкции комплекса вооружения сибирского татарского воина и являются археологические материалы, находки предметов вооружения из Искера и памятников Барабы.

Основным в комплексе вооружения сибирского татарского воина было оружие дистанционного боя — лук и стрелы.

У сибирских татарских лучников, как установлено В.И.Молодиным, В.И.Соболевым и А.И.Соловьевым, имелось на вооружении несколько типов сложносоставных луков². Среди них выделяются луки с фронтальной срединной накладкой и с фронтальными плечевыми и срединной накладками. Все эти типы сложносоставных луков являются модификациями “монгольского лука”, бытовавшего в кочевом мире с эпохи развитого средневековья. Широко применялись и сложносоставные луки, склеенные из нескольких деревянных деталей, без костяных накладок. Подобные луки сохранились до этнографической современности.

В наборе железных наконечников стрел сибирских татар преобладали плоские в сечении наконечники боеголовковой и асимметрично-ромбической форм.³ Реже применялись стрелы с удлинённо-ромбическим, вытянуто-пятиугольным, секторным, вильчатым пером и томары. Для пробивания специальной металлической защиты применялись стрелы с четырехгранных в сечении наконечником боеголовковой и вытянуто-пятиугольной форм. Универсальный характер применения имели стрелы с линзовидными в сечении наконечниками боеголовковой, удлинённо-треугольной и удлинённо-ромбической форм. Довольно часто в памятниках сибирских татар встречаются и костяные наконечники стрел.⁴

По групповому и типологическому разнообразию набор железных наконечников стрел сибирских татар заметно уступает набору стрел монгольских воинов. В сибирско-татарском наборе преобладают плоские боеголовковые и асимметрично-ромбические стрелы небольших размеров. Вероятно, в сражениях с легковооруженным и подвижным противником они были достаточно эффективны. Однако в боях с русскими военными отрядами, вооруженными огнестрельным оружием, эффективность стрельбы “тёмночисленными стрелами” оказалась невелика.

Сибирские татарские воины хранили и носили луки и стрелы в саадаках вычурной формы с фигурно вырезанным краем и горловиной. Стрелы помещались в них наконечниками внутрь, оперением наружу. Подобные футляры изготавливались из кожи. Их внешняя поверхность богато орнаментировалась и украшалась бляшками, иногда раскрашивалась. Саадаки подвешивались с помощью портупейных ремней к поясу или одевались через плечо.

Оружие ближнего боя в памятниках сибирских татар встречается значительно реже дистанционного. В материалах из Искера представлены палаши с однолезвийным прямым клинком без перекрестья и с фигурным перекрестьем, сабля с однолезвийным слабоизогнутым клинком и елманы без перекрестья; наконечники копий, с четырехгранным в сечении, удлинённо-треугольным наконечником. Размеры некоторых наконечников копий очень невелики, возможно, они применялись в качестве дротиков для метания. В Барабе найдены копы с длинной втулкой и уплощенно-

ромбическим в сечении наконечником.⁵ Возможно, что в ближнем и рукопашном бою сибирские татарские воины могли использовать в качестве ударного и рубящего оружия проушные топоры, тесла с несомкнутой втулкой, а в качестве колющего — кинжалы. Предметы защитного вооружения в памятниках сибирских татар встречаются очень редко. В материалах из Барабы известны панцирные пластины и фрагменты кольчуги. В материалах из Искера также представлены кольчуги.

По сведениям из письменных источников, в боях с отрядом Ермака татары предпочитали вести обстрел из луков на дистанции полета стрелы. Сравнительно редко они вступали в ближний бой, уступая противнику в средствах защиты. Однако, некоторые бои характеризуются в качестве “злой сечи”, когда противники “бились крепко”, в рукопашную.⁶

Помимо холодного оружия, войско хана Кучума располагало двумя чугунными пушками, привезенными некогда из Казани, которые стреляли “сорокапудовыми” ядрами. Кучум попытался их применить в полевых условиях в сражении на Чувашском Мысу.⁷

В тактике боя военные отряды сибирских татар практиковали внезапные нападения из засады, оборону крепостей, устройство засек. В сражениях Кучум и его полководцы стремились достичь успеха за счет превосходства в численности.

Оценивая боееспособность войска Сибирского татарского ханства, исследователи отмечают, что оно уступало отряду Ермака в вооружении, боевом опыте и стойкости. Однако, едва ли можно считать уместными пренебрежительные оценки Сибирского ханства в качестве “эфемерного государства”, тем самым умаляя значение военных побед отряда Ермака.⁸ Несомненно, что войска Сибирского ханства значительно превосходили отряд Ермака по численности, но уступали в военно-технической оснащенности и боевом опыте. В составе отряда были казаки, имевшие большой опыт военных действий с кочевниками на Волге, немцы и литовцы из числа военнопленных с Ливонской войны, которые высоко ценились в Московском царстве как военные специалисты.⁹ Отряды сибирских татар и манси также совершали походы через Урал, но должного опыта в войнах с технически превосходящим противником не имели.¹⁰ Тем не менее в источниках отмечается, что в некоторых боях татары сражались храбро. Отличался храбростью полководец Махметкул, племянник Кучума. После своего пленения, он стал российским воеводой, воевал со шведами и крымскими татарами. Татарские полководцы не смогли должным образом воспользоваться своим численным превосходством и знанием местности, противостоять тактике, применяемой отрядом Ермака. Их успехи связаны, в основном, с несколькими внезапными нападениями, заманиванием противника. Во время такого ночного нападения погиб Ермак. Положение Сибирского ханства

осложнялось внутренней борьбой за ханский престол и переходом части татарских мурз и хантыйских и мансийских князей на сторону русских.

¹ Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Реконструкция комплекса вооружения позднесредневекового сибирского татарского воина// Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск. 1998. С. 99.

² Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск. 1998. С. 21; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск. 1990. С. 44.

³ Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1981. С. 184-185.

⁴ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. С. 56-62.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1937. Т.I. с. 223.

⁷ Там же. С. 230.

⁸ Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России// Страницы истории и современность. Абакан-Москва. 1996. Вып. 2. С. 34-35.

⁹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск. 1941. С. XLDC.

¹⁰ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. 1982. С. 22.

К ИСТОКАМ КАЗАНСКОЙ СКАНИ

Казань — единственный из городов Поволжья нового времени с развитой традицией искусства скани. На особый характер техники и стилистики местной филигрании обратила внимание М.М.Постникова-Лосева [Постникова-Лосева, 1974. С.101]. Нерусский тип казанской скани привел ее к мысли о “среднеазиатских или греческих” истоках ювелирной школы, которую она рассматривала как один из центров русского ювелирного искусства. Другой источник Постникова видела в болгарской ювелирной традиции. Соглашаясь с важностью поставленных вопросов, есть смысл предложить их решение, опираясь на памятники золотоордынской филигрании XIII-XV вв.

Идея генетической преемственности казанской как одной из ветвей джучидской художественной школы кажется самоочевидной. Тем более, что обе развивались в рамках одного ювелирного типа филигрании. Речь идет о филигрании спирального стиля.

Опорным памятником, с которого предпочтительно начать обзор филигрании монгольской эпохи, является “пектораль”, найденная в составе клада в районе Шахрисябза. Район Шахрисябза — одна из областей, входящих в число культурных земель Центральной Азии, управлявшихся до начала XIV в. от имени Великого хана [Бартольд, 1964. II, ч.2. С.539]. Клад получил название “Бухарского” и был датирован XIII-XIV вв. [Спицын, 1909. С.78-81, табл.III, IV]. Дата установлена на основании сопоставления двух основных вещей клада — пекторали и шестилепестковой бляшки с аналогичной сканью ряда золотоордынских находок, среди которых названа и “Шапка Мономаха”. Последнюю А.А.Спицын считал “заурядной поделкой, которую по образцам могли сделать и мастера Золотой Орды” [Спицын, 1909. С.80; нашу атрибуцию см.: Крамаровский, 1982. С.66-70].

Возможно, что “пектораль” несколько старше других вещей клада. Время ее изготовления определяется по сходству чеканных узоров тыльной пластины с орнаментами ряда раннеджучидских памятников торевтики около середины XIII в. Лицевой декор пекторали построен на сочетании спиралей, составленных из коротких завитков плющенной золотой проволоки, с вставными деталями из зерни, выложенной в форме миниатюрного цветка на крохотных плоских шитках. Бухарская “пектораль” недавно получила своего китайского “двойника”, датированного серединой XII в. [Wenwu, 1992. № 12, p.38,46; Rawson, 1996, p.36]. Таким образом, домон-

гольский (сунский) генезис стиля спиральной филигрании можно считать установленным (подробнее см.: Крамаровский, 1999).

Группа изделий из филигрании времени чингисовской эпохи недавно пополнилась парой великолепных серег и семнадцатью бляшками-нашивками (все предметы из золота со вставками из бирюзы), объявленными к продаже на октябрьском аукционе 1995 г. Christie's в Лондоне [Islamic Art. 1995. p.118-119, № 296]. Украшения декорированы “воздушной” спиральной филигранью с зернью в глазках завитков, за исключением серег, но сами лондонские серьги близки по типу к хунаньским [Singer, 1971, p.63]. Золотоордынская атрибуция комплекса женских украшений, предложенная экспертами Кристи, основана на сравнении вещей лондонской группы с филигранью опубликованных мной браслетов, найденных в составе Нейзацкого клада (тоже со вставками из бирюзы) [Крамаровский, 1994. С.126-142, табл.1,8,9, Kramarovsky, 1995, p.234]. По-видимому, к возможности золотоордынского определения экспертов подтолкнуло сочетание филигрании спирального типа и бирюзы в декоре щитков незащиченных браслетов. Между тем, бирюза не столь уж характерный камень для ювелирного ремесла золотоордынского Крыма, находящегося в XIV в. под ощутимым влиянием сельджукидской Малой Азии. Тем более, что в Китае инкрустация бирюзой встречается на украшениях времени династии Тан [White, Bunker, 1994. P.156, № 70] и, как мы теперь знаем, ювелирных вещах сунской эпохи. Полагаю, что украшения из филигрании лондонской группы следует отнести не к Золотой Орде, а к Китаю или Центральной Азии, где они могли быть изготовлены китайскими же ювелирами в период середины XII- первой половины XIII вв. Зато к золотоордынскому кругу памятников должна быть отнесена золотая пластина с филигранью, выставленная годом раньше на другом лондонском аукционе, опубликованная в каталоге “Дворцовые сокровища” [Rey, Sprink, 1994. № 6]; это украшение повторяет с некоторыми изменениями основной рисунок “пекторали” из Шахрисябза. Приемлемой кажется и дата новой находки (к сожалению, без указания места и обстоятельств обнаружения) в пределах первой половины XIV в., но мамлюкская (сиро-египетская) атрибуция, ставшая модной в среде англо-американских коллег для украшений с филигранью спирального стиля, вызывает возражение. Определение ряда специалистов основано на некритическом восприятии другой атрибуции: отнесения всех украшений из филигрании, обнаруженных в составе Симферопольского клада, к ювелирной школе мамлюкского Египта [Jenkins, 1988, pp.29-42]. Стремление М.Дженкинс как можно быстрее “написать главу, которой так не хватало в истории ювелирного искусства” (речь идет о ювелирных изделиях, произведенных в период мамлюкского господства на Ближнем Востоке — М.К.) [Jenkins, 1985, p.346] можно понять, но трудно разделить. К сожалению, ее гипотеза оказалась не подкрепленной доказательствами. Украшения из филигрании, найденные в составе Симферопольского клада, объявлены мамлюкскими

на том основании, что у Каира и поволжских столиц сложились тесные политические и торговые контакты, в результате которых из Крыма вывозились кипчакские юноши, пополнявшие ряды мамлюков. Впрочем, к мамлюкским изделиям в этой статье причислены еще известный филигранный ларец из Трира и “Шапка Мономаха” [Jenkins, 1988, p.31-35]. М.Дженкинс, опираясь на дату крымских находок, выделила несколько действительно мамлюкских украшений XIV в., но не в составе золотоордынскогоклада, а в собрании Национального музея в Дамаске [Jenkins, 1988, pp.29-42]. Я разделяю ее наблюдение о том, что одним из надежных отличительных признаков, позволяющих опознать изделия сирийских мастеров XIV в. с использованием скани спирального стиля, являются характерные для отдельных украшений наборные пластины основы, составленные из узких полос листового золота (или золотой фольги). Именно такими украшениями богаты фонды Национального музея в Дамаске. Существенная черта всей серии украшений состоит в том, что инновационная линия в их декоре определяется филигранью спирального стиля, пришедшего на Ближний Восток в период первых контактов турков Айбака с монголами (Бахрит Айбак захватил власть в Египте в 1250 г. вскоре после Наджм ад-дина Аййюба). В то время как основные технические элементы, составляющие привычный набор технических средств египетского мастера-ювелира, в том числе и жесткий каркас из полос золотой фольги, восходят к традиции фатимидского ремесла (см., например, медальон из собрания Метрополитанского музея в Нью-Йорке (Иран, XI в.) [Jenkins, Keene, 1982. P.52, № 24]. Эта группа украшений может быть дополнена золотым филактерием из штата Колорадо (Музей искусств Денвера) [Крамаровский, 1997. С.27-29].

Вернемся теперь к украшению, опубликованному в каталоге “Дворцовые сокровища” [Ray, Spink, 1994, № 6]. Мотивы филигрانی новой лондонской пластины полностью повторяют узоры шахрисябзской находки, хотя и без скопления зерни в глазках спиралей. Форма вещи упрощена. Это свидетельствует о ее вторичности: декор украшения лишен “вводных” мотивов, характерных для изделий мамлюкской группы. Принадлежностью эрмитажного и лондонского украшений к монгольской эпохе, с учетом ощутимого хронологического разрыва, кажется вполне вероятной. С появлением этой незаурядной находки мы получили недостающее звено, позволяющее более полно представить следующую схему развития филигранных украшений спирального стиля.

Первый этап — находки с датой около середины XII — середины XIII вв. лоянское и шахрисябзское украшения, девятнадцать аукционных предметов из золота, составляющие единый ансамбль украшений женского костюма [Islamic Art, 1995. P.118,119, № 269]. Возможно, к этой группе предметов следует отнести серебряные серьги из провинции Хунань в Китае [Singer, 1971. P.63, № 88e] и золотые — из женского погребения в провинции Хэбэй [Wenwu, 1992, № 12. P.46, рис.22,7,12]. Все вещи этой группы

украшены “воздушной” филигранью, составленной из одно- или двухсторонних завитков, многие — со скоплениями зерни в глазах спиралей.

Второй этап — конец XIII — первая половина XIV вв. — представлен несколькими подгруппами вещей. К первой относится украшение для волос из лондонской коллекции М.Спинка [Rey, Spink. 1994. P.8, № 6], шестилепестковая бляшка из Шахрисябзского клада [Спицын, 1909. Табл.IV,3,4], серебряные шпильки из уезда Линьли (провинция Хунань) [Hunan Archaeology, 1984, № 2] и украшения в виде лотосовидных цветов из числа археологических находок в бывшей коллекции Д.Я.Самоковсова (Архив ГАИМК). Ко второй подгруппе могут быть отнесены: “Шапка Мономаха”, брошь из района Можайска (Крамаровский, 1982. Табл.I, II,26) и ряд украшений из филигрании, найденные в золотоордынских кладах Поволжья — из Джукетау [Смолин, 1925. № 3] и Крыма — Алуштинский клад [Махнева, 1968. С.152-163]. Обе подгруппы второго этапа представлены памятниками с “воздушной” и “глухой” сканью, но здесь все вещи — без скоплений зерни в глазах спиралей (за исключением Шапки, где этот признак рудиментарен и встречается не регулярно). Как кажется, к этому же этапу следует отнести и знаменитый серебряный ларец из Трира. Фр.Рониг по-прежнему считает его византийским [Ronig, 1984. S.143], а русская историографическая традиция уже давно рассматривает как принадлежащий христианской Сирии [Спицын, 1906. С.182-184; Grabar, 1975. P.LIX; Банк, 1978. С.156; Маршак, 1982. С.66; Marshak, 1986. S.119]. Из византийских, или, скорее, сирийских вещей к кругу памятников конца XIII в. следует отнести и серебряный крестик из собрания Эрмитажа [Банк, 1974. С.60,61].

Как мы видим, уже на стадии второго этапа, не позже первой половины XIV в., стиль спиральной филигрании выходит за рамки евразийского степного пояса и приобретает характер международного. Впереди нас ожидает обращение еще к двум важным этапам в развитии стиля спиральной филигрании. Одним из ключевых памятников второго этапа является так называемая “Шапка Мономаха”.

Теперь о *третьем этапе* в предлагаемой схеме развития филигрании спирального стиля. Его временные границы определяются серединой — второй половиной XIV в. Сюда входит серия исламских украшений золотоордынского, мамлюкского и малоазийского круга. В эту группу может быть включен филактерий Симферопольского клада [Мальм, 1980. С.12], близкие по форме филактерии из Национального музея в Дамаске [Jenkins, 1988, pp.29-42] и Музея искусств в Денвере (штат Колорадо) [Крамаровский, 1996. С.26-29]. К этому же ряду должны быть присоединены ряд украшений, близких по форме подвеске из Кувейта [Jenkins, 1983. P.31]. Один из наиболее выразительных памятников группы — футляр, хранящийся в Отделе Азии Музея искусств в Денвере (Инв. № 1958,3).

По форме денверский футляр близок золотому флатерию из Симферопольского клада, датируемого пайцзой хана Кельдибека первой половины

XIV в. С крымским денверский филактерий сближает способ наложения ска-ного узора на плоскость из полосок золотой фольги. Этот прием характерен и для серии золотых украшений из Национального музея в Дамаске. Из них к денверскому близок футляр № 1055-4 [Bahnessi, 1987. S.131, № 180, Jenkins, 1988. P.30,1 а-с; см.еще подвески в форме медальонов: р.31,4а,в и филактерий № 1054-4, р.32,6, но еще и две бусины: № 1057-4, р.32,7]. Афиф Бахна-си неверно датировал филактерий из Дамаска XI в. Его дата в пределах XIV в. более обоснована, поскольку близкие по форме футляры с корпусом из цель-ного золотого листа известны сразу по двум крымскимкладам — Симферо-польскому и Нейзацкому. Вещевые комплексы обоих кладов сопровожда-лись монетами и другими датирующими материалами первой половины XIV в. К этой группе украшений может быть присоединен и золотой филактерий из Бостона (Музей изящных искусств, № 65,248) [Jenkins, 1988. P.30,2]. М.Джен-кинс отнесла украшения с филигранью из музеев Дамаска, Бостона и Моск-вы к сиро-египетскому кругу, справедливо включив в него и шестилепестко-вую подвеску из Кувейта. Я разделяю ее мнение о заметном фатимидском вкладе в развитие мамлюкской филигрании XIV в., где основное место принад-лежит спиральным мотивам, пришедшим в Дамаск и Каир из Восточной и Центральной Азии через Дешт-и Кыпчак. Следует согласиться и с тем, что новый стиль филигрании отразился в более позднем берберском искусстве Северной Африки [Jenkins, 1985. P.346]. Однако ее интерпретация русских вещей конца XIV-XV в. со спиральной филигранью неприемлема.

Итак, филактерий из Музея искусств в Денвере относится к сирийской группе сканей второй половины XIV в.; экземпляр Симферопольского кла-да, по моему мнению, относится к произведениям ремесленных центров к северу от Дамаска (скорее всего, к Анатолии времени сельджукидских сул-танов). К этой малоазийской группе принадлежит и золотой филактерий из Бостона (№ 65,284), чья орнаментация близка к узорам двух сканых пла-стин оклада Владимирской Богоматери и отдельным мотивам в окладе Еван-гелия Успенского собора из московской мастерской русского митрополи-та. Упоминание двух блестящих памятников русской филигрании позволяет перейти к краткой характеристике следующего этапа.

Четвертый этап (конец XIV — первая треть XV в.) представлен москов-ской школой филигрании. Ее ядро образуют золотой оклад из мастерской митрополита Фотия и серебряный оклад “Евангелия Морозова”. М.М.Пост-никова-Лосева определила филигрании фотиевского оклада работой гре-ческих мастеров [Постникова-Лосева, Протасьева, 1963. С.162-172]. В этой и других работах, посвященных московским окладам, старательно не за-мечается влияние Востока, а тем более золотоордынского. Одним из наи-более экстравагантных проявлений в оценке связей этого направления стало отнесение известной московской регалии — “золотой шапки” к кру-гу русских памятников, соотносимых с московской мастерской митрополи-та Фотия [Бочаров, 1994, № 4. С.125-128]. По мнению А.В.Рындиной, учите-

лями русских сканщиков в митрополичьей мастерской были греки из Мореи [Рындина, 1983. С.162]. В этой мысли звучит мотив, предложенный в начале века Н.П.Кондаковым. Последний считал, что сканный оклад на икону Владимирской Богоматери создан между 1408 и 1431 гг. “выписанными (на Русь, в Москву — М.К.) греческими золотых дел мастерами или, может быть, московскими мастерами, но в привычном митрополиту цареградском вкусе” [Кондаков, 1902. С.189-190]. Идея греческой родины оклада была развита М.М.Постниковой, датировавшей оклад 1408 г. [Постникова, Протасьева. 1963. С.133-172]. А.Грабар и А.Банк признали оклад московским по месту изготовления, но провинциально — греческим по мастерству [Grabar, 1975. P.71,72; Банк, 1977. С.80]. Обычно филигрань митрополичьей мастерской, где были выполнены интересующие нас золотые оклады, сопоставляют со сканью “Шапки Мономаха” [Постникова-Лосева, Протасьева, 1963. С.162; Grabar, 1975. P.71, 72; Банк, 1978. С.15; Рындина, 1983. С.160]. Сейчас, как кажется, византийская гипотеза происхождения скани “золотой шапки” может быть поставлена в один ряд с “московской гипотезой” Г.Н.Бочарова (см.выше).

Разумеется, в нашем обзоре представлены лишь опорные памятники и каждая из упомянутых групп филиграни требует отдельного анализа и более полного описания. Нужно лишь иметь в виду, что предлагаемые цепочки вещей не являются собой результата однолинейного развития. Памятники золотоордынской филиграни занимают важное место, главным образом, в структуре второго и третьего этапов. Поэтому среди датированных монетами хана Узбека (1312-1341) золотоордынских находок выделим серию украшений бывшей коллекции археолога Д.Я.Самоковасова, найденной в могильнике у д.Вороная на юге Украины [Спицын, 1905. Рис.43; фотоархив ЛО ИИМК]. Возможно, что этот тип сканных украшений старше первой половины XIV в., поскольку типологически близкие золотые украшения этого же столетия из состава Симферопольского клада дают другой, более стилизованный рисунок основных элементов. Крымские находки композиционно построены на сочетании симметричной пальметты малоазийского типа с двумя миниатюрными вставками с кастами под мелкие жемчужины, подобные по своим формам лепесткам пятичастных звездочек из кургана Юн-Баба на Северном Кавказе [Kramarovsky, 1989. P.84]. К ним в высшей степени близка золотая сканая брошь со вставками синего стекла из Нью-Йорка. Украшение определено как мамлюкское и традиционно датируется второй половиной XIV в. [Spink, 1986. № 66; Jenkins, 1988. P.35, fig.14]. Но, по всей вероятности, оно должно быть отнесено к первой половине XV в. Можно предположить, что филигранные украшения из коллекции Д.Самоковасова принадлежали представительницам того поколения золотоордынских дам, которые все еще пользовались украшениями, чей стиль отражал вкусы старшего поколения, выросшего при первых золотоордынских ханах. Т.е. в период, когда идея монгольского единства и связей с берегами Ононоа и Керулена еще не была окончательно забыта. Вопрос, однако, в том, следует

ли эти находки рассматривать как произведения собственно золотоордынских ювелиров, или как наследственные украшения из семейных сокровищниц, складывавшихся еще в Центральной Азии. Это предположение кажется допустимым, хотя в метрополии подобные украшения археологически не засвидетельствованы. Находки, подобные самоквасовским, в последние десятилетия сделаны на Волге в районе д. Жутово (Приволжский отряд Волго-Донской экспедиции ЛОИА) и на правом берегу Южного Буга у с. Ковалевка (Очаковская экспедиция НАН Украины), обе — в кыпчакских подкурганых захоронениях второй половины XIII в. (не опубликованы). “Глухая” скань украшений в форме стилизованных лотосов состоит из спиралевидных элементов, тождественных по рисунку филигрانی шестилепестковой бляшки из Шахрисябза. Наши аналогии дают основание для более ранней датировки украшений из бывшей коллекции Самоквасова, чем время Узбек-хана. Теперь уже не приходится сомневаться, что традиция подобных украшений приходит в Дешт-и Кыпчак из сунского Китая через представителей поколения джучидов, основавших государство Золотой Орды.

В XIV в. новый стиль филигрانی завоевывает исламский Ближний Восток. Предлагаемый обзор памятников с филигранью спирального стиля дает основание для следующих выводов: а) спиральный стиль скани, характерный для изделий мастеров по филиграням в сунском Китае, утвердился в художественном ремесле Евразии преимущественно в границах монгольских государств, или государств их ближайших соседей, начиная с середины XIII в; б) в его распространении не имели значения конфессиональные границы, а сам стиль уже во второй половине XIII в. приобрел характер международного; в) серия украшений из Дешт-и Кыпчака и Крыма XIII-XIV вв. с филигранью спирального стиля позволяет существенно обновить наши представления об искусстве Золотой Орды и по-новому представить художественные связи этого государства с исламским и христианским Левантом, а также новой русской школой филигрانی, сложившейся на рубеже XIV-XV вв. в Москве. Именно Москва в период распада Золотой Орды, когда мастера в поисках стабильности и богатых заказчиков были вынуждены покинуть степные города, разрушенные и обескровленные Тимуром в 1395 г., сделалась не только прибежищем, но и выросла в один из самых заметных в Восточной Европе художественных центров. Московская филигрань спирального стиля вошла в ряд высших достижений европейского и мирового ювелирного искусства, предопределив направление развития этой техники в провинциальных русских школах XVI-XVII вв.; г) казанская филигрань спирального стиля являет собой самостоятельное явление, связанное с культурой Казанского ханства. Эволюция развития ювелирного дела казанской школы филигрانی должна рассматриваться в контексте истории культуры Золотой Орды.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СУДЬБЕ КАЗАНИ

Историю Казани как экономического и культурного центра татарского народа невозможно понять без рассмотрения процессов, явлений и событий, связанных с взаимодействием человека и природы в Восточной Европе XIV-XVI вв. Становление Казани связано с процессами антропогенизации степей и лесостепей, гибель — антропогенизацией лесов. До сих пор эти процессы не вводились в научный исторический оборот и общественное сознание. Исследование по проекту “Генезис кризисов природы и общества в России” впервые вскрыло существование двух кризисов в средневековой Восточной Европе: в степях и лесах (Кульпин Э.С. Путь России. М. 1995; он же. Золотая Орда. М. 1998).

Во второй половине I тыс. н.э. начало культурному и экономическому развитию междуречья Волги и Камы положил тюркский булгарский этнос. В то время булгары опережали в своем развитии славян, балтов, угров и финнов, проживавших в средних широтах Восточной Европы. Они имели более глубокие корни государственности, идущие с Востока и связанные с китайской традиционной государственной системой, раньше достигли более высокого уровня жизни широких слоев населения, раньше и твердо встали на путь интенсивного земледелия, восприняв в качестве одной из основных ценностей этноса императив “здесь и теперь”, почти на столетие раньше славян приняли в качестве идеологической базы одну из мировых религий — ислам. На грани тысячелетий лишь два этноса Восточной Европы имели шанс стать центрами кристаллизации суперэтноса — булгары и славяне. Шанс этот, как показала история, был связан не столько с выработкой системы координат — универсальных представлений о мире и о себе, на основе, как сейчас принято говорить, общечеловеческих ценностей, сколько с успешностью колонизации окружающей природной среды.

Перешедшие к интенсивному земледелию славяне и находящиеся в стадии перехода к оседлости булгары имели несравнимо большие (при распашке огромных лесных территорий практически неограниченные) возможности для демографического роста, чем степняки и жители лесов — балты, финны и угры. Освоение новых земель требует расширенного демографического воспроизводства, а расширенное демографическое воспроизводство требует, в свою очередь, введения в хозяйственный оборот новых природных ресурсов.

Освоение славянами Центра и Севера Русской равнины шло двумя потоками. Колонизация была крестьянской и княжеской. Крестьяне бежали от жестокой эксплуатации и аморальности княжеской власти в леса. Князья осуществляли колонизацию ополжий — обширных безлесных пространств Северо-Восточной Руси. Князья “сажали” на новые земли зависимых от себя людей. Демократизм кочевого общества не позволял булгарским князьям использовать насильственные методы. Бунтарская колонизация была народной, в чем-то похожей на крестьянскую колонизацию славян, но и отличающейся от нее. Если крестьяне у славян бежали в леса за свободой, то свободным тюркам не было социально-политической нужды углубляться в леса. Кроме того, психологически им было трудно расставаться со скотоводством, как системой хозяйствования. Они оставались преимущественно на границе леса и степи. Их демографическое воспроизводство, не исключено, подчинялось законам гомеостазиса степи, если не непосредственно, то через культурные традиции. Одно несомненно: оно было более низким в сравнении со славянской. К тому же богатство природных ресурсов благоприятствовало росту благосостояния, приобщение через ислам к высокой (арабской) культуре ориентировало народ на неуклонный рост уровня и качества жизни, а рост качества и уровня жизни всегда связан обратной зависимостью с темпами роста населения. Установки ислама на большую семью, видимо, не были столь действительными, как у народов с низким уровнем жизни. Факт: к началу монгольского завоевания славяне, а не тюрки осуществили первоначальную колонизацию большей части лесной зоны Великой русской равнины, охватив широкой дугой поселений владения булгар с запада и севера и перекрыв пути тюркской колонизации в этих направлениях. Этот факт имел в дальнейшем определяющее значение для грядущего преобладания славянских этносов над другими в Восточной Европе: за славянами была закреплена природная база, позволяющая и, что значительно важнее, требующая расширенного демографического воспроизводства.

Монгольское нашествие внесло коррективы в интенсивность и характер колонизационных процессов. Монгольский “каток” проехался по булгарским землям и княжеским ополжьям, но не мог сколько-нибудь существенно затронуть бедные и малочисленные селения, созданные в ходе славянской народной колонизации лесов. Логично также предположить, что оспариваемый некоторыми историками факт разбегания во время нашествия княжеских крестьян по лесам имел место. В пользу предположения говорит размер селений — одно-двухдворки, в которых немного позже стала жить большая часть населения Руси.

Возникшее после монгольского завоевания Восточной Европы государство, объединившее под единой политической властью все народы Восточной Европы, Сибири и части Центральной Азии и получившее название Золотая Орда, было самым большим по территории во всей Евразии. История этого государства во многих своих чертах до сих пор — *terra incognita*.

Представление, созданное о нем традиционной историографией, требует существенной корректировки, которое возможно осуществить лишь в результате большого комплексного исследования. Но даже весьма предварительное рассмотрение позволяет уверенно говорить о следующих его основополагающих чертах.

Золотая Орда была высокоорганизованным поликонфессиональным и полиэтничным конфедеративным государством, где места пользовались широкой политической, экономической и культурной автономией. В нем не только позволялось разнообразие культур и конфессий, но защищалось право личности на духовное инакомыслие, чем это государство разительно отличалось от других. В период расцвета уровень политической, экономической и духовной свободы в этом государстве намного превосходил таковые на Ближнем Востоке и Западной Европе.

В географическом центре государства на пустом месте возникла степная гардарика — система городов. Это был эксперимент чрезвычайной трудности. Не случайно, создание системы городов в степях стало возможным в России лишь в эпоху промышленной революции — в XIX в. Степная городская цивилизация является убедительным свидетельством в пользу мощи и организованности государства и пассионарных возможностей системообразующего этноса. Если первые города в XIII в. создавались согнанными в низовья Волги мастеровыми всех завоеванных земель и народов, то в XIV в. новые города возникали, хотя и (нередко) по ханским указам, но инициативой самого общества, самоорганизацией людей. В XIV в. число городов и горожан Золотой Орды было сопоставимо с таковыми в Западной Европе, а уровень бытовой городской культуры степных городов империи по многим параметрам превосходил таковые в Западной Европе. Население городов формировалось из представителей всех народов государства, но язык большинства горожан и культура были тюркскими — татарскими, а религия — ислам, и именовали их другие и они сами себя татарами. Таким образом, создание степной городской цивилизации было делом всех народов империи, но осуществлялось оно под руководством системообразующего тюркского (татарского) этноса.

Каков вклад каждого народа в создание новой цивилизации — проблема, требующая грядущего внимательного анализа. Ряд обстоятельств заслуживают предположить, что наибольший вклад внесли тюркские народы и среди них, возможно, в первую очередь, булгары: волжские города Золотой Орды выросли на хлебе и лесе Булгарии. Однако вклад Булгарии не мог быть только экономическим: центр любого государства всегда служит местом притяжения наиболее активной и интеллектуальной части населения. Сколько булгар поспособствовало расцвету степных городов, мы не знаем, но, не исключено, что интенсивность булгарского освоения лесов была много более слабой, чем у славян, не исключено, и по причине естественного оттока в степные города Золотой Орды ремесленного населения. Из

Руси имел место естественный отток знати и их вооруженной и невооруженной челяди.

В степях империи развивалось промышленное производство, а лесные, предгорные и оазисные окраины поставляли сырьевые ресурсы. Создание Золотой Орды и степной гардарики отозвалось на окраинах стагнацией городов, городских промышленности и культуры. Русские города, как центры *промышленного производства*, в это время практически не развивались, хотя в XIV в. в них наблюдалось оживление торговли. Иная ситуация была в Булгарии. Здесь имело место возрождение городов как промышленных центров. Связано это было не только с нуждами местного населения, но с ростом потребностей, возникшей в первой половине XIV в. сплошной цепочки нижеволжских городов. Булгария поставляла в низовья хлеб и лес, что прямо стимулировало развитие сельскохозяйственного производства и косвенно промышленного производства в городах Булгарии.

Путь развития, предложенный Золотой Ордой (цивилизация), имел ряд позитивных моментов, опережающих свое время. Однако цивилизация степной гардарики не выдержала испытания на зрелость: способность решать как внутренние проблемы, так и внешние вызовы. Во второй половине XIV в. империя вошла в состояние комплексного социально-экологического кризиса, спровоцированного уникально высоким демографическим ростом кочевого населения. Политически кризис выразился в смуте, названной в русских летописях “Великой замятней” — борьбой всех против всех. Последовавшее почти сразу после смуты нашествие Тимура завершило процесс разрушения степных городов — культурного и промышленного центра империи. Государство было отброшено в начало XIII в.

Окраины империи — Русь и Булгария — избежали нашествия Тимура. Однако Булгария, тесно связанная экономически и культурно со степью, была втянута в смуту. Великий Булгар был разрушен Булат-Тимуром в самом начале смуты — 1361 г. и окончательно не возродился. Город находился в лесостепной зоне и был легко доступен нашествиям из степи. “Замятня” не позволила возродиться не только Великому Булгару, но и развиваться другим городам лесостепной зоны. Возможности для спокойной жизни имели те городки, которые находились в лесной зоне и не столь активно или вообще не принимали участие в смуте, да и то их развитие, прежде всего Казани, стало возможным лишь после завершения смуты.

От смуты не пострадала и потому выиграла Русь. Формально христианизированная, но остававшаяся до ига реально языческой, Русь во время ига консолидировалась идеологически и политически, за счет роста в лесах монастырей — проводников христианской идеологии и княжеской власти. Половина всех монастырей России возникла в эпоху ига, поскольку ханская власть в соответствии с Ясой Чингиз-хана создала для православной церкви режим наибольшего благоприятствования.

В раннем средневековье небезопасность существования заставляла западноевропейских крестьян сбиваться в большие селения и бояться леса. На Руси же во время татаро-монгольского ига индивидуальное существование было настолько гарантировано, что люди имели возможность жить малыми семьями. Безопасность, устойчивость существования, высокие урожаи, получаемые при подсечно-огневом земледелии, обусловили темпы роста населения немисливо высокие не только для Западной Европы того времени, но всего средневековья всех стран и народов: в XV в. население Северо-Западной Руси без малого удвоилось. Эти немисливо высокие темпы роста населения привели в конце XV в. Северо-Восточную Русь к кризису: были распаханы не только те леса, которые можно было распахать без ущерба для экологического равновесия, но и те, которые нельзя было распахивать.

Экологический кризис, спровоцированный демографическим ростом, обусловил возникновение хозяйственного. Невозможность далее эксплуатировать технологию подсечно-огневого земледелия вызвало технологический кризис. Однако общество, т.е. само крестьянство Руси, создало технологию, позволяющую решить технологический кризис. Но такое решение требовало установления крестьянской собственности на землю. Государство, заинтересованное в укреплении своей политической власти, Судебником 1497 г. лишило крестьян собственности на землю. Вопреки традиционному славянскому праву оно установило правовые установки кочевого общества, согласно которым вся земля принадлежала государю — хану. Такое решение спровоцировало перерастание экологического и технологического кризиса в экономический, политический и идеологический. Возник комплексный социально-экологический кризис, самый тяжелый вид кризиса, который время от времени переживает общество. Подобный кризис обязательно требует выбора нового канала эволюции. От того, каким будет выбор, зависела судьба русского этноса и, в конечном счете, всех народов Восточной Европы — суперэтноса.

Выбор был обусловлен идеологической, политической и технологической неспособностью общества принять оптимальное решение в рамках “правил игры”, установленных государством. Когда общество не способно само решить возникшие проблемы, оно делегирует свои права государству. Чем менее общество способно находить выход самостоятельно, тем больше прав оно делегирует государству. Самодержавное русское государство в XVI в. получило неограниченные права, самостоятельность государства по отношению к обществу стала максимальной из всех мыслимо возможных вариантов тогдашнего состояния этноса. Полномочия, полученные московским государством во время первого социально-экологического кризиса, на века (во многом вплоть до настоящего времени) определили путь развития Российского государства и общества, характер сложения суперэтноса и современный (второй по счету) социально-экологический кризис.

В середине XVI в. государство должно было решить не проблему падения уровня и качества жизни массы населения, а выживания русского этноса как целостного организма. Решить проблему можно было двояко. Способствовать распространению новой интенсивной технологии земледелия, провозгласив императив “здесь и теперь”, или ввести в оборот новые природные ресурсы, пойти по пути экстенсивной технологии (“не здесь и не теперь”). Современное государство выбрало бы первый путь, но средневековое могло предложить только второй: захват природных ресурсов соседей. После гибели Золотой Орды главным противником Московии был второй претендент на роль центра кристаллизации суперэтноса — Казанское ханство. Оно избежало экологического кризиса, но и осталось малочисленным. Территория ханства немногим уступала Замосковному краю, а население было меньшим, видимо, в 20 раз. Это и решило исход противостояния.

Предложенное русскому народу московским правительством решение социально- экологического кризиса жестко можно сформулировать так: выживание русского этноса за счет изгнания со своей земли казанских татар. Поскольку добровольно со своих земель казанские татары уходить не хотели, их нужно было спровоцировать на борьбу и в ходе борьбы либо уничтожить, либо вытеснить с плодородных земель. Что и было осуществлено в 1550-52 гг. Почти на 100 километров вокруг Казани, где, как и у любой столицы, было сконцентрировано экономически активное население, все татарские деревни были уничтожены. Гибель людей была столь массовой, что восстановление численности населения татарского этноса растянулось на полтора века.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА МАНСУРА ХАСАНОВА ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые участники международной конференции!

Уважаемые гости Татарстана!

Крупный научный форум, посвященный проблемам возникновения и развития средневековой Казани, подходит к своему завершению. Нам удалось поработать весьма плодотворно. Результаты конференции вызывают у меня большое удовлетворение. Не сомневаюсь, что предложенные здесь новые данные, оригинальные научные концепции, свежие подходы и идеи станут весомым вкладом в изучение сложных вопросов древней истории города Казани.

В работе научного форума приняли участие ученые из почти 20 стран — ведущие специалисты в области археологии, истории, источниковедения, нумизматики, востоковедения. Благодаря их активному, заинтересованному и высококомпетентному обсуждению данной проблемы, удалось реализовать комплексный подход к решению сложных вопросов истории нашего края.

Интерес ученых к этим проблемам растет с каждым годом. И это совсем не случайно. Роль, которую играли народы Поволжья в прошлом и их влияние на развитие материальной и духовной культуры России, всей Евразии, невозможно переоценить. Средневековая история этого региона является во многом ключевой в объективном изучении и понимании политических, экономических, торговых, культурных связей многих народов и государств Востока и Запада.

Среди многочисленных проблем средневековой истории Поволжья есть одна, чрезвычайно актуальная. Нельзя сказать, что история ранней Казани была обойдена вниманием ученых. Однако, до недавнего времени она была опутана различными идеологическими мифами, догадками и сомнительными гипотезами, которые не раскрывали, а зачастую искажали подлинную историю города. Лишь в последнее десятилетие ученые активно обратились к комплексному, всеобъемлющему изучению его прошлого.

Ключевая научная проблема ранней истории Казани — определение времени ее возникновения. Как правило, даты основания городов являются условными и определяются нередко по первому упоминанию их в письменных источниках. Но если таких письменных источников не существует, а археологические и другие научные данные убедительно показывают на более раннюю их историю, то возникает необходимость существенной кор-

ректировки самой методологии определения возраста древних городов. И это можно сделать путем использования целого комплекса других методов, используя результаты и выводы самого широкого круга смежных наук. Прослушанные здесь доклады и выступления дают в этом отношении богатый материал. Мне думается, что главным результатом научного форума является то, что осуществлен серьезный научный прорыв не только в определении возраста Казани, но и значительно обогащена методология и методика определения возраста древних городов в целом.

На форуме удалось отойти от спорной даты возникновения Казани, которая содержалась в публицистическом и источниковедчески сомнительном “Казанском летописце” второй половины XVI столетия. Мне представляется, что дальнейшая дискуссия вокруг этой даты научно перспективна. Очевидно, что более плодотворным направлением здесь является комплексный подход на основе данных археологии и других смежных наук. Тем более, что подобная методика в мировой науке и практике уже широко практикуется. Так были определены даты возникновения Бухары, Киева, Минска, Ладоги и других древних городов. Ученые Татарстана совместно с исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Перми, других городов России, с участием зарубежных коллег из Германии, Чехии, Венгрии, Австрии, Турции, Египта, Скандинавских стран в последнее 10-летие значительно расширили круг научного поиска в этом направлении. Важным итогом этих изысканий является настоящая научная конференция.

Обобщая результаты конференции, хочу подчеркнуть, что основная ее цель достигнута. Ученые вышли на финишную прямую в определении времени основания Казани, которая вот уже 200 лет почти непрерывно обсуждается в нашей исторической науке. Весь комплекс представленных участниками дискуссии новых научных идей, выводов и фактов позволил принципиально решить эту проблему. История Казани насчитывает не менее тысячи лет. Думаю, что участники конференции в этом единодушны. Археологам Института истории Академии наук Татарстана и Казанского государственного университета удалось изучить самые ранние слои древней Казани, относящиеся ко второй половине X — началу XI века и выявить целый комплекс датирующих находок этого времени. Ряд из них может считаться уникальными. Очень важно, что даты этих археологических материалов подтверждены данными смежных наук.

Безусловно, что эти изыскания необходимо активно продолжать и в дальнейшем, шире внедрять и использовать в археологических исследованиях естественнонаучные методы. Научные выводы, которые убедительно прозвучали на нашей конференции, необходимо подкреплять новыми фактами и данными, активно решать другие малоизученные проблемы истории средневековой Казани, детально изучать ближайшую округу города, историческое соотношение Казани и “Иске Казани” и т.д.

Казань в течение многих столетий была крупнейшим политическим, экономическим, торговым, культурным центром Поволжья. Для татарского народа она с глубоких исторических времен является символом государственности, национальной гордости, надеждой нации на свое возрождение. История татарского народа, а также других народов, проживающих в Татарстане, не разделима с историей Казани. Уверен, что исследователей этого древнего и уникального города ждут еще многие открытия. Казань приоткрывает немало своих тайн. Хочется надеяться, что ее богатейшее прошлое будет по достоинству оценено и займет свое прочное место в истории мировой цивилизации. Успешно проведенная международная конференция, прозвучавшие здесь научно обоснованные выводы, результаты исследований многих ученых, несомненно, дают все основания для такого оптимизма.

Плодотворная и результативная работа конференции стала возможной благодаря значительному вкладу, который внесли в изучение ранней истории Казани российские и зарубежные исследователи — видные ученые-археологи, нумизматы, историки, источниковеды.

От имени Академии наук Татарстана не могу не отметить активную работу по подготовке и проведению столь представительной международной конференции ученых и сотрудников Института истории АНТ во главе с его директором Р.С.Хакимовым, Общества востоковедов России и его председателя М.А.Усманова, ученых Казанского университета, других научных структур города, Республики Татарстан, Российской Федерации.

Было бы не справедливо, если бы мы не отметили, что душой и моторной силой этого важного и представительного научного форума был мэром города Казани К.Ш.Исхаков. Это он и его деятельный и компетентный заместитель по городскому Совету народных депутатов Л.Н.Андреева и другие активные помощники создали все необходимые материально-технические и иные условия для успешного проведения этой международной конференции.

Неотъемлемой частью конференции стала большая выставка, посвященная древней истории Казани, этапным событиям ее становления и развития, выдающимся историческим личностям и т.д., на открытии которой приняли участие Президент РТ М.Ш.Шаймиев и Министр культуры Российской Федерации В.К.Егоров. Представленные на ней экспонаты, архивные документы, исторические рукописи и картины художников являются не только важным подспорьем для научных исследований по средневековой истории Казани и Поволжья, но, безусловно, вызвали большой интерес у казанцев, гостей столицы Республики Татарстан. Я бы хотел выразить от имени всех участников конференции благодарность всем, кто принял участие в организации этой интереснейшей выставки.

Уважаемые коллеги и друзья!

Проведение этого крупного международного форума является большим событием в научной и общественной жизни Татарстана. Несомненно, что

ее материалы будут опубликованы, станут предметом горячих обсуждений и не только в научных кругах. Проблемы, которые поднимались здесь, давно волнуют не только казанцев и жителей Татарстана, но, как показала наша конференция, и широкую международную научную общественность. Без преувеличения, этот форум будет иметь общероссийский резонанс. Очень символично, что Казань на пороге нового тысячелетия, наконец, обретает свое мировое значение, а это значит, что мы с большой уверенностью можем смотреть в будущее нашего древнего и прекрасного города.

От всей души желаю всем участникам конференции доброго здоровья, новых творческих свершений. Надеюсь, что эти полезные и нужные встречи ученых будут продолжаться и в будущем. Гостеприимный научный Татарстан всегда рад принять своих многочисленных друзей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНТ — Академия наук Татарстана.

АО — Археологические открытия. М.

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КФАН СССР — Казанский филиал Академии наук СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.

ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

СА — Советская археология. М.

САИ — Свод археологических источников. М.

ТА — Татарская археология. Казань.

Acta ArchHung — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.

ArchHung — Archaeologia Hungarica, Budapest.

ArchErt — Archaeologiai Ertesito, Budapest.

JAME — A Josa Andras Muzeum Evkonyve, Nyiregyhaza.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белавин Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Пермского государственного педагогического университета, зав. лабораторией археологических исследований.

Бурханов Альберт Ахметжанович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АНТ.

Васильев Дмитрий Дмитриевич — доктор исторических наук, заместитель Президента Общества востоковедов РАН.

Галлямов Рашит Фартович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АНТ.

Гамаледдин Мохаммед ас-Саид — доктор, университет “Айн Шамс”, г. Каир, Египет.

Гараева Нурия Габдулахатовна — научный сотрудник Отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории АНТ.

Губайдуллин Айрат Маратович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АНТ.

Зимоньи Иштван — профессор-доктор Сегедского университета, Венгрия.

Измайлов Искандер Лерунович — кандидат исторических наук, собственный корреспондент журнала “Родина”.

Казаков Евгений Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории АНТ.

Кальмер Йохан — профессор-доктор, Лунд, Швеция — Гумбольдт-университет, Берлин, Германия.

Касымов Фарход Хабибович — доктор исторических наук, профессор Бухарского государственного университета.

Кашапова Гузель — аспирант кафедры ботаники Казанского государственного университета.

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, зав. отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург).

Кляшторный Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, зав. Отделом Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Крамаровский Марк Григорьевич — доктор исторических наук, зав. отделом Востока Государственного Эрмитажа.

Кульпин Эдуард Салманович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Кызласов Игорь Леонидович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Массон Вадим Михайлович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург).

Мухаметшин Джамиль Габдрахманович — директор Болгарского Государственного историко-архитектурного заповедника, эпиграфист и нумизмат.

Нигамаев Альберт Зуфарович — археолог, старший преподаватель Елабужского государственного педагогического института.

Николаева Клавдия Владимировна — кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники Казанского государственного университета.

Рашев Рашо — доктор археологии, Шуменский университет, Болгария.

Ситдииков Айрат Габитович — археолог, ведущий специалист Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника “Казанский Кремль”.

Слама Йиржи — профессор-доктор философского факультета Карлова университета, г. Прага, Чехия.

Совелам Адель Абдель-Монем — доктор, университет “Айн Шамс”. Г. Каир, Египет.

Стальсберг Анне — профессор-доктор, университет Тронхейм, Норвегия.

Усманов Миркасым Абдулахатович — доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета, действительный член Академии наук Татарстана.

Фармонова Моира Фаттаховна — генеральный директор ассоциации “Шелковый путь”, г. Бухара, Узбекистан.

Фодор Иштван — профессор-доктор, Национальный музей Венгрии, г. Будапешт.

Халит Нияз (Халитов Нияз Хаджиевич) — доктор архитектуры, зам. директора Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника “Казанский Кремль”.

Хафизов Дмитрий Иосифович — историк, зам. начальника отдела социологических и исторических исследований Казанского Совета народных депутатов.

Хеллер Клаус — профессор-доктор, директор Института восточноевропейских исследований Университета им. Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия.

Хлебникова Тамара Александровна — кандидат исторических наук, зав. лабораторией камеральной обработки Археологической экспедиции “Казанский Кремль”.

Худяков Юлий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Хузин Фаяз Шарипович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра археологических исследований Института истории АНТ, начальник археологической экспедиции “Казанский Кремль”.

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление мэра города Казани К.Ш.Исхакова на открытии Международной конференции “Средневековая Казань: возникновение, развитие”	3
<i>Массон В.М.</i> Урбанизация как культурный процесс и средневековые города Поволжья	7
<i>Хузин Ф.Ш.</i> Новое в археологии Казани	12
<i>Ситдилов А.Г.</i> Оборонительные укрепления древней Казани	22
<i>Хлебникова Т.А.</i> Керамика из V слоя Казанского Кремля	41
<i>Кальмер Й.</i> Ранние бусы из раскопок древней Казани	54
<i>Фодор И.</i> Древневенгерские аналогии накладки из Казани	59
<i>Николаева К.В., Кашапова Г.И.</i> Спорово-пыльцевой анализ образцов из раскопок Казанского Кремля (к датировке культурного слоя средневекового города)	68
<i>Кляшторный С.Г.</i> О времени основания Казани	72
<i>Sowelam A.</i> Dating and Attribution of a Samanid Dirham from Kazan Kremlin Excavation on the light of Samanid Dirhams Collection in Cairo	79
<i>Мухаметшин Д.Г.</i> Источниковая база изучения денежного обращения в Поволжье VI-XI вв.	103
<i>Gamal Al Din M.</i> Fortification of the Bulgar State Frontiers, accoding to Ibn Fadlan	108
<i>Губайдуллин А.М.</i> Оборона границ Волжской Булгарии и древняя Казань	113
<i>Казаков Е.П.</i> Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме	117
<i>Белавин А.М.</i> Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века	122
<i>Нигамаев А.З.</i> Каменная мечеть-крепость на Елабужском городище ..	127
<i>Zimonyi I.</i> The Towns of the Volga Bulgars in the Sources (10-13 th centuri).....	134

Усманов М.А. Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение)	141
Гараева Н.Г. Списки сочинения Сулаймана ибн Дауда ас-Саксини “Зухрат ар-рийад...” в коллекции библиотеки Сулеймания	147
Хафизов Д.И. Казань на географических картах XIV — начала XVII веков	151
Халит Н. Архитектурный ансамбль Казанского Кремля — памятник татарско-русского средневековья	173
Бурханов А.А. Памятники Иски-Казанского комплекса и некоторые проблемы историко-археологического изучения Заказанья	175
Хузин Ф.Ш. Еще раз об “Иски Казани”	181
Галлямов Р.Ф. Иски Казань — Ички Казань	186
Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение	190
Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан)	207
Heller K. Die Normannen und der Orient	219
Стальсберг А. Находки скандинавского происхождения IX-XI вв. в Волжско-Камской Болгарии	235
Слама Й. Центральная Европа и Волжская Болгария	239
Рашев Р. О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы	244
Кызласов И.Л. Культура градостроительства тюркских народов Южной Сибири в раннем средневековье	248
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Значение болгарского торгового пути в поступлении западноевропейского экспорта в Западную Сибирь в XII-XIII вв.	251
Васильев Д.Д. Великий Шелковый путь и города Поволжья (караван-сарай на путях в Поволжье)	256
Фарманова М. Ф. Великий Шелковый путь: взгляд с Востока	259
Касымов Ф.Х. Казань — Бухара: встреча тысячелетий	262
Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского татарского ханства	259

<i>Крамаровский М.Г. К истокам казанской скани</i>	<i>272</i>
<i>Кульпин Э.С. Социально-экологические кризисы в Восточной Европе в судьбе Казани</i>	<i>279</i>
<i>Заключительное слово президента Академии наук Татарстана М.Х.Хасанова при закрытии конференции</i>	<i>285</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>289</i>
<i>Краткие сведения об авторах</i>	<i>290</i>